

Годъ 9-й.

Кн. XXXIV

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѦНИЕ.

Издание Этнографического Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографии,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. ЯнчукА.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсона. Комиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсона.

1897.

Печатано съ разрешения Совета ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознания,
Антропологии и Этнографии.

СОДЕРЖАНИЕ.

Ст

I. Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ и связанныя съ жизнью суевѣрія. <i>П. П. Шимкевича</i>	1
II. Очерки Витебской Бѣлоруссіи. VI. Игры и игроки. <i>Н. Я. Никифоровскаю</i>	21
III. Обычное право („адатъ“) киргизовъ Семирѣченской области. Семейные союзы. I. Союзъ брачный. <i>Н. Из- разцова</i>	67
IV. Малорусское весилье. I. Свадебные обряды и пѣсни, запи- саныя въ м. Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской гу- берніи. <i>А. Н. Малинки</i>	95
V. Обычаи, повѣрья и преданія гольдовъ. <i>П. Шимкевича</i> . 135	
VI. Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ. I. Легенды, сказки, преданія. <i>М. Овчинникова</i>	148
VII. Смѣсь:	
Этнографическія замѣтки. Обычаи во время эпидемій. <i>В. А. Городцова и Г. П. Броневскаю</i>	185
Молитва отъ змія. Сообщ. <i>В. А. Ф-з</i>	189
VIII. Критика и библіографія:	
1. Книги, повременные ученые и справочные изданія. 191—207	
Обычное право крестьянъ Харьковской губ. Вып. I, подъ ред. В. В. Иванова. <i>А. Киселева</i> . (195).—Землевѣдѣ- ніе, изд. Географич. Отдѣлевія И. О. Л. Е., А. и Э. подъ ред. Д. Н. Аничина. 1896, кн. I—IV. Д. У. (196).—П. Н. Мро- чекъ-Дроzdовскій. О древнерусской дружинѣ по были-	

II

CTD.

намъ. И. О. (198).—S. Patkanov. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. I. Н. Х. (202).—Н. Оглоблинъ. Къ мужтанскому вопросу. Н. Х. (205).—П. Савватовъ. Описание старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія и пр. Н. (207).

2. Журналы и газеты 208—213
 3. Новости Этнографической литературы 214

IX. Извѣстія и замѣтки:

Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ и связанныя съ жизнью суевѣрія.

По міросозерданю гольдовъ, на небѣ (Боа), существуютъ священные деревья огромныхъ размѣровъ — *Омія-Муони*, — на которыхъ, въ образѣ маленькихъ птичекъ, живутъ и плодятся человѣческія души — *Омія*.¹⁾

Птички эти спускаются на землю, гдѣ, превращаясь въ зародыши живого существа, проникаютъ въ утробы достойнѣйшихъ женщинъ, развиваясь тамъ въ человѣка. Женщина, когда она замеренитъ, непремѣнно видѣть во снѣ прилетѣвшую къ ней птичку *Омія*, причемъ, если женщинѣ удалось распознать полъ этой птички, то она напередъ можетъ сказать, будетъ ли ея ребенокъ мальчикъ или дѣвочка.

Ребенокъ до года представляетъ изъ себя нѣчто отвлеченное и *Омія* до года жизни ребенка пользуются безсмертіемъ, и, въ случаѣ смерти тѣла, возвращается къ *Омія-Муони*, не теряя способности вторично развиться въ человѣка.

Поэтому, если ребенокъ, не достигшій года, умретъ, то его завертываютъ, безъ всякихъ обрядностей, въ бересту, зарываютъ въ землю и около могилы втыкаютъ вѣтку тальника, къ которой пригвѣзываютъ гнѣздашко маленькой птички, сдѣланное изъ травы или тряпицъ, съ пожеланіемъ, чтобы *Омія* могла въ немъ оправиться и отдохнуть, пока шаманъ не поможетъ ей, обезсиленной болѣзнью въ человѣкѣ, вернуться на небо.²⁾

1) *Омія* означаетъ душу невиннаго младенца до годового возраста: душа ребенка, начинающаго соображать, носить название — *Ехма*, — какъ и у взрослого человѣка.

2) У *Ненѣдамцевъ* на Амгуни, которые всѣ считаются православными и хоронятъ покойниковъ, ставя надъ могилами кресты, мнѣ приходилось неоднократно видѣть на крестахъ тѣхъ могиль, гдѣ похоронены грудаяя дѣти, деревянные или глиняныя изображенія маленькихъ птичекъ. Негидальцы отклонялись отъдачи объясненія значенія этихъ птичекъ, говоря, что „ребенокъ все равно что птица умретъ, улетить на небо“.

Обрядъ камланія шамана носить въ данномъ случаѣ совершенно своеобразный характеръ: одѣвая за себя, кромѣ обычныхъ принадлежностей камланія, еще особую шапку—*Омія - Фуни*—(по покрою похожую на женскую шапку, но съ однимъ болѣшимъ бубенчикомъ), шаманъ проводить три ночи подрядъ въ той фанѣ, где умеръ ребенокъ, качая пустую, нарочно сдѣланную модель зыбки и монотоннымъ пѣніемъ и пляской, въ которой жесты напоминаютъ полетъ птицы, разсказываетъ о странствіяхъ птички *Омія*, возвращающейся обратно на небо.

Въ виду обычая, что пустую ляльку можетъ качать только шаманъ, во время только что упомянутаго камланія, качаніе пустой ляльки живого ребенка считается у гольдовъ болѣшимъ грѣхомъ, влекущимъ за собою болѣзнь и смерть ребенка.

Шаманъ, имѣя способность переноситься на небо, къ дереву *Омія - Муони*, обладаетъ также даромъ упросить бога Солнца—*Дауды - Сіу*—ниспослать Омія къ какой-нибудь женщинѣ и дать ей потомство; причемъ, шаманъ, находясь около *Омія - Муони*, выбираетъ крѣпкую, красивую душу, которую направляетъ на землю, къ мѣсту ея назначенія и если душа эта предназначается такой женщинѣ, у которой дѣти не выживаютъ послѣ родовъ, то шаманъ ловитъ птичку *Омія* и прячетъ душу ребенка въ особый мѣшечекъ—*Фатачи*,—который онъ отдастъ на храненіе старѣшему възъ бурхановъ *Аями*,—*Майджа-Мама*.

Беременность женщины длится 10 мѣсяцевъ; причемъ не дозволится, во время послѣдняго мѣсяца беременности, мужу: вбивать гвозди, выкалывать птицамъ глаза, склеивать или сращивать и вообще производить такую работу, въ которой требуется насилие, хотя бы надъ неодушевленными предметами.

Когда женщина чувствуетъ приближеніе родовъ, она отправляется, смотря по времени года, либо въ особо ею высмотрѣнное мѣсто, недалеко отъ дома, обыкновенно въ камышахъ или тальникѣ, или же въ специальной родильной шалашъ *Джонказо*.

Джонказо строится заблаговременно чужими и состоять изъ конусообразно-сложенныхъ жердей покрытыхъ травою; внутри шалашъ выстилается сѣномъ и тряпками и въ немъ разводится огонь.

Вслѣдъ за родильницей туда идутъ повитуха—*Оттолинэ* (тоже *Маморимъ*) и другія женщины селенія, желающія присутствовать при

родахъ и помогать родильницѣ. Повитуха, обыкновенно опытная пожилая женщина, отдаивается послѣ благополучныхъ родинъ.—

Пуповина обрѣзается тонкимъ, специально для этой цѣли существующимъ ножемъ, и пупокъ перевязывается чистой ниткой.

Пуль—Чункуру—тоже Хунку—посыпается у ребенка порошкомъ, приготовленнымъ изъ гнилушки тальника, собираемыхъ въ ходахъ, продѣланныхъ личинками жучковъ. Отвалившійся пуль очень бережно сохраняютъ въ особой коробочкѣ и въ случаѣ тяжкой болѣзни человѣка, въ старости, пьютъ настой изъ истертаго въ порошокъ пупа.

Загрязненные тряпки, пуповину и послѣдъ навертываютъ на траву и уносятъ куда-нибудь за селеніе, гдѣ тщательно привѣшиваютъ къ дереву на достаточной высотѣ, чтобы собаки или звѣри не могли ихъ достать.

То же самое продѣлывается я съ бѣльемъ родильницы, бывшимъ на ней во время родинъ, за исключеніемъ халата, который выбрасывается на десятый день.

Сжигать, бросать на землю, мыть это бѣльеили бросать въ рѣку считается большими грѣхомъ.

Тоже считается грѣхомъ держать въ домѣ или амбарѣ тѣ штаны, которые женщина имѣла на себѣ во время мѣсячныхъ очищений.

Штаны эти укладываются въ берестяную коробку и сохраняются вдали отъ селенія въ вѣтвяхъ кустовъ.

Ребенка, завернутаго въ тряпки, относить въ фанзу сама мать въ сопровожденіи повитухи и женщинъ, присутствовавшихъ при родахъ

Родильница пользуется полнымъ отдыхомъ въ продолженіе двухъ недѣль; супружеская связь разрѣшается не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца.

Первою заботою родильницы, послѣ возстановленія своего здравья, составляеть молоко, которымъ она кормить ребенка; первые десять дней, по три раза въ день, она принимаетъ настой изъ корня Аухыхи; шесть ханшинъ, настоенный на толченомъ черномъ перцѣ¹); въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ пища какъ густая, такъ и жидкая, включая даже простую воду, подается родильницѣ въ горячемъ видѣ; ей запрещается кромѣ того ходить босикомъ

¹⁾ Этотъ родъ лѣкарства появился со времени знакомства съ перцемъ черезъ русскихъ.

и съ непокрытой головой, для чего лѣтомъ она повязываетъ себѣ голову платкомъ, а зимою надѣваетъ шапку.

Мыться въ рѣкѣ или мыть тамъ грязное бѣлье какъ родильницы, такъ женщинамъ въ періодъ мѣсячнаго очищенія, считается большими грѣхомъ, за который Богъ безпощадно наказываетъ.

Однажды (сказание *Хорари-Елбуси-Хани*) одна женщина, только что родившая сына, несмотря на запрѣтъ и на просьбы родителей, пошла мыться на Амуръ; не успѣла она войти въ воду, какъ на глазахъ у всѣхъ поднялась страшная бура, на небѣ появился *Мудуръ* (драконъ), который, выпустивъ изъ ноздрей огненные стрѣлы (молнію), разсѣялъ грѣшницѣ голову.

Богъ *Ендури*, говорили мнѣ гольды, разсердившійся на женщину за то, что она загрязняетъ воду, которую пьютъ тысячи людей, послалъ Мудура наказать непослушную.

Для родильницы нельзя брать у жевщинъ, у которыхъ умирали дѣти, рыбы выдѣланные шкуры, лѣкарство, зыбку и *Саурп*.

Саури представляетъ изъ себя пучекъ весьма тонкихъ и мягкихъ стружекъ изъ кустообразнаго древеснаго растенія *Осіянка*; стружки, свернутыя въ небольшой пучекъ, употребляются женщинами, какъ гигиеническія подушки во время мѣсячнаго очищенія и послѣ родовъ.

Хотя женщины и заготовляютъ себѣ передъ родами *Саури* въ избыткѣ, но въ случаѣ недоквата приходится иногда искать его въ сосѣднихъ селеніяхъ.

Любопытство дѣтей о рожденіи ребенка удовлетворяютъ разсказомъ, что отецъ и мать вырыли ребенка лопатами изъ земли.

Бурханы *Доонта* и *Амбансо* мѣшаютъ душѣ *Омія* правильно развиваться въ ребенка въ утробѣ матери, а также препятствуютъ правильному рожанію и вызываютъ послѣродовыя болѣзни, лѣчить которыхъ въ состояніи только одинъ шаманъ.

Когда родильница, послѣ родовъ, омыла ребенка и пришла въ себя, мужъ приглашаетъ въ свою фанзу близкихъ знакомыхъ, которыхъ угощаетъ ханшиномъ и, кланяясь гостямъ въ ноги, сообщаетъ каждому изъ нихъ радостную вѣсть о рожденіи ребенка.

Новорожденаго послѣ омовенія кладутъ въ обыкновенную круглую корзинку, *Урэктами*, съ подстиломъ изъ *Саури*, гдѣ онъ остается три дня, когда его перекладываютъ въ зыбку изъ бересты — *Дури* — съ тѣмъ же подстиломъ.

Въ *Дури* ребенокъ остается до десяти дней, и, затѣмъ, его перекладываютъ въ вымбку *Омуга*, въ которой ребенокъ остается до тѣхъ порь, пока не начнетъ ходить.

Омуга дѣлается изъ тонкаго черемухова дерева, по образцу либо тунгусскихъ или же китайскихъ люльекъ и имѣть форму корытообразную, длинную и узкую съ небольшими бортами и эллипсоидальнымъ дномъ; ребенокъ пеленается и люлька вѣшается на длинныхъ ремняхъ, такимъ образомъ, что она, при качаніи получаетъ очень большой размахъ и удобоопускаема для кормленія ребенка, котораго мать для этого изъ люльки сплошь да рядомъ не вынимаетъ; небольшой подвижной обручъ прикрѣпляеть къ бортамъ люльки со стороны головы и служить для накидыванія тряпокъ предохраняющихъ ребенка отъ мухъ или сѣвѣта.

Подстиломъ въ *Омуга* служить взамѣнъ *Саури*, особо приготовленное, изъ гнилушки ивы, мягкое волокно, вродѣ юрпіи-*Хуукта*, которое принимаетъ сырость отъ пачкотни ребенка, и, будучи гигроскопичнымъ, быстро осушаетъ лежащее на немъ бѣлье.

Десятый день послѣ родовъ носить характеръ семейнаго праздника; въ этотъ день родильница бросаетъ свой халать, одѣвая новый, и ребенка перекладываетъ въ люльку *Омуга*.

Въ этотъ день варить буду, которую въ глиняныхъ чашечкахъ разсылаютъ по фанзамъ всего селенія;сосѣди и знакомые, получивъ чашечку, ёдятъ кашу и чашечку вмѣстѣ съ подаркомъ новорожденному—*Умурі*—возвращаютъ.

Подарокъ цѣнности не имѣть, но долженъ состоять обязательно изъ какой-нибудь старой вещи, вродѣ пуговицъ, наконечниковъ стрѣлъ, иголокъ и пр.

По совершеніи этого обряда, жизнь ребенка течеть уже обычныи порядкомъ, нарушаясь только болѣзнью, которая въ этомъ возрастѣ выражается беспокойствомъ и постояннымъ плачомъ дитяти.

Плачъ ребенка означаетъ времененную отлучку души *Омія* изъ тѣла ребенка, почему, для возвращенія *Омія*, прибѣгаютъ къ разнымъ суевѣрнымъ средствамъ, сперва домашнимъ, и затѣмъ къ посредству шамана, на обязанности котораго лежить отыскать улетѣвшую душу и возвращить ее въ тѣло ребенка или запереть *Омія* въ мѣшечекъ *фатача*.

Изъ домашнихъ средствъ я могу указать на выѣзанныя изъ рыбьей шкуры изображенія солнца—*Сіу*—или паука—*Атая* (*Ада-*

ка - *Мама*), которые въшаются надъ лялькой ребенка, если послѣдній беспокоенъ днемъ; если же ребенокъ плачетъ вечеромъ или ночью, то къ его зыбкѣ прикрепляютъ изображеніе бурхана *Паккари* изъ дерева, при чемъ, въ то время, когда изготавливаются *Сиу*, *Атая-Мама* или *Паккари* въ *фанзъ* жгутъ на угольяхъ листья *Сэнкури*¹). Если ребенокъ, не смотря на всѣ домашнія средства, все-таки продолжаетъ плакать и быть беспокойнымъ, то приглашаютъ шамана, котораго встречаютъ слѣдующими словами: „Душа (Омія) нашего дитяти куда то ушла, это нехорошо! Ребенокъ скучаетъ безъ Омія и все время плачетъ; мы Омія вездѣ искали, не могли найти!“

Шаманъ всю ночь проводить около ребенка и если найдетъ Омія, то запираетъ ее въ мѣшечкѣ или говорить родителямъ, что Омія, хотя и вернулась, но ребенокъ тѣломъ такъ слабъ, что Омія не можетъ въ немъ оставаться и должна вернуться въ *Боа-Омія-Муани*, или, другими словами, что ребенокъ долженъ умереть.

Омія увѣшивается съ боковъ различными побрякушками, имѣющими цѣлью производить, во время качанія зыбки, равномѣрный шумъ, дѣйствующій на ребенка усыпляющимъ образомъ; между этими побрякушками можно встрѣтить козулъи бабки, косточки рыси, соболя, выдры и лебедя, головы ерша и угря, а также раковины, монеты и проч. Всѣ эти побрякушки могутъ быть употребляемы только отъ определенныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ и безъ сомнѣнія играютъ большую роль въ суевѣріи гольдовъ, но, къ сожалѣнію, не смотря на мои распросы, пока мій ничего не удалось узнать, и вопросъ о значеніи отдельныхъ вещицъ остается открытымъ.

Дѣвочки до восьмилѣтняго возраста, когда онѣ получаютъ имя, носятъ общее прозвище *Баабка*, что и означаетъ дѣвочку.

Мальчики получаютъ имя тотчасъ же послѣ рожденія и сохраняютъ его до первыхъ обстоятельствъ, могущихъ повлиять на перемѣну имени, а иногда при благополучной жизни имя мужчины остается безъ измѣненія на всю жизнь.

Обыкновенно, при первоначальной дачѣ имени, руководствуются соображеніями именовать сына именемъ хорошаго знакомаго или даютъ ему имя, означающее что-нибудь доброе, счастливое, хоро-

1) *Ledum Palustr.*

шее; такъ, напримѣръ: если желаютъ, чтобы мальчикъ былъ крѣпокъ, его зовутъ *Манъча*; если имя, которое носить мальчикъ, претерпѣваетъ гдѣ-нибудь по сосѣдству разныя неудачи, или кто-нибудь съ его именемъ умеръ, или же родители полагаютъ, что съ перемѣной имени сынъ ихъ сдѣлается богатымъ, счастливымъ и что изгладятся какіе либо замѣчненія въ немъ недостатки, то имя мѣняютъ иногда даже по нѣскольку разъ.

Такъ, напримѣръ, первое имя моего переводчика изъ рода *Оджаль*, было *Уилджаки*, что означаетъ лягушку. Получилъ Оджалъ такое непріятное для себя имя изъ суевѣрія родителей, у которыхъ до него всѣ дѣти умирали, не достигнувъ и десятилѣтнаго возраста; нехорошее имя живучаго гада должно было дать жизнь ихъ ребенку, который къ великой радости родителей пережилъ десятилѣтній возрастъ и остался жить. Тогда, не опасаясь уже болѣе смерти сына, они перемѣнили ему имя, назвавъ его *Сокакта* именемъ полезной травы растущей около нихъ на лугахъ.

Однажды гольдъ прозвалъ новорожденаго малютку именемъ *Кельто*,—означающимъ чистоту, прозрачность, и мальчикъ жилъ хорошо и счастливо; но вотъ пріѣзжаетъ къ гольду знакомый тунгусъ съ верховьевъ рѣки Кура по прозванию *Ванча* и привозить богатую пушину только что имъ добытую. Охота была у гольда второй годъ плохая, и онъ, желая воспользоваться счастьемъ тунгуса для своего сына, тутъ же мѣняетъ ему имя на тунгусское *Ванча*.

Дѣвушки гораздо рѣже мѣняютъ свое имя, и перемѣна имени дѣлается почти всегда только тогда, когда получается извѣстіе, что какая-нибудь изъ женщинъ окрестныхъ селеній, носящая тоже имя, умерла или ее постигло несчастіе; при вступлении въ бракъ дѣвушки своего имени не мѣняютъ.

Имена мужскія и женскія частью означаютъ предметы, которые гольду приносятъ пользу и выгоду или наводятъ на него страхъ; или же состоять изъ самостоятельныхъ именъ, не имѣющихъ опредѣленнаго значенія, и наконецъ между именами попадаются нерѣдко имена чужихъ племенъ, появившихся у гольдовъ вслѣдствіе указаннаго выше суевѣрія.

Если въ семье умираютъ мальчики, то, при рожденіи сына, родители скрываютъ поль ребенка передъ остальными сородичами и называютъ ребенка *Баабка* до тѣхъ поръ, пока онъ не выжи-

веть; если же въ семье родятся только дѣти женского пола, то молять бога солнца *Дайды Сиу*, о ниспосланиі имъ Омія мужского рода, и приносять ему въ жертву большую, черную свинью (Ольга). Вскорѣ послѣ восхода солнца, предназначенная къ убиенію свинья выводится изъ хлѣва; ей связываютъ ноги, ставить въ наклонное положеніе головою къ солнцу, надѣ чашей, въ которой должна быть собрана кровь. Женщина, для которой молять Бога, остается въ фанзѣ и не должна видѣть жертвоприношеніе.

Одинъ изъ членовъ семьи въ это время приносить ханшинъ, который и вливается свинью въ лѣвое ухо, причемъ, если свинья имѣтъ головой, то это хорошее предзнаменованіе, что *Дайды-Сиу* узналъ о продполагаемомъ жертвоприношеніи, и что просьба о ниспосланиі Омія имъ будетъ услышана.

Затѣмъ прокалываютъ свинью горло и горячую кровь собираютъ въ чашку, послѣ чего свинью отбрасываютъ въ сторону, чтобы она издохла, а кровь, при земныхъ поклонахъ солнцу, брызгаютъ по воздуху.

Убитую свинью опаливаютъ, кишки уносятъ въ лѣсъ, гдѣ ихъ вѣшаютъ на дерево, на достаточной высотѣ, чтобы собака или звѣрь не могли ихъ достать; тоже самое продѣлывается впослѣдствіи и съ обѣдненными костями свиньи.

Гольды очень цѣнятъ чернаго водяного воробья *ойфо*, водящагося по горнымъ притокамъ Амура и Уссури, и если удастся убить его, то мясо варятъ и младенца моютъ отваромъ *ойфо*. Гольды утверждаютъ, что мальчикъ, вымытый отваромъ *ойфо*, не будетъ бояться холода.

Если гольдъ убьетъ ястреба *Суксун*, то глаза этой птицы несутъ беременной женщинѣ, которая ихъ проглатываетъ или, какъ гольды говорятъ, прячеть—*„дзяури“*, (глотать — *лунури*: говорить, что женщина проглотила глазъ, считается грѣхомъ). Ребенокъ такой женщины будетъ хорошо видѣть все, что дѣлается подъ водой, причемъ, по вѣрованію гольдовъ, если женщина проглотить одинъ глазъ птицы *Суксун*, которая видитъ съ большой высоты на 6 ручныхъ саженей подъ водой, то сынъ ея будетъ видѣть подъ водой до двухъ саженей; если же ова проглотить оба глаза, то родившійся мальчикъ получить такую зоркость глазъ, которая ему можетъ стоить жизни, а именно: обладая способностью видѣть все подъ водою до четырехъ ручныхъ саженей, онъ

можетъ увидѣть водяного *Мукка-Амбани*, который его возьметъ къ себѣ.

Гольды рассказывали, что еще недавно жилъ такой человѣкъ, который, благодаря своей зоркости, могъ видѣть дно рѣки на глубинѣ болѣе трехъ саженей; изъ боязни быть взятымъ чертомъ, гольдъ этотъ, каждый разъ, когда онъ садился на лодку, завязывалъ себѣ глаза, чтобы случайно не увидать *Мукка-Амбани*.

Водяному *Мукка Амбани* ежегодно весною, во время ледохода, приносять въ жертву корни одной травы, бросая ихъ въ воду; жертвоприношеніе это дѣлается безъ участія въ немъ шамана и сопровождается земными поклонами къ рѣкѣ съ просьбою принять жертву и никого не беспокоить.

У гольдовъ существуютъ такія родовыя фамиліи, которыхъ *Мукка-Амбани* не трогаетъ, т.-е. другими словами, что изъ этого рода никому не случалось тонуть; другіе рода менѣе счастливы, и есть даже такие, у которыхъ водяной ежегодно береть хотя бы одну душу.

Если во время разлива Амура гольдамъ приходится переѣзжать его во время непогоды, то они, во время сильныхъ шкваловъ, не думая о спасеніи себя надлежащимъ направленіемъ лодки, теряются и, отвѣшивая водяному поклоны, просятъ о спасеніи, и если *Мукка-Амбани* ихъ мольбу услышитъ, то, несмотря на большую волну, передъ лодкой образуется тихая полоса, по которой они благополучно достигаютъ до берега. Послѣ подобнаго спасенія убивается *Олык* (свинья), кровь которой брызжутъ на воду и благодарятъ водяного.

Для того, чтобы человѣкъ владѣлъ хорошо рукою, родители въ молодости надѣваютъ на кисть правой руки ребенка горловой хрящъ медвѣдя, а для зоркости даютъ проглотить зрачекъ медвѣдя; такой человѣкъ получаетъ у гольдовъ название *Сампаръ*. Гольды рассказывали, что много лѣтъ назадъ жилъ на Амурѣ *Сампаръ*, ловкость которого доходила до того, что онъ могъ щелчками пальцевъ отражать всѣ крупуны искры, которыя вылетали изъ костра листвяничныхъ дровъ, и что кромѣ того, когда этотъ *Сампаръ*, взобравшись однажды на дерево, чтобы срубить вѣтку, уронилъ топоръ съ топорища, то съ удивительной ловкостью поймалъ его тутъ же на лету.

О воспитании ребенка родители заботятся весьма мало, и ребенокъ, смотря по врожденнымъ способностямъ и въ зависимости отъ окружающей среды, ростетъ, воспринимая отъ окружающихъ все съ видимой любознательностью и удовольствиемъ.

Любознательность и память удивительно развиты у всѣхъ племенъ Амура. Будучи словоохотливыми и въ свободное время, дикии проводятъ за трубкою вечера въ безконечныхъ разговорахъ о промыслѣ, о житьѣ стариковъ, причемъ старѣйшие члены семьи сообщаютъ легенды и сказки, знаніе которыхъ съ удивительными подробностями доказываетъ замѣчательную память.

Ребенокъ съ малолѣтства начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ хозяйствѣ, принося посильную пользу своей семье; хожденіе на лыжахъ и стрѣльба изъ лука составляютъ любимое занятіе мальчика, который съ 12-лѣтияго возраста уже сопровождаетъ взрослыхъ на промыселъ.

Дѣвушка до замужества не обязана дѣлать что-либо для своей семьи и ходить по воду или по дрова но ея дѣло; на то есть у нея мать или невѣстка, и если дѣвушка и принимаетъ участіе въ хозяйствѣ, то по своей доброй волѣ и обыкновенно въ кухнѣ.

За то, когда дѣвушка выйдетъ замужъ, вся работа по домашнему хозяйству ложится на нее; она должна таскать воду и дрова, изготавливать на мужа одежду, кормить собакъ, выдѣлывать бе-ресту для юртъ, плести ковры и пр.

Невѣсту у гольдовъ выбираетъ отецъ для сына, когда послѣдний еще совершенно юнъ.

Намѣтившисъ невѣсту, гольдъ беретъ небольшое количество ханшина¹⁾ и отправившись въ домъ родителей дѣвочки, угощаетъ ихъ именемъ и беретъ слово, что дѣвочка принадлежитъ его сыну; бываетъ, что обойдный уговоръ, носящій по гольдски название *Мадалаку*, совершается еще во время беременности женщины.

Дѣти растутъ, зная, что они нарѣчены, рѣдко видясь, и если имъ даже приходится встрѣтиться, то дѣвушка, какъ бы стѣсняясь и чуждаясь мальчика, избѣгаетъ его; если дѣвушка пріѣдетъ съ родителями въ селеніе жениха, то она избѣгаетъ пройти близко около его юрты, а если женихъ, будучи въ селеніи своей не-

1) Водка изъ проса.

вѣсты, зайдеть, то дѣвушка прячется или уходить въ другую фанзу; стыдливость дѣвушки доходить даже до того, что, въ случаѣ встрѣчи съ женихомъ на рыбномъ промыслѣ, она ни за что не сядетъ съ имъ въ одну лодку.

Сватанье съ калымомъ начинается, когда дѣвушкѣ минеть 14 лѣтъ.

Отецъ жениха береть кувшинъ (до 10-ти бутылокъ) ханшина и вмѣстѣ съ сыномъ отправляется въ домъ невѣсты. Угостивъ родителей невѣсты и ихъ гостей виномъ, отецъ жениха вступаетъ въ переговоры о калымѣ, размѣръ котораго зависитъ отъ вкусовъ родителей невѣсты и состоянія семьи жениха.

Переговоры о калымѣ носятъ название „Джики-Элдоку“.

Для примѣра я приведу составъ и стоимость бѣднаго, средняго и богатаго калыма.

I) Калымъ бѣдной семьи состоять изъ:

1) <i>Балда</i> —китайскаго бараньяго полуушубка . . .	въ 30 рублей.
2) <i>Хосума</i> —такой же полуушубокъ	> 10 >
3) <i>Шеоя</i> —халать на ватѣ	> 15 >
4) <i>Галичихукту</i> —ватный чесунчовыи халать . .	> 8 >
5) <i>Босо-хукту</i> —простой ватный халать . . .	> 6 >
6) <i>Толта</i> —ватное одѣяло	> 6 >
Всего вещей на сумму.	> 75 >
деньгами серебромъ до 18 рублей	> 18 >
Всего	> 93 рубля.

II) Средній калымъ состоять изъ тѣхъ же шести вещей, но лучшаго качества: напр. „Балда“ берется стоимостью въ 50 р. и кромѣ того въ № 7 идетъ *Сеорохукту*—ватный шелковый халатъ въ 15 рублей, мѣха, браслеты и деньгами до 50 рублей, а всего до 150-175 рублей.

III) Богатый калымъ состоять изъ тѣхъ же, перечисленныхъ выше, предметовъ съ прибавленіемъ еще *Гокси*, богатаго китайскаго халата въ 80 рублей и деньгами до 100—150 руб. и кромѣ того мѣха, шубы, браслеты и проч. Причемъ если „Балда“ дается въ двухъ или трехъ экземплярахъ, то и все остальное дается въ такомъ же количествѣ.

Одновременно съ размѣромъ калыма договариваются и о времени отдачи его, что, впрочемъ, зависитъ какъ отъ возраста пе-

вѣсты, такъ и отъ состоятельности родителей жениха и, весьма часто, калымъ выплачивается частями въ продолженіе пяти и болѣе лѣтъ.

По уплатѣ калыма женихъ со своими родными навѣщаетъ семью невѣсты въ третій разъ; это „нучвасри“.

Женихъ является въ домъ своей невѣсты съ болѣшимъ сосудомъ (до 30 бут.) ханшине, который ставится на нары; одна изъ ближайшихъ родственницъ жениха разливаетъ его въ три сосуда; въ чайникъ, въ бутылку и въ маленькой металлической сосудикѣ „хо“ и передаетъ ихъ тремъ мужчинамъ, прибывшимъ вмѣстѣ съ женихомъ изъ его селенія. Первый стаканъ подаютъ жениху, который ставится на колѣни предъ Гуси-Торой,¹⁾ кланяется, брыжжетъ ханшину по сторонамъ и, самъ не пивши, передаетъ вино отцу невѣсты, который долженъ его выпить.

Въ это время человѣкъ, которому былъ врученъ чайникъ съ ханшиномъ, обходитъ всѣхъ, угожая виномъ; отказаться нельзя, и каждый долженъ выпить стаканъ до дна. Женихъ обходитъ всѣхъ присутствующихъ и кладетъ земные поклоны.

Невѣста, отсутствуя, прячется, будучи одѣта во все лучшее, въ чужихъ фанзахъ и, не смотря на желаніе жениха ее повидать, избѣгаетъ его встрѣчи.

¹⁾ Гуси - Тора называется вертикальный столбъ, поддерживающій крышу гольдской фанзы; по вѣрованію гольдовъ, въ столбѣ живеть бурханъ „Уджа“, хранитель жилища. Часто гольды, не довольствуясь помощью Уджа, ставятъ къ Гуси - Тора еще бурхана Джумы. Уджа постоянно приносятъ жертвоприношенія въ видѣ будды, ханшина, гороха и лепешекъ и ему кланяются не только во время свадебныхъ обрядовъ, но и передъ и послѣ промысла. Однажды, рассказывали мнѣ гольды, одинъ гольдъ передъ уходомъ на Сунгари за товаромъ, поставилъ къ Гуси - Тора бурхана Джули, прося его хорошаго пути. Ушелъ гольдъ, прошло много времени и родные начали беспокоиться о долгомъ отсутствіи его, во вдругъ однажды они видѣть, что Джули запевелился, пошелъ по нары до мѣста ушедшаго и вернулся къ Гуси - Тора; на другой день гольдъ вернулся и Джули радовался (?!) возвращенію хозяина. Если кто-нибудь изъ семьи увидѣть во снѣ, что Гуси - Тора изломалось, то это означаетъ что старшій въ семье умретъ. Вертикальный шестъ, внутри гольдской фанзы, поддерживающій горизонтальные шесты, служащіе потолкомъ называется Бакса (горизонтальные Тайбо.) Между Бакса и Тайбо въ каждой фанзѣ можно встрѣтить изображеніе птицы кукушки „Кокку“, сдѣланное изъ дерева. Объясненія этого древняго, по словамъ гольдовъ, обычая я получить не могъ.

Когда ханшинъ изъ чайника выпить, обходить присутствующихъ съ бутылками и затѣмъ съ „хо“, послѣ котораго пить вино уже необязательно, и пить тотъ, кто желастъ; а такъ какъ желающихъ очень много и гольды пьютъ ханшинъ изъ „хо“ медленно, маленькими глотками, то привезенный запасъ въ 30 бутылокъ хватаетъ далеко за полночь и даетъ возможность гостямъ отъ души напиться.

Этимъ обрядомъ закрѣпляется калымъ и назначается день свадьбы, для чего, захвативъ съ собой оять ханшинъ, смотря по состоятельности семьи жениха, женихъ съ родными является въ домъ невѣсты и продѣлываетъ только что нами описанный обрядъ, причемъ какъ только женихъ окончить свои поклоны съ подношеньемъ „хо“, мать невѣсты или старшая тетка вводятъ въ фанзу дѣвушку, по праздничному одѣтую, съ заплетенными волосами впервые въ двѣ косы. Это „Даисари“.

По вѣрованію гольдовъ, если парень и дѣвка явятся на Даисари въ лучшей одѣждѣ, то и послѣ смерти, т. е. въ Буни и ихъ ожидаетъ жизнь постоянно въ хорошей одѣждѣ.

Дѣвушка и парень становятся на колѣни, на постланный посрѣди фанзы коверъ, дѣвушка на оба колѣна, парень на одно правое.

Эта процедура носитъ название „Дырелачо ури“, т. е. первая встрѣча двухъ лицъ.

Жениху и невѣстѣ подаютъ „хо“, невѣста трижды угощаетъ жениха ханшиномъ и женихъ трижды невѣсту, и затѣмъ они обходятся вмѣстѣ всю фанзу, угощая виномъ гостей, которые, принявъ „хо“, пьютъ молча, не дѣлая никакихъ пожеланій. Каждый изъ гостей можетъ заочно пожелать, во время подношения ему женихомъ большаго стакана вина изъ чайника, чтобы дѣвка жила со своимъ мужемъ хорошо и отъ него вѣ уѣгала, что въ быту гольдовъ очень часто случается.

Каждый разъ, когда жена отъ мужа уйдетъ, судъ общества селенія невѣсты въ присутствіи мужа, при очной ставкѣ мужа и жены, разбираетъ ихъ виновность, причемъ обыкновенно судъ старается смягчить вину жены, и если мужъ, дѣйствительно, виноватъ передъ женой, то присуждаютъ деньги или вещи въ пользу отца жены, который, возвращая мужу свою дочь, беретъ вещи въ видѣ залога за его хорошее поведеніе.

Если роднымъ жены известно, что мужъ хороший, то женщины, убѣжавшую отъ мужа бѣть, и отсылаютъ обратно къ нему, который въ свою очередь „учить ее палкой“.

Когда молодые обошли всѣхъ гостей, жена угощаетъ по очреди всѣхъ табакомъ, для чего, взявъ у гостя гавану, дѣлаетъ изъ табаку сигарки и подаетъ ему вмѣстѣ съ горящимъ углемъ.

Засимъ идетъ угощеніе гостей будой, мясомъ, рыбой, чаемъ и ханшиномъ, причемъ молодые очень мало пьютъ и ъдятъ. Поздно ночью, когда всѣ достаточно пьяны и наступаетъ въ домъ тишина, и всѣ гости заваливаются спать на нары гдѣ попало, отыскавъ спящаго мужа жена приходитъ къ нему и ложится подъ одно одѣяло, хотя бы даже въ самомъ малолѣтнемъ возрастѣ. Сожитія въ эту ночь не бываетъ, и это только обрядная сторона свадьбы.

Обыкновенно дѣвушка сопротивляется этому обряду и только по настоянию матери и тетокъ съ плачомъ идетъ къ мужу.

Послѣ двухъ или трехъ дней празднества, мужъ возвращается домой, оставивъ жену у ея родителей на болѣе или менѣе продолжительный срокъ и навѣщаетъ ее иногда, нока, наконецъ, не наступить желанный „Хосодабгалику“, день, когда мужъ получить отъ родителей жены обѣщаніе, въ опредѣленный день привести ее къ нему въ домъ. Хосодабгалику состоить въ томъ, что мужъ, сопровождаемый сородичемъ, отправляется въ селеніе жены и выправливаетъ у ея родителей, разумѣется чрезъ посредство ханшина, отдать его жену.

Къ назначенному дню жена начинаетъ собирать свое „Пудда“, приданое, которое, смотря по состоятельности ея семьи и по ея срілажанію и способностямъ, иногда бываетъ очень роскошно и изящно.

Приданое бѣдной дѣвушки состоить обыкновенно изъ нѣсколькихъ костюмовъ изъ рыбьихъ шкуръ и дабы; изъ коробовъ для рыбы; корзинокъ, туносовъ, ковровъ камышевыхъ (холокта) и камышевыхъ полосокъ (хондори), которыя вѣшаются на стѣны фанзы; оочки половинчатые (салоги); серьги, хотябы мѣдныя; браслетъ, одѣяло, постель (войлокъ) и подушка; всего по одѣнкѣ рублей на 50.

Если семья невѣсты была средней состоятельности, то увеличивается число всѣхъ перечисленныхъ предметовъ и кромѣ того невѣста беретъ съ собой котель, топоръ, огниво, фамильные серьги, браслеты и ножъ на длинной ручкѣ съ чеканными узорами

„Сааму“, опинаясь на который она вступает въ новое жилище, всего до 200 руб. Что же касается приданаго богатой дѣвушки, то оно дополняется различными вещами, которыя жена несетъ въ даръ своему мужу: оочки, лыжи, копье и пр., и такая дѣвка, известная своимъ богатымъ приданымъ, носить у гольдовъ названіе „Кармаджи“ ¹⁾.

Иногда, если впослѣдствіи окажется, что отецъ жены, взявшій за дочкой большой калымъ, да еще съ выборомъ халатовъ, снабдить ее плохимъ приданымъ, то во время „Дэрэаркэн“ мужъ срамитъ своего тестя, затѣваетъ съ нимъ скору и выгоняетъ его изъ дома.

Въ назначенный день совершаются отъездъ жены къ мужу „эрвари“. Знакомые молодой, оповѣщенные о ея отъездѣ, разодѣвшиись во все наилучшее, собираются ее проводить. Женщины, кладя передъ каждымъ земные поклоны, подносятъ „хо“, причемъ, близко ей знакомыя женщины напутствуютъ ее пожеланіями хорошей жизни.

Обойдя всѣхъ, молодая кладетъ земной поклонъ хранителю жилища, бурхану Уджа, живущему въ Гуси-Тора, отецъ же ся, брызгая ханшинъ, оповѣщаетъ этого бурхана, что дочь его продана въ другое селеніе и покидаетъ навсегда его домъ.

Приданое складывается въ ящики близкими къ молодой женщинами и относится въ лодку съ шестью гребцами, куда садится и молодая съ родными; остальные размѣщаются въ другія лодки, и свадебный кортежъ движется.

Отъѣзжая молодая горько плачетъ, родные утѣшаютъ ее, говоря, что плакать на свадьбѣ нехорошо, что нужно быть веселой и, не жалѣя своихъ отца и матери, представать предъ мужемъ веселою.

Когда кортежъ появляется на горизонтѣ мужнина селенія, происходит Ацабури,— встреча свадебнаго кортежа: мужъ и родные выѣзжаютъ навстрѣчу, на одной лодкѣ, и должны, во что бы то ни стало, поймать руками лодку съ молодой.

На водѣ начинается ловкое состязаніе двухъ лодокъ, и хороший рулевой лодки съ молодою, то и дѣло выворачивается и уходитъ отъ погони, но мужъ не унываетъ и послѣ долгихъ усилий, при

¹⁾ Вообще же дѣвка называется „Патала“.

громкихъ крикахъ всѣхъ присутствующихъ, наконецъ, лодку ло-вятъ и бортъ къ борту подплываютъ къ берегу, гдѣ гостей уго-щаютъ ханшиной.

Мужъ, выйдя на берегъ, береть за руку своего тестя и ве-деть его къ себѣ въ фанзу; за ними слѣдуютъ родные жены, ко-торая однако со своей матерью и нѣсколькими близкими ей жен-щиными остается въ лодкѣ, пока мать и тетка или сестра мужа не придутъ звать ее въ селеніе; одновременно нѣсколько парней стелатъ отъ фанзы до лодки дорожку изъ материі.

Принявъ приглашеніе, молодая береть посохъ *Сааму* и идеть по дорожкѣ прямо въ фанзу мужа, не будучи никѣмъ встрѣчена; она отворяетъ дверь и какъ бы незамѣченная проходитъ и садит-ся на свое мѣсто.

Черезъ нѣкоторое время втаскиваютъ ея приданое и являют-ся мать и родные молодой.

Мужъ и жена становятся на колѣни другъ противъ друга, жена ближе къ дверямъ, и подаютъ другъ другу по три раза *хану* и обходятъ съ *хо* всѣхъ гостей, послѣ чего всѣхъ угощаютъ обѣдомъ, а жена, обойдя гостей, дѣлаетъ имъ сигары.

Эта часть свадебной церемоніи носить название *Дерацаури* и иослѣднія, когда окончится обѣдъ, наступаетъ послѣдняя часть церемоніи съ поклономъ бурхану *Гуси-Тора*; это „Дэрэаркэни“, которая состоить въ томъ, что ханшинъ разливается опять въ вѣ три сосуда: въ чайникъ, бутылки и *хо*, и жена кладеть зем-ные поклоны Гуси-Тора, гости же въ это время отдариваются ее денигами, материами и платками. Когда Гуси-Тора принять поклоны жениху, то молодые три раза обходятъ гостей, угощая ихъ ханши-номъ, послѣ чего жена снимаетъ съ себя дорогія вещи и вступаетъ въ права хозяйки дома, причемъ первое, что она дѣлаетъ обыкно-венно, это береть ведра и идеть по воду.

Гости остаются у молодыхъ двое сутокъ, причемъ во второй день, послѣ приѣзда молодой въ селеніе мужа, жена угощаетъ всѣхъ обѣдомъ изъ привезенныхъ ею съ собой припасовъ (Олбіонъ).

Переходимъ къ нѣкоторымъ сувѣріямъ, связаннымъ съ разными моментами жизни гольдовъ.

Сонъ гольды объясняютъ времененнымъ отсутствиемъ души и снаемъ они придаются, какъ мы увидимъ ниже, очень большое значеніе.

Если гольдъ во снѣ увидитъ, что зимой онъ поймалъ неводомъ много рыбы, то это къ большому снѣгу и наоборотъ.

Ловить во снѣ зимою рыбу—значить къ снѣгу.

* *

Видѣть во снѣ человѣческія испражненія—значить къ улову крупнаго звѣря или калуги.

Похуичить во снѣ подарокъ въ видѣ халата или желѣза—къ улову соболя.

* *

Покупать во снѣ ружье,—къ улову выдры, рыси или другого крупнаго звѣря.

* *

Видѣть во снѣ неводъ настолько запутаннымъ, что его нельзя распутать—сонъ плохой—предвѣщаетъ виновность и судь.

* *

Если больной увидить во снѣ хорошую погоду или большую тихую воду,—это къ выздоровленію.

* *

Нехорошо убить во снѣ жирнаго медвѣдя: это предвѣщаетъ смерть старѣйшихъ членовъ семьи.

* *

Если Гуси-тора сломается, смерть постигнетъ мужчину.

* *

Если видѣть во снѣ, что амбаръ упалъ,—то послѣдуетъ смерть старой женщины.

* *

Часто видѣть во снѣ покойника—къ добру.

* *

Охотникъ, увидавшій во снѣ собаку,—вернется безъ добычи.

* *

Охотники, ложась спать, во время промысла, бросаютъ въ котеръ огня «фоджин», кашу или мясо, прося его дать хоро-
й сонъ.

* *

Нехороню убить во снѣ охотнику выдру, лисицу, хорька.

* *

Нехорошо охотнику встрѣтиться во снѣ съ человѣкомъ, носящимъ худое прозвище, какъ, напр.: *Ела* (Еланджури) безсовѣстный; Чиччуръ (членъ); Ходжа-Ольча ¹⁾).

Ходжа-Хонингури—восклицаніе, сопровождающее обыкновенно страшною гримасою отвращенія, вырывается у гольда каждый разъ, когда онъ увидитъ что-нибудь для себя противное, отвратительное или если во время промысла калуга сорвется съ крючка или соболь изѣгнетъ западни.

Увидѣвъ во снѣ человѣка съ худымъ именемъ, гольдъ, говоря, что будетъ «хонингури»—неудача, на промыселъ не идеть.

Неудачи охотника выражаются въ томъ, что онъ, напавъ на слѣдъ соболя, теряетъ его въ дуплѣ, обложивъ которое и поставивъ сѣтки, охотникъ все-таки теряетъ звѣря, который проскаиваетъ, что называется, чрезъ пальцы его.

Еще худыя имена для промысла суть: мужскія *Горунга*, что означаетъ дальний, и *Киксу*; женскія *Муда*—конецъ, *Хотту*—разорванный; *Докхо*—подкладка.

Хорошія имена, способствующія добычѣ звѣря, я могъ записать слѣдующія:

а) мужскія:

Гилла—гилякъ.

Дэми—значеніе неизвѣстно.

Анга (Анго)—малая сѣтка, которую перегораживаютъ ручьи.

Ойса—значеніе неизвѣстно.

Сурги—ароматъ.

Уачкка—значеніе неизвѣстно.

Анка—значенія нѣть.

Аллака—неизвѣстно.

б) женскія: Дээ.

Лаба.
Ойланга
Оучи.

значенія неизвѣстны.

¹⁾ Тунгусское племя, соседи гольдовъ и гиляковъ.

* *

Если кто увидитъ во снѣ свою лодку или оморочку сломанной, того постигнетъ болѣзнь.

* *

Если увидятъ во снѣ тигра, говорить, что видѣли бурханъ Амба-сео.—

Счастье и богатство приносить рогатая лягушка *Отто-Дай-лани-Хэрэ-Хуяку-Суу*. (Отто-Дайлани означаетъ большая какъ олочь; хэрэ—лягушка; хуяку—рогатая; суу—счастье, богатство).

Очень рѣдко приходится гольду встрѣтить такую лягушку, но если это счастье ему выпадеть, то, увида ее, онъ долженъ снять съ себя что-нибудь, либо поясъ, шарфъ, халатъ и др., и бросить лягушкѣ, и если при этомъ лягушка сбросить свои рога и гольдъ ихъ принесеть домой, то ему предстоить счастье и богатство; причемъ, если онъ успѣль бросить поясъ, то богатство его будетъ непрерывное, если шарфъ и въ особенности шапку, то ему предстоитъ всю жизнь жить хорошо.

Нѣкоторые гольды, которымъ не суждено быть богатыми, забываютъ бросить вещь, встрѣтивъ рогатую лягушку, или испугавшись уѣгають отъ нея.

* *

Если гольду, который разрубаетъ лѣсину для костра, удастся разрубить такое дерево, у которого сердцевина, на всей двухъ-трехъ-саженной длинѣ, пѣльная, то это предвѣщаетъ счастье, богатство, при чмъ, если найденная сердцевина *«Муо Мiao ни* (Хумани) имѣть длину въ одну ручную сажень, то нашедшій ее будетъ только одинъ богатъ; если въ двѣ ручныя сажени, то онъ и сынъ его будутъ богаты и т. д.

Найденную сердцевину прячутъ и три года о находкѣ никому не говорять.

* *

Счастье, если кукушка прилетитъ жить въ амбаръ и совѣтъ себѣ гнѣзда.

* *

Счастье найти кукушкино гнѣзда.

* *

Счастье найти въ лѣсу серебрянаго бурхана Аджеха.

* *

*

Счастье поймать зимою красную змѣю.

* *

*

Счастье поймать голаго соболя.

* *

*

Счастье найти *Орокто-Фоктолани*, свѣтящуюся ночью траву.

* *

*

Счастье, срубивъ сосну, найти на одной изъ ея вѣтвѣ корону.

Примѣты, приносящія несчастіе:

Найти краснаго червяка «Хя-Аджолахи».

* *

*

Если на промыслѣ, тотъ, кто первый придетъ къ табору, заговорить со вновь пришедшими, то его постигнетъ несчастіе.

* *

*

Несчастіе прибыть гольду въ фанзу, гдѣ въ день его прибытия возносили молитвы богу «Боа Кассагали» и, наоборотъ, счастье попасть на поминки.

* *

*

Если при выходѣ на промыселъ встрѣтять хорька, то его необходимо убить, иначе промыселъ будетъ неудачный.

П. П. Шимкевичъ.

ОЧЕРКИ ВИТЕБСКОЙ БЕЛОРУССИИ.

VI. Игры и игроки.

Не смотря на обилие данныхъ, которых оглашены печатью, не смотря на развитие всяческихъ сношений съ недавнимъ относительно захолустьемъ, жизнь и бытъ простолюдина Витебской Белоруссии пока-что представляются такими же, какими они могли быть при прадѣдахъ, окрашиваются, по большой части, мрачными, изрѣдка—иногда безразличными красками. Даже завѣдомо положительные стороны этого быта и жизни оттѣняются тѣмъ же мракомъ и безразличіемъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе снисходительный приговоръ о поминаемомъ простолюдинѣ будетъ приблизительно таковъ: онъ простодушно добръ потому, что младенчески неразвитъ; хлѣбосоленъ и отзывчивъ къ нуждамъ ближняго потому, что самъ не разстается съ нуждой; ласково-почтителенъ и привѣтливъ, какъ приниженный духомъ; доволенъ судьбой, не ищетъ лучшаго потому, что лѣнивъ, привыкъ къ нуждѣ, которая сдѣлала его хилымъ, наложила особую печать тѣлесной и душевной немощи и проч. Такой и подобный приговоръ, несомнѣнно, парализуетъ положительные стороны и сближаетъ ихъ съ отрицательными; его приходится выслушивать и падали и на мѣстѣ, гдѣ по-рицаемая жизнь и бытъ на лицо. Не можетъ быть сомнѣнія, что предубѣжденный взглядъ основанъ частію на давне-быломъ Витебской Белоруссии, частію на свѣдѣніяхъ изъ недостаточныхъ источниковъ, или же такихъ, въ которыхъ скрывается тенденціозность. Опытное знакомство съ тѣмъ же бытомъ и жизнью, непредвзятый взглядъ могутъ сказать совершенно другое, и этого приходится пока-что поджидать.

Въ серіі послѣдующихъ очерковъ я не беру на себя обязательства разсѣивать предубѣжденій взглядъ, ни поколебать установившагося мнѣнія: положеніе мѣстнаго бытописателя даетъ мнѣ возможность предложить вниманію читателя то, что поставляеть текущая жизнь и бытъ, или что сравнительно недавно отошло въ область прошлаго, но пока-что живетъ въ воспоминаніи современныхъ старичковъ. На первый случай я постараюсь сдѣлать перечисленіе и посильное описание немалочисленныхъ мѣстныхъ игръ: то случайно слагающихся у особи и общества, то подражательныхъ, то потѣшныхъ, то атлетическихъ, то корыстныхъ, начавъ повѣствованіе о нихъ съ раннаго дѣтства и про-скѣдѣть до того житейскаго срока, когда человѣку не только не хочется играть, но не хочется даже смотрѣть ни на игры, ни на играющихъ.

Дѣцины базы ¹⁾.

Всльдь за крещеніемъ міромъ мѣстный простолюдинъ повторяетъ: „чимъ ба дѣёнъкъ ни бавився, абы ни плакывъ“, и нераздѣльно съ этимъ направляетъ всѣ усилия именно къ тому, чтобы дитя забавлялось. Но не воспитательно-развивающія цѣли преслѣдуются здѣсь: этого, пожалуй, не пойметъ простолюдинъ, да и не нужно ему не по лѣтамъ развитого дитяти, такъ какъ такое дитя недолго живетъ, нужно одно — лишь бы дитя не плакало, не урывало родительского времени. Когда дитя выросло до большаго пониманія и въ особенности, когда стало владѣть ручками и ножками, то само собою, или при участіі сверстниковъ, оно заигрываетъ подолгу, забываетъ о снѣ, ъѣѣ и матери; но до этого времени и первое направлѣніе на путь „бавъ“ все-таки приходится давать матери или нянѣ-сестренкѣ, или нянѣ-бабѣ ²⁾), старческими немощами прикованной къ дому и дѣтской колыбели. Начинается оно съ „цацкѣ“ ³⁾). Лишь только дитя научилось удерживать въ „лапуркѣ“ ⁴⁾ данный предметъ, который оно обыкновенно несетъ ко рту, то такой „цацкѣ“ бываетъ непремѣнно съѣдѣбный предметъ: хлѣбная корка, баранъкъ, пряникъ, случайная конфекта, морковь, пластокъ брюквы, рѣпы, или маленькая чурка, — что дитя ожесточенно сосетъ и грызетъ, особенно при прорѣзываніи зубовъ. Нѣть „цацкѣ“, — дитя добираетъ

ся до сосанья собственныхъ ручекъ и ножекъ, или перебираеть на нихъ пальчики. Не предусмотрѣнная и не остановленная во время, послѣдняя „бѣба“ принимаетъ пророчественное значеніе: не говорить въ пользу долговѣчности играющаго.

Когда же дитя перестаетъ подносить ко рту всякий предметъ безъ разбору, тогда оно направляется въ „лялька“, которыми обыкновенно бываютъ: та же чурочка, повязанная матерчатымъ кускомъ, свернутая трубочкой и перевязанная холстиной, ложка, черепночка, шапка, лапоть, клюка, и многие другіе мелочныя предметы домашняго повседневнаго употребленія. Въ первое время дѣтское понятіе „цацыкъ“ обыкновенно переносится на „лялька“, и оба употребляются безразлично; при дальнѣйшемъ развитіи, дитя—скоро разграничиваетъ понятія: „ляльками“ оно называетъ подобіе людей (куклы) и даже сверстниковъ („ляля идецъ“); все же оставльное будетъ цацы—„цацы, цацки, цацынки, цапульки“ и проч., причемъ, послѣдня, въ большинствѣ, попадаются готовыми, тогда какъ первыя приходится созидать то при помощи нянь, то личными усилиями. У мальчиковъ тѣ и другія служать переходною ступенью къ другимъ разнообразнымъ „бабамъ“, тогда-какъ узкая воянъ съ „ляльками“ у дѣвочекъ длится во все времена подроста и, по увѣреніямъ очевидцевъ, въ сравнительно недавнее время переходила у иѣкоторыхъ въ мужскій домъ, продолжалась до пріобрѣтенія собственной живой „ляльки“...

Такъ дитя доросло до самостоятельныхъ „бѣбъ“, лишь изрѣдка требующихъ вмѣшательства и направленія возрастныхъ. Послѣднее, однако, встрѣчается настолько, насколько необходимо бываетъ затануть игру, или подсказать традиціонныя ея подробности. Будучи полными хозяевами игры, дѣти дѣлать ее, варырить, пополнять вставками, или смѣшивать одну игру другой, продолжаютъ прерванную и проч.,—что очень хорошо известно наблюдателю за самостоятельными дѣтскими играми. Не можетъ быть спора, что большая часть мѣстныхъ игръ есть подражаніе и воспроизведеніе сельско-хозяйственныхъ и домашнихъ работъ возрастныхъ, вольными и невольными свидѣтелями которыхъ дѣти становятся отъ раннихъ дней. По примѣру старшихъ, кое-какъ сооруженна сохой да бороной дѣти взрываютъ аршинную плошадь земли, сѣять песочная сѣмена, жнуть натыканныя сюда травяные стебельки, вязнуть подобіе сноповъ, молотятъ соотвѣтствен-

ными самодѣльными цѣпами, провѣваютъ полученный (конечно, воображеній хлѣбъ—на сей разъ—песокъ) продуть и производить съ нимъ дальнѣйшія превращенія до печенья хлѣба включительно. Тоже, съ подходящими подробностями, продѣливается въ игорномъ сѣнокосѣ, пастѣ скота (глиняные коровы, овцы, свиньи, безъ ущерба дѣлу замѣняемыя камешками и палочками), въ стройкѣ зданій, изгороди и т. под. Тутъ часто воспроизводится то родительская, то сторонняя рѣчъ, похвала, побранка, дословно выговариваются рассказы старшихъ, причемъ удерживаются дикція и жесты говорившихъ. Появленіе медвѣжатника, пыгана, торговца даетъ тему для новой игры, создаетъ таковую, или видоизмѣняетъ прежнюю. Такъ, по мѣрѣ появленія шоссе, желѣзной дороги, телеграфа и парохода, въ ближайшихъ къ нимъ мѣстахъ, въ кругъ дѣтскихъ игръ вошли: „сыша“ или „шиша“ ⁵), „зилѣзка“, „пироходъ“, и нужно видѣть, чтобы оцѣнить умѣніе игроковъ устлать мелкими гладышами игорную дорожку, — умѣніе передового участника продѣлать паровозное „чухъ—чухъ!“, изобразить свистки, руками движеніе рычаговъ и колесъ локомотива. Длинная нитка на телографныхъ колкахъ и условные удары при подергиваніи ея создаютъ увлекательную игру въ телеграфъ. Статутъ сельскихъ властей, появившихся въ памятное время, вызвалъ игры въ старшину, старосту и урядника, причемъ у играющихъ появляются глиняные медали на груди, настоящее перо—за ухомъ. Наконецъ, игра въ церковь и причтъ (звонъ, возгласы и пѣнье) остаются вѣчными дѣтскими играми.

Въ свою очередь нужно вспомнить, что нѣкоторыя игры совершенно потерялись съ паденіемъ крѣпостничества. Такъ, игры „у паны“, въ „бизунные чины“, въ „пригонъ“, въ „некруты“ ⁶), или совершенно погибли, или видоизмѣнились до неузнаваемости.

Перечень и описание подражательныхъ игръ обильны настолько, насколько содержательны хозяйственныя дѣла, житейскія сношенія, жизненныя положенія—радостныя и скорбныя, честныя и порочныя; я и позволю себѣ остановиться на только что сказанныхъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ или слишкомъ мѣстны, частны, или не приводятъ къ игорнымъ цѣлямъ—возбужденно-восторженому состоянію духа: спокойная подражательность да безотчетная копировка—вотъ и все этихъ игръ.

Нѣсколько иначе съ другими дѣтскими играми: онѣ повсюду

изъ края въ край, вездѣ однообразны и въ то же время приводятъ къ помянутымъ ягорамъ цѣлямъ. Первое мѣсто, несомнѣнно, занимаютъ:

1. «Кѣники». Лишь только сойдутся хотя двое сверстниковъ, эта игра начинаетъ серію игръ. Однѣ изъ участниковъ изображаетъ заправителя-кучера, остальные—лошадей, которыхъ на сей разъ кое-какъ покрываются подобиемъ хомутовъ и шлей, «снуда-юца», т-е. держать въ зубахъ конецъ пояса, веревки, лыка, другой ковецъ которыхъ находится въ кучерскихъ рукахъ. Въ парадныхъ случаяхъ одинъ изъ коней украшается подобиемъ дуги—кускомъ обруча, или согнутымъ прутикомъ, причемъ, при избыткѣ коней, они располагаются то тройкой, то шестерикомъ, то «үсцайжъ» ⁷). Пощелкивая саюодѣльнымъ кнутомъ (язовыемъ, липовымъ, рѣдко—веревочнымъ), кучерь гикаетъ на неспокойныхъ лошадей, изрѣдка постегиваетъ «ушартыхъ» ⁸) и возжами направляетъ лошадинный побѣгъ. Тутъ имѣютъ мѣсто кучерские возгласы, уловленные отъ возрастныхъ, въ родѣ: «цишѣй, цишѣй, хосынъка!» ⁹) или: «кабъ цибѣ вовкъ зѣбѣ, вовчиная твоя скуря!» При осадкѣ лошадей и при остановкѣ, онъ поправляетъ упражь, гладить «тири-линикъ» ¹⁰), бодрить ихъ. Послѣ нѣсколькихъ побѣжекъ и туровъ кучерь и конь мѣняются ролями. Трудно сказать, почему, но только дѣти сравнительно рѣдко и не долго играютъ въ кѣники—на четверенькахъ, хотя тутъ игра ближе къ изображенію коней.

И при одиночной и при коллективной игрѣ въ «кѣники» бываетъ всадническая игра: участники сѣдаютъ и возжаютъ посильнѣе шестокъ и, держа его промежъ ногъ, да орудия кнутомъ, съ гикомъ галопируютъ по двору, по улицѣ, на гумнѣ, или же проскаакиваютъ верстовое разстояніе къ работающимъ въ полѣ родителямъ, да къ пастухамъ. Внезапная осадка коня, поощреніе, норицаніе его и хлестка неразлучны и со всаднической ъездой.

2. «Обгѣники, на-нираспѣхи, или-кого хто пирогоницъ»—стоить довольно близко къ «коникамъ», непосредственно смѣняетъ эту игру. Обыкновенно участники выбираютъ дистанцію—камень, дерево, изгородь и, выстроившись рядкомъ, выслушиваютъ раздѣльно произносимую рѣчъ заправилы. При послѣднемъ словѣ и, въ особенности, при голосовомъ ударѣ послѣдняго слога, играющіе стремительно бѣгутъ къ пункту, стараясь опередить другъ друга. Добѣ-

жавчій первымъ плюетъ на условный пунктъ и произносить— «туръ!»—что и составляетъ конечную цѣль игры. Участники снова возвращаются на мѣсто исноva же бѣгутъ къ условному пункту. «Обгонки» скоро утомляютъ играющихъ, а потому, послѣ тракъ—пяти бѣговъ, игра смыкается новой.

3) *Куляинне*—извѣстный переверть всего тѣла черезъ голову—составляетъ любимую игру, коллективную такъ же, какъ и одиночную. Мѣстомъ игры служить ровный лужокъ, просторный съноваль и «вулки»—мѣста по обѣ стороны дороги. Своебразное перемѣщеніе тѣла, вѣкоторая одурь и верчеше окружныхъ предметовъ при условной остановкѣ—вотъ неоцѣненный смакъ игры! Играющій не можетъ стать на ноги: становѣ—надеть, или клонится къ паденію; а между тѣмъ всѣ предметы представляются движущимися, перевертывающимися. По большей части, «куляющіеся» предварительно оговариваются число переворотовъ, которые и происходятъ въ тактъ, одновременно, или въ перобой—до извѣстнаго пункта.

4) „Катобѣкъ“ производить еще сильнѣйшую одурь и тѣмъ еще больше нравится играющимъ. На ровной полянѣ, лужкѣ, играющій ложится въ вытяжную и катится въ одну опредѣленную сторону, пока не потеряетъ нужныхъ силъ. Есть подходящій пригородъ, горный склонъ—катанье идеть сверху внизъ,—что въ цѣляхъ игры весьма важно, потому что тутъ изнемогшій и одурѣвшій участникъ катится инертнымъ образомъ и, по остановкѣ, едва можетъ поднять голову, чтобы насладиться верченіемъ предметовъ, какъ и товарищей.

5) Мѣстныя „кулюкушки“ ничѣмъ не отличаются отъ всесвѣтныхъ прятокъ: одинъ „кулюкинъ“, остальные „аукаютца“. Когда холодъ, ненастье, или сумерки загонять дѣтей въ избу, приточными мѣстами являются: одеждные ворохи на нарахъ, висящая на стѣнѣ, одежда, запечье, подпечье, подлавокъ, пустая кадка, ступа и юпка пряхи. Внѣ этихъ условій, при теплой лѣтней погодѣ, играющіе прятутся на задворкахъ: за костромъ, бревномъ, подъ сгрѣхой, подъ опрокинутой кадкой, въ хозяйственныхъ пристройкахъ на балкѣ, привѣсившись къ стропиламъ, въ дыряхъ крышъ, въ свѣжей извозной подстилкѣ и вообще въ едва сносныхъ и незараженныхъ мѣстахъ.

Какъ извѣстно, „кулюковщикъ“ обязанъ разыскать себѣ смы-

иу—найти хотя одного участника, послѣ чего, при условномъ кли-
чѣ, играющіе покидаютъ пріоточныя мѣста и собираются къ ново-
му „кулюющему“ подразнить и посмѣяться надъ неудачникомъ.
Послѣднему или завязываются глаза, какъ при жмуркахъ, или онъ
ничкомъ прячетъ лицо въ колѣнъхъ возрастааго, или удаляется
въ сѣни, отхожую избу и ждетъ возгласа пріатающихся—„пора“!
Иногда игра происходитъ съ „чуромъ“, т.-е. ловкій участникъ вы-
прыгнетъ изъ своего тайника, незамѣтно проберется къ мѣсту, гдѣ
ожидалъ „кулюющікъ“, плюнетъ сюда и „зачурющікъ“, такой лов-
качъ уже свободенъ отъ смѣны, подразнивается, смѣется и должно
иаправляеть искателя на поиски. Очень возможно, что и осталь-
ные участники сумѣютъ „зачурѣть“, и тогда „кулюющікъ“
остается таковыи на новую „кулюовку“. При иномъ условіи,
первый „зачуравшій“ освобождается отъ смѣны и остальныхъ: по-
слѣ условнаго клича всѣ играющіе собираются пошутить надъ зѣ-
вакою—„кулюющікомъ“, который остается такимъ и смѣяется
на слѣдующую очередь.

6) Къ помянутой игрѣ близко подходитъ „палочка—воровочка“,
распространенная и излюбленная не менѣе предыдущей; подобно
ей, игра затягивается до надоѣдливости. Участники избираютъ по
жребію охранителя палочки, которая кладется на видномъ и до-
ступномъ для всѣхъ мѣстѣ. Пока остальные прячутся въ недале-
кихъ отъ палочки мѣстахъ, охранитель стоитъ при ней неподвиж-
но, при обязательствѣ, не смотрѣть въ сторону пріачущихся; ко-
гда же прятки состоялись, т.-е. установилась тишина и нѣтъ боль-
ше голосовъ—„погоди! не гляди! рано!“—онъ медленно ударяетъ
палочкой по ближайшему отзвучному предмету и раздѣльно го-
ворить: „стукъ-стукъ! палочка-воровочка домой пришла никого
дома ни зныша, ато зы палычкы придѣцъ, того палычка зной-
дѣцъ!“ Охранитель палочки начинаетъ разыскивать спрятавшагося,
и первый попавшійся является замѣстителемъ. Пока же это слу-
чится, онъ не теряетъ изъ виду положенной на мѣстѣ палочки: ловкій
участникъ можетъ украдь палочку или, подбѣжавъ осто-
рожно, ударить ею раза три,—что одинаково не дастъ смѣны охра-
нителю при новой очереди. Замѣчая подкрадывающагося, онъ
то окликаетъ послѣдняго, то спѣшить къ охранѣ палочки и, по
минованіи опасности, продолжаетъ поиски.— По существенному
свойству игры, она происходитъ въ избы, но вблизи строеній.

7) Мѣстные «жмурушки» ничѣмъ не отличаются отъ извѣстныхъ каждому жмурокъ. Эта игра не затягивается и не особенно любима дѣтьми, можетъ быть, потому, что приковываетъ къ тѣсному жилому помѣщенію или къ не менѣе тѣсному подворью.

8) „Чижикъ-нѣмецъ“, несомнѣнно, пробралась въ деревни изъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ она такъ обыдѣна. Обыкновенно въ распоряженіи играющихъ имѣются отдельные палочки, въ аршинъ длиною, это—нѣмецъ; коротенькая же, вершка въ четыре—чижикъ, который кладется на обломокъ кирпича, или камень. Очередной игрокъ ударяетъ нѣмцемъ по чижику, отчего послѣдній подпрыгиваетъ и летить съ мѣста. Если чижикъ упалъ въ огражденное пространство (четыреугольникъ вокругъ кирпичика аршина два въ квадратѣ), то игрокъ обязанъ выбить его нѣмцемъ за черту, причемъ имѣютъ мѣсто «лежачая свѣчка» и «стоячая свѣчка»: въ первомъ случаѣ чижикъ кладется на кирпичикъ, а во второмъ—приставляется къ нему вертикально. Въ обоихъ же случаяхъ ударъ нѣмцемъ дѣлается въ средину чижика. Когда послѣдній выбить за черту, игрокъ «подкидываетъ огни»—беретъ чижика за оконечность, придавая ему то вертикальное, то горизонтальное положеніе, и ударомъ нѣмца откидывается въ возможную даль. Новый очередной игрокъ, на одной ногѣ, отплясываетъ за чижикомъ и старается метнуть его въ черту квадрата; удалось это—онъ «подкидываетъ огни» изъ квадрата, а не выбиваетъ чижика,—что составляетъ игорныхъ преимущества.

9) Точно также пробралась изъ городовъ извѣстная игра въ «классы». Суть этой игры состоять въ пляскѣ на одной ногѣ во все время, пока играющій находится въ очерченномъ пространствѣ, куда онъ предварительно бросаетъ кусочекъ черепка, или плоскій камень, который и выталкиваетъ вонъ тою же ногой, которой выплясываетъ. Другимъ не менѣе важнымъ условіемъ игры почитается то, чтобы пляшущій не сталъ на какую-нибудь черту и чтобы не падъ на выталкиваемый, или вметаемый черепокъ: тогда играющій то лишается очереди, то начинаетъ все сначала, хотя бы добрался до высшаго класса,—что, разумѣется, зависитъ отъ мѣстнаго условія. Такъ-какъ всегда босоногому деревенскому дитяти неудобно выбивать твердый предметъ, то, при всей заманчивости игры, «классы» не имѣютъ широкаго распространенія въ деревнѣ.

10) „Ходы ны кырачкахъ“¹¹⁾ приплетаются къ игрѣ «въ ко-

ники,» въ медвѣди, въ паству и самостоятельную, хотя и краткосрочную «бѣву» составляютъ у слишкомъ маловозрастныхъ.

Въ послѣднемъ случаѣ «хѣды» могутъ быть приравнены къ описаннѣмъ выше «обгонкамъ.»

11) «Хѣды ны кывилѣхъ» (на ходуляхъ) сопровождаются играющими отъ первого умѣнья владѣть ими и до поры женитьбы, благодаря чему отдѣльныя лица вырабатываютъ такую ловкость, что она можетъ соперничать съ ловкостью и умѣніемъ известныхъ ходульныхъ ходоковъ.

12) «Сѣдки и пираскѣ» обычны настолько же, какъ «коники и обгонки.»

Первые составляютъ передвиженіе на одной ногѣ, или прыганье по воробыиному, въ двухъ одновременно; вторыя же—перепрыгивание чрезъ ровикъ, канаву, очерченное пространство, барьеръ, или согнувшагося сотоварища. Тутъ, разумѣется, повторяется все то, что практикуется при вольныхъ и учебныхъ прыжкахъ на уровнѣ гимнастики.

13) „Борки, или бырда“ почитаются игрою только потому, что участники практикуютъ бореніе въ перемежку съ другими играми или идутъ на пари другъ съ другомъ, какъ и на пари сторожиныхъ. Собственно говоря, „борки“ составляютъ нескончаемую возню дѣтей въ вороахъ одежды на „полу“ и полатяхъ, возню въ долгіе вечера, до засыпленія,—и это можетъ быть приравнено къ продолжительной вознѣ разыгравшихся котятъ.

При парадныхъ «бырдахъ» участники схватываются или подъ мышки, или за шею, или крестомъ—одна рука подъ мышку противника, а другая черезъ плечо его.

Что дѣлаетъ одинъ, тоже дѣлаетъ другой; оба же обусловливаются: „подставлять ли ножку,“ или нѣть.

14) «Пирицяжки» перешли въ кодексъ дѣтскихъ игръ отъ взрослыхъ и даже пожилыхъ лицъ. Подобно имъ, участники садятся на полъ, на землю, другъ противъ друга, упервшись подошвами въ подошвы визави; въ руки же они берутъ палку и стараются перетянуть противника на свою сторону. За отсутствіемъ палки, противники держатся за руки,—что приводить къ одной и той же цѣли.

15) Подобно „бырдамъ,“ швѣрыги состоять въ прихвостняхъ, въ послугахъ другимъ играмъ и подобно же имъ, служатъ на па-

ри. Благодаря «швырьгамъ», у сельскихъ дѣтей развивается такая мѣткость, что можно иногда держать пари за убий воробья камнемъ, брошеннымъ съ руки, часто на неблизкомъ разстояніи.

16) «Возицца» — составляетъ игру-потребность отъ ранняго возраста до наступленія зрѣлости, во всѣ годичные сроки. Лѣтомъ — въ старомъ корытѣ, деревянной мискѣ, на хворостинѣ, старой одеждѣ, «гунькѣ» ¹²⁾, и многихъ подходящихъ предметахъ участники воятъ взаимно другъ друга; зимою же сама природа поставляетъ вужные предметы: ледь и «мырызянку», какъ и гладко утолтannую горку. Помимо саночекъ, «буэныкъ» (салазки), дѣти приготовляютъ «лидышокъ, мырызянку»: первый вытесывается изъ куска льда, а вторая есть продуктъ поливаемаго водою навоза, помѣщенаго въ старое рѣшето. Чтобы оцѣнить усилія дѣтей, нужно видѣть, какъ продолжительно и терпѣливо они просверливаютъ дырочку въ изготовленномъ «лидышкѣ», какъ медленно навозъ и вода обращаются въ завѣтную «мырызянку». Изъ опасенія расколотъ край „лидышкѣ“ буравомъ, ножомъ, гвоздемъ, терпѣливый мастеръ „продуваетъ дырочку“ при помощи соломинки, пропуская чрезъ нее теплую слону, что займетъ около двухъ часовъ...

Нѣть спору, что труды и терпѣніе съ избыткомъ вознаградятъ потомъ катанью; но кто же поручится, что «лидышокъ» уцѣлѣтъ отъ толчка о бревно, напримѣръ, и что вѣстъ съ „мырызянкы“ не разрушится при первой же оттепели?

Перечисленное доселѣ имѣть значеніе „бавъ“ въ самомъ раннѣмъ возрастѣ, когда у дитяти начинаетъ развиваться иѣкото-рая самостоятельность дѣйствій и мышленія; съ выростомъ послѣднихъ „бавы“ переходятъ то въ „гулы“, то въ „шалы, то въ „гарбызы“ ¹³⁾; послѣдними начинаются игры подростковъ, которыми считаются дѣти съ 10-го года приблизительно. Подъ какимъ бы названіемъ ни состояли дѣтскія игры этого періода, онѣ могутъ быть рассматриваемы, какъ подражательныя, самобытныя, безсознательно-атлетическія и безразличныя, служащія невиннымъ развлечениемъ и временпрепровожденіемъ. Оттѣняющею особенностью ихъ можно считать подвижность и перемѣщеніе, вызываемыя той, или другою игрой. Но среди множества игръ, какъ перечисленныя, есть игры пророчественныя. Къ этимъ послѣднимъ зорче, внимательнѣе относятся старшіе, какъ предвозвѣстникамъ то грядущихъ благополучій, то несчастій, въ непоколеблемомъ увѣреніи, что Богъ

руководить дѣтскими дѣлами для показанія возрастныхъ своей во-ли, и, какъ ни нежелательны бываютъ указанія на будущее, нача-тыя игры не останавливаются запретомъ и даже сдѣланныя дѣть-ми сооруженія остаются неприкосновенными. Наибольшимъ внима-ниемъ возрастныхъ пользуются слѣдующія, несомнѣнно, пророче-ственные игры:

17) Усердное сооруженіе „лялька“ и болѣе продолжительная возня съ ними по убаюкиванью, при сердечномъ уходѣ, предска-зываютъ скорое появленіе въ домѣ родственного дитята.

18) Такая же возня съ «князѣмъ я княгиній»¹⁴⁾, посильная пѣсни и плясы при этомъ пророчать въ домѣ дѣйствительную свадьбу.

19) Небрежное обращеніе съ тѣми же «ляльками», порча и швыряніе ихъ указываютъ на болѣзнь домашняго человѣка; за-кашыванье же въ ямы, бросанье въ воду, въ снѣгъ прямо гово-рять о скоромъ домашнемъ покойнике.

20) На близость покойника то въ родномъ домѣ, то въ сосѣд-немъ указываютъ сооруженія лучиночныхъ и прутиковыхъ, крѣ-жиковъ¹⁵⁾ и, въ особенности, ношенье ихъ предъ собою, по-становка вертикально; на то же указываетъ сооруженіе лучиноч-ныхъ ящиковъ и ношенье ихъ съ пѣніемъ.

21) Особенно пророчественными считаются земляные сооруже-нія и подѣлки раннею весной, за порогомъ дома.

Такъ, если дѣти въ изобиліі готовить подобіе хлѣбовъ, лепеш-ки—нужно ожидать обильного урожая хлѣба; лѣпить глиняныхъ коровъ, или при посредствѣ камешковъ выстраиваютъ большія ста-да—коровы будутъ молочны, увеличится приплодъ, не будетъ на-паденія звѣрей. Если же дѣти строятъ „пячурки“¹⁶⁾ въ канавныхъ и вообще горныхъ откосахъ, или кладутъ печи на ровныхъ мѣ-стахъ и топить ихъ, то, сверхъ будущихъ лѣтнихъ жаровъ, нуж-но ожидать лѣсныхъ и деревенскихъ пожаровъ. Всѣ другія строй-ки разныхъ хозяйственныхъ зданій изъ глины, грязи, песка пру-тиковъ и камней пророчать хозяйственное доволѣство и благо-получіе отъ наступающаго лѣта.

22) Битье лягушекъ, поимка жуковъ, бабочекъ, кузнечиковъ и другихъ распространенныхъ на сѣкомъ раннею весной пророчить войну и мѣстное плодородіе.

23) Удаленіе дѣтей отъ игръ, частное пребываніе ихъ при пер-

выхъ полевыхъ работахъ, такое и иное доброхотное участіе въ нихъ, или просто созерцаніе, пророчать дѣтскія повальная болѣзни и смертность въ наступающее лѣто.

Бавы подростковъ.

Какъ нарочно, игры подростковъ въ большинствѣ случаевъ не требуютъ подвижности „дѣцінныхъ бавъ“; онѣ скорѣе приковываютъ къ мѣсту, вызываютъ не исключительно физическую, а больше умственную дѣятельность.

Въ этомъ случаѣ онѣ приближаются къ играмъ возрастнымъ и даже корыстнымъ, на что указываетъ то обстоятельство, что чѣкоторыя игры подростковъ совершаются въ сообществѣ возрастныхъ, или одна и та же игра идетъ одинаково и въ обществѣ подростковъ и въ обществѣ возрастныхъ. Что же касается корыстныхъ цѣлей иной игры, то разница будетъ лишь въ томъ, что возрастные расплачиваются деньгами, тогда какъ подростки—бобами, орѣхами, подсолнухами и другими подходящими предметами.

Перечисленіе игръ подростковъ я начну съ менѣе корыстныхъ.

24) «Капустка, или сѣчъ капустку.»

Двое играющихъ становятся другъ противъ друга и одинъ кладетъ свои ладони на ладони противника.

Ловкимъ увертомъ послѣдній старается ударить выдвинутую рукою по кистевой части руки товарища или обѣими руками одновременно. Удалось то или другое—слѣдуетъ прежнее положеніе рукъ; не удалось—противники перемѣщаются руки, т.-е. теперь кладетъ для битья вромахнувшійся. Итакъ до пресыщенія игрою, причемъ, однако, руки игравшихъ становятся слишкомъ розовыми и горячими... Битье по рукамъ тутъ составляетъ лишь незначительную половину игры; болѣе важная доля принадлежитъ умѣю воспользоваться неловкостью, оплошностью противника, фальшивою тревогою ввести въ обманъ, по выраженію лица уловить безпечность и т. п. Всему этому, несомнѣнно, отвѣчаетъ и поведеніе игрнаго товарища.

25) «Купъ, абы плѣскыцъ зилѣзо». Одинъ изъ игроковъ кладетъ на столъ или на лавку свою руку ладонью внизъ, а другой старается съ размаха ударить по ней собственнымъ ку-

лакомъ или ладонью. Первый ударъ будетъ «куцъ», а второй—плѣскыцъ зилѣзо». Промахнувшись отвѣчаетъ вдвойнѣ: бѣть по голому столу и затѣмъ кидаетъ на него свою руку. Если на этомъ только остановить вниманіе, то игра кажется грубою, даже дикою. Но стоитъ лишь присмотрѣться къ уловкамъ бывающаго, прислушаться къ его отводнымъ рѣчамъ, къ т. наз. околпачиванью противника и тогда игра принимаетъ привлекающее освѣщеніе; какъ въ предыдущей игрѣ, битье отходитъ на второй планъ.

26) «Жгутыки»—ударъ въ спину скрученнымъ платкомъ, или полотенцемъ—бывають двухъ видовъ: то жеребьевой прячеть голову въ колѣни сидящаго «дѣда»¹⁷⁾ и послѣ удара, оборотясь къ группѣ участниковъ, угадываетъ ударившаго, то играющіе садятся тѣснымъ кругомъ, подгибаютъ колѣни и помѣщаются жеребьевого въ центръ кружка. Ударъ въ спину «жгутыкамъ» заставляетъ его поворачиваться назадъ; но пока онъ сдѣлаетъ это, орудіе игры подколѣннымъ путемъ успѣетъ очутиться за спиной жеребьевого и нанести новый ударъ. Такъ онъ поворачивается на корточкахъ, пока не поймаеть «жгутыка» подъ колѣнами участниковъ: поймавшій и жеребьевой смѣняются мѣстами, а игра продолжается по-прежнему. При многолюдствѣ участниковъ въ дѣлѣпускаются два «жгутыки»: тогда спинѣ жеребьевого достается больше, но зато онъ скорѣе поймаеть «жгутыка» и получить смѣну.

И тутъ приходится признать, что битье составляетъ второстепенную часть игры; главное же ея—маскировка дѣйствительнаго виновника удара въ первомъ видѣ игры и обманчивое подколѣнное движеніе рукъ—во второмъ. Въ самомъ дѣлѣ: настоящій виновникъ удара то ковыряеть въ носу, то третъ глазъ, то стоитъ святошей; тогда-какъ мнимый продолжаетъ жестъ уноси мой руки или придаетъ фальшивое смущеніе своему лицу. Но вичекъ и вообще недальновидный необходимо теряется въ отысканіи виновника и зато снова «кланяется дѣду». Во второмъ случаѣ возгласы: «тутъ ёсъ! на, бяри!» фальшивыя подталкиванья при шепотномъ «подай!» заставляютъ искать «жгутыка» не тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно находится, и получать все новые и новые удары, какъ дань за недальновидность и нерасторопность. Иной такъ и не выйдетъ изъ круга до конца игры!

27) «Цоть и лишка» начинаетъ прямо корыстныя игры, при-

чемъ участники расплачиваются тѣмъ, что въ скатомъ кулакѣ составлять четъ и нечетъ: орѣхи, бобъ, горохъ, подсолнухи, желуди, земляные орѣхи, крѣпкія ягоды и проч.

28) Выбиванье изъ ямки орѣховъ, желудей—составляетъ уже чисто корыстную игру подростковъ, которой предшествуетъ предварительная подготовка: наединѣ игрокъ практикуется, подолгу выбиваетъ орѣхи или желуди, и къ настоящей игрѣ приготовлять «битку,» болѣе крупный и тяжелый орѣхъ или желудь. Свищъ, наполненный крупными песчинками или свинчатыми кусочками, даетъ наилучшую «битку.» Для игры высоврливается въ земль неглубокая (вершокъ высоты и вер. два въ отверстіи) ямочка и гладко утаптывается. Сюда участники кладутъ условленное число орѣховъ или желудей, а жеребьевой и чередные за нимъ выбиваютъ изъ ямки: все выбитое становится собственностью очередного. Но если его «битка» залегла въ ямочкѣ, то онъ кладетъ туда столько орѣховъ, сколько ихъ оказалось въ ямкѣ, считая и «битку,» и передаетъ право «выбивать» слѣдующему очередному. Въ видахъ успѣшности «битка» съ силой бросается въ ямочку подъ угломъ, и, нужно сознаться, что любой маркеръ позавидуетъ деревенскимъ ловкачамъ и ихъ умѣнью утилизировать положеніе орѣховъ въ ямочкѣ, да такой или иной уголъ «биточнаго» полета!

29) Игру въ камешки можно почтѣть менѣе корыстною, потому что расплатою здѣсь служать, по большей части, игральные гладыши. Однако, иногда они переводятся на указанныя выше предметы потребленія; за отсутствіемъ таковыхъ, расплата производится «плясками, ¹⁸⁾ жгутиками,» щелчкомъ въ лобъ, носъ, руку и проч. Видѣвшіе эту игру помнить ея разнообразія: фигурирующей десятокъ мелкихъ гладышей то устанавливается въ растяжную линію (на 8—10 вер. длины), то разсыпается въ разбивную. Во второмъ случаѣ гладыши подбрасываются изъ горсти вверхъ на поль-аршина и имъ предоставляется произвольное паденіе на землю, или на столъ, лавку, постель,—смотря по притону играющихъ. Тогда очередной беретъ одинъ гладышъ, подбрасываетъ его на такую же высоту и, пока длится полетъ камешка въ высоту, схватываетъ тремя пальцами одинъ изъ лежащихъ камней и съ нимъ ловить опускающейся гладышъ. Это называется—«выкlevывать» камни, что и продѣлывается отъ первого до

послѣдняго. «Выклѣвъ» имѣть два варіанта: или подбираемые камни откладываютъ въ лѣвую горсть, или же остаются всѣ въ правой, которою совершаются подбросъ и «выклѣвъ».

По другому варіанту, всѣ подброшенные гладыши сперва подлавливаются перевернутую кистью, подбрасываются отсюда снова вверхъ и тогда ловятся горстью; «выклѣву» подвергаются лишь тѣ камешки, которые падутъ въ стороны ударомъ о руку, или кризымъ направлениемъ полета. Что же касается камней, выпавшихъ изъ руки, или между пальцевъ, таковые ставятъ игрока въ проигрышъ и передаютъ право очереди другому. Пріобрѣтенная ловкость руки и пальцевъ, тонкій глазомъ рѣдко создаютъ для игрока не выгодное положеніе.

NB—Вместо гладышей городскіе и мѣстечковые подростки въ 50-хъ годахъ употребляли брючныя и сюртучныя пуговицы, которые изготавлялись тогда изъ костей. Гладко отточенныя, сравнительно ровныя, пуговицы служили наилучшимъ материаломъ для игры и имѣли самобытную условную цѣнность. Зато плохо приходилось хозяевамъ одежды: алчники отвертывали или отрывали пуговицы и тѣмъ портили и уродовали послѣднюю.

30) При всей трудности деревенскіе подростки имѣли, однако, пуговицы по двѣ для самобытной игры, отчасти напоминающей билліардную. На ровной и, по возможности, гладкой плоскости клалась одна и двѣ пуговки, участникъ игры поодаль ставилъ свою и на каждомъ ногти давалъ ей стремительный толчекъ въ сторону пуговицы партнера: если ударная пуговица сталкивалась противную съ мѣста, тогда послѣдняя поступала въ собственность игрока или же оплачивалась по условію. Съ появлениемъ стальныхъ перьевъ то же стало продѣливаться и надъ ними, какъ водится, сперва городскими школьниками, а потомъ и деревенскими.

31) «Круцѣль или круцѣлка» бываетъ двухъ видовъ: простѣйшій изъ нихъ—пуговка или маленький досчатый кружекъ на сквозной оси въ центрѣ—составляетъ дѣтскую игру ранняго возраста, и все дѣло забавы тутъ ограничивается ворченiemъ кружка да созерцанiemъ, какъ онъ кружится. У подростковъ употребляется другая «круцѣлка»—юла, извѣстный кубикъ съ ножкой внизу и ручкой вверху, совершенно сходный съ юлою у мѣстныхъ еврейскихъ дѣтей, описанный г. Романовымъ (Этн. Обозр., кн. 1-я, стр. 138). «Круцѣлка» сооружается изъ дерева,

а три боковыя стороны ея отмѣчаются то нарѣзками, то выдолбами, то прожегами; четвертая же сторона остается чистою и при игрѣ она будетъ—ничья. Юла заверчивается при помощи пальцевъ и кружится на твердой плоскости: при остановкѣ юлы и паденіи, плоскость стороны вверху и намѣтки ея будутъ выражать проигрышь: одну, двѣ, три единицы,—что тутъ же и переводится на орѣхи, бобы, щелчки, «пляски». Такимъ образомъ «круцѣлка» является корыстною игрою подростковъ, хотя и отличается отъ предыдущихъ корыстныхъ игръ тѣмъ, что проигрышь и выигрышь зависятъ здѣсь не отъ ловкости, умѣнья, изворотливости, а отъ чистой случайности. «Круцѣлкой» пользуются иногда и возрастные, при денежной игрѣ.

32) „Короли, или бирьки“—опять же корыстная игра и опять же выигрышь и проигрышь здѣсь случайны, по крайней мѣрѣ, ловкость и умѣнье ни причемъ. Орудіемъ игры являются три, почти вершковыя, чурочки, расколотыя на плахи. Заправитель игры (банкометъ) прикладываетъ плаху къ плахѣ и приглашаетъ участниковъ присмотрѣться къ чуркамъ,—нѣть ли какой фальши. Затѣмъ, на виду всѣхъ, поднимаетъ плахи на поларшинную высоту и выпускаетъ изъ рукъ; падая на плоскость, плахи разъединяются, причемъ, однѣ изъ нихъ ложатся вверхъ плоскую стороной, а другія—округло, и первое положеніе плахъ составляетъ проигрышь заправителя, второе же—выигрышь его. Если три плахи падутъ плоскую стороной а другія три округло—выходить ничья. Впрочемъ, по предварительному соглашенію, въ этомъ случаѣ ставка удвоется. Чаще всего «короли» не складываются въ чурки, а выбрасываются на плоскость перемѣшанными.

Возрастные пользуются «королями», еще чаще, чѣмъ «круцѣлкой», и можно поручиться, что каждый записной игрокъ носить ихъ въ карманѣ, на всякий случай.

33) „Шляки“ (бабки) позаимствованы изъ городовъ и мѣстечекъ. Сказать правду, онѣ распространены менѣе другихъ заимствованныхъ игръ, хотя мелькаютъ кое-гдѣ, по крайней мѣрѣ, игорная обстановка и условия „шляковъ“ примѣнены къ ²⁰⁾ игрѣ въ орѣхи, желуди, „паливушки“, и проч. Не представляется надобности въ описаніи этой общеизвѣстной игры, и я позволю себѣ остановиться лишь на мѣстныхъ особенностяхъ ея да перечислю мѣстные термины „шляковъ“.

Кромъ достаточнаго количества „шляковъ“ (бабокъ), каждый игрокъ имѣть отборную „битку“—болѣе тяжеловѣсную бабку, внутренность которой наполняется крупнымъ пескомъ, или заливается оловомъ. Когда участники уставили бабки и размѣстили барьера, ²¹⁾ они становятся передъ послѣднимъ и бросаются на землю свои «битки». Бросанье бываетъ «безъ штукъ», т. е. «битка» подкидывается вверхъ, и «со штуками»: рука не подымается выше пояса, а выпуская «битку», ловко переворачиваетъ ее нѣсколько разъ на скатѣ. Если «битка» падеть на землю плоскою стороной, она называется «плоцкой», боковой—«жокомъ», окружной—«дурой». Хотя и рѣдко, «битка» падаетъ «станькомъ», тогда она называется «стульцемъ». Первымъ, но съ дальнѣйшаго барьера, бьеть «плоцка»; вторымъ и со слѣдующаго, болѣе близкаго—«жокъ», съ самаго ближайшаго, третьимъ, бьеть «дура», но только лѣвой рукой. Послѣ всѣхъ, съ какого угодно барьера, бьеть «стульца». Ясно, что на долю послѣдней или остаются немногія бабки, или ничего не остается, хотя преимущества битья веоспоримы.—При многочисленности игроковъ, однообразное паденье «битокъ» и, слѣдовательно, важный вопросъ о порядке битья разрѣшается такъ: той «плоцкѣ» и «дурѣ» отдается преимущество, которая упала головкой впередъ и тому «жоку», спинка которого на правой сторонѣ; при равномъ условіи, «битки» перекидываются вновь.

Если бабки замѣняются орѣхами, желудями, «пылявушками», то и «битками» здѣсь являются тѣ же предметы, хотя и наиболѣе крупные, тяжеловѣсные; барьеръ—одинъ для всѣхъ; очередь битья опредѣляется жребіемъ.

Часто смрадная бабки, грязныя отъ прикосновенія съ землей, не отвращаютъ игроковъ, а, какъ извѣстно, еще больше манятъ. Тонкій глазомѣръ и ловкость руки находить себѣ здѣсь полезное приложеніе—удачникъ возвращается домой съ полными карманами или съ полнымъ «запаузшемъ шляковъ».

34) Безкорыстная игра въ городки называется «рюхами», а каждая отдельная чурка—«рюшиной». Обстановка игры и условія достаточно извѣстны и къ этому остается прибавить, что мѣстные побѣжденные «строить городъ» побѣдителямъ и привозить ихъ отъ одного города въ другой на плечахъ или по-лошадиному, на четверенькахъ. Послѣднія условія не измѣняются и тогда, когда «у рюхи» играютъ возрастные, особнякомъ ли или съ подро-

стками: дядька перевозить племянника, строить ему городъ, и обратно.

Кромѣ ловкости, правильнаго глазомъра, игра «у рюхи» предполагаетъ и значительную тѣлесную силу. Поэтому она стоитъ на рубежѣ между играми подростковъ и взрослыхъ.

35) Игрою «гыняць-вовкій» заканчивается кругъ игръ подростковъ, которые разстаются съ нею при первомъ обнаруженіи усовъ и бороды. Въ раннемъ возрастѣ «гыняць-вовкій» ограничивается катаньемъ обруча, рѣшетной рамы, ведернаго дна; лишь изрѣдка эти предметы замѣняются хворостиной да палкой. Но у подростковъ «вовкомъ» служить специальный кубарь, а для отгона его не менѣе специальная палка. Какъ известно, участники избираютъ мѣстомъ игры утоптанную площадь, располагаются въ разбивку и вблизи себя очерчиваютъ небольшой кругъ (аршинъ въ диаметрѣ), или вытаптываютъ маленькую ямочку. При помоши своей палки жеребѣвой вталкиваетъ «вывка» въ пространство площади и старается загнать его въ чай-нибудь кружокъ; но до этого недопускаетъ хозяинъ послѣднаго: своею палкою, все время концемъ упertoю въ ямочку, онъ проворно отталкиваетъ «вывка» и также проворно помѣщаетъ ее опять въ ямочку. Но если въ этотъ моментъ туда успѣть уже уткнуть палку жеребѣвой, на его мѣсто отправляется незадачникъ. Въ интересахъ игры «вывка» вталкиваютъ въ площадное пространство, по возможности, медленно, а выбиваютъ его стремительно—сильно, норовя загнать за черту площади.

Слѣдуетъ сказать, что эта игра далеко не повсемѣстная и что она не каждый годъ повторяется,—что иногда зависитъ отъ недостатка нужной площади. Та же игра имѣть мѣсто и зимнею порой, причемъ «вовкомъ» становится обледенѣлый каль животнаго, кусокъ льда, обледенѣлый лапоть и проч.

Перечисленными играми не исчерпывается полный кругъ игръ подростковъ: примѣнительно къ серединному положенію между дѣтьми и взрослыми и самыя игры подростковъ заимствуются то съ той, то съ другой стороны и тѣмъ увеличиваются число подростковыхъ игръ.

36) Между помянутыми играми подростковъ какъ-то странно и непривычно шныряетъ игра въ «кулачки», несомнѣнно, занесенная въ деревни изъ крупныхъ городовъ, гдѣ подъ именемъ кулач

наго боя она не замерла и въ наши дни. Несовсѣмъ понятно одно: «кулачки» не имѣютъ здѣсь организованныхъ сторонъ, не доходить до «лѣпки пы мырдасыхъ, ныдъ духи», ²¹⁾ даже несогда «кулачники» касаются руками другъ друга: стануть противники въ боевую позу, протянувъ впередъ ладони, похлопываютъ угрожающе ими и, медленно подступая, произносятъ боевое—«подай бою! стой, наши!» а когда дѣло повидимому подошло къ настоящему бою, одинъ уклоняется отъ удара и падаетъ на землю, куда валится и побѣдитель; тогда уже начинается обычное игорное барахтанье, надолго затягивающееся, въ которомъ нельзя допустить и тѣни боя, хотя все это, отъ начала до конца, называется «кулачиками», т. е. кулачнымъ боемъ.

Очевидцы городскихъ «кулачиковъ», не увидять здѣсь ни «фонарей», ни «юхѣ», ²²⁾ ни «раскваса мырдасиковъ», не услышать боевого гула, пререканій, а увидѣть лишь прописанное выше и услышать часто сердечный хохотъ и мирные возгласы барахтающихся,

Бавы молодежи.

Когда малецъ и дѣвка станутъ заглядываться другъ на друга, когда чрезъ головы родныхъ «бацѣкъ» они начинаютъ высматривать новыхъ,—когда за участіе въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ и подростковыхъ играхъ имъ напоминаютъ, что «могутъ вусы пылы-мать», а за пристроеніе къ корыстнымъ играмъ старшихъ получаютъ укоризненное замѣчаніе о «не высохшемъ на губахъ молокѣ», тогда молодежь обращается къ отдаленнымъ забавамъ, не имѣющимъ сходства ни съ «бавами» предыдущаго возраста, ни съ игорнымъ времяпрепровожденіемъ послѣдующаго. Играютъ то оба пола вмѣстѣ, то порознь. Исходною цѣлью этихъ забавъ сплошь да рядомъ бываетъ, что играющіе «облюбовываютъ себѣ пару», послѣдствіемъ чего является извѣстное «по рукамъ, да и въ банию», или — «честнымъ пиркомъ, да и за свадебку». Пока, однако, назрѣть послѣднее, молодежь тѣшитъ себя въ будни, чаще въ праздничные и нарочитые дни, слѣдующими забавами.

37) «Горѣцъ», т.-е. играютъ «у горѣльши». Общеизвѣстная и распространенная игра эта не требуетъ описанія, и я долженъ свидѣтельствовать лишь особенную цѣломудренность играющихъ,

которая, при совместной игрѣ мужчинъ и женщинъ, возвращаетъ касаться даже платья догоняемаго: достаточно забѣжать впередъ и тѣмъ загородить побѣгъ, или взяться за кисть руки. Розничная же игра «у горѣлыхъ» предоставляетъ играющиимъ больше развязности и нестѣсненности.

38) «Скоки» и тынцы—плясы²⁴⁾ бывають совместными и различными и, смотря по тому, щепетильно-цѣломудренными и развязными. Напомню эти танцы, достаточно описанные въ различныхъ этнографическихъ сборникахъ: а)Лявониха большая, б)Лявониха малая, в) барыня, г) руськая, д) кынопёнька или кылопелька, е) ляночъ, ж) «по вулицы мыстовай», з) мицелица и и) присядка или кызачѣкъ. Въ недавнее, памятное время, въ число танцевъ пожаловали непрошеными, но почему-то любезными, гостями: і) подобіе польки, к) подобіе «галѣпы» и л) «кыдриля». Послѣдніе три танца начинаютъ кое-гдѣ вытеснять первые девять или видоизмѣнять ихъ.

39) «Котокъ и мышка» отъ подростковъ переходить къ молодежи; но у послѣдней игра принимаетъ сравнительно большую сдержанность и скорѣе похожа на какую-то обрядовую формальность.

40) Тѣмъ же формализмомъ отзыается у молодежи подростковая игра «у ворона»: и воронъ (онъ же—орелъ), и мать съ вереницей дѣтей у хвоста движутся какъ-то вяло; нѣть крика и суеты подростковъ. Кстати прибавить: согласно требованіямъ игры, участники держатся за задъ платья передняго, и это—чуть ли не единственный игорный случай, который выводить за предѣлы щепетильности.

41) «Коло» бываетъ хороводное и веревочное. Въ первомъ случаѣ, «коло» движется, причемъ, какъ известно, участники держать другъ друга за руки, а въ особыхъ случаяхъ—за платокъ въ рукѣ; во второмъ же—они стоять неподвижно, придерживая обѣими руками веревочку. Если дѣло ограничивается рукобитiemъ, т.-е. стоящій въ «коло» норовить ударить по рукѣ одного изъ держащихся за веревочку и тѣмъ поймать замѣстителя, руки играющихъ такъ или иначе отдаляются отъ веревочки, или же по веревочкѣ шмыгаетъ надѣтое кольцо, которое нужно поймать «коловому», руки скользятъ по веревочкѣ въ одну и другую стороны у всѣхъ участниковъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе маскировать мѣстонахожденіе кольца.

Всѣ перечисленныя игры молодежи, повторю, носятъ характеръ отбыываемой повинности, можетъ быть, главнымъ образомъ потому, что въ числѣ зрителей тутъ находятся лица, надзора и суда которыхъ невольно приходится бояться. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло, когда, по условіямъ игры, молодежь пользуется особымъ положеніемъ, болѣе предоставлено себѣ: играющіе подвижнѣе и развязнѣе въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Чтобы согласиться со сказаннымъ, стоитъ посмотретьъ на слѣдующія свободныя игры молодежи:

42) Гуканіе²⁵⁾ весны обыкновенно начинается дѣвическими кол-лективными пѣснями гдѣ-нибудь на пригоркѣ, поодаль отъ деревни. Пѣсни не замедлять собрать мужскую молодежь, причемъ послѣдняя сначала издали и сдержанно дѣлаетъ голосовое эхо на пѣсенные вызовы, затѣмъ эхо приближается къ поющімъ; начинаются то пѣсенные, ²⁶⁾ то рѣчистыя подзадориванья, взаимныя препирательства, шутливое перекидыванье словами на вѣчно юномъ языкѣ молодежи. Относительно поздно молодежь возвращается домой вмѣстѣ при веселомъ хохотѣ, который слабѣеть по мѣрѣ приближенія къ деревнѣ, но который долго потомъ звучить въ умахъ каждого, пока сонъ не ослабить впечатлѣнія.

43) Совершенно тоже и при послѣдующихъ выходахъ молодежи: для привѣта кукушки и соловья, для «завивки березы», гдѣ привѣтствуется воскресающая флора и, въ особенности, Купальское, почти цѣлоночное времяпрепровожденіе. Самый сборъ молодежи, пѣсни, обрядныя дѣйствія, слова, рѣчи и дѣйствія, подсказываемыя игривостью отдельныхъ лицъ, только и могутъ дать то искреннее веселье, о которомъ участники помнятъ цѣлый годъ, цѣлую жизнь.

44) Въ многочисленныхъ гаданьяхъ молодежи какъ совмѣстныхъ, такъ и розничныхъ, часто до мелочей оговаривается будущность играющихъ, будущность семьи, близкихъ лицъ. Такъ какъ о гаданьяхъ молодежи много сказано въ специальному труду по примѣтамъ и повѣріямъ, то, упоминая теперь о гаданьяхъ, кака игры, я считаю нужнымъ напомнить, что гаданья бываютъ: а) будничныя, б) праздничныя, в) святочно-новогоднія, и что совмѣстныя гаданья парней и дѣвушекъ малочисленнѣе гаданій исключительно дѣвическихъ, относясь къ послѣднимъ такъ, какъ пять относится къ 26.

45) Изъ серіи совмѣстныхъ игръ молодежи «жанибы Цар-шкі» можетъ почестъся прообразомъ того, къ чему приводятъ всѣ другія, потому что тутъ осозательнѣе воспроизводится неосмыслен-ная дѣтская игра «у князя и княгиню», помѣченная раньше. Въ свое время я подробно описалъ эту игру (см. «Материалы» Г. Шейна, т. I, ч. I, 1887 г., стр. 99—105) и теперь достаточно будетъ дать лишь краткія напоминанія о ней.

Мѣстомъ игры служить исключительно корчма, очень рѣдко — все-услужливые дома бобылей и бобылокъ; временемъ же — рожде-ственскія святки и выдающіеся дни отъ святоокъ до конца масляни-цы. Выбранные «у бѣцьку зъ маткѣй, ²⁷⁾ люди пожилые, женатые «спариваются» молодежь и усаживаются за столъ парѣ при парѣ, шутливымъ, часто плоскимъ словцомъ поддерживая общее и частное веселье, которое подогревается угоженіемъ своей «жонки» игорнымъ «мужикомъ». По окончаніи «жанибы Цароники», т.-е. послѣ пѣсенъ, сидѣнья въ парѣ, угоженія и развязной бесѣды, часто за полночь, игорные мужья обязаны проводить своихъ женъ по домамъ. Въ игрѣ принимаютъ участіе немногіе любители, хотя завѣдомые женихъ и невѣста охотно вступаютъ въ общество играющихъ, да и самая игра часто создается по ихъ почину. Мѣстное общественное мнѣніе противъ игры, по крайней мѣрѣ, ставить ее ниже другихъ совмѣстныхъ игръ молодежи, и только въ снисходительныхъ случаяхъ отѣняетъ безразличіемъ. Батрацкая бѣднота, безшабашность только и поддерживаетъ «жанибу Цар-шкі» въ текущее время; хозяйскія же дѣтки пробираются въ ней кривыми путями, проводомъ родителей и семьи.

Бавы возмужалыхъ и пожилыхъ лицъ.

Было бы несправедливо отрицать солидарность возрастныхъ съ игорнымъ занятіемъ дѣтей ранняго возраста, подростковъ, какъ и молодежи. Напротивъ, въ ихъ играхъ нерѣдко приходится встрѣ-чать возмужалыхъ и пожилыхъ лицъ, какъ активныхъ участни-ковъ, кои подъ хмелькомъ вламываются непрошеными гостями игры, то являются показателями ея и наставниками подростающа-го поколѣнія. Разумѣется, молодежь не особенно нуждается въ послѣднемъ по свойству многихъ игръ; но она не посмѣть не-

речить вмѣшательству старшихъ, не посмѣть не внять ихъ указаніямъ. Все это, однако, будетъ не «база» возрастныхъ, не игра; послѣдняя можетъ быть въ средѣ только сверстниковъ, разныхъ по житейскому положенію.

Какъ и подобаетъ, игры возрастныхъ еще болѣе лишены погодвижности. За исключеніемъ хмелька, позволяющаго возрастнымъ перегонки, перескоки, «борца» и т. под., возмужалыя и пожилыя лица ведутъ игры довольно одностороннія, которыми испытывается чаще всего сила тѣлесная и очень рѣдко—умственная.

Излюбленнымъ испытаніемъ первой служить: а) переломъ толстой палки, б) изгибъ и переломъ подковы, жалѣзной пластины, монеты, в) колотье орѣха и раздавливанье яйца двумя пальцами (указательнымъ и среднимъ, или безыменнымъ и мизинцемъ), г) подъемъ груза рукою, или одевать лишь пальцемъ, д) держанье палки на «свиру» ²¹, е) «гбачъ пылозы», ²² или отставивать себя при стороннемъ загибѣ, ж) держанье груза на животѣ, груди, плечахъ, головѣ и др. При испытаніи умственной силы въ ходу бываютъ разнообразныя загадки, подбираются пословицы и поговорки на извѣстную тему, подбираются риѳмованныя слова, или несчетно разъ произносятся скороговорки. То и другое испытаніе почти всегда обусловливается закладомъ: проигравшій, или обязанъ отвѣтить соответственно, или же свой проигрышъ перевести на деньги на «кварту», на «пары шива». ²³ Такимъ образомъ въ простыхъ играхъ возрастныхъ дѣлается переходъ къ играмъ корыстнымъ. Эти послѣднія имѣютъ, однако, свой отдѣльный мірокъ и служителей, между которыми найдутся знатоки и вѣѣжды, удачники и неудачники, аматеры и случайники корыстно-игорного дѣла. Чаще другихъ въ ходу бываютъ слѣдующія корыстныя игры:

46 Битье яицъ. Оно начинается въ первого дня Пасхи и заканчивается въ Троицкы дни, причемъ, наиболѣе жаркая игра бываетъ въ первые и послѣдніе дни указанного срока, хотя мѣстные храмовые праздники (въ Юрьевъ, Ивановъ, Николинъ день) вызываютъ эту игру къ той же силѣ, но только мѣстно. Общими условиями игры бываютъ: а) предварительная проба яицъ, т. е. допущеніе къ «зубу» яицъ другъ друга, причемъ играющіе зорко наблюдаютъ, чтобы противникъ не «подсѣкъ» ²⁴ чужого яйца; б) битье яицъ безъ пробы, съ предварительнымъ лишь осмотромъ ихъ и безъ осмотра; в) битье только носковъ, или «пушекъ»; г) битье сразу,

безъ предварительного „коканья“ яйцомъ по яйцу, чѣмъ въ значительной мѣрѣ узнается иногда крѣость яйца противника; д) битье настоящимъ, т. е. куринымъ яйцомъ, а не „пыцаркы“,³²⁾ индючьимъ сноскомъ или, или, всего преступнѣе—„налиткомъ“.³³⁾ Уклоненіе отъ приведенныхъ условій разстраиваетъ игру—соглашеніе „бицца“, а въ острыхъ случаяхъ приводить къ тому, къ чему приводятъ всѣ корыстныя игры во всѣхъ мѣстахъ. Битье яицъ обнимаетъ четыре возрастныя стадіи: дѣтство, подростковое, возмужалое и возрастное состояніе, и вездѣ оно проходить при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и съ однимъ и тѣмъ же исходомъ—споромъ, руганью, „штырьхами“,³⁴⁾ пусканьемъ яйца „у рожу“ и кулачною расправой.

47) Катанье яицъ тѣсно связано съ битьемъ ихъ, по крайней мѣрѣ, сюда въ большинствѣ попадаютъ „выбитыя“ яйца. Горячимъ временемъ игры нужно считать первые три дня Пасхи и постепенно ослабляющимися—послѣдующіе дни Святой недѣли; весьма рѣдко катанье яицъ воскресаетъ въ выдающіеся дни Пятидесятницы, когда яичко болѣе рѣдко и цѣннѣе.

Обыкновенно, при участіи специального желоба, въ ходъ пускаются наиболѣе цѣлые яица, которыхъ съ теченіемъ игры превращаются въ едва движущіеся „шлюпки“;³⁵⁾ въ послѣднемъ случаѣ онѣ съѣдаются игроками на мѣстѣ игры,—что можно видѣть по остаткамъ скорлупы на „катальныхъ точкахъ“. И эта игра со всѣми мелочными условіями проходитъ чрезъ всѣ возрасты, съ однѣмъ развѣ исключеніемъ, что у возрастныхъ и пожилыхъ лицъ яичная единица почти всегда замѣняется копеечною и что яичные бойцы младшихъ возрастовъ поставляютъ сюда свѣже—выбитыя яйца. Освѣжаю памятованіе обѣ этой игрѣ.

На ровномъ, утоптанномъ мѣстѣ ставится въ наклонномъ положеніи желобъ и по немъ пускаются яица участниковъ. Тутъ не нужно жеребьевого начала: въ первый разъ яица спускаются по вольной очереди; въ послѣдующемъ же катаныи очередь удерживается за хозяевами яицъ, прокатившихся на дальнее разстояніе. Если пущенное яйцо задѣло и, въ особенности, столкнулось и остановилось при чужомъ, послѣднее выигрываетъ, т. е. снимается съ мѣста и поступаетъ въ собственность счастливаго игрока; у возрастныхъ оно немедленно выкупается деньгами и потомъ снова пускается въ „котъ“.

Опытные катальные игроки очень тонко умѣютъ выбирать подходящія лица, или однимъ и тѣмъ же яйцомъ пользоваться при разныхъ положеніяхъ спущенныхъ лицъ. Лучшими для катанья лицами служать тѣ, у которыхъ „носъ и пушка“ одинаковы, т. е. яйца имѣютъ чистую форму овала: такія лица катятся по прямой линіи и сравнительно дальше. Но если лица участниковъ „сбочили“, то нужно лица пускать съ замѣтною пушкою и въ томъ же направлѣніи послѣдней, въ какомъ была и пушка предшественника. Кромѣ того, опытные игроки умѣютъ неуловимо толкнуть или все пускаемое яйцо, или только носовую, пушечную сторону,—что важно бываетъ для движенія его прямо, въ ту и другую сторону. Обыкновенно подталкиванье строго преслѣдуется компанейцами, и виновный не замѣдлить понести на себѣ обычая послѣдствія исдоразумѣй при корыстной игрѣ. Слѣдуетъ дополнить, что подталкиванье яйца служить единственнымъ мотивомъ къ спору и другимъ послѣдствіямъ катальной игры.

48) Есть еще одинъ рѣдкій, впрочемъ, случай игры съ яйцами, слабо распространенный въ посѣщенныхъ мною мѣстахъ. Свободное колесо ставится ступицей на землю: на верхнее отверстіе ея ставится соломенный пучекъ, а на него кладется яйцо, и желающимъ предоставляется ударить палочкой по пучку съ боку „сбить соломку“: падеть яйцо въ ступицу—выигрываетъ ударившій по пучку, нѣтъ—онъ проигрываетъ. Кому смутно представляется заурядный въ данномъ случаѣ законъ паденія и кто не владѣеть нужною ловкостью, а только задоромъ, тотъ проигрываетъ десятки лицъ и въ концѣ концовъ увѣряетъ, что тутъ дѣло не обходится безъ нечистой силы.

49) Въ низшей средѣ городского населенія весьма распространена своеобразная мѣна мелкими предметами, извѣстная подъ именемъ „китка“. Въ давнее время, предметомъ „китка“ служила, по большей части тогдашніе „пузорички“ или „слизорички“; сейчасъ же, въ крестьянской средѣ, удержался яичный „китокъ“. Желающіе „киткувания“ обыкновенно держать яйце въ кулакѣ, откуда видна лишь носовая часть его. Сошедшіеся „ны-китка“ внимательно высматриваютъ показную сторону, соглашаются окончательно и посль словъ: разъ, два, три—бяри! ³⁶⁾ одновременно берутъ лица другъ у друга. Часто случается, что кто-нибудь очутится владѣльцемъ яичной скорлупы, тщатель-

но замаскированной передъ „киткомъ“, или владѣльцемъ гнилого яйца... Протесты и укоризны тутъ неумѣстны: окопаченный старается въ свою очередь поскорѣе сбыть „киткомъ“ то, на чемъ только-что обманулся.

Во всѣхъ случаяхъ яичной игры неизмѣннымъ предметомъ остается окрашенное и вареное куриное яйцо. Въ первые три дни Пасхи оно бываетъ ярко-красное; въ послѣдующіе дни Свѣтлой недѣли—нѣсколько свѣтлѣе, потому что окрашивается наскоро въ ослабѣвшей краскѣ; въ выдающіеся дни Пятидесятницы яйца принимаютъ случайную окраску—желтую отъ отвара лопушныхъ цвѣтовъ и коры кустарника волчихъ ягодъ,—синюю отъ такой же краски, гдѣ окрашиваются нитки; наконецъ въ Троицыны дни яичная окраска бываетъ исключительно зеленая, отъ отвара молодой травы и драгесныхъ листьевъ, преимущественно, березовыхъ. Сѣптина, лѣнъ, непредусмотрительность и др. мелочныя обстоятельства поставляютъ на яичную игру и совершенно бѣлые, изрѣдка даже сѣрыя яйца; но эти послѣднія мелькаютъ въ игрѣ точно такъ же, какъ нищенка среди праздничного люда, или какъ оборвашь на свадебномъ пиру... Помнится одно, что выигравшіе охотнѣе кладутъ за пазуху, или въ карманъ окрашенное яйцо, а бѣлое сѣѣдаютъ раньше срока, т. е. когда оно не дошло до положенія „шлюпки“.

50) „Орлянка“ немудреная, чисто фортуная игра, совершенно одинакова, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ играютъ солдаты, мастеровые и измѣнная молодежь, такъ и въ селахъ. Обыкновенно игроки представляютъ два лагеря—„орла и рѣшетку“. Та и другая сторона кладетъ на землю равномѣрное число копѣекъ, и наиболѣе ловкій участникъ подбрасываетъ вверхъ сть ладони болѣе крупную монету. Хотя полетъ послѣдней не можетъ дать никакихъ указаний на выигрышъ и проигрышъ, головы участниковъ какъ-то однообразно и одновременно откидываются назадъ, и глаза устремляются на летящую монету и проводятъ ее до рокового паденія на землю, причемъ головы игроковъ довольно быстро клонятся долу, корыстный взоръ обращается на упавшую монету. Если она упала орломъ, или инициаломъ вверхъ, выигрываетъ „оролъный“ сторона, другою—выигрываетъ „решеточный“ сторона, или „решетники“. Подбрасывающей монету иногда составляетъ одну сторону, остальные участники — другую, и первый от-

въчаетъ кушемъ, равнымъ ставкъ компанейцевъ. Послѣдняя все-цѣло зависить отъ азарта игроковъ, отъ подогреванія водочкой да „пивами“ и отъ обычныхъ обстоятельствъ всякой корыстной игры. Минимумъ ставки бывалъ раньше грошъ, теперь —копѣйка, которая выростаетъ иногда въ добрую полтину.

51) „Ороль и рэшка, или ороль и копѣ“ въ существенныхъ чертахъ похожа на предыдущую игру: конечное положеніе монеты опредѣляетъ выигрышъ и проигрышъ; ставка зависитъ отъ воли и состоянія играющихъ. Эта игра имѣетъ слѣдующія разновидности: а) постановленная на ребро монета приводится въ быстрое, часто продолжительное вращеніе; б) также монета подсовывается подъ шапку (это иногда называется „подсовкыми“ или — „подсунь мине“); в) монета встряхивается въ шапкѣ, горстяхъ, закрытой кубышкѣ. Что ни про-дѣлывалось бы съ монетою, для играющихъ получается неизмѣнныи результатъ: монета вверхъ то „орломъ“, то рѣшкы.“

«Орлянка» происходитъ подъ открытымъ небомъ, лѣтнею и изрѣдка весеннею и осеннею порой, въ благопріятную для того погоду; «ороль и рэшка» неминуемо привязываются къ столу, или соотвѣтствующей плоскости, что предполагаетъ игорный сборъ въ избѣ и вообще жиломъ помѣщеніи. Ясно, что послѣдняя игра бываетъ въ ходу весь годъ. Замѣчательно при этомъ, что на орлянку жалуетъ начинающаяся зрѣлость, тогда какъ «у орла и рѣшку» играютъ люди вполнѣ зрѣлые и даже пожилые, часто съ замѣтнымъ общественнымъ положеніемъ, но они играютъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ.

52) Пока карты не получили теперешняго распространенія, или картижная игра ограничивалась однѣми лишь времяпрепроводительными побужденіями, сельскіе корыстники и искатели сильныхъ ощущеній игравали «у тронки», которая сейчасъ такъ же рѣдки, какъ знаменитая «дудка-висялушка». Причинъ упадка этой игры не мало, но главными нужно считать — семейное и родственное преслѣдованіе игроковъ, а въ послѣднее (отъ себя скажу — урядническое) время — преслѣдованіе отъ сельскихъ и полицеицкихъ властей, благодаря чьему «тронки» ушли съ общественныхъ мѣстъ на сельскихъ ярмаркахъ, видныхъ пунктовъ, и уединились на тока, въ пустые сараи, въ лѣсистое прикрытие, — вообще въ мѣста, мало доступные преслѣдованію.

Вещественными предметами игры являются: пять глиняныхъ

шариковъ (1 д. въ діаметрѣ), или столько же свинцовыхъ, что конечно, лучше, и высверленная тревертомъ ва каблукѣ ямочки, по сторонамъ которой сдѣланы правильные ровики глубиною въ толщину указательного пальца. На два-три просторныхъ шага отъ ямочки проводится черта барьеръ; отсюда «стронки» мечутся въ ямочку. Сообразно личной споровкѣ, играющій располагаєтъ «стронки» на правой ладони попарно, пятую же «строньчину» помѣщаетъ то впереди парь, то назади, становится на барьеръ и, наклонившись впередъ до возможныхъ предѣловъ, бросаетъ «стронки», въ ямочку, причемъ, предварительно нѣсколько разъ проводить рукою по направлению къ ямочкѣ, сдѣлаѣтъ нѣчто въ родѣ припѣла. У ловкаго игрока въ ямочку могутъ упасть всѣ «стронки», или большинство ихъ, тогда какъ у неумѣлаго или незадачливаго, туда попадаетъ только одна-двѣ и даже ни одной: то онѣ застряли въ ровикахъ, то очутились далеко позади ямочки и ровиковъ.

Это — полное несчастье, и неудачникъ подвергается мѣстной шикровкѣ, въ родѣ: «хопивъ ³⁷ жа, братокъ! надто рызыгнався! пыляющій! ³⁸ и. т. под.

Кромѣ того, онъ передаетъ очередь слѣдующему игроку. Особенно обидно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужная «строньчина» вдругъ остановится на самой окраинѣ ямочки: и она и игрокъ подвергаются новымъ «шкѣлямъ», притворнымъ сожалѣніямъ, далеко не сердечнымъ ножеланіямъ.

Ставочные условія разнообразны, и наиболѣе распространеными служатъ: а) денежныя единицы должны отвѣтить троночнымъ со стороны каждого отдельного участника; б) играющій, т. е. распоряжающійся «стронками» беретъ изъ ставки пропорціонально брошеннымъ въ ямочку «строньчинаамъ»; в) если въ ямочку упала одна, или двѣ «строньчины», играющій уступаетъ очередь слѣдующему игроку; г) не упала ни одна — отвѣтаетъ полною ставкой и передаетъ очередь; д) всѣ «стронки» въ ямочкѣ позволяютъ сплатить всю ставку, которая составляется вновь. Или: поставленыя деньги снимаются цѣликомъ при условномъ паденіи въ ямочку четнаго и нечетнаго числа «строньчинъ»; противная сторона отвѣтаетъ равномѣрной ставкой. Послѣднее условіе, совершенно сходное съ игрою „у цоть и лишку“, имѣть исключительное употребленіе у сторонниковъ игры, которые и ведутъ между собою отдельные счеты.

Наиболѣе расходившіеся игроки ведутъ иногда одновременно „tronichnyu“ игру «у доть и лишку» со сторонниками.

Едва ли нужно дополнять, что „tronichnye“ игроки проигрываются до послѣдней возможности и что счастливчики игры покидаютъ ее съ полными карманами денегъ. Подобно деньгамъ отъ «орлянки», онъ долгое время удерживаютъ ту блестящую чистоту, которую получили отъ движенія по землѣ, и потому могутъ выдать игрока, какъ бы онъ ни таялся. Что же касается игорнаго мѣста, то и оно хранить слѣды: ямочки, ровики и вытоптанная гладь остаются замѣтными до другого лѣта, пока не прикроются новой травой или весеннимъ накосомъ.

Остается присоединить, что присяжные «tronichniki» идутъ на игру съ запасомъ «tronikъ» на всякий случай: глиняные могутъ разбиться, а свинцовыя — незамѣтно исчезать въ карманы участниковъ, потому что каждая такая «tronichina» удобно пойдетъ на охотничыя надобности, какъ готовая пушка, или можетъ быть разсѣчена на «дранкульки».³⁹⁾ Тѣ же присяжные игроки умѣютъ приготовлять и счастливыя «troniki». Такъ, во внутрь глиняныхъ они кладутъ дробивки, извлеченныя изъ застрѣленнаго животнаго; а при отливкѣ свинцовыхъ, пользуются пушками, перенесшими выстрѣль и, въ особенности, прошедшими чрезъ какой бы то ни было предметъ. Такія «troniki» несомнѣнно, будутъ счастливы, но только для своего хозяина, самолично сработавшаго ихъ.

53) Картежная игра существуетъ въ простонародной средѣ съ давнихъ поръ: настоящіе старики вспоминаютъ то удачную, то неудачную игру своихъ отцовъ, дѣдушекъ и ихъ ровесниковъ. Но тѣ же старики утверждаютъ, что она не имѣла тогда такой распространенности, какую имѣть теперь, именно потому, что большинство смотрѣло на карты, какъ на грѣховный предметъ, на дьявольское порожденіе и что карты добывались съ большими затрудненіями, чѣмъ теперь. Притомъ: большинство игравшихъ не знало корыстныхъ сторонъ картежной игры и вполнѣ довольствовалось лишь слѣдующими: а) игрою въ дураки, б) — «у мельники», в) — «у возки», или свое кызыры, г) — «у вовки», д) — «у свинки», е) — «у киксы» и т. под. Современнымъ картежнымъ игрокамъ непонятны восторги и горемычное положеніе игроковъ-дѣдушекъ, когда тѣ давали, или получали по нѣсколько «дураковъ» сряду, когда нежданно оставались злополучными «мельниками», или ко-

гда получали «воза» въ видѣ почти полной колоды. Сколько тутъ раздавалось искренняго смѣха, невинныхъ подсмѣшиваний, съ одной стороны, и не менѣе искренней досады—съ другой. На этомъ, но уже при дружномъ пересудѣ игорныхъ случаевъ, ошибокъ и удачъ, игроки расходились вполнѣ довольные игрой и времяпрепровожденіемъ. Немногіе, повторяю, корыстники отдавались картежной игрѣ съ корыстными побужденіями: они игрывали въ другія игры и за ними стояло спеціально название «картезниковъ».

Какъ въ отдаленное, такъ и текущее время «картезники» вѣдаются преимущественно съ одной игрой: «тримя лисцикими», или «хлюстами», которая помѣстно называется еще —подкаретной, смоленской, «бырдадынъмъ». Для игры требуется колода въ 32 листа: она тасуется, снимается, сдается участникамъ по одной карте⁴⁰ (въ однѣ руки три карты) и засвѣчивается. Игроки разбираются съ картами, находящимися на рукахъ, и только въ рѣдкихъ разновидностяхъ замѣняютъ изъ колоды непригодныя карты или самою младшою картой подмѣняютъ «свѣтку». ⁴¹ Когда все это готово, сдатчикъ объявляетъ ставку отъ одной до трехъ, шести, девяти копеекъ, смотря по достатку игроковъ и задору. При надежности картъ, первый отъ сдатчика говоритъ — «зъ нашимъ», или — «зъ нашимъ двѣ копейки», т. е. онъ играетъ и увеличиваетъ ставку; слѣдующій «по рукѣ» дѣлаетъ подобное или пасуетъ, произнося въ послѣднемъ случаѣ традиціонное «у кусты!» Новый очередной произносить «женъ!», «зъ нашимъ женъ!», «женъ зъ нашимъ три копейки!» Этимъ онъ говоритъ, что или а) удваиваетъ сумму, или б) прибавивъ къ суммѣ первичную ставку, удваиваетъ новую сумму, прибавляетъ первичную ставку и еще три копейки. Послѣдній «по рукѣ» участникъ заключаетъ: «миръ!» — что указываетъ на его участіе въ розыгрышѣ. Дальнѣйшій подъемъ ставки прекращается и разыгрываются взятки. Но если у него карты надежны, то прежде «мира» онъ произносить: «зъ нашимъ» столько-то, или «женъ» съ разновидностями. До какой бы суммы ни доходила ставка, участники блюдутъ, чтобы она дѣлилась на три безъ остатка, такъ-какъ здѣсь могутъ быть только три взятки.

Тѣ же участники запоминаютъ разнообразныя надбавки и вообще игорныя рѣчи товарищѣй, чтобы потомъ возстановить истину при возникшемъ недоразумѣніи. Сторонній слушатель возможнаго спора рѣшительно не разберется въ слѣдующихъ возв-

гласахъ: «ты жъ кызѣвъ зъ нашимъ шесть! ты пыжанивъ зъ нашимъ! ты женъ зымиривъ!» и проч. А между тѣмъ они поняты спорящимъ игрокамъ, которые, по нерѣдкому обычаю всѣхъ юристныхъ игроковъ, переходить къ ругани, колотушкамъ, насильственному отнему проигранной, хотя пока и спорной, суммы и выталкиванию изъ игорной среды скомпрометированного игрока.

Для уясненія «трилистной» игры привожу наиболѣе общія условія ея: а) однозначные карты составляютъ «хлюсть», который не разыгрывается по ваяткамъ, а лишь объявляется; б) «хлюсть» составляютъ также: три туза, два туза съ «бырдадымы», два туза и «фалька», или тузъ «бырдадымъ» и «фалька»; в) козыркой «хлюсть» выше простыхъ, которые выше и ниже другъ друга, примѣнительно къ старшинству мастей; г) два «хлюста» одной масти различаются по очкамъ. Эти послѣднія сосчитываются такъ: семерка—7, восьмерка—8, девятка—9, десятка, валетъ, дама и король—по 10 очковъ. Въ «бырдадымы», или «бырдадымы» всегда избирается трефовый король, а въ «фали», или «фальки» пиковая девятка: первый равняется тузамъ, а вторая считается за 10 очковъ; но, будучи козырными, тотъ и другая еще возвышаются на польючка. Все значеніе этихъ двухъ картъ только въ «хлюстахъ»; при разыгрывшъ же они побиваются козырною семеркой. Самою высшою и надежною картой считаются: тузъ проестой и тузъ трефовый (козырий) съ «бырдадымы», что составить 33 съ половиною; низшую—три семерки, съ которыми обыкновенно приходится «идти у кусты». ⁴²⁾

Всѣ корыстныя игры привлекаютъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, или «заплечныхъ игроковъ»; но ихъ почему-то больше бываетъ при игрѣ «трилистной», даже и въ томъ случаѣ, когда игроки уединяются: изучающіе игру, проигравшіеся, удаленные за «крупальство», ⁴³⁾ или ожидающіе игорной вакансіи, наконѣцъ, слѣдящіе за чужимъ счастьемъ и неудачей стоять тѣснѣмъ кружкомъ. Отдѣлаться отъ нихъ невозможно: просыбы и запрѣтъ одинаково непрактичны. А между тѣмъ сколько иезримаго негодованія приносятъ «заплечные игроки»! Помимо того, что «вынесутъ соръ изъ избы», т.-е. передадутъ въ дома про игру, зрителіи несносны бываютъ то «ухмылками», то «жихыми», то «ыками», ⁴⁴⁾ наконѣцъ, можетъ быть, между ними есть чаровникъ, или лило «съ одымъ глазомъ», что нерѣдко вызываетъ почти слезливый

возглась проигрывающагося: «ды вырви жъ тому обби вобки, хто миъ шкодуиць!» ⁴⁵⁾ Возгласы цѣликомъ относятся къ зрителямъ, такъ какъ зло отъ «худого глаза» можетъ быть только оттуда.

Въ предыдущихъ корыстныхъ играхъ дѣло выигрыша и проигрыша является случайнымъ, и только при игрѣ «у тронки» оно отчасти зависитъ отъ навычной ловкости; въ карточной же игрѣ то же дѣло зависитъ отъ знакомства съ отдѣльными листками, отъ запоминанія порядка при тасовкѣ и отъ засматриванья въ чужую карту. Кроме того, если хозяева картъ съ шулерскими споровками, они намѣчаютъ карты незамѣтными наколами, пятнышками, угловыми загибами, отломами, или, пользуясь замѣшательствомъ партнеровъ, передергиваютъ карту. Разумѣется, при обнаруженіи шулерства, виновный выдерживаетъ товарищеский самосудъ, иногда не хуже самосуда надъ конокрадами.

Въ недавнее сравнительно время трилистная игра стала вытесняться «стукальский», ⁴⁶⁾ понравившемся «картѣвникамъ». Дивно: эта игра является единствено корыстною игрою, гдѣ начинаютъ приимать активное участіе и женщины.

За проигрышомъ, отсутствіемъ денегъ, или корыстною удовлетвореністю потѣхи ради, «хлюсты» и «стукалька» переходятъ «у носкѣ», т. е. ставочною единицею бываєтъ битье по носу тремя картами, а не деньги. Проигравшійся прикрываетъ картами щеки на обѣ стороны носа, а выигравшій отхлестываетъ по открытому носу выигранную сумму. Впрочемъ отъ его воли зависитъ отбивать проигрышъ, или не отбивать: въ послѣднемъ случаѣ онъ подноситъ «скубу», или «фифи», ребромъ трехъ картъ ныряетъ одинъ разъ подъ носъ. Нужно сознаться, это скорѣе вызоветъ слезный натѣкъ, чѣмъ отхлестыванье 25 «носковъ»!..

Какъ извѣстно, почти всякое занятіе вызываетъ у новопришедшаго то или иное привѣтствіе, въ которомъ выражаются благожеланія. И корыстныя игры вызываютъ специальная привѣтствія, но странно—одинъ и тѣ же на всѣ игорные случаи: «чій конь, ⁴⁷⁾ того й яйцы!» съ шутливымъ иногда добавленіемъ «чій плясь (гропъ), того й танцы!» Катальщики яицъ, «тронышники» и «картѣвники» одинаково принимаютъ его, какъ благопожеланіе на выигрышъ. Но если новопришедший подосвѣтъ на споръ и ругань, то онъ привѣтствуетъ игроковъ словами: «што за споръ?! чаму драки нѣть?!» Часто случается, что разгоряченныя лица

игроковъ озарятся улыбкой, а кто-нибудь не замедлить отвѣтить въ томъ же шутливомъ тонѣ: «ды й до ей ия дужа далёко!»

Кстати: какъ бы ни были ожесточены иногда игорные драки, онъ не такъ памятны, какъ, примѣрно, драки изъ-за нарушенныхъ правъ земельныхъ, хозяйственныхъ, семейныхъ, и подравшившіеся нынѣ завтра мирнымъ образомъ сидѣть за прежнею игрою. То же и при другихъ игорныхъ случайностяхъ: сейчасъ вытолкнули вздорнаго спорщика, проигравшагося безденежника, но если онъ добылъ поспѣшно денегъ, уириаторивъ спорные пункты надлежащимъ расчетомъ,—его снова и немедленно принимаютъ въ игорную компанию, гдѣ онъ снова же—«братокъ».

Здравомыслящий простолюдинъ видить въ игорномъ (корыстномъ) дѣлѣ одно только зло и, по возможности, сторонится отъ игръ, гдѣ приходится проронить копейку «ни занюхъ тыбаки». ⁴⁸⁾ Касательно нравственной стороны того же дѣла онъ пословично говоритъ: «пьяницы сойдутца—пирицаютца; картѣвники сойдутца—пирядѣрутца!» Къ симпатичной относительно сторонъ мѣстныхъ игроковъ нужно отнести, что выигранныя деньги не всегда несутся «ребятишкамъ на молочишко», а коллективно (съ партнѣрами) пропиваются: откуда пришли, туда и пошли...

Нѣсколько словъ о соемѣстныхъ играхъ.

Совмѣстныя игры мужчинъ и женщинъ наблюдаются только въ двухъ житейскихъ периодахъ: въ пору раннаго дѣтства и въ пору исканія невѣсты и жениховъ. Внѣ этихъ сроковъ оба пола отдаются отдѣльнымъ играмъ, и братецъ ищетъ компанейца-братца, а сестрица—сестрицу. Пока мальчикъ и дѣвочка бѣгаютъ въ однѣхъ только рубашенкахъ, что длится лѣтъ до семи, и пока единственнаю внѣшнею разницей между ними служать подстрижки волосъ у первого и отпущеные волосы у другой, мальчикъ возится съ куклой, а дѣвочка садится и галопируетъ на палочномъ конѣ; оба бѣгаютъ на «обѣгонки», «куляютца», катаются и даже «кулююць»; совмѣстно и въ помошь другъ другу сооружаютъ «лѣвкъ», возятся съ ними, пекутъ лепешки, строятъ печурки. Но лишь только мальчикъ облачился въ портки, а дѣвочка въ юбку,—между ними скоро устанавливается игорная размолвка и

каждый ищетъ общества того пола, къ которому принадлежить, такъ что, совмѣстная мѣсяцъ назадъ, нѣкоторыя игры теперь идутъ порознь, хотя построение и характеръ ихъ остаются прежними. Но я это длится недолго: къ подростковой порѣ дѣвочки имѣютъ суженный кругъ игръ — куклы и куклы, къ чему присоединяется все болѣе и болѣе расширяющійся кругъ пѣсенныій. Это же еще болѣе отдѣляетъ оба пола, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ что давнишніе всадники, хлѣбопеки и пекчики, при наступившей зреѣости, смотрѣть «бѣкомъ» другъ на друга, пока новые инстинкты не пригонятъ къ немногочисленнымъ, правда, совмѣстнымъ играмъ. Въ предыдущемъ видно было, къ какому концу приводятъ совмѣстныи игры молодежи: достигнута цѣль — и совмѣстныи забавы: мужчинъ и женщинъ больше не сходятся. Въ обществѣ женщинъ женщины забавляются пѣснями, загадками, да рассказами тогда, когда мужчины ведутъ испытаніе физической силы, корыстныи игры только въ компаніи мужчинъ. Въ словѣ о картежной игрѣ мною упомянуто, что въ «стукалкѣ» кое-гдѣ принимаютъ активное участіе и женщины. Что это? знаменіе времени? Да сберхнитъ Богъ всегда скромную, якорыстную мать, бѣлорусскаго простолюдина отъ дальнѣйшей прививки игры, и лучше пусть она остается при своихъ законыльыхъ особенныхъ забавахъ! Нѣть сомнѣнія, что сельская школа можетъ предотвратить надвигающееся притяженіе къ «стукалкѣ», если отдать обучающейся тамъ дѣвочекъ не задворки, не угловыя мѣста, а именно тѣ, кой она должна занять, какъ будущая мать. Не ново, памятное состояніе при костельныхъ школахъ, въ значительной мѣрѣ помолнившихся ученицами: въ роли матерей и старшихъ руководящихъ сестеръ онѣ не замедлили потомъ воспитать не преданныхъ только сыновъ католической церкви, а и покорныхъ слугъ полонизма, непреклонно оставаясь тѣми и другими лично. Не менѣе памятно и то, что гражданской и духовной властямъ приходилось потомъ считаться съ помянутымъ плодомъ школьнаго вліянія. Урокъ такимъ образомъ есть и близокъ къ переживаемому времени, а практическая жизнь подсказываетъ, что бѣлорусская мать, даже неграмотная, умѣеть пока воспитать дѣтей въ преданности православію и державной власти. Пусть же она къ драгоцѣнѣйшему умѣнію прибавить въ сельской школѣ и другое — станетъ грамотною: въ свое время она несомнѣнно поду-

чить грамотъ своихъ братьевъ и дѣтей; а это, какъ и самыи свѣтъ грамотности, упорядочить досужее время сестры и матери, которая не пойдетъ на «стукальку», а вмѣсто нея возвьметъ въ руки и воспользуется книгою дома...

Когда такъ незначительны и краткосрочны совмѣстныи игры мужчинъ и женщинъ, то еще скромнѣе по размѣрамъ совмѣстныи игры различныхъ возрастовъ, даже и близкихъ одинъ къ другому. И въ самомъ дѣлѣ: весьма трудно соединить ъзду на палочкѣ съ «строночною» игрою и даже съ безкорыстною игрою возрастныхъ, какъ не легко сопоставить приготовленіе земляныхъ лепешекъ и вовзю съ бабками. Но когда возрастные руководятъ дѣтской игрою, приходится видѣть за однимъ и тѣмъ же дѣломъ едва укрѣпившихся на собственныхъ ножкахъ и такихъ, которымъ уже стыдновато бывать бѣговое передвиженіе. Тутъ остается всецѣло признавать только игру первыхъ и наставническое руководительство вторыхъ, за которымъ слѣдуетъ лишь поощреніе, присмотръ и простое созерцаніе того, какъ идеть преподанное, или какъ выражается дѣтская подвижность, дѣтская изобрѣтательность: улыбка, поощрительный смѣхъ, да краткое одобрение словами—вотъ послѣднее участіе возрастныхъ въ играхъ дѣтей раннаго возраста. Игры подростковъ свободны отъ руководительства возрастныхъ, но онъ подлежать болѣе участливому созерцанію послѣднихъ потому что тутъ именно отмѣчается развивающаяся тѣлесная ловкость и не менѣе того развивающаяся подвижность умственная. Что же касается совмѣстности въ игрѣ молодежи и возрастныхъ, пожилыхъ лицъ, то, понятно, это неумѣстно: кромѣ розни интересовъ игры, возрастные, какъ и пожилые, могутъ быть заподозрѣны въ преслѣдованіи стороннихъ, преступныхъ намѣреній, по крайней мѣрѣ, такъ, а не иначе, напр., понимается одно лишь желаніе отдѣльныхъ возрастныхъ примкнуть къ той или другой игрѣ молодежи.

Естественно ожидать, что дѣдушки и бабушки отнесутся къ играмъ внучатъ не только покровительственно, но и участливо. Но ищущая покоя старость не мирится съ шумными проявленіями молодости, а старческая неподвижность и физическое разрушеніе въ порывистыхъ движеніяхъ дѣтей и подростковъ видѣтъ одну лишь опасность вывихнуть, сломать, искривить тѣло; въ проявляющейся умственной подвижности старчество провидитъ будущее бѣвпутство. Въ томъ и другомъ проявленіи молодости старики разражаются

ворчбой на подростающее поколѣніе, создаютъ безплодныя іереміады, читають еще болѣе безплодныя проповѣди и наставленія и „коляглызыамъ“⁴⁰), и родителямъ ихъ за одно. Несомнѣнно, что это именно и создаетъ обоядную натянутость отношений, по которой внукъ покажетъ дѣду языкъ и убѣжитъ отъ ворчливой проповѣди, а обиженная въ концѣ бабка съ ворчбой уйдетъ въ покойный уголъ, подъ прикрытие кожуха, чтобы не видѣть и не слышать чинимаго безобразія.

На старческій взглядъ игры молодежи являются уже чѣмъ то грѣховнымъ, отъ чего нужно и откращиваться и отмаливаться. Тутъ іереміады и проповѣди ни при чѣмъ: играющіе могутъ напомнить дѣду и бабѣ о дняхъ ихъ собственной молодости и возможныхъ тогда грѣшкахъ—такъ ужъ не лучше ли будетъ заблаговременно уйти въ уголъ и подъ кожухъ. Корыстныя игры всѣхъ видовъ у возрастныхъ есть чисто дьявольское наважденіе, за одно созерцаніе которыхъ необходимо перенести просто „покуту“⁴¹ отъ нихъ, вужно бѣжать по мѣрѣ старческихъ силъ, какъ можно скорѣе въ традиціонный старческій притонъ.

Когда же Господь благословилъ старика особыннмъ долголѣтіемъ, когда онъ пережилъ опасенія и недовольство дѣтскими и подростковыми играми, опасеніе за грѣховность игръ и преимущественное—за корыстныя игры возрастныхъ, когда старческій умъ и сердце, притупленные долгожизненными думами и чувствомъ, отказываются надлежаше служить умалюющемуся тѣлу, тогда приходится видѣть чудное, хотя и не единичное совмѣщеніе на дѣтскихъ играхъ дѣтей и лицъ крайней старости. Какъ известно, эти совмѣстныя игры отличаются солидарностью сторонъ, задушевностью, причемъ, за отнятую „мальку“, испорченную землянку лепешку, старость проливаетъ непрітворные слезы; хохоть и рукоплещетъ по-дѣтски вмѣстѣ съ дѣтьми при игорныхъ благополучіяхъ и проч. -Разсказы о „сдядинившихся“⁵¹ долговѣчникахъ, кстати многочисленные, полны самыхъ симпатичныхъ воспоминаній о томъ, какъ старики-дѣти, въ совмѣстной игрѣ съ настоящими дѣтьми, братски помогали компанейцамъ въ раздичныхъ стройкахъ, печуркахъ, печеньяхъ, убранствѣ куколь, и какъ труженики засыпали на игорномъ мѣстѣ съ игрушкой въ рукахъ и съ дѣтской улыбкой на лицѣ... Не подвергая осмѣянію дѣтскія игры и находя во многихъ изъ нихъ пророчественныя указанія, мѣстный просто-

людинъ особенно чтить игры „сдячинившихся“ и страшится за одно, чтобы они не подверглись осмѣянію дѣтей, подростковъ и молодежи, или празднаго, но неразумнаго окаянника-зубоскала: видимое Божеское возмездіе ложится на домъ, гдѣ есть поминаемый долговѣчникъ, а не на обидчика. Въ ряду естественныхъ заботъ о такой безнomoщной старости, семья долговѣчника всемѣрно заботится о сокрытіи его дѣтскихъ игръ потому именно, чтобы на нихъ не пало стороннее осмѣяніе, даже удивленное любопытство. Долговѣчники и дѣти, по возможности, удивляются на задворки, въ отдалънныя помѣщенія, а игры ихъ останавливаются въ случа-яхъ стороннаго присутствія.

Существуетъ распространенное вѣрованіе, что дѣти, компанейцы долговѣчниковъ по игорному дѣлу, могутъ жить долго, и что въ будущемъ имъ предстоитъ быть тѣми же старичками-дѣтьми.

Жеребьевая часть.

Почти каждая игра всѣхъ возрастовъ вызываетъ починъ, порядокъ и главнаго заправителя ея,—что, какъ извѣстно, дѣлается пожре-бю. Мѣстный «жерібъ» (жарыба) не очень разнообразенъ и, кроме то-го, часто лишенъ смысла. Онъ бываетъ двоякій: то вынимается изъ закрытой шапки условный значекъ—сравнително большой камень палочки, соломинка, то произносится простой и риѳмованный под-боръ словъ, причемъ, «гадающій» при каждомъ словѣ тычетъ по-очередно пальцемъ въ отдалънаго компанейца, не исключая и се-бя. Вынувшій условный предметъ, или, тотъ на котораго пало по-слѣднєе слово жеребьевой рѣчи, начинаетъ игру, руководить ею, или отправлять игорныя тягости, или же пользуется игорными преимуществами. Для полноты дѣла привожу немногія жеребьевыя рѣчи, при которыхъ участники становятся въ кружокъ, полукругъ, шеренгу, а «гадающій» начинаетъ тыканье пальцемъ и рѣчъ по произволу, т. е. съ какого угодно компанейца, а затѣмъ тыканье идетъ по порядку.

- 1) «Анцы—двайнцы—тринцы—ярынцы—пятны—лайды—шутыны—бутыны—дэвырь—дэксъ!» (въ рѣчи 10 словъ).
- 2) «Кова—нова—чимъ—подкова—злато—лайто—пудкалито—каю—вѣю—бомъ—оставайся—дуракомъ!» (въ рѣчи 11 словъ).

3) «Күю—кулюкушки—чатыри—лягушки—иаты—кырнаты⁵²) шесты—бязхвосты—сыбаки—дыгнали—хвосты—одырвали!» (въ рѣчи 12 словъ).

4) «Разъ—два—дёнигъ—цѣна—три—чатыри—причалили—пять—шесть—деньги—ъсь—семь—восемь—сѣно—косимъ—дѣвиць десиць—деньги—вѣсницы!» (въ рѣчи 19 словъ). .

5) «Сѣмка—спалы—стыронія—Сѣпка—стары—биражись—Савка—руды—стыновія—Санька—куцы⁵³)—остывайся—Сыдурь—дробы—ни рушайся—Силивонъ—(чаще—Рыдивонъ)—поди—вонъ!» (въ рѣчи 18 словъ).

6) «Рыгыданъ—рыгыданъ—ны чатыри—Зылышданъ—пятьсотъ—судя—пыньямары—Юрьря—Кыцарива—Коцка—заморимъ—пала—хлѣба—дысталы—на полку—пыклала—хто ўзявлъ—я ўзявлъ—Рыдивонъ—вѣди вонъ!» (въ рѣчи 20 словъ).

Приведенные образчики жеребьевыхъ рѣчей чисто дѣтского творчества и употребляются они дѣтьми, по преимуществу. Лѣнь ли охотно пользующаяся готовымъ, традиціи ли, но только дѣтская рѣчи фигурируютъ въ жеребьевомъ дѣлѣ молодежи и возрастныхъ, какъ и корыстныхъ игроковъ. Правда, иѣсколько странно слышать дѣтскую безсвязицу въ устахъ возрастныхъ; послѣдніе конфузливо «жирабуюць»,⁵⁴) точно сознаютъ, что приходится перенимать и «учиться у курицы»—и все-таки не создаются отдельной «жеребевки». Чаще другихъ возрастные и, въ особности, корыстники, пользуются жеребьевой рѣчью подъ № 4; участники простыхъ игръ—№ 1. Рѣчь подъ № 3—специальная для «кулюкушкъ»—взрастными употребляется въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда въ наличности не найдется знающаго что нибудь-другое. Тогда не только странно, но и комично выслушивать, какъ «стропышики» выговариваютъ «кую кулюкушку» при выборѣ начинаящаго игру.

Всѣ эти жеребьевые «дѣксы, дураки, хвосты, Силивоны», иди начинаютъ игру, или направляютъ ею, перенося тягости и пренѣмущество ея. Такъ, напр., злополучный «дѣксь» часто «жмурица» до ослабленія силъ, подвергаясь игорнымъ щипкамъ, подергиваніемъ за платье, насмѣшкамъ; въ «капусткѣ» (24 игра) онъ первымъ подставляетъ противнику руки; его рука становится «зильзымъ» (въ 25 игрѣ), а спина переносить десятки «жгутиковъ» (въ 26 игрѣ), да и весь «дѣксь» долго вертится въ кружкѣ, на корточкахъ, пока не пойкаетъ замѣстителя; «у горѣльшихъ» (37

игра) ему долго иногда приходится гоняться и томиться за ловлею пары и проч. При другихъ играхъ, тотъ же «дэксъ», какъ и всѣ «хвосты» да «Силивоны», можетъ занять преимущественное, часто выгодное положеніе, будуть ли эти игры простыми, или корыстными.

Въ играхъ дѣтей ранняго возраста вѣтъ жеребьевыхъ рѣчей, не потому, что игроки еще не научились говорить, а по свойству игръ и существу участниковъ, которые составляютъ одинъ «дэксъ», всѣ одинаково пользуются одними лишь игорными преимуществами. Жеребьевыя рѣчи заносятся сюда, какъ лепеть, какъ работа для языка, наравнѣ съ другими условленными словами, которыхъ почему-нибудь понравились играющимъ.

Смѣю утверждать что сказаннымъ о мѣстныхъ играхъ и игро-
кахъ сдѣлано далеко не все: мною перечислены наиболѣе общія-
игры, чаще другихъ встрѣчающіяся. Другое дѣло — содеряніе,
цѣль, постановка игры, какъ и отношеніе къ ней участниковъ —
возражаютъ ли и въ какой мѣрѣ на порицаніе въ косности, нераз-
витости мѣстнаго простолюдина? Если мѣстныя игры не имѣютъ
за собою ничего оригинального и встрѣчаются въ одинаковой мѣ-
рѣ «за рубежомъ» и дальше него, то снова приходится утвер-
ждать, что домовитый былорусскій простолюдинъ не ходилъ за ни-
ми, не заимствовалъ «бавъ» ни для дѣтей ранняго возраста, ни
для подростковъ, ни тѣмъ менѣе для молодежи. Приходится со-
знаться, что игры выросли на мѣстѣ, поддерживались преемствен-
но до переживаемаго времени, когда простолюдинъ только что на-
чалъ выходить изъ своего захолустья и когда послѣднее пере-
стаетъ быть таковымъ для другихъ. Сдѣлавъ ничтожные отбросы
грубой, невидимому, стороны[1] нѣкоторыхъ игръ, въ то же время
приходится признать, что онѣ оттѣняются всѣми достоинствами
игръ: образуютъ тѣло и душу, развиваютъ подвижность, ловкость,
сообразительность, среди прозаической, будничной жизни, даютъ
то, что необходимо для возбужденно-восторженного состоянія ду-
ха. Существуютъ корыстныя игры, но мѣстный простолюдинъ не
живеть ими, не проигралъ сосѣда, по крайней мѣ-
рѣ, нѣтъ примѣра разоренія отъ корыстныхъ игръ. Да и самые
жаркіе корыстники пользуются играми въ подходящее время, ру-
ководясь и личными побужденіями, и принятыми общественными
условіями. Эти послѣднія даютъ нѣкоторое снисхожденіе корыст-

нику, пока онъ не сталъ украшаться съдинами; но опи же рѣшительно не допускаютъ корыстника-игрока, пополняющаго ряды съдовласыхъ старичковъ. Практическая жизнь поставляетъ дивные примѣры того, что самыя жаркіе корыстники-игроки около 40-лѣтняго возраста почти сразу разстаются съ корыстными играми, подобно тому, какъ бывшій «дударь» и «музыка» со своими инструментами, т. е. игрой на нихъ,—какъ самые жаркіе «тынцыплясники» съ любими «скоками» «да плясами». Исключенія возможны вездѣ: не обходится безъ нихъ и въ игорномъ дѣлѣ; но въ простонародной средѣ они ничтожны и не ослабляютъ условнаго общежитейскаго правила.

Заключая очеркъ „игръ и игроковъ“, я позволю себѣ еще разъ вернуться къ первоначальнымъ „бавамъ“, которыми возрастные и старики унимаютъ дѣтскій плачъ и, вызывая игорное удовольствіе, превращаютъ слезы въ искреннюю радость не „цацками и ляльками“, а путемъ совмѣстнаго движения руками, къ чему присоединяется речитативъ риѳмованной рѣчи. Пишущему настоящія строки суждено было видѣть въ Витебск. у., какъ приставленная „няня-ляля“ унимала и утѣшала порученныхъ ей малолѣтковъ и старика, дошедшаго до крайней степени „дѣяніства“ и съ давняго времени дѣлившаго дѣтскія игры. Участники изображали „гусей“. Каждый бралъ двумя пальцами (щипкомъ) за кожу верхней части кисти сосѣда, отъ чего руки участниковъ представили стопу руки и пальцевъ, висящихъ въ воздухѣ. Поднимая и опуская ручную сторону, играющіе произносили хоромъ:

„Кара-кара, гуси!
Куды пыляцѣли?—
Ны бабины сѣни!—
Сѣни пыдломили,
Бабу забили,
Дѣда выдали...
Шу-у-гу! Пыляцѣли!.. „)

При послѣднемъ словѣ, спѣшно и въ перебой произносимомъ, участники разводили ладонями въ стороны, какъ бы изображая плавное движеніе гусиныхъ крыльевъ. Старикъ не отставалъ отъ товарищѣй, хотя испуганно смотрѣлъ, какъ гуси „пыляцѣли“...

Не менѣе трогательную сцену почти колыбельныхъ дѣ-

тей приходится видѣть въ „пипѣ, ⁵⁶) что кашку варила“. Обыкновенно унимающій слегка плюетъ на дѣтскую ладонь, или заставляеть сдѣлать то же дитя; придерживая за руку и покручивая пальцемъ по плечку, онъ произносить:

„Пипа-пипа кашку варила,
Ны порогъ пыскакывыла,
Госцыкывъ пыдгиядывыла;
Госцыкывъ ни дыждалыся—
Стала рибяткымъ дялицъ..“

Перебирая затѣмъ пальцы той же дѣтской руки съ большого и останавливаясь на каждомъ, унимающій дополняеть: „отыму дыла; и етыму дыла!“ Остановившись на мизинцѣ, придерживая и потрясая его, заканчиваетъ: „а етыму ни дысталыся! ты спаль: зы водой ни ходивъ, кашки ни варишь—табѣ кашка высо-о-ко ны полічкѣ!“ (рука поднимается за мизинецъ до возможной высоты). Удерживая „пишчынны“ пальцы одной рукой и тыча пальцемъ другой, унимающій пополняеть: „тутъ пень (тычетъ въ сочлененіе кисти и локтевой), тутъ колода (въ средину локтевой), тутъ мохъ (въ локтевое сочлененіе), тутъ болото въ (средину предплечія), сплюдёненынка водичка (щекотанье подъ мышкой)“... Дитя хоочеть и посильнно просить о новой „пипѣ, что кашку варила“.

Н. Я. Никифоровскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Бѣза, вы,—сущ.—невинное развлеченіе, времяпрепровожденіе; замедлившееся отсутствіе. Глаг.—бѣвидъ—бѣвица—доставлять развлеченіе, медлить отсутствіемъ.

2. Первая обыкновенно называется и не на дѣтскомъ языкѣ, но ради дѣтей—«няня—ляля», а вторая—«няня—бѣба».

3. Цаца,—цы,—уменыш.—цацка, ки,—сущ.—игрушка, забавляющій предметъ, преимущественно, доступный для удержанія въ

дѣтскихъ рукахъ. Глаг.—цацкыць,—ца—при помоціи игрушки забавлять (чаще—держать игрушку) и забавляться. Въ иносказаніи служить насмѣшкою и укоризной предмету и обращающемуся съ нимъ.

4) Лапа, лапка, лапурка и лапуропка—обычныя названія ручки у дѣтей ранніго возраста, примѣрно, колыбельныхъ.

5) Мѣстное, разумѣется, искаженіе произношеніе слова—шоссе.

6) Опять же мѣстное, своеобразно понимаемое слово—рекрутъ. Един. ч.—никрутъ, множ.—никрути—выражаетъ понятіе неповоротливости въ строевомъ смыслѣ, военной необученности, и противополагается настоящему «служивому», который «крутъ», ловокъ въ поворотныхъ движеніяхъ.

7) Ёхать «ўсціжъ»—ѣхать на лошадяхъ, запряженныхъ пугомъ, что имѣеть мѣсто зимнею порой; а потому дѣтскіе «коники» съ подобной запряжкой имѣютъ преимущественное употребленіе зимою. Лѣтомъ такая запряжка у дѣтей пророчить снѣжную зиму.

8) Упартый,—прил.—упрямый, своенравный, непослушный. Существ.—упартъсь, сци,—глал.—упартызыць—имѣютъ то же значеніе. Сущ.—упарцина—бранное, укоризненное понятіе.

9) Кося, косенька,—сущ.—дѣтское название коня отъ призывааго клика лошади—«косъ-косъ!»

10) Тпрселя, тпрселька,—сущ.—ласкальная кличка лошади отъ призывааго клика—«тпрсё-тпрсё!» и тпрсель—тпрсель!.

11) Кырачки, чывѣтъ,—сущ. во множ. ч. четвереньки; движение на колѣняхъ, или близко пригнувшись къ землѣ.

12) Гунька, ки,—сущ.—собственно—лошадиная покрышка, хотя бы то была старая рогожа, мѣшокъ; всякая покрышка отъ дождя, мокраго снѣга, при морозѣ, на человѣкѣ и даже на перевозимомъ, или сложенномъ товарѣ (хлѣбѣ, пенька, рыба и проч.).

13) Гулы,—сущ. во мн. ч.—гулянья, подъ чѣмъ весьма часто понимается игра, а не праздное времяпрепровожденіе.—Шалы,—сущ. во множ. ч.—шалость; то же—игра; употребленное въ един. числ.—шаль означаетъ бѣшенство въ обычномъ значеніи и въ бранномъ употребленіи.—Гарѣзы,—сущ. во мн. ч.—рѣзвыя движенія, рѣзвость дѣтей и подростковъ.

14) Князь и княгиня—название новобрачныхъ отъ момента возложенія вѣнцовъ въ церкви до брачнаго соитія ихъ, послѣ чего они—«мылодѣнецъ и мылодухъ».

15) Крыжъ и крыжикъ — полуцельское название креста; крестъ у человѣка и животныхъ, часто, однако, именуемый «красцомъ» (имен. пад.—красцѣ).

16) Пячура и пячурка,—сущ.—кромѣ этого значенія, выражаетъ имя «ямокъ» — присечныхъ закутъ, куда загребается жаръ.

17) Поминаемый здѣсь дѣлъ называется такъ лишь потому, что сидѣть неподвижно и блѣдеть игру; дѣломъ часто бываетъ мальчикъ, сверстникъ играющихъ; дѣвочка — никогда.

18) Пляцка, ки,—сущ.—ударъ по тѣлу плоскимъ предметомъ, при чѣмъ ясно слышится особенный звукъ.

Въ старое школьнѣе время «пляцки» давались линейкой по ладони за письменную исключительно неисправность.

19) Кромѣ настоящаго значенія, употребляется, какъ бранное, и означаетъ нечестнаго игрока, или плательщика.—При настоящей игрѣ можетъ имѣть мѣсто слѣдующая фраза: «едыкій круцель! узяй мой круцель...» что можетъ быть понятно знающимъ вибу и участникамъ ея.

20) Пылявушка, ки,—сущ.—дикая, полевая яблоня, плодъ ея.

21) Правильнѣе — линіи, которыхъ три: первая — въ трехъ шагахъ отъ ряда бабокъ, вторая въ шести и третья — въ девяти.

22) Мырласы, сывъ,—сущ.—собственно носъ и губы; иногда — все лицо.—Духій — дыханіе — вся грудь, бока и ложечка.

23) Типичное выраженіе — спусціцъ юху — значить: ударить кого по носу до крови. Въ сельскихъ играхъ это можетъ случиться при крайней неосторожности, нечаянно; въ играхъ дѣтей-горожанъ низшихъ слоевъ «спускающъ юху» въ бояхъ, «кулачкахъ», гдѣ это составляетъ доблѣсть, усладу, похвалы...

24) Оба понятія безразлично выражаютъ танецъ. Въ первомъ, однако, разумѣется танецъ съ выдающимися, или замѣтными подпрыгиваньями, а во второмъ плавное движеніе танцоровъ.

25) Гуканне, ная,—сущ.—выкликъ, зовъ. На предметъ выклика весны существуетъ множество специальныхъ пѣсень — веснянокъ.

26) Образчикомъ пѣсенныхъ подзадориваній можетъ служить слѣдующая распространенная пѣсня изъ отдѣла купальскихъ.

Синни Купала, завтри Иванъ:
Ой, будицъ, мальцы, лихо замъ
Ой, будицъ лихо лихоя —

Погоница кошки, у поля.
 Кошки по ёлкыкъ скыкали—
 Мальцы на кошки брихали:
 «Лъзыца вы, кошки, зъ ёлыкъ долбъ,
 «Погонимъ, кошки, мы васъ домовъ.
 «Будимъ дома долці—
 «Мальцымъ кашу вариці!...»

Въ отвѣтъ и въ перебой «мальцы» поютъ ту же пѣсню, замѣнная въ надлежащихъ мѣстахъ слово—мальцы словомъ—дѣвки. Отъ пѣсни одинъ шагъ къ шутливому препирательству.

- 27) Бѣдка зъ мѣткы—заправители игры—невсегда дѣйствительные мужъ и жена; часто за ними нѣтъ даже возрастнаго старшинства.
- 28) Свирь, ра,—сущ.—рычажный перевѣсь. Длинная палка, одинъ концомъ упertiaя въ землю, поднимается рукою за другой конецъ: чѣмъ короче взята палка, тѣмъ труднѣе подъемъ ея. Глаг.—свирица, подсвирицы.
- 29) Гбацъ пыловы—загнуть ноги лежащаго человѣка—чисто атлетическая забава взрослыхъ.
- 30) Кварта, ты,—сущ.—мѣра жидкостей—полуштофъ, бутылка. Пара пива (баварскаго) стала извѣстна съ 1866 г. сначала въ мѣстахъ, близкихъ къ строившейся желѣзной дорогѣ, а отсюда и по всей губерніи. Первыми пропагандистами «пары пива» были пѣмцы, строители Д.-Вят. жел. дор.
- 31) Подсѣчка пробуемаго о зубы яйца почти неуловима: нѣкоторые «бойцы» ударяютъ его объ острый кончикъ зуба, или объ острый мелкій предметъ, незамѣтно помѣщенный между зубовъ.
- 32) Цыцарка, ки,—сущ.—яйцо цесарки, какъ и курица-цесарка. Какъ извѣстно, эти яйца отличаются особенно крѣпкою скорлупой; но они легко узнаются по острому носу, краинкамъ и съ трудомъ окрашиваются въ обыкновенной яичной краскѣ.
- 33) Налитыкъ, тка,—сущ.—налитое смолою, или воскомъ яйцо, изъ которого предварительно извлечена внутренняя жидкость. Нечестные игроки терпѣливо продѣлываютъ работу надъ «налиткомъ». Иногда изъ яйца извлекается только бѣлокъ.

- а желтокъ съ примѣсью муки взвалтывается внутри яйца и засушивается.
- 34) Штырьхи, хывъ,—сущ. во мн. ч. кулачные толчки въ грудь и бока, для удаленія противника.
- 35) Шлѣпка, правильнѣе—шлѣпка, ки,—сущ.—яйцо съ мелко побитою скорлупой, что бываетъ отъ продолжительного катанья его.
- 36) Этотъ возгласъ на мѣстѣ весьма часто замѣняетъ извѣстное при работе «эй, ухнемъ!»
- 37) Хопиць,—глаг.—схватить, взять; получить. Здѣсь форма прош. вр.
- 38) Надто,—нар.—очень, весьма чрезмѣрно. Пылягбшій,—нар., въ сравн. ст.—полегче, потише!
- 39) Дранкуля и дранкулька,—сущ.—ружейная картечь, чаще всего получаемая отъ разсѣка обыкновенной пули, послѣ чего каждый кусочекъ обивается молоткомъ, или камнемъ, для уничтоженія реберной остроты.
- 40) Но если снимающій карты ударить по колодѣ кулакомъ и не «сниметь», тогда сдастся сразу по три карты каждому. Это дѣлается тогда, когда «не везетъ».
- 41) Свѣтка, ки,—сущ.—та карта, которою объявляются козыри. Но «свѣдка, дки»,—сущ.—свидѣтель; отсюда глаг.—свѣдчиць—свидѣтельствовать.
- 42) Шутливое объявленіе «паса», т.-е. я прячусь отъ игры. Какъ ви часто повторяется терминъ, новое произношеніе его вызываетъ у соседей новую улыбку и соотвѣтственное шутливое иносказаніе.
- 43) Круцяльство, цильства,—сущ.—мошенничество, неотдача проигрыша (сущ. и глаг. въ томъ же знач. въ примѣчаніи 19).
- 44) Ухмылка, лки,—сущ.—улыбка, преимущественно, ядовитая, насмѣшилвая.—Жихъ, ха,—сущ. движеніе плечами, жестъ удивленія, досады. Сущ.—жихынне, иня; глаг.—жихыць—въ томъ же значеніи.—Мыкъ, ка,—сущ.—короткій звукъ мычанія, выражаютій удивленіе, предостереженіе.
- 45) Шкодуць,—глаг.—отъ шкодывыць—вредить, портить. Часто имѣть значеніе безлич. глаг.
- 46) Общеизвѣстная стуколка; мѣстно произносится съ польскимъ ударешемъ.

- 47) Конъ, на,—сущ.—очередь игры, ставка. Прил.—коновѣй, вѣя, вѣя,—относящейся къ очереди, ставкѣ.
- 48) Ни за июхъ тыбаки—изъ-за пустяковъ, ни-за что: имѣть значеніе пословицы.
- 49) Колыглызъ, за,—сущ.—отъ «колоть глазъ»—озарникъ, безстыдникъ.
- 50) Покута, ты—сущ.—эпитимійное наказаніе. Сущ.—покутникъ переносящий эпитимію; глаг.—покутывыць.
- 51) Причастіе отъ глаг.—сдячиница—жить и поступать, какъ дѣти: часто укоризна возрастнымъ за недомысліе, опрометчивость, и упрекъ старикамъ.
- 52) Кырнатый,—прил.—окарнанный, безхвостный, имѣющій отрѣзанныя уши.
- 53) Күцый,—прил.—безхвостый. Сущ. күцыкъ, цка и күцка, цки—исключительное называніе безхвостой собаки.
- 54) Жирабувачъ,—глаг. выбирать по жребію. Сущ.—жиробѣвка, яки—жоребьевое дѣйствіе и слова.
- 55) Шу-у-гу!,—межд.—окликъ со взмахомъ на птицъ, чтобы согнать ихъ.
56. Пипа, пы,—сущ. ласк. отъ пипка, ки,—собственно: курительная трубка; подобіе ея въ разныхъ предметахъ; согнутая ладонь.

Н. Я. Никифоровский.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО („АДАТЬ“) КИРГИЗОВЪ СЕМИ- РѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Семейные союзы.

1) Союзъ брачный.

1. Отношени€ между супружами.

а. Личный.

Всѣ права въ семье киргиза принадлежать мужу, отцу. Киргизскія женщины не имѣютъ никакихъ правъ и состоять въ полномъ подчиненіи и распоряженіи мужчинъ. Всѣ работы, кромѣ пастьбы лошадей и посѣва, лежать на плечахъ жены. У бѣдныхъ она главнымъ образомъ прокармливаетъ семью. И за все это женщина не удостоивается чести єсть, даже въ домашней жизни, вмѣстѣ съ мужемъ, отцомъ, братомъ. О гостяхъ и не говорю: послѣ нихъ она получаетъ обѣдки (богатыи—исключенія, онѣ єдятъ и не обѣдки), да развѣ, во время пира, какой либо вѣжливый гость, желая оказать особое вниманіе и почтѣ, положить ей въ ротъ кусокъ мяса, бросить кость.

Жена не имѣть даже возможности помѣшать исполненію воли мужа въ дѣлахъ, касающихся судьбы ея дѣтей (выдача замужъ дочерей, женитьба сыновей), все решаетъ мужъ. Согласна она или нѣть все равно — ея протестъ не измѣнитъ дѣла. Только въ случаѣ смерти мужа, если вдова не вышла замужъ, она можетъ распорядиться судьбой дѣтей: женить сына, выдать дочь по своему усмотрѣнію. При жизни же мужа его воля—законъ для всѣхъ живущихъ въ юртѣ. Даже дурное и жестокое обращеніе съ женой сходить мужу съ рукъ и не наказывается, такъ какъ нельзѧ считать за наказаніе увѣщанія брата или отца, или легкое наказаніе стариковъ родственниковъ, за которое къ тому-же мужъ наѣздное отомстить женѣ. Только жизнь жены отчасти гарантирована обычаемъ: за убийство жены мужъ несетъ имущественную ответственность, платя тестю куинъ.

Даже собой женщина не можетъ распорядиться: она, какъ венцъ, переходить по наслѣдству къ братьямъ мужа, племянницамъ и т. д. Впрочемъ если у вдовы есть сыновья, то никто не можетъ заставить ее выйти замужъ—этотъ вопросъ предоставляется ея усмотрѣнію. Если же у вдовы нѣть дѣтей или и есть, но дочери, то она можетъ не выйти замужъ только если она стара или неизлѣчимо больна; въ этихъ случаяхъ родственники умершаго оставляютъ въ ея пользованіе все или часть имущества умершаго. Если же вдова не стара и не больна, то какъ-бы она не упрямилась, родственники умершаго сломятъ ея упорство и она выйдетъ за одного изъ нихъ.

Женщина не допускается и не можетъ быть свидѣтелемъ ни по какимъ дѣламъ. Исключеніе для женъ самыхъ почетныхъ, уважаемыхъ киргизъ дѣлается ради ихъ мужей, которые и являются на судъ вмѣсто женъ. Ни одну женщину однако нельзя приводить къ присягѣ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что за киргизкой не признается никакихъ правъ. Конечно такое рабское положеніе не бросается въ глаза киргизамъ, благодаря вѣковой привычкѣ. „Какъ жили отцы такъ и мы“—вотъ мечта кочевника; врядъ ли и ихъ женщины ждутъ и мечтаютъ о лучшемъ.

Изъ женъ киргиза первая—„байбиче“—пользуется большими предъ прочими почетомъ, но это отнюдь не означаетъ ея главенства надъ прочими женами мужа. Въ жизни кочевника главенство приобрѣтается большей смысленостью, расторопностью, умѣлостью. Обладай этими качествами „токаль“ (третья жена), и все подчиняется ея распоряженіямъ. Это и понятно, ибо цѣль ихъ общая—благостояніе юрты; потому-то въ домашней жизни только на этой почвѣ и возможенъ для „байбиче“ нѣкоторый почетъ отъ „уртанчи“ (вторая жена) и „токаль“. Впрочемъ это въ случай если все жены живутъ въ одномъ мѣстѣ, а такъ какъ киргизы отдѣляютъ своихъ женъ, причемъ онѣ живутъ часто далеко другъ отъ друга, то байбиче и при отсутствіи указанныхъ качествъ пользуется почетомъ отъ прочихъ женъ.

6. Имущественные.

Обычай гласить: „женщина владѣть только собой и за себя одну отвѣчаетъ.“ По моему мнѣнію эта формула характерно и полно выражаетъ отсутствіе всякихъ имущественныхъ правъ женщины. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Возьмемъ женщину въ любой моментъ ея жизни. Вотъ она живетъ у отца. Имѣеть-ли она что либо въ настоящемъ и будущемъ? Нѣть. Ни состояніе отца, ни заработанное ея руками не принадлежитъ ей: это наслѣдство ея братьевъ, а нѣть ихъ—наслѣдство дяди. Родная дочь не наслѣдница. Вышла киргизка замужъ и что же полу-

чаетъ? — ровно ничего. Имуществомъ она права пользоваться сообща съ мужемъ, но все же оно не ея собственность. Ни распорядиться имъ, ни власлѣдоватъ она не можетъ; это имущество достается ея сыновьямъ, а неѣтъ ихъ — братьямъ мужа, къ которымъ и она переходитъ. Чтобы ни выработала жена, чтобы ни подарила ей мужъ, все это — если жена отойдетъ отъ него по какому либо случаю — остается у мужа. Вдова тоже не пользуется ни чѣмъ: она не можетъ распорядиться и собой, если неѣтъ сыновей. А если сыновья есть, то имуществомъ она пользуется по праву опекунши¹⁾). Пропадетъ безъ вѣсти мужъ, жена (по истечениіи года) можетъ ждать его или неѣтъ, выходя въ послѣдній случаѣ за брата мужа; имущество же идетъ или сыновьямъ или братьямъ пропавшаго.

Однимъ словомъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ женщина не имѣть права на собственность — это привилегія мужчинъ. Отдѣленные жены еще пользуются нѣкоторой имущественной самостоятельностью, но при внимательномъ наблюденіи эта самостоятельность оказывается фиктивной. Жена вѣдь и пользуется имуществомъ только какъ мать будущихъ или имѣющихъ уже сыновей; не будетъ ихъ и имущество перейдетъ къ другимъ.

Обычай отдѣленія женъ и надѣла ихъ имуществомъ имѣть вліяніе на выдѣль дѣтей, опеку и наслѣдство. Богатые и самостоятельные киргизы при всякой новой женитѣбѣ отдѣляютъ женъ, даютъ имъ имущество, скотъ. Размѣръ надѣла зависитъ отъ усмотрѣнія мужа и потому конечно различенъ; однако всѣ придерживаются обыкновенія надѣлять „байбиче“ бѣльшимъ противъ ирочихъ. Приведу примѣры. Султанъ Найманханъ далъ: „байбиче“ 60 лошадей, 200 барановъ, 6 верблюдовъ, корову, юрту и имущество до 2000 рублей; „уртанчи“ — 20 лошадей, 150 барановъ, 3 верблюда, юрту и имущество до 600 рублей; „токазъ“ — 10 лошадей, 100 барановъ, 2 верблюда, юрту и имущество на 200 рублей. Труспекъ Мамановъ далъ кромѣ юрты и имущества первой женѣ — 60 лошадей, 300 барановъ, 6 верблюдовъ и 10 коровъ; второй — 40 лошадей, 250 барановъ, 5 верблюдовъ и 9 коровъ.

Киргизы средняго состоянія, отдѣляя иногда женъ, даютъ каждой (первой конечно болѣе) около 30 барановъ, 3 лошадей, верблюда, 1—2 коровы и юрту съ имуществомъ. Весь этотъ надѣль отнюдь не собственность женъ, онъ имъ только распоряжаются, да и то не самостоятельно, до совершеннолѣтія сыновей. Дарить, продавать что либо изъ надѣла нельзя безъ разрѣшенія мужа. Если у отдѣленной жены будетъ только одинъ сынъ, то и

1) Вирочемъ старая вдова, даже бездѣтная, не берется братьями и они даютъ ей средства не умереть съ голода. Иногда ей до конца жизни оставляютъ все оставшееся отъ мужа. По смерти ей попытно братья забираютъ нее себѣ.

при жизни отца онъ получаетъ все имущество, данное матери, въ свое владѣніе и распоряжается имъ самостоительно, живя съ матерью. Напримѣрь Тазабекъ, сынъ Толкуна отъ первой жены, получилъ въ свое владѣніе все данное его матери (30 лошадей, 300 барановъ, иноходца, 5 коровъ, 5 верблюдовъ и юрту съ имуществомъ). Изъ этого имущества Толкунъ взялъ только 100 барановъ и вещей на 100 рублей для подарка сестрѣ Тазабека, когда она, родивъ ребенка, прѣѣхала погостить.

Выдѣль сыновей при ихъ женитьбѣ дѣлается только изъ имущества данного ихъ матери. Калымъ за дочерей поступаетъ въ это же имущество, равно какъ и приданое дается изъ него-же. Если у отдаленной жены сыновей нѣтъ и не ожидается, то мужъ или предоставляетъ ей по прежнему пользоваться надѣломъ или же взять обратно надѣль, помѣщаетъ бездѣтную въ одну юрту съ другой женой. Послѣ смерти мужа вдовы, имѣющая малолѣтнихъ сыновей, дѣлается опекуншей ихъ и распоряжается надѣломъ по своему усмотрѣнію до совершеннолѣтія дѣтей; надѣль же бездѣтной вдовы дѣлится по ровну между женами имѣющими сыновей, а при неимѣніи таковыхъ, все дѣлится между братьями мужа, къ которымъ переходятъ и вдовы.

2. Ограничение супружескаго союза между лицами.

а) По степени родства.

Браки въ первыхъ степеняхъ родства запрещены обычаемъ; въриѣ, киргизы избѣгаютъ такихъ браковъ. Запрещеніе едва ли есть, ибо тогда обычаемъ было-бы опредѣлено и наказаніе, а этого нѣтъ. Даже въ 8-й и 9-й степеняхъ родства браки рѣдки; обыкновенно стараются вовсе избѣгать союзовъ между родственниками. „Развѣ мало въ стени дѣвокъ изъ другихъ родовъ“,— говорили мнѣ по этому случаю киргизы. И дѣйствительно браки на дѣвушкахъ своей волости очень рѣдки, хотя родство членовъ волости между собой весьма отдаленное. Киргизы избѣгаютъ родственныхъ браковъ въ силу убѣжденія, что такие браки бесплодны. А такъ какъ въ быту кочевника численность членовъ юрты, рода, крайне желательна для лучшей защиты и благосостоянія, то понятно стремленіе киргизовъ не жениться на родственницахъ. Многіе киргизы берутъ новую жену потому именно, что отъ прежней нѣтъ дѣтей. Женщины, плодородіе которыхъ несомнѣнно и за которыхъ калымъ менѣшій (разведенныя русской властью за жестокое обращеніе мужей, вдовы), берутъ на расхватъ. Помню такой случай: киргизка Сегизсаровской волости Беисъ, среднихъ лѣтъ, некрасивая, была разведена съ мужемъ за звѣрское съ нею обращеніе. Только что кончилось дѣло явилось четыре иска-теля ея руки. На мой вопросъ: что прельщаетъ въ Беисъ? каж-

дый отвѣчалъ одно и тоже: жена бездѣтна, а Беисъ родить (у нея есть дѣти), и калымъ менѣе.

Есть и еще причина, вслѣдствіе которой киргизы избѣгаютъ братъ въ жены родственницъ. Причина эта—нѣкоторое обезсиленіе рода и распаденіе родового союза. По основному обычаю, теща не отвѣтчикъ за зятя и не помощникъ ему въ бѣдѣ и наоборотъ. Что-жесталось-бы съ родомъ, если въ немъ не всѣ были-бы обязаны помочь каждому изъ родичей? Во времена неподданства киргизовъ Россіи столкновенія родовъ за земли, скотъ, женщинъ и т. п. случались очень часто; верхъ былъ на сторонѣ сильнѣйшаго; допустить ослабленіе рода значило лишиться свободы и благосостоянія. (Сообщили: Тленчи-бій Джалиировъ во время неподданства киргизовъ, бій Таттыбай, Коджаке, Кызылбургъ, управители Труспекъ, Бекъ-мухамедъ, султанъ Найманханъ—все авторитеты народныхъ обычаевъ). Исключенія конечно бываютъ, но чрезвычайно рѣдко и какъ рѣдкость они извѣстны едва не во всей степи. Напр. о бракѣ бія Біенъ-Куядинской волости Илеу на родственницѣ въ 6-й степени родства я услышала первый разъ въ Алтынъ-Емельской волости.

Свойство не служить препятствіемъ для брачнаго союза; напримѣръ, обычай дозволяетъ жениться на родной сестрѣ умершей жены. Самый переходъ вдовы къ брату умершаго мужа служить доказательствомъ непризнания свойства. Впрочемъ избѣгаются браки между свойственниками, пока живо лицо опредѣляющее свойство; напримѣръ, жениться на сестрѣ жены можно только по смерти послѣдней и т. п. Само собой разумѣется, что здѣсь, какъ и везде, есть исключенія. Напр., киргизъ Кетменской волости Саурукъ Алпаровъ женать на двухъ дочеряхъ киргиза Мынбаса. Обязанность наблюдать, чтобы не повѣнчались близкіе родственники, не лежитъ ни на комъ. Это дѣло личнаго взгляда и нѣтъ ни какой власти, которая могла бы не допустить подобный союзъ.

Въ Султанскихъ родахъ супружескіе союзы заключаются даже между лицами въ 3 степени родства; браки болѣе близкихъ родственниковъ обычаемъ запрещены. Союзъ между дядей и родной племянницей бываетъ нерѣдко. Напр., Султанъ Найманханъ Камбаровъ имѣть отъ старшой жены дочь Бабаджанъ, а отъ второй сына Садыка. Бабаджанъ замужемъ за Нуръ-Султаномъ Аблезовымъ и отъ него имѣть дочь Базынашъ (родившуюся въ 1875 году). Въ январѣ 1879 года Султанъ Найманханъ высваталъ Базынашъ за своего сына Садыка и свадьба должна была состояться по совершеннолѣтіи дѣтей. Султаны говорятъ, что если-бы Садыкъ родился и отъ одной матери съ Бабаджанъ, то и тогда бракъ его съ Базынашъ могъ-бы состояться. Свойства Султаны не признаютъ; по ихъ словамъ и киргизскій обычай не знаетъ свойства и разрѣшаетъ всевозможные браки.

6) По возрасту.

Мужчина и женщина моложе 15 лѣтъ не вѣнчаются; этого не дозволяется обычай, одинаковый въ данномъ случаѣ и для султановъ и для простыхъ киргизовъ. Подъ вѣнчаніемъ подразумѣвается выполняемая муллой обрядность, послѣ которой молодая переходитъ въ юрту мужа. Сожительство же позволяетъ при первомъ сватовствѣ, если жениху и невѣстѣ не менѣе 13 лѣтъ. У киргизовъ Южнаго Участка сожительство позволяетъ и съ 12 лѣтъ, а вѣнчаніе въ 13, однако случаи такие крайне рѣдки.

Чалоказаки, татары, сарты, живущіе въ волостяхъ, выдаютъ своихъ дѣтей по достижениіи ими 12—13 лѣтъ. Киргизы — выдавали дочерей за татарина, сарта, чалоказака, — придерживаются своего или ихъ обычая, смотря по обстоятельствамъ. Богатый киргизъ придерживается своего, бѣдный — нуждающейся — на лѣта дочери не смотрѣть лишь-бы получить скорѣе калымъ (приданаго по-вѣтру не даютъ).

Относительно старческаго возраста нѣтъ предѣла, свыше котораго вступленіе въ бракъ запрещалось —бы безусловно. Жениться въ 60, 70 и 80 лѣтъ не воспрещается; напр. киргизъ Біенъ-Куяндинской волости Едиль Табулдинъ 80 лѣтъ женился на дѣвушкѣ 17 лѣтъ, калыма заплатилъ 47 кобыль, приданаго конечно не получилъ. Впрочемъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ главную роль играетъ корысть. Киргизы и сами гоноятъ, что хотя браки свыше 65 лѣтъ и не запрещаются, но никто не изъ корысти не выдаетъ дочерей въ замужество за такихъ старцевъ. „Не старику даемъ, а деньгамъ“ гласить поговорка киргизовъ.

Разница лѣтъ брачущихся не служить препятствіемъ для заключенія союза. Главное доказательство этому, кроме увѣренія киргизовъ —знатоковъ права и постоянныхъ случаевъ, встречающихся въ жизни, мы видимъ и въ обычаяхъ перехода невѣсты и вдовъ къ братьямъ умершаго жениха или мужа. Тутъ о лѣтахъ и не спрашиваются; иная невѣста, переживъ двухъ жениховъ братьевъ, выходить за третьяго уже пожилой женщиной, тогда какъ мужъ ея едва вышелъ изъ младенческаго возраста.

Число женъ не ограничено обычаемъ. Всякій можетъ имѣть ихъ сколько пожелаетъ, если только на исполненіе желанія хватаетъ средствъ для уплаты калыма и содержанія женъ.

3. Условія и обрядность заключенія брачнаго союза.

Заключенію брачнаго союза предшествуютъ: сватовство, дача задатка (кыргабау и батаякъ), переговоры о платѣ за невѣсту (калымъ) и взносъ этой платы.

Кого долженъ женихъ послать сватомъ, обычай не указываетъ, предоставляемъ это личному произволу. (Я говорю о вполнѣ взросломъ женихѣ). Изъ приводимыхъ же ниже примѣровъ видно, что сватаетъ его отецъ, родственникъ или даже пріятель.

Сватовству предшествуютъ смотрины дѣвушки, то есть случайны съ иною встрѣчи или же въ случаѣ молвы о красотѣ какой либо дѣвушки киргизъ ёдетъ съ цѣлью посмотретьъ на ту, о которой онъ такъ много слышалъ. Иногда съ этой же цѣлью посыпается надежный человѣкъ; отецъ посыпаетъ даже сына.

Употребивъ слово „смотрины,“ спѣшу и разъяснить его. Оно не выражаетъ какого либо особаго обряда и имъ я хочу только сказать, что взрослый сватаетъ, увидѣвъ дѣвушку или зная ее по описанію довѣренаго человѣкa. Нѣкоторые не довольствуютъся этимъ и спрашиваютъ согласія дѣвушки. Конечно въ огромномъ большинствѣ случаевъ согласія дѣвушки не спрашиваютъ, а прямо обращаются къ отцу ея. Вообще согласія дѣвушки не нужно. Обычай, предоставивъ родителямъ право просматривать дочерей въ малолѣтствѣ по своему усмотрѣнію, врядъ-ли имѣлъ въ виду и допускалъ свободную, собственную волю и у взрослой дѣвушки. Переходъ дѣвушки въ случаѣ смерти жениха къ его брату служить тоже доказательствомъ отказа ей въ правѣ выбирать мужа по собственному желанію. Окажись нарѣченный съ пеленокъ женихъ уродомъ или полюби дѣвушка другого, все таки исхода нѣть; она должна выйти за выбраннаго отцомъ. Сопротивленіе не поможетъ, развѣ только ей посчастливится обратить на свое дѣло вміаніе русской власти.

Впрочемъ киргизки такъ смыклись съ своимъ положеніемъ, что рѣдкая выскажетъ протестъ. Громадное большинство безмолвно подчиняется обычаю, продающему ихъ старику, уроду или передающему брату умершаго жениха или мужа—подчасъ младенцу.

Для того, чтобы возможно полно обрисовать длинную, сложную и часто довольно разнообразную процедуру, предшествующую переходу дѣвушки изъ юрты родителей въ юрту мужа, я сначала опишу какъ-бы нормальный, общий и не возмущаемый вичѣмъ постороннимъ порядокъ и обрядность сватовства постепенно до перехода дѣвушки къ мужу, а затѣмъ уже приведу нѣсколько примѣровъ, почему либо отличающихся отъ обычнаго порядка и характеризующихъ отчасти жизнь киргизовъ, ихъ невзгоды и рабское положеніе у нихъ женщинъ.

Прѣѣхавъ въ юрту отда дѣвушки, свать говорить „отдай свою дочь за такого-то.“ Нерѣдко незнакомые другъ другу киргизы рекомендуются, высчитывая скотъ, родню. При согласіи отца начинаются переговоры о калымѣ¹⁾, а затѣмъ свать даетъ, для пе-

1) О размѣрѣ калыма ниже. Очень богатые киргизы о калымѣ не разговариваютъ; у нихъ принято платить сколько хватить силъ и средствъ. Равносильно полученному калыму они и приданое даютъ огромное. Слыхается, что и

редачи дѣвшкѣ, подарокъ—„кыргбай“ (сережки, кольцо и т. п.) и уѣзжаетъ домой, откуда и присыпаетъ задатокъ—„батаякъ,“ при врученіи котораго тестъ назначаетъ время для пріѣзда сватовъ на угощеніе и для получения подарковъ (кітѣ), кстати ужъ опредѣляетъ и что именно намѣренъ дать въ кітѣ. По пріѣздѣ свата собираются родственники, закалывается 2—3 и болѣе барановъ, смотря по своему и сватающаго состоянію, и начинается пиръ.

На другой день отецъ невѣсты дѣлаетъ свату подарокъ (кітѣ), обыкновенно верблюда или лошадь, а пріѣхавшимъ съ нимъ—ко му лошадь, кому халатъ, ситецъ и т. п. Размѣръ и цѣнность этихъ обязательныхъ подарковъ обычаемъ не опредѣлены и зависятъ отъ состоянія и желанія дарящаго; обыкновенно же даются менѣе, чѣмъ получаютъ въ задатокъ. Получивъ подарки, сваты уѣзжаютъ домой.

Черезъ нѣсколько времени или даже одновременно съ отѣзломъ сватовъ отецъ вовѣсты, братъ или другой родственникъ отправляется за получениемъ калмыка. Послѣ обычного угощенія ему даютъ подарокъ (не обязательно) и часть калмыка. Вмѣстѣ съ этой частью, но не въ счетъ калмыка, дается лошадь или жеребенокъ въ „ультуры“. Эта скотина по пріѣздѣ тестя домой рѣжется; затѣмъ читается молитва. Съ этого момента женихъ получаетъ право видѣться съ невѣстой, чѣмъ конечно и пользуется въ возможно скромѣ времени. Пріѣзжать однако въ юрту тестя женихъ не можетъ; обыкновенно по пріѣздѣ ему выставляется гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ палатка или кошъ, а ночью одна изъ родственницъ приводить (тайно отъ родителей) къ нему невѣstu, съ которой онъ и проводить эту первую брачную ночь.

Калмыкъ, вообще говоря, вносится частями и обыкновенно до того года, въ которомъ хотятъ взять дѣвшку. Въ этотъ періодъ времени женихъ посѣщаетъ невѣstu, и родственники послѣдней єздятъ за калмыкомъ.

Въ одинъ изъ пріѣзовъ жениха,—непремѣнно по уплатѣ большей части калмыка,—бываетъ „той“ (пиръ), для котораго женихъ обыкновенно приводить верблюда и лошадь въ подарокъ—

большіе пріятель не разговариваютъ о калмыкѣ. Нѣть рѣчи о калмыкѣ и при круговомъ говорѣ—„учь-урай“ и „карсы.“ Киргизы А В и С по общему согласию говорились женить: сына киргиза А на дочери В, сына отъ В на дочери С, сына послѣдняго на дочери киргиза А. Подобный же говоръ между двумя семьями называется—„карсы.“ Соворъ дѣлается во время малолѣтства дѣтей и условіе скрѣпляется общей „бату.“ Когда дѣти достигнутъ надлежащаго возраста, то предъ бракомъ дается: отцу старшой дочери—верблюдъ, отцу второй—лошадь, третьей—жеребенокъ. Ничего другого въ калмыкѣ не пла-тается. Оба эти вида возможны при полномъ довѣрѣ другъ къ другу. Тутъ хотя и не было задатка, но была „бату,“ за нарушеніе которой въ бытіи времена было установленъ штрафъ въ размѣрѣ 3—4 девяточкъ.

„илю“ — тестю и привозить различного товара „джиртысъ“ (сытесь, красное сукно, сарпинка, мата и т. п.) цѣнностью на 30 барановъ. Это размѣръ подарковъ, подносимыхъ киргизами средняго состоянія; богатые привозятъ больше, бѣдные меньше.

Привезенный товаръ дѣлится на три равныя части, и двѣ изъ нихъ остаются въ юртѣ тестя, а третью раздѣляютъ на части по аршину и половинѣ аршина и раздаютъ женщинамъ нарочно собраннымъ на празднество.

На „той“ собираются и родственники мужчины. Обычное угоженіе — на счетъ отца дѣвушки. Когда гости соберутся, подходить и женихъ къ юртѣ тестя, кланяется, при чмъ проводить руками отъ ступней ногъ до-живота, и заходить за занавѣсъ. Прежде, отчасти и въ настоящее время, женихъ долженъ быть вылитъ въ огонь очага ложку бараньяго сала. Баранъ, сало кото-раго льется на огонь, приводится женщикомъ и не входить въ счетъ прочаго привезенного для той. Хотя женихъ и входить въ юрту, но тестъ не долженъ его видѣть. Вечеромъ изъ ближайшаго аула прѣѣзжаетъ какой либо киргизъ и просить невѣсту въ гости; съ невѣстойѣдуть туда и всѣ пировавши. Невѣста съ дѣвушками и женщинами помѣщаются парами въ особой юртѣ, мужчины же толпятся вокругъ. Начинаются пѣсни. Почти предъ разсвѣтомъ одноаульцы и родственники киргиза, у котораго невѣста въ гостяхъ, окружаютъ юрту и не выдаютъ невѣсту, требуя выкупъ. Родственники же послѣдней стараются отнять дѣвушку и если это не удастся, то женихъ платить; въ противномъ случаѣ невѣсту увозятъ безъ выкупа, впрочемъ крайне небольшаго: халатъ, си-тесь или что либо въ этомъ родѣ. Выкупъ дается хозяину юрты.

Богатые киргизы на этомъ „той“ дѣлаютъ „байгу“ „кокбюри“. Для байги въ число приза первому прискакавшему женихъ долженъ дать лошадь, остальной же призъ дается отцомъ невѣсты. ¹⁾

¹⁾ „Байга“ (скакча) известна и описывать ее лыше. Скаку лишь, обѣ обычай помогать сачающимъ: помочь состоять въ томъ, что при концѣ скакчи верховые окружаютъ бѣгунцовъ и, сквативъ ихъ за чумбуръ, сдѣло — словомъ за все попавшее, — почти силой тащатъ къ цели. Нагаекъ не жалѣть и немилосердно бьютъ несчастную лошадь, позукая къ сирѣйшему багу. Шумъ скакчи заглушается страшнымъ крикомъ, гиканьемъ.

Игра съ коаломъ (когъ-бюри) не такъ общезнѣстна, потому и постаралась описать ее. Отецъ невѣсты даетъ коала; его закалываютъ и едва прерватится послѣднія судороги животнаго, вѣтъ отходить и садятся на лошадей. Верховые подскакиваютъ, стараясь поднять коала съ земли не слезая съ лошади. Одному удалось; онъ несетъ куда попало, лишь бы подальше отъ прочихъ участниковъ. Но за нихъ летятъ всѣ: догнавшій старается вырвать коала и уносится прочь. Его въ свою очередь тоже догоняютъ, окружаютъ. Каждый старается завладѣть животнѣмъ и тѣснить другихъ. Всѣ сбиваются въ такую тѣсную толпу, что движение становится невозможнымъ. Но вотъ въ суматохѣ одному удалось вырвать возла и поднять его вверхъ; тотчасъ протягиваются десятки рукъ ближайшихъ къ окраинѣ кучи, вырывать животное изъ средины, бросаютъ краинъ, а вѣтъ уносится прочь.

Прогостиивъ близъ невѣсты 2—3 дня, женихъ уѣзжаетъ домой. Родственницѣ, приводящей по ночамъ дѣвушку, женихъ каждый разъ даетъ небольшой подарокъ: халать, ситецъ, а то и скотъ. Послѣ этого праздника женихъ получаетъ право посѣщать дѣвушку даже въ юртѣ ея отца, но все же такъ, чтобы родители не видѣли его.

Не надо забывать, что у киргизовъ зять и тестъ не должны видѣться и даже встрѣчаться съ момента сговора вплоть до вѣнчанія—это большой стыдъ. Поэтому и послѣ „тоя“ женихъ хотя и заходитъ въ юрту отца невѣсты, но это возможно лишь ночью, когда родители ея спятъ. Женихъ прямо и заходитъ за занавѣсь къ дѣвушкѣ. До „тоя“ же онъ и къ юртѣ близко не подходитъ, невѣсту ему приводятъ туда, гдѣ онъ остановился.

Коль скоро калымъ уложенъ, отецъ жениха или онъ самъ чрезъ посланнаго просить тестя назначить день свадьбы. Назначеніе времени послѣдней зависитъ исключительно отъ тестя, и женихъ не можетъ требовать чтобы тестъ поторопился.

Но вотъ свадьба назначена. Женихъ съ однимъ, двумя и болѣе товарищами, смотря по своему богатству,ѣдетъ въ аулъ тестя, ведя съ собой скотъ и везя товаръ. Количество скота и товара „той-малъ“ зависитъ отъ условій съ тестемъ (условливаются заранѣе) и состоянія жениха: обыкновенно высшій размѣръ 50 кобыль, средній 5-10 кобыль и товару на 30—40 рублей.

Все это дарится тестю, угощеніе-же лежитъ на обязанности послѣдняго.

Въ числѣ подарковъ, привозимыхъ женихомъ въ послѣдній „той“, одинъ имѣеть специальное название и назначеніе: это „сют'акы“—подарокъ матери за вскормленіе невѣсты грудью. Величина подарка и время врученія различны: даютъ 100 барановъ,

Ихъ опять логоняютъ, козель переходитъ изъ рукъ въ руки, пока играющіе снова не сбываются въ бучу. Опять въ тѣсной толпѣ пущены въ ходъ нагайки и съшны крики боли и задора и т. д. Куда бы не скакалъ завладѣвшій козломъ, за пимъ несутся и остальные, стараясь не дать ему добраться до цѣли. Вотъ онъ близокъ къ ней и мечтаетъ уже бросить козла къ ногамъ почетнѣшаго гостя на „той“, сидящаго обыкновенно около юрты, но являются и прочие, отнимаютъ и вновь вѣтъ уносятся въ бѣшеной скачѣ. Играющіе то сбиваются въ толпу, то разсыпаются. Страсти разгораются все болѣе. Козла рвутъ на части, отъ него лѣтятъ ключки шкуры, уже онъ безъ ногъ, поднесенныхъ какомунибудь старику... Лошади, люди утомились; многие отказались отъ участія въ игрѣ; народу все меньше и вотъ, наконецъ, счастливецъ прорывается сквозь цѣль играющихъ и весь оставшій козель съ сорванной шкурой, безъ ногъ, представляетъ собой кровавый бусокъ мяса, на всемъ скаку бросается къ ногамъ почетнѣшаго. Счастливцу тутъ же дается подарокъ, обыкновенно халать. Игра кончилась, но слѣды ея не скоро изчезаютъ: синяки отъ рогачекъ и лошадиныхъ копытъ (при паденіи) долго еще заставляютъ помнить „той“ на свадьбѣ „такого-то“ киргиза. Слухаютъ и серьеzyя увѣчья.

или верблюда и лошадь, или ямбу и т. п. Обыкновенно „сют'акы“ подносится въ послѣдній „той“, иногда и въ другое время.

Женихъ можетъ пріѣхать на свадьбу съ своими родителями, родственниками; это не запрещается, но считается крайнимъ стыдомъ для взрослого ъздить съ родными.

По полученіи скота и товаровъ отъ товарища жениха тесть условливается о приданомъ, затѣмъ совѣтуется съ женой и близкими о назначеніи дня свадьбы и распределеніи предъ-свадебныхъ церемоній, при чмъ строго наблюдаютъ счастливые и тяжелые дн. Наконецъ все распределено и приготовлено—остается звать гостей.

Одна изъ родственницъ невѣсты, непремѣнно замужняя, наряжается въ лучшую одежду, вадѣваетъ „саукуле“ (головной уборъ) и въ сопровожденіи джигита ъдетъ съзывать гостей на пѣсни и „той“. Лошадь подъ ней убрана бубенчиками, покрыта лучшей попоной. Пышный нарядъ и тажелое „саукуле“ такъ стѣсняютъ женщину, что безъ помощи другихъ она не можетъ сѣсть и на лошадь.

Едва на женщину надѣнутъ „саукуле“ и она выйдетъ изъ юрты, чтобы ъхать звать гостей, какъ невѣста съ подругами начинаетъ заунывно пѣть: „о, о, ой, ой“ и т. д. Затѣмъ поднимается плачь, то плачетъ невѣста и ей вторяте подруги. Плачь смѣняется пѣсней, лишь только подѣдеть кто либо изъ гостей. Гости начинаютъ съѣзжаться до возвращенія посланной;—она вернется еще послѣ заката солнца: вѣдь ей нужно обѣхать много юртъ и позвать какъ можно болѣе родныхъ и постороннихъ. Собираются дѣвушки, женщины, мужчины и полузарослые парни. Ихъ пріѣздъ слышанъ издалека, отсюду несетъся пѣсня съѣзжающихся. Невѣста, дѣвушки и женщины садятся въ юрты; число юртъ зависитъ отъ числа позванныхъ, а стало быть и отъ состоянія. Мужчины толпятся вокругъ юрты на открытомъ воздухѣ. Въ юртахъ женщины садятся царами около окраины (керега) лицомъ къ мужчинамъ. Кошка съ юртъ лѣтомъ снимается вовсе, зимой только поднимается на столько, чтобы поющіе видѣли другъ друга.

Мужчины попарно подходятъ, садятся противъ той пары дѣвушекъ, которая имъ болѣе нравится, и начинаютъ пѣть. Дѣвушки отвѣчаютъ имъ тоже пѣсней. Пѣсень собственно пѣть: пары ведутъ между собой разговоръ, слова котораго поютъ. Шумъ, смѣхъ, остроты со всѣхъ сторонъ. Удачное, острое словцо вызываетъ веселый смѣхъ окружающихъ. Пѣсни продолжаются всю или часть ночи. Угощеніе (чай, мисо) подается туда, где гости: женщинамъ въ юрты, мужчинамъ на воздухѣ. Женихъ въ это время сидить въ особой юртѣ, выставленной тестемъ, куда подается ему и угощеніе.

На слѣдующій день опять гости, но уже въ большемъ числѣ, такъ какъ не все охотники до пѣсень, а до мяса какой киргизъ

не охотникъ! Весь день длится угощеніе, не ждутъ когда всѣ соберутся, а какъ гость подѣдетъ, сейчасъ же и кормить. Этимъ днемъ оканчивается свадебный „той“.

Въ ночь, предшествующую дню вѣнчанія, четыре замужніи женщины приводятъ невѣсту въ юрту жениха. Не надо забывать, что женихъ ве видится съ родителями невѣсты вплоть до вѣнчанія, потому и, прѣбывъ вѣнчаться, не останавливается у нихъ. Но послѣ только-что описанного „тоя“ тѣсть выставляетъ ему юрту неподалеку отъ себя. Въ эту-то юрту невѣсту и приводятъ. Сдавъ невѣсту жениху, четыре женщины (непремѣнно родственницы дѣвушки) выжидаютъ нѣкоторое время, потомъ входятъ къ молодымъ, осматриваютъ ихъ постель. Показавъ молодому кровь, получаютъ отъ него подарокъ—халатъ—и уходятъ.

Хотя теперь брачное сожительство у киргизовъ начинается раньше этого дня и родственницамъ незачто бы братъ подарокъ, но обычай все же остался. Въ прежнее время отсутствіе крови вызывало сильныя распри между родами жениха и невѣсты, потому-то прежде, какъ говорятъ, не всякая дѣвушка позволяла жениху вступать въ права супруга. Нанимали даже женщинъ для подготовки постели, если конечно невѣста имѣла связь не съ женихомъ. Теперь смотрятъ хладнокровнѣе: ни распрай родовыхъ не бываетъ, ни женихъ не отказывается отъ невѣсты и молодую ждетъ лишь домашняя расправа.

На другой день—вѣнчаніе. Гостей не собираютъ, а присутствуютъ тѣ, кто самъ придетъ. Невѣста съ подругой и двумя женщинами—проводжатыми со стороны жениха и невѣсты, хотя обѣ родственницы невѣсты—садятся за занавѣсъ („чемулдыкъ“). Мужчины: мулла, свидѣтель, отецъ невѣсты и прочіе сидятъ въ остальной части юрты. Женихъ входить, кланяется и садится за занавѣсъ рядомъ съ невѣстой. Муллѣ подаютъ чашку съ водой и онъ читаетъ молитву, по окончаніи которой посылаетъ киргиза—(этого киргиза мулла самъ приводить, онъ собственно и есть свидѣтель обряда)—спросить жениха и невѣсту, согласны-ли они быть мужемъ и женой. Послѣ отвѣтovъ, мулла говорить свидѣтелю: „Слышаль, будешь свидѣтелемъ?“ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, мулла лично уже спрашиваетъ жениха: „Что закладывашь въ той?“ Послѣ отвѣта жениха—„лошадь“ или болѣе—мулла говорить: „Эту лошадь (то, что названо женихомъ) ты не долженъ продавать, дарить: она принадлежитъ твоей женѣ“. Женихъ выражаетъ согласіе, а мулла снова читаетъ молитву, дуешь въ воду и передаетъ чашку съ водой новобрачнымъ и присутствующимъ. Пить воду изъ чашки обязательно только для брачущихся. но вообще пьютъ всѣ, считая воду освященной. Затѣмъ мулла читаетъ молитву, присутствующіе дѣлаютъ „бату“, поздравляютъ молодыхъ и разѣвжаются. Муллѣ тотчасъ-же платятъ—даютъ

халатъ, ситецъ и т. п. Въ этотъ день тестъ зоветъ къ себѣ зятя, сдастъ ему приданое и дѣлаетъ подарокъ—халатъ.

Предъ отъѣздомъ къ мужу новобрачная прощается съ знакомыми и родней. Ей дарятъ ковры и т. п. Дарятъ только близкіе родственники.

Послѣ всего этого молодая съ своей матерью и мужемъ уѣзжаетъ въ юрту послѣдняго. Приданаго съ ними идетъ: лошадь съ сѣдломъ, вышитой попоной и прочимъ приборомъ, (на ней єдетъ молодая), халаты, шубы, ковры, бѣлье и другое пошебное платье, саукуле, чай, чайникъ и другіе предметы хозяйства. Подъ свозъ этихъ вещей дарятъ одного или нѣсколько верблюдовъ. Вообще говоря, количество и разнообразіе вещей приданаго зависитъ отъ тестя; очень богатые киргизы даютъ много ковровъ, шубъ, юрту и прочее; на перевозъ всего этого даютъ много скота.

При отправлениі молодыхъ наблюдаютъ, чтобы оно не случилось во вторникъ, пятницу и субботу—это дни тяжелые и, во повѣрю, киргизовъ въ эти дни не слѣдуетъ выдавать изъ дома скотъ и деньги, а такъ какъ отправляя dochь, увозится и приданое, то въ эти дни новобрачныхъ и но отпускаютъ. Но пріѣздѣ молодыхъ домой родственники мужа собираются въ юртѣ его отца, а если его нѣть—въ юртѣ молодого. Новобрачная входить, кланяется, береть затѣмъ сало и выливаетъ на огонь. Послѣ этого двѣ замужнія родственники мужа берутъ ее подъ руки и молодая вмѣстѣ съ ними кладеть три поклона огню очага. Молодая дѣлаетъ небольшіе подарки родственникамъ мужа (халаты, ковры и т. п.). Отецъ мужа дарить молодухѣ обыкновенно лошадь. Затѣмъ начинается угощеніе. Теща гостить у зятя отъ 2 до 15 дней и уѣзжаетъ, получивъ какой либо подарокъ. Собственно ей даютъ въ подарокъ, что-бы она ни попросила: верблюда, лошадь и т. п.

Какъ скоро у молодой рождается ребенокъ,—сынъ или дочь все равно,—она отправляется съ нимъ къ отцу. Ее принимаютъ какъ дорогую гостью, угощаютъ и предъ отъѣздомъ къ мужу даютъ въ подарокъ скотъ (100 барановъ или 15—20 лошадей и менѣе).

Этимъ все кончается, и жизнь вступаетъ въ обычную колею. Вѣнчаніе не всегда бываетъ и въ настоящее время, а прежде оно бывало совсѣмъ рѣдко. Отецъ просто, безъ обрядности, передаетъ dochь зятю послѣ свадебнаго „той“. Въ одиннадцатомъ мѣсяцѣ (декабрѣ) и постомъ (сентябрѣ) свадьбы не бываетъ: въ это время можно сватать, дѣлать первый „той“, но вѣнчать не въ обычай. У сultановъ все такъ-же, разница лишь въ калмыкѣ, но о немъ ниже.

Промежутокъ отъ сватовства до перехода дѣвушкѣ къ мужу весьма различенъ и не можетъ быть опредѣленъ даже прибли-

зительно; все зависитъ отъ обстоятельствъ и личного произвола. Обычай тутъ не при чемъ. Иной разъ проходятъ года, другой — недѣли.

Вышеописанный порядокъ и обрядность заключенія брачнаго союза выведенъ мной изъ сопоставленія массы отдѣльныхъ рассказовъ, проверенныхъ и неоднократнымъ личнымъ наблюдениемъ, и я съ полнымъ правомъ могу назвать его нормальнымъ, установленнымъ обычаемъ. Всѣ уклоненія отъ него, встрѣчающіяся въ свадьбахъ и зависящія отъ обстоятельствъ, крайне не важны.

Ниже я приведу нѣсколько случаевъ заключенія брачныхъ союзовъ, интересныхъ по исключительности обстоятельствъ и рисующихъ жизнь киргизовъ, ихъ заботы. Но даже и въ этихъ случаяхъ нельзя не видѣть соблюденія указаний обычая. Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ этимъ примѣрамъ, скажу нѣсколько словъ о задаткѣ, калымѣ и приданомъ.

Тотчасъ какъ только отецъ дѣвушки согласится на предложеніе свата, старинный обычай обязываетъ послѣдняго дать первому — для передачи дѣвушки — подарокъ „кыргабау“, а затѣмъ прислать изъ дома и задатокъ (батаякъ). Такъ какъ задатокъ обыкновенно не великъ (верблюдъ и лошадь, или только верблюдъ, или только лошадь, жеребенокъ и т. п.), то онъ и имѣть одно только нравственное значеніе. Но послѣднее дѣйствительно велико: получившій не можетъ уже отдать свою дочь за другого (нарушенія конечно встрѣчаются, хотя и рѣдко), и даже если женихъ или его отецъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не платить калыма, отецъ дѣвушки все таки долженъ ждать совершеннолѣтія ея и только тогда можетъ требовать калымъ. При отказѣ отъ уплаты обращаются къ бію, который и приказываетъ платить, грозя въ противномъ случаѣ дать позволеніе выдать дѣвушку за другого безъ возврата задатка. По адату только бій можетъ дать такое позволеніе.

Иногда, если женихъ обѣднѣлъ и не имѣть средствъ уплатить калымъ, онъ откровенно сознается отцу невѣсты и просить возврата задатка, освобождая тѣмъ его отъ дальнѣйшихъ обязательствъ.

Если женихъ не далъ при сватовствѣ задатка, то отецъ, выдавъ дочь за другого, ни чѣмъ не отвѣчаетъ предъ первымъ женихомъ. Если же задатокъ былъ данъ, то обманувшій долженъ уплатить обманутому жениху „аипъ“ и возвратить калымъ. Въ настоящее время „аипъ“ этотъ состоитъ изъ девятки отъ верблюда; въ прежнее же время онъ равнялся 6, 4 и 3 девяткамъ (отъ верблюда, лошади). Обманутому представляется право взять другую дочь, но тѣсть все же не избавляется отъ уплаты аипа.

Теперь о калымѣ. Происхожденіе и причины установленія

его обычаемъ въ существующихъ размѣрахъ не извѣстны киргизамъ. Въ прежнее время при набѣгахъ на калмыковъ и кара-киргизовъ они брали въ плѣнъ женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ (джетымъ); плѣнники жили, росли и исполняли всѣ работы въ семье хозяина. Цѣна на нихъ была различна отъ 15 до 25 лошадей. Султаны при женитьбѣ своихъ сыновей платили въ калымъ по 5 джетымъ, считая каждый въ 20 лошадей.

Со времени нашей власти рабство прекратилось, и султаны стали платить лишь скотомъ. Для состоятельныхъ султановъ калымъ остался прежний—100 байталъ, обѣднѣвшіе же—платить 47 и менѣе, наравнѣ съ прочими киргизами.

Джетымы принимались и у простыхъ киргизовъ въ калымъ, но обычая платить непремѣнно ими не было. Они принимались по соглашенію съ тестемъ и въ цѣнѣ обаюдно договоренной. Такимъ образомъ и прежде въ калымъ главнымъ образомъ платили скотъ.

Для простыхъ киргизовъ обычай установилъ только два размѣра платы за невѣсту: 47 и 37 байталъ (послѣдній только въ одномъ исключительномъ случаѣ, о которомъ ниже). Практика же не только настоящаго, но уже и давно прошедшаго времени измѣнила постановленіе обычая и теперь размѣръ калыма положительно зависить отъ обаюдного соглашенія. Есть множество примѣровъ браковъ съ самыми разнообразными калымомъ. Теперь даже и числа 47 почти нѣтъ за однимъ весьма рѣдкимъ исключениемъ, именно: кто платить калымъ все хорошими лошадьми, тотъ долженъ уплатить только 47.

Самый же общий и обыкновенный въ настоящее время составъ калыма: 8 верблюдовъ, 13 кобылъ безъ жеребятъ (байдакъ) и 8 кобылъ съ жеребятами. Прочіе составы калыма не могутъ быть и приведены, ибо весьма разнообразны; въ нихъ все условно и личный произволъ играетъ главную роль.

На сколько въ самомъ дѣлѣ разнообразенъ составъ калыма видно изъ приведенныхъ ниже примѣровъ.

Такимъ образомъ слова киргизовъ: „я уплатилъ въ калымъ 47 лошадей“ слѣдуетъ понимать условно. Разспросите любого киргиза, что именно упомянуто въ число 47, и онъ навѣрное насчитаетъ 68, 70, 73 и болѣе байталъ¹⁾.

Другое установленіе обычая неполный калымъ (37) не практикуется теперь вовсе, такъ какъ причина, побудившая обычай установить его, совершенно игнорируется нынѣшнимъ поколѣніемъ. Дѣло въ томъ, что по обычая неполный калымъ (37) платился тогда только, когда брали замужъ сестру умершей жены. На сколько мнѣ удалось узнать, теперь этого нѣтъ. Прежде же подобные браки встрѣчались весьма часто и обычаемъ установле-

1) Одинъ байталъ=5 козламъ=5 баранамъ=коровѣ=лошади; верблюдъ=3, 4 или 5 байталамъ.

ны были нѣкоторыя даже обязательныя правила. Такъ напримѣръ: если жена умретъ, не проживъ съ мужемъ двухъ лѣтъ, то мужъ обязанъ быть возвратить тестю: головной уборъ жены (саукуле), постели, данная въ приданое, лошадь, на которой она пріѣхала въ юрту мужа, и верблюда, если онъ былъ данъ, на которомъ везлись вещи приданаго. Если же жена умреть послѣ двухъ лѣтъ или ранѣе, но оставивъ дѣтей, то зять ничего не возвращаетъ тестю, хотя и беретъ замужъ другую его дочь. Въ обоихъ случаяхъ калымъ платился неполный. Конечно сестру умершей можно было взять только въ случаѣ, если она не просватана еще за другого.

Повторяю опять, что сестру умершей теперь почти не берутъ, а когда это и случается, то платить калымъ по условію, меныше чѣмъ за первую жену изъ уваженія къ родству, но отнюдь не 37, развѣ только случайно остановится на этой цифрѣ. Саукуле и пр. возвращается тестю.

Перехожу теперь къ вопросу о приданомъ. О немъ немногого можно сказать; здѣсь все предоставлено произволу, такъ какъ количество и цѣнность приданаго зависитъ почти единственно отъ воли отца невѣсты. Хотя о приданомъ переговоры и ведутся, во все же претендовать на тестя не приходится, развѣ ужъ разница между калымомъ и приданымъ крайне велика (конечно у киргизовъ разнаго почти состоянія). Тогда зять разсказываетъ всѣмъ про такой дурной поступокъ тестя, стыдить, а подчасъ пожалуется и біямъ, а они заставлять прибавить немногого.

Богатые киргизы обыкновенно не жалѣютъ средствъ на приданое и, не ведя переговоровъ о калымѣ, даютъ не только сообразно полученному калыму, часто огромному, но даже и на большую сумму. Если бы кто изъ богачей и захотѣлъ поспѣхаться и дать поменьше, то стыдъ предъ другими и боязнь молвы о такомъ поступкѣ на столько сильны, что этого не случается.

Чтобы покончить съ приданымъ, сдѣлаю еще одно замѣчаніе. Приданое, если его оцѣнить, приблизительно одинаково, по крайней мѣрѣ у состоятельныхъ киргизовъ, съ калымомъ. Про бѣдняковъ этого нельзя сказать: они почти ничего не даютъ въ приданое; у киргизовъ же средняго состоянія приданое хотя и меныше калыма, но разница небольшая. Стало быть, вообще говоря, калымъ не составляетъ еще прямого убытка для женищагося. По моему мнѣнію, калымъ есть только мѣна скота на нѣкоторые необходимые въ семейномъ быту предметы, на покупку которыхъ киргизъ употребилъ бы развѣ не много менѣе, чѣмъ уплатилъ въ калымъ.

Теперь приведу нѣсколько примѣровъ заключенія брачныхъ союзовъ я начну со словора малолѣтнихъ.

Въ 1878 году киргизъ Арасанской волости Копальского уѣзда Сеитъ Мамановъ погналъ на Кузандинскую ярмарку быковъ и барановъ. Часть скота онъ продалъ, а другая часть заболѣла болѣзни ногъ (сарыпъ), такъ что продать оказалось невозможнымъ. Куда дѣть скотъ? гнать на-задѣ—нельзя, пришлось волей неволей оставить, а для того, чтобы имѣть меюще сомнѣній въ его сохранности, Сеитъ рѣшился породниться съ кѣмъ либо изъ вѣяльныхъ и богатыхъ киргизовъ. Узнавъ чрезъ раз-спросы, что у киргиза Альдеке, хорошаго и богатаго человѣка, служив-шаго много лѣтъ волостнымъ управителемъ, есть дочь шести лѣтъ, Се-итъ рѣшился высватать эту дѣвочку за своего племянника, восьмилѣт-наго мальчика, сына киргиза Труспека (брать Сеита). Взявъ съ собой восемь товарищѣй, Сеитъ побѣхалъ къ Альдеке и, рекомендовавшись братомъ волостного управителя Труспека, предложилъ ему отдать дочь за сына Труспека. Альдеке отвѣтилъ: „киргизы Каркаралинскаго уѣзда, покупающіе ежегодно въ Копальскомъ уѣзѣ хлѣбъ, всегда хвалятъ вол-остного управителя Труспека и его отца Мамана, за то, что киргизы этой волости не воруютъ у нихъ скотъ, поэтому онъ—Альдеке—согла-сены быть сватомъ хорошихъ людей.“

Сеитъ тогтасъ же подарилъ Альдеке 100 барановъ, 10 быковъ и 10 рублей (задатокъ). Послѣдній закололъ пять барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ, угостилъ гостей.

На другой день Альдеке подарилъ Сеиту 4 верблюда, 1 лошадь и ха-латъ, а восьми его товарищамъ 4 лошади, 8 халатовъ и 6 концовъ пад-шаш (сартская матерія).

Разговора о калымъ не было, потому что Труспекъ и Альдеке богачи и калымъ будеть уплачиваться постепенно, не считая, до совершиенно-лѣтія ихъ дѣтей.

Изъ этого примѣра видно, что сватовство бываетъ иногда вынужде-но разсчетомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь жалко же было бросить скотъ на произволъ судьбы, какъ говорить Сеитъ; вотъ онъ и рѣшилъ судьбу двухъ дѣтей, не подумавъ ни разу хороша-ли будеть ихъ жизнь. Да и стоитъ-ли думать: вѣдь такъ дѣлаютъ, а скотъ будеть сохраннѣе. Разсчетъ конечно не всегда играетъ роль; сговариваются своихъ дѣтей два пріятеля и посторонніе другъ другу киргизы изъ желанія породнить-ся. Во всѣхъ однако случаихъ судьба дѣтей не можетъ приниматься во внима-ніе. При такомъ обычай естественно стремленіе администраціи помочь дѣвушкѣ избавиться отъ навязаннаго ей съ пеленокъ мужа, но тѣмъ не менѣе очень рѣдко обращаются къ русской власти, хотя бы уже могли изъ нѣсколькихъ примѣровъ убѣдиться, что помочь русскихъ за ними обеспечена. Этотъ фактъ, по моему мнѣнію, объясняется во 1-хъ, и это главное,—привычкой къ обычаямъ, практикуемому въ теченіе столь-тій, во 2-хъ боязно, ибо нарушеніе обычая влечетъ за собой баранту, грабежъ и подчасъ убийство, и въ 3-хъ иногда неимѣніемъ случая при-нести жалобу лично уѣзду начальнику, такъ какъ рѣдкой удастся до-браться до города. А между тѣмъ говореніемъ съ малолѣтства живетъ ся подчасъ куда какъ плохо. Напримѣръ мнѣ не мало пришлось видѣть

въ Уѣздномъ Управлениі женщинъ избитыхъ, израненныхъ, разъ даже съ проколотой ва сквозь ляшкой, съ содранной желѣзными путами кожей и съ избитыми нагайкою спиной и животомъ. При томъ еще не надо забывать, что жаловаться не всѣмъ возможно и если эти женщины, не смотря на доказанное сопротивление мужей, успѣли добраться до города, то въ степи навѣрное есть много другихъ избитыхъ, которыхъ иѣхать далеко, да и мужья ихъ принали лучшія мѣры съ цѣлью не пропустить несчастныхъ женъ въ городъ. Но кромѣ истязаемыхъ въ степи есть еще другой разрядъ женщинъ, житье которыхъ тоже не всегда весело. Я по-дразумѣваю здѣсь тѣхъ, которыхъ, не выйдя еще замужъ, перемѣнили уже нѣсколькихъ жениховъ — братьевъ, (если женихъ умретъ, дѣвушка дѣлается невѣстой его малолѣтняго брата). Онѣ правда мало о себѣ заявляютъ, такъ какъ въ теченіе шестилѣтней службы въ Копалѣ мнѣ пришлось слышать только одну жалобу, но вѣдь не можетъ же быть, чтобы въ изъ нихъ были довольны своей судьбой. Жалоба, слышанная мной, состояла въ слѣдующемъ: въ Управлениѣ пришли жена и мужъ. Первой 35 лѣтъ, второму 15 (имена къ сожалѣнію забыть). Прежде, чѣмъ повѣнчаться съ теперешнимъ мужемъ, она пережила двухъ его братьевъ и теперь пришла жаловаться на неспособность мужа къ отправленію супружескихъ обязанностей. Освидѣтельствованіе мужа уѣзднымъ врачамъ подтвердило ея претензію и начальникъ уѣзда далъ ей разводъ.

1) Для полноты картины приведу здѣсь одинъ разсказъ, сообщенный мною самимъ женихомъ и подтвержденный его и невѣсты родителями.

У киргиза Кеспера было два сына; для старшаго высватали дѣвушку Самылдуку, но онъ умеръ и 17-лѣтняя теперь Самылдуку стала невѣстою маленькаго сына Кеспера — Джилкибая. Этотъ 9-лѣтній женихъ съ маленькими товарищемъ, тайкомъ отъ своихъ родителей и не зная ненѣсту даже и въ лицо, отправился въ аулъ Самылдуку и по дорогѣ взялъ съ собой изъ юрты отца 4 куска падшай (сартская матерія), а изъ табуза лопадь. По приѣздѣ онъ подарилъ это все двумъ родственницамъ невѣсты, за то, чтобы онъ тайкомъ отъ родителей привели къ нему Самылдуку. Родственницы устроили ему маленькой кошѣ изъ трехъ палокъ и кошмы и, желая подшутить, два раза приходили къ нему другихъ дѣвушекъ и только благодаря своему товарищу, подсказывавшему, что эта дѣвушка не его невѣста, Джилкибай наконецъ дождался привода Самылдуку и провелъ съ ней наединѣ ночь. По откровенному разсказу этого мальчика-мужа невѣста его очень стыдилась. Этотъ Джилкибай, ростомъ и лѣтами совершенный младенецъ, настолько уже физически развитъ, что постоянно говорить своему отцу, недавно женившемуся на третьей женѣ, „ты все женишься, а я когда же?“ Во вниманіе къ такому ненормальному раннему развитію родители хотятъ сыграть свадьбу черезъ 3-4 года.

Слушая этотъ разсказъ, повторяю вполнѣ справедливый, я не вѣрилъ себѣ, что это разсказывается 9-лѣтній мальчикъ! Можетъ ли невѣста его быть довольна своей судьбой? и вѣроятно если наружно и дс-

вольна, то только по певоль или въ виду хорошихъ нарядовъ, такъ какъ Кесперъ очень богатъ.

2) Киргизака (Біенъ Куяндинской волости Копальского уѣзда) Машай, дочь Джанака, была еще ребенкомъ просватана за сына киргиза (той же волости) Найзабека. Джанакъ уже получилъ половину калмы, какъ женихъ умеръ и Машай, по обычю, должна была выйти за брата умершаго—Абдрака. Въ это время (начало 1875-го года) Машай увидѣла Ибраима (Нижне Карагатальской волости) и они полюбили другъ друга. Ибраимъ рѣшился просвататься, для чего съ отцомъ своимъ Бекомъ и пятью родственниками поѣхалъ къ Джанаку. По прѣѣздѣ Бекъ просилъ выдать Машай за Ибраима и когда Джанакъ согласился, то Бекъ тотчасъ же подарилъ ему одного верблюда (задатокъ). Самъ женихъ Ибраимъ все это время не показывался и сидѣлъ въ другой юртѣ. Калмыма по обоюдному согласію было выговорено 47—байталь. Началось угощеніе; Джанакъ зарѣзаль 5 барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ, угостили всѣхъ. Ибраиму чай и мясо подавали въ особой юртѣ. Вечеромъ одна родственница провела Машай въ юрту Ибраима, за что и получила подарокъ—халатъ. Машай ночевала съ Ибраимомъ и послѣдній, взявъ у неї серебряное кольцо, подарилъ ей другое. Утромъ на другой день Джанакъ подарилъ Беку одного верблюда, Ибраиму и прочимъ съ ними прѣѣхавшимъ по халату; затѣмъ женихъ и сваты уѣхали домой.—

Чрезъ шесть дней Джанакъ съ пятью родственниками прѣѣхалъ за калымомъ. Бекъ зарѣзаль 6 барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ, угостили гостей мясомъ и чаемъ. Утромъ на другой день Бекъ подарилъ Джанаку одного верблюда, одному изъ его родственниковъ лошадь а прочимъ четыремъ родственникамъ по халату и кромѣ того въ калымъ заплатилъ 20 лошадей. Получивъ подарки и часть калмыма, Джанакъ уѣхалъ домой. Чрезъ 4 дня Ибраимъ, взявъ съ собой лошадь и кусокъ падшанъ поѣхалъ къ невѣстѣ и, не доѣзжая до юрты ея отца, остановилъся у знакомаго киргиза. Вечеромъ жена Байджумарта (Байджумартъ сынъ Джанака) привела къ Ибраиму Машай. Женихъ пробылъ адѣсь два дня и обѣ ноги провелъ съ невѣстой. Женѣ Байджумарта онъ подарилъ лошадь и привезенную матерію. Все лѣто Ибраимъ не навѣщалъ невѣсту и свидѣлся съ нею уже при исключительныхъ обстоятельствахъ. Осеню Ибраимъ былъ въ г. Копалѣ и вдругъ къ нему на квартиру пришла Машай (она жила въ 7 верстахъ отъ города) и сказала: „отецъ хочетъ отдать меня силой за Абдрака Назайбекова, и я пришла жаловаться уѣзжему начальнику“. Родственникъ Джанака копальскій купецъ Садыкъ Мухтаровъ, узнавъ, что Машай у Ибраима, взялъ съ собой нѣсколькихъ татаръ и схвативъ ее, увезъ къ отцу, у которого Машай проѣзжала только 3 дня, а потомъ Джанакъ отправилъ ее къ Найзабеку, хотя она съ Абдракомъ и не была повѣнчана. Ибраимъ пожаловался начальнику уѣзда, который и приказалъ привезти Машай въ Копаль. Но несмотря на повторенное еще разъ приказаніе, Назайбекъ первый разъ просто не отпустилъ Машай, а во второй разъ отвѣтилъ, что она больна. Тогда начальникъ уѣзда приказалъ управителю Біенъ Куяндинской во-

ности Стамбеку Аксеркину во что бы то ни стало привезти Машай въ Управлениѣ. Доставить то онъ доставилъ, но на вопросъ уѣздиаго начальника Машай отвѣтила: „Ибраима я не знаю, я должна и желаю выйти за Абдрака. Ибраимъ укралъ меня изъ юрты и привезъ въ Копаль“. Послѣ такого отвѣта начальникъ уѣзда отказалъ Ибраиму въ просьбѣ о выдать за него Машай и отпустилъ послѣднюю домой; она ушла къ отцу. Но чрезъ два дня Машай сама прибѣжала въ Копаль и сказала: „все что я прежде вамъ сказала, не правда. За Абдрака я выходитъ не желаю, меня принуждаютъ къ тому силой. За Ибраима же я просватана давно и боялась только вамъ сказать, потому что волостной управлятель „Стамбекъ, мой отецъ Джанакъ и другіе киргизы, отправляя меня по вашему требованію въ Копаль, сказали: если ты скажешь уѣздиному начальнику, что желаешь выйти за Ибраима, то мы тебя убьемъ и въ „доказательство своихъ словъ надѣвали мнѣ на шею даже петлю“. Начальникъ уѣзда внялъ просьбѣ и отдалъ Машай Ибраиму, обязавъ послѣдняго уплатить калымъ въ размѣрѣ, какой присудятъ біи. Ибраимъ согласился и увезъ невѣсту домой къ своему отцу. Киргизамъ Біенъ Куяндинской волости конечно не понравилось это распоряженіе и вотъ они рѣшились выместиТЬ свою досаду на скотъ родственниковъ Бека и, сбравшись подъ предводительствомъ Сексембая Утегонева, извѣстнаго въ волости вора, напали на киргизовъ Нижне-Каратальской волости, родственниковъ Бека, и угнали у нихъ 700 барановъ. Ибраимъ и Машай испугались и уѣжали въ гор. Вѣрный. Начался цѣлый рядъ жалобъ со стороны ограбленныхъ и ихъ претензіи должны были разобраться на чрезвычайномъ съѣздѣ (1876), но стороны, не доведя дѣла до суда біевъ, окончили разсчетъ добровольно и Нижне-Каратальскіе киргизы получили съ Біенъ Куяндинскихъ 500 барановъ. Осенью (1876) былъ разобранъ третейскимъ судомъ біевъ по выбору Абдрака и Бека и искъ Абдрака о заплоченномъ Джанаку калымъ за Машай. Судъ постановилъ: „Бекъ „уплатить Абдраку: 100 лошадей, 200 рублей, 2 верблюда и 2 иноходца „и бійлыка 50 рублей“. Едва Бекъ успѣлъ уплатить по этому рѣшенію, какъ къ уѣздиному начальнику явился Джанакъ и заявилъ, что Абдракъ получилъ больше, чѣмъ далъ ему въ калымъ. Уѣздиный начальникъ приказалъ ему обратиться къ біямъ, которые и присудили Джанаку одну лошадь съ Абдрака. По окончаніи всѣхъ этихъ рѣшеній вернулся и Ибраимъ съ Машай, но все еще изъ боязни кочевали не въ своей, а въ Байгали-Канчелинскій волости, гдѣ была и свадьба ихъ. На ней присутствовали отецъ и мать Ибраима, со стороны же Машай никого. Муллѣ заплатили 8 аршинъ хорошаго ситца. Обрядъ вѣнчанія я здѣсь не буду описывать, такъ какъ онъ одинаковъ съ описаннымъ выше. Приданаго Ибраимъ не получилъ.

Этотъ случай наглядно доказываетъ, какъ трудно дѣвушкѣ избавиться отъ навязанаго обычаямъ жениха и выйти за любимаго человѣка. Не у всѣхъ хватитъ столько энергіи и средствъ, да и не всѣ дѣвушки живутъ такъ близко отъ города.

3) Киргизъ Арасанской волости, Копальскаго уѣзда Есембекъ Тане-

кинъ увидѣлъ въ Байгали Койчилинской волости киргизку Чалипу, дочь Даулетпака; она понравилась, и онъ тайкомъ отъ всѣхъ переговорилъ съ ней и спросилъ: не согласится ли она выйти за него. Чалипа согласилась, и Есембекъ пошелъ къ ея отцу Даулетпаку сватать. Послѣдній хотя и согласился, но сказалъ: Чалипа уже просватана за киргиза Вѣрененскаго уѣзда Нарбуту, и онъ боится, какъ бы чего не вышло. Чтобы успокоить Даулетпака, Есембекъ обязался письменно заплатить по всѣмъ искамъ за Чалипу со стороны Вѣрененскихъ киргизовъ и въ то же время негласно заплатить Даулетпаку 40 лошадей, 30 верблюдовъ и 200 рублей. А для того, чтобы не подвергать особымъ непрѣятствіямъ самого Даулетпака и его родственниковъ, было условлено, что Есембекъ пришлетъ за Чалипой джигитовъ и какъ бы украдеть ее безъ вѣдома Даулетпака. Иначе, т. е. еслибы отецъ Чалипы отдалъ ее Есембеку гласно, киргизы Вѣрененскаго уѣзда могли бы убить Даулетпака и ограбить его родовицей. По приѣздѣ домой Есембекъ послалъ 5 джигитовъ, которые разыграли сцену похищенія великолѣпно и привезли Чалипу въ Копаль. Здѣсь встрѣтилъ ее Есембекъ и научилъ идти къ начальнику уѣзда пожаловаться, что ее маленьку просватали за Нарбуту, котораго она не любить и не хочетъ быть его женой и поэтому просить освободить ее отъ этого брака, отнюдь не говоря о желаніи выйти за Есембека. Жалоба была выслушана и, по незнанію закулисной стороны дѣла, Чалипѣ дано свидѣтельство о свободѣ съ обязательствомъ возвратить Нарбутѣ калымъ. Чрезъ нѣсколько дней Есембекъ явился въ управление и просилъ позволенія жениться на Чалипѣ; это было позволено, такъ какъ послѣднія согласилась. Свадьба состоялась тотчасъ же въ Копалѣ. Со стороны Чалипы не было никого, а со стороны Есембека только отецъ, мать и братъ его, остальные всѣ—татары и сарты. Тотчасъ послѣ свадьбы Есембекъ далъ Чалипѣ отдельную юрту, 500 барановъ, 100 лошадей, 10 верблюдовъ, 10 коровъ и разнаго имущества, купленнаго на базарѣ, на 500 рублей. Какъ ни чисто было обѣдано дѣло, но тѣмъ не менѣе киргизы Вѣрененскаго уѣзда стали мстить Даулетпаку и его родственникамъ. Началась баракта, воровали обойдно и добыча каждой стороны насчитывалась тысячами. Все это окончилось на чрезвычайномъ Съѣздѣ (1875 года) и Вѣрененские киргизы заплатили Копальскимъ излишкъ наворованнаго—50 лошадей. Тутъ же окончилось и дѣло по иску Нарбуты съ Есембекомъ калыма и убытковъ за Чалипу. По рѣшенію послѣдній заплатилъ первому 100 лошадей и 210 рублей. Послѣ всѣхъ этихъ разсчетовъ Даулетпакъ привезъ Есембеку и приданое: 7 верблюдовъ, 1 лошадь бѣгунца (байговая), 7 тулуповъ на лисьемъ мѣху (6 мужскихъ, 1 женскій), 7 коровъ, 7 одѣялъ (шан, батшай и сиццевыхъ), саукулѣ и 25 халатовъ (женскихъ и мужскихъ).

4) Киргизка Ману, дочь Танеке Дюсетова была просватана за киргиза Нижне-Каратальской волости Алсая Сапакъ. Размѣръ калыма определенъ не былъ, такъ какъ Танеке богачъ, а Алсай хороший человѣкъ. Къ началу 1870 года часть калыма уже была уплачена. Въ 1870 году приѣхалъ къ Танеке изъ Сергиопольского уѣзда киргизъ Тлеулы Мата-

евъ съ 4 товарищами и стала свататься за Ману. Танеке дома не было и его сынъ Есембекъ отказалъ Тлеулы, сказавъ, что Ману просватана. Тлеулы спросилъ: „а если дѣвка сама пожелаетъ за меня?“ Есембекъ отвѣтилъ: „все равно нельзя“. Той же ночью Тлеулы схватилъ Ману и увезъ ее къ себѣ. На утро Есембекъ, узнавъ въ чемъ дѣло, собралъ 300 вооруженныхъ киргизовъ изъ своего рода Кантагай и отправился въ погоню. Отцу своему онъ послалъ джигита разсказать о похищении Ману и просилъ его Ѳхать къ аулу Тлеулы. Танеке прибылъ тотчасъ же. Ночью отрядъ подошелъ и окружилъ ауль похитителя. Начался грабежъ. Ожесточенный Танеке не приказалъ щадить, и множество раненыхъ свидѣтельствовали объ усердіи его шайки. Убитыхъ впрочемъ не было. Тлеулы испугался и выдалъ Ману отцу ея, а для того, чтобы удовлетворить обиженныхъ похищениемъ кантагайцевъ, онъ далъ Танеке подарки: 300 рублей, 1 иноходца съ ѿдломъ въ серебрѣ и 1 лопидъ бѣгунца съ ѿдломъ въ серебрѣ. Танеке удовлетворился и съ своими людьми и Ману вернулся домой. Всѣдѣль въ ними прѣѣхалъ Тлеулы и вновь просилъ отдать за него Ману. Танеке согласился, потому что „выдать за Алсая неловко, какъ бы не было упрековъ и укоровъ, что Ману согласилась сама бѣжать съ Тлеулы“, но потребовалъ съ Тлеулы въ калымъ 1000 рублей и 100 верблюдовъ. Послѣдній согласился, и Танеке зарѣзвавъ бараповъ, созвалъ родственниковъ и угостили. Послѣдующая обрядность совершенно сходна съ описанной въ нормальномъ случаѣ, разница только въ подаркахъ и приданомъ, во къ сожалѣнію никто не помнить, что именно и сколько дарились, шло на угощеніе и дано въ приданое. Ограбленные и израненные родственники Тлеулы не получили конечно ничего, такъ какъ въ то время никто не смѣлъ и пикнуть противъ Танеке.

Примѣры эти доказываютъ, какъ тяжело приходится не только укравшему или женившемуся на любимой дѣвушкѣ съ разрѣшеніемъ уѣзднаго начальника, но даже и ихъ родичамъ, ни въ чемъ неповиннымъ. Киргизы мстить во всякомъ случаѣ; набѣги и барапта иногда достигаютъ солидныхъ размѣровъ. Алсай, правда, не мстилъ Танеке, но кто же и рѣшился на это? Танеке въ тѣ года былъ сила, сила страшная для киргизовъ. Мщеніе его не зналъ бы границъ, что и видимъ на Тлеулы. Но какъ только оставимъ Танеке, то найдемъ вездѣ барапту и большие расходы. Тлеулы, Цаулетпакъ и Бекъ съ ихъ родственниками поплатились жестоко, отецъ Ибраима значительно обѣдаѣль послѣ уплаты за Машай по рѣшенію біевъ, Есембекъ заплатилъ тоже не мало, хотя для него такая уплата и не значила ничего.

Такимъ образомъ нарушеніе обычая вызываетъ волненіе и сопряжено съ такими расходами, что дѣвушкѣ и ея несостоятельному возлюбленному трудно справиться. Естественно отсюда, что первыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ подчиняются обычаю.

5) Бій (Айтбозумовской волости, Южнаго участка, Кульджинскаго района) Коджаке, когда ему было 16 лѣтъ, услышалъ отъ киргиза Бекъ-Назара, что у киргиза Дериисала есть хорошенькая дочь. Коджаке рѣ-

шился посвататься и предварительно послать Бекъ-Назара узнать, отдать ли за него. Дериисаль согласился, и Коджаке послалъ своего брата сватать. Послѣдній, взивъ съ собой пять товарищевъ и 1 лошадь, пріѣхалъ къ Дериисалу и когда получилъ согласие на предложеніе, то подарилъ отцу дѣвушки лошадь (задатокъ). Въ калымъ условились платить 83 байтала. Дериисаль созвалъ родственниковъ и для угощенія ихъ и сватовъ зарѣзали 3-хъ барановъ и 1 лошадь. На другой день Дериисаль, провожая сватовъ, подарилъ брату Коджаке 1 верблюда и 1 лошадь, а 5 его товарищамъ по халату. Чрезъ мѣсяцъ Дериисаль съ 4 товарищами пріѣхалъ за калымомъ. Коджаке чрезъ брата угостилъ его и созванныхъ родственниковъ и заплатилъ въ калымъ 3 верблюда (за 15 лошадей) и 10 лошадей. Чрезъ два мѣсяца Дериисаль опять пріѣхалъ за калымомъ и получилъ 60 барановъ (за 12 лошадей). Чрезъ годъ снова пріѣхалъ и получилъ 15 лошадей. Чрезъ два дня послѣ этого поѣхалъ и Коджаке къ невѣстѣ. Съ нимъ было 1 товарищъ. Не доѣхавъ юрты Дериисала, Коджаке остановился, а товарища послалъ къ сююѣ невѣсты сказать, что онъ, Коджаке, пріѣхалъ. Сноха пришла и, получивъ въ подарокъ халатъ, привела къ нему ночью невѣсту. Коджаке провелъ съ послѣдней цѣлую ночь, а на разсвѣтѣ уѣхалъ домой, взявъ у невѣсты кольцо за память. Чрезъ 3 мѣсяца Дериисаль опять пріѣхалъ за калымомъ и получилъ 6 кобылъ съ жеребятами, 2 кобылы безъ жеребятъ и одну трехлѣтнюю лошадь (за 2 жеребенка). Наконецъ, чрезъ 4 мѣсяца Дериисаль пріѣхалъ послѣдній разъ и получилъ 5 лошадей, 5 коровъ и 1 верблюда (за 5 лошадей). Этимъ закончилась уплата калыма. Чрезъ 20 дней послѣ этого Коджаке поѣхалъ къ невѣстѣ, взявъ съ собой 1 верблюда (для матери невѣсты) и товаровъ на 30 барановъ. Дериисаль созвалъ родственниковъ и, зарѣзавъ 1 лошадь и 1 корову, угостилъ всѣхъ. $\frac{2}{3}$ товаровъ Дериисаль взялъ себѣ, а $\frac{1}{3}$ раздѣлили собравшіяся женщины. Вечеромъ невѣсту пригласили въ гости въ сосѣдній ауль, гдѣ собравшіяся дѣвушки и молодежь пѣли пѣсни. На разсвѣтѣ Коджаке уплатилъ хозяину юрты выкупъ 1 халатъ. Здѣсь Коджаке прожилъ два дня; а за то, что сноха приводила къ нему по ночамъ невѣсту, онъ дарилъ ей каждый разъ по халату. Чрезъ мѣсяцъ онъ собрался окончательно взять къ себѣ невѣсту, для чего взялъ съ собой 7 лошадей, 2 коровы и 1 верблюда и поѣхалъ съ товарищемъ къ Дериисалу, которому и подарилъ все это. Дериисаль закололъ 1 лошадь и 2 коровы, собралъ своихъ родственниковъ и угостилъ. Потомъ позвали муллу. Коджаке съ женой и ея матерью уѣхалъ домой на другой день; съ нимъ пошло приданаго: 2 лошади, 4 верблюда, 1 хорошая юрта, саукуле, 9 коровъ, 9 шубъ (крытыхъ сукномъ и бархатомъ), 9 халатовъ и 7 шубъ (3 на лисьемъ и 4 на бараньемъ мѣху). Мать прожила у Коджаке 2 дня и, получивъ въ подарокъ иноходца, уѣхала. Чрезъ 2 года жена Коджаке родила сына и поѣхала съ нимъ къ Дериисалу. Ее угощали и предъ отѣдомъ отецъ подарилъ ей 100 барановъ, 1 верблюда, 10 лошадей, 5 коровъ и 1 иноходца.

6) Киргизъ Южнаго участка, Кульджинскаго района, Конурбуковской волости Чокоманъ, услышавъ, что у киргиза Сюрте есть дѣвка, поѣхалъ къ нему съ товарищемъ. Дѣвушка, по имени Джакій, сидѣла въ юртѣ съ отцомъ и матерью, когда Чокоманъ вошелъ. Сюрте спросилъ Чокомана: „зачѣмъ пріѣхалъ?“. Послѣдній отвѣтилъ: „у тебя есть незамужняя дѣвушка, я хочу взять ее въ жены“. Сюрте сказалъ: „согласенъ“ и прибавилъ: „если не дашь задатка, могу отдать за другого“. Чокоманъ взялъ привезенный съ собой пятирублевый халатъ и надѣль на Джакій. Послѣднія сказала: „не буду надѣвать этотъ халатъ“. Тогда ся мать встала и, сказавъ: „если ты не будешь надѣвать, то я надѣну“, надѣла на себя. Калымъ было условлено 51 байталъ. Послѣ этого Чокоманъ уѣхалъ домой. Чрезъ мѣсяцъ Чокоманъ поѣхалъ опять къ Сюрте, который, собравъ родственниковъ, зарѣзалъ 3 барановъ и угощалъ. Собравшіе поздравляли Чокомана „съ пойманий птицей“ (Кшумъ Кутты бужунъ), а Сюрте съ свадьбой. Послѣ угощенія всѣ разѣхались. Чокоманъ тоже хотѣлъ уѣхать и сказалъ Сюрте: „я уѣду“, но послѣдній остановилъ его и подарилъ ему девятык отъ лошади: лошадь, аракчинъ, 2 халата, поясъ, рубашку, подштанники, сапоги и ситца 8—9 аршинъ. („Атъ бастабъ тогузъ кіятъ“). Потомъ Чокоманъ съ Сюрте поѣхалъ къ себѣ домой и въ два раза (въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ) заплатилъ послѣдніему въ калымъ: 29 лошадей, одного игоходца (за 5 байталъ), 2 коровы (за 2 байтала), 1 каль муки ($\frac{1}{3}$ четверти), 1 каль сарачинской крупы и 19 концовъ дабы (мука, крупа и даба за одинъ байталъ) и 2 верблюда (за 14 байталовъ). Чрезъ 2 года Чокоманъ съ товарищемъ поѣхалъ къ Сюрте и, не добѣжавъ его юрты, остановился (въ юртѣ знакомаго). Послѣдній товарища къ Сюрте узнать, скоро-ли свадьба. Сюрте отвѣтилъ: „если Чокоманъ дастъ мнѣ 1 верблюда, 1 лошадь и ситца на 25 рубашекъ (джиртысъ), то я сдѣлаю свадьбу“. Родственники невѣсты выставили для Чокомана юрту и передъ вечеромъ одна изъ нихъ пришла къ нему и сказала: „что дашь, если приведу къ тебѣ Джакій?“ Чокоманъ далъ ей два конца дуры (полушелковая матерія) и 8 аршинъ ситца. Переночевавъ эту ночь съ невѣстой, ва утро Чокоманъ уѣхалъ домой и, взявъ съ собой: 1 верблюда, 1 лошадь и ситца на 25 рубашекъ, поѣхалъ къ Сюрте. Свадьба совершилась какъ обыкновенно. Приданаго пошло съ Чокоманомъ и Джакій: 1 лошадь, 5 халатовъ и 2 шубы. А когда родился у нихъ ребенокъ, то Сюрте подарилъ Джакій 1 корову и 2 лошади. Сюрте очень бѣдѣлъ. Мать Джакій прогостила у Чокомана 15 дней, и послѣдній подарилъ ей: 1 лошадь, халатъ и платокъ.

Этими примѣрами я и ограничу описание брачнаго союза у киргизовъ. Изъ нихъ уже можно составить полное представление о тѣхъ волненіяхъ и разсчетахъ, которыми сопровождается всякое не обычное заключеніе брака.

По адату, взять дѣвушку въ жены можно не иначе какъ съ согласія ея родителей и всякое нарушеніе обычая наказывается. Хотя со временемъ нашей власти уже и не то, т. е. и помимо

отца берутъ дѣвушку въ замужество, тѣмъ не менѣе такіе счастливцы значительно платятся.

Приведу кстати тѣ постановленія обычая, которыя ограждаютъ права родителей на дочерей и мужей на женъ, т. е. приведу постановленія за увозъ дѣвушки и женщины, за изнасилование ихъ и сожительство съ ними.

Увозъ дѣвушки безъ ея и родителей согласія случается чрезвычайно рѣдко, какъ по трудности выполненія, такъ и изъ боязни возмездія: Всякій насильственный увозъ считается оскорблениемъ, нанесеннымъ всему роду, къ которому принадлежитъ похищенная, и сопровождается набѣгами, барантой, а иногда и рѣзней и такъ до той поры, пока дѣвушка не будетъ выручена и обида не отомщена. Хотя въ настоящее время и не допускается такое самоназвание, тѣмъ не менѣе баранта бываетъ непремѣнно.

Расчеты за баранту хотя и дѣлаются, но не вполнѣ достигаютъ цѣли, ибо ни одинъ бій, даже при всемъ его желаніи, не въ состояніи разобрать всю путаницу, порожденную обоюднымъ грабежомъ. Если же вспомнить, что каждый бій тянетъ на свою сторону, то станетъ совершенно понятнымъ, почему присуждается только часть. Похититель же и его родня остаются въ убыткѣ.

Увозъ дѣвушки, хотя бы съ ея согласія, въ прежнее время оплачивался, кромѣ калыма, 3-4 девятками аипа. Теперь же за увозъ платится калымъ и одна девятка отъ верблюда въ аипъ. Обыкновенно біи присуждаютъ 100 или 73 лошади и 100 рублей—тутъ калымъ, аипъ и бійлыкъ.

За дѣвушку непросвѣтанную все получаетъ отецъ ея; за просвѣтанную женихъ, если только, онъ уплатилъ тестю весь калымъ; въ противномъ случаѣ онъ получаетъ аипъ и включенный въ калымъ скотъ, остальное же беретъ отецъ похищенной. Дѣвушка въ обоихъ случаяхъ остается у похитителя. Если женихъ увезетъ свою невѣсту безъ разрѣшенія отца ея, то платить ему одну девятку отъ лошади. За увозъ чужой жены съ ея согласія виновный платить мужу девятку отъ верблюда и менѣе, а увезенная возвращается мужу.¹⁾

Во всѣхъ этихъ случаяхъ аипъ получается по рѣшенію біевъ. Кромѣ аипа присуждаются и расходы по розыску виновнаго.

1) Примѣръ: Киргизъ Конурбуговской волости Алменъ Тохтыбаевъ увезъ жену киргиза Мергембе Акынбекова—Санды. Увозъ состоялся съ согласія Санды. Чтобы скрыть слѣды, Алменъ отправилъ Санды съ своимъ родственникомъ въ другой уездъ. Однако Мергембе скоро узналъ все и пожаловался волостному управляющему, а этотъ заставилъ возвратить Санды. Послѣдняя скрылась въ Сувановской волости, туда и пѣхомъ Алменъ съ Боченемъ (родной братъ Мергембе). За выдачу Санды пришлось уплатить Сувановскому управляющему лошадь и 13 рублей, да за увозъ біи присудили въ пользу Мергембе девятку отъ лошади.

За изнасилование замужней женщины виновный платить ея мужу: одну девятку отъ лошади, или 2 лошади и 2 халата, или лошадь и халатъ и т. п.¹⁾ За связь жены съ постороннимъ мужъ тоже можетъ искать съ виновнаго и ему обыкновенно присуждаются лошадь и халатъ.

За изнасилование девушки виновный присуждается къ уплатѣ: двухъ девятокъ (одна отъ верблюда, другая отъ лошади) или 25 лошадей, или 15 лошадей, или девятка отъ лошади. Въ Вѣренскомъ же уѣздѣ обыкновенный аипъ за это преступленіе девятка отъ верблюда. За связь съ девушкиой съ виновнаго присуждаются лошадь и халатъ. За изнасилование и связь съ просватанной девушкиой аипъ получаетъ женихъ, за непросватанную береть отецъ.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ присуждаемый аипъ различенъ, болѣшій его размѣръ присуждается болѣе богатому или почетному потерпѣвшему, низшій же приходится на долю бѣдняковъ.

Впрочемъ, надо отмѣтить, что преслѣдованіе добровольной связи случается до крайности рѣдко, мало мальски порядочный человѣкъ не доводить дѣло до суда.

4. Прекращеніе брака.

Мужчина можетъ расторгнуть бракъ по личному произволу. Никакихъ формальностей при этомъ не соблюдаются. Мужъ лишь долженъ привезти жену къ ея отцу и сказать ему, что освобождается ее. Этимъ дѣйствиемъ зять, предоставляя тестю выдать освобожденную по своему произволу, лишается и права на возвратъ калмыка. Впрочемъ надо сказать, что киргизу не разсчетъ возвращать жену тестю: опь вѣдь теряетъ работницу. Поэтому то возвратъ женъ дѣлается лишь въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ: неизлѣчимой болѣзни жены, неспособности къ работѣ и т. п. По отношенію къ женщинѣ бракъ ея конечно кроме смерти ея или мужа, прекращается только: 1) при безвѣстномъ отсутствіи мужа, продолжающемся болѣе 12 мѣсяцевъ—(въ томъ числѣ и ссылка въ Сибирь) и 2) при половой неспособности мужа.

Во всѣхъ однако случаяхъ женщина не имѣеть права свободнаго выбора новаго мужа. Она—достояніе, собственность родныхъ умершаго, пропавшаго или неспособнаго. Если только у вдовы нѣтъ сыновей, то она непремѣнно выходитъ за брата или другого родственника прежнаго мужа. Если сыновья есть, то никто не можетъ принудить ее къ новому замужеству; ей предоставляется на выборъ или жить самостоительно, управлять имуществомъ, ростить,

¹⁾ Напр. За изнасилование жены киргиза Даулубая Чонкобаева съ виновныхъ киргизовъ (Илеубая и Кузябая) было присуждено въ пользу мужа 3 лошади.

женить дѣтей и проч., однимъ словомъ вполнѣ вступить въ права главы юрты, или выйти замужъ за брата бывшаго мужа и лишиться самостоятельности.

Безвѣстное отсутствіе мужа свыше года даетъ его женѣ право: выйти замужъ за ближайшаго по старшинству родственника про- павшаго или дожидаться возвращенія супруга; въ послѣднемъ случаѣ никто но въ правѣ противиться ея рѣшенію и она дѣлается самостоятельной. Если ближайшій родственникъ мужа молодъ, то въовѣ предоставляемъ на выборъ: ждать его совершеннолѣтія или выйти замужъ за слѣдующаго, который платить обойденному девятыку отъ верблюда и менѣе. Если же выйдетъ не за родственника (съ разрѣшеніемъ русской власти или отъ сильнаго упорства), то новый мужъ платить полный калымъ по приговору біевъ.

Развода для женщины нѣтъ. Надоѣсть жена, киргизъ женитъся на другой, а старую отдѣляетъ. Бьетъ жену мужъ, дурно съ ней обращается, развода все же нѣтъ; все, что она можетъ, это обратиться съ жалобой къ старшему брату мужа, который и уго- вариваетъ виновнаго; если же послѣднай не послушается, старшій братъ говорить отцу и этотъ дѣлаетъ внушеніе, иногда и поко- лотить. Этимъ однако и ограничивается ихъ участіе. При не- имѣніи отца, брата или при неоказаніи имъ помощи, жена можетъ обратиться къ бію или лучшему въ аулѣ человѣку, обыкновенно старѣшему родственнику и, жалуясь на побои, сказать: "раз- бери насть и накажи меня, если я виновна". Собираются старики и разбираютъ; усовоѣщиваютъ виноватаго, страшаютъ, а если не помогаетъ, поколотятъ нагайкой. Въ концѣ концовъ стараются примирить супруговъ и все кончается Ѣдой барана, закалываемаго мужемъ для старииковъ. При повгореніи жалобы поступаютъ такъ-же; развода же не даютъ. Рѣдкая впрочемъ и пожалуется, ибо мужъ навѣрно отомстить. У богатыхъ и средняго состоянія кир- гизовъ обыкновенно впрочемъ случается, что послѣ подобнаго сты- да мужъ женится на другой, а первую или отдѣляетъ, а нѣть средствъ—обращаетъ въ работницу. Впрочемъ, если слѣдствіемъ худого обращенія мужа будетъ смерть жены или если мужъ не любить жены, не раздѣлять съ нею ложа, и она съ горя от- равится, то тестъ ищетъ съ зятя кунъ, какъ за настоящее убий- ство, и, при доказанности иска, біи присуждаютъ 100 лошадей и менѣе по рѣшенію присяжныхъ.

По адату при жизни мужа жена можетъ требовать раз-вода только въ одномъ случаѣ—неспособности мужа къ супру- жескимъ обязанностямъ. Жалобы приносятся бію или старѣшему въ аулѣ человѣку. Эти спрашиваютъ мужа и, при сознаніи его, же-на переходить къ ближайшему родственнику съ уплатой до по-ловицы калыма. При несознаніи мужа въ безсиліи біи или ста-рики предлагаютъ мужу доказать свои способности и назначаютъ

надежного человѣка (въ Копальскомъ у. назначаютъ лекаря „баксы“) присутствовать во время доказательства, даваемаго въ особой юртѣ. По заключенію этого свидѣтеля даютъ или разводъ или отказываютъ въ немъ.

Такое освидѣтельствованіе было сдѣлано въ концѣ 60-хъ годовъ по жалобѣ жены киргиза Копальскаго у. Байгали Койчелинскай волости Дуламбая. Послѣдній былъ признанъ безсильнымъ, и жена перешла къ брату его Булатаю Киргизбаеву.

Со властью русскихъ, администрацией, при доказанномъ безобразномъ поведеніи мужа и истязаніи жены, не стѣсняется дозволять разводъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отецъ разведенной или новый ея мужъ уплатилъ прежнему калымъ по приговору біевъ.

Въ Кульджинскомъ районѣ обычаемъ уже установлено платить мужу за отходъ жены 30 байталь (обыкновенно платится: 5 пятилѣтнихъ лошадей, 5 четырехлѣтокъ, 6 трехлѣтокъ, 6—двуухлѣтокъ, 2 кобылы съ жеребятами и 2 пятилѣтнихъ коровы съ 2 телятами).

Въ настоящее время (70-е года и начало 80-хъ) въ Копальскомъ уѣздѣ и въ Кульджинскомъ районѣ жалобы женщинъ на истязанія и на безсиліе мужей судъ біевъ почти не принимаетъ къ своему разбирательству, предоставляя принести эту жалобу уѣздному начальнику, который, если убѣдится въ справедливости жалобы, освобождаетъ женщину не отъ одного мужа, но и отъ всей его родни, давая ей полную свободу съ условіемъ имущественного вознагражденія мужа по приговору народнаго суда.

Н. Изразцовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МАЛОРОУССКОЕ ВЕСИЛЬЕ.

(Свадебные обряды и пьесы, запис. въ м. Мринѣ, Нѣжинскаго уез. Черниговской губ.)

Предисловіе.

Желая дать подробное, по возможности, описание малорусской свадьбы я собиралъ о ней свѣдѣнія у разныхъ лацъ, принимавшихъ то или другое участіе въ свадьбахъ. Я разспрашивалъ старухъ, женившихъ своихъ сыновей или выдававшихъ замужъ дочерей; женатыхъ людей, которые сами были женихами и участвовали въ свадьбахъ у своихъ товарищѣй; молодыхъ девчать, бывшихъ дружками и свитынками. Разспросы мои не ограничивались данной только мѣстностью—м. Мриномъ Нѣжинскаго у.; мы доставляли свѣдѣнія и краткія описанія свадебъ и изъ другихъ мѣстностей Черниговской губ.; однако прилагаемый свадебный ритуалъ описанъ исключительно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ происходитъ въ м. Мринѣ. Пословица: „что гороѣ—то норовъ, что деревня—то обычай”— вполнѣ примѣнна къ свадебнымъ событіямъ. Общий видъ свадебъ въ Малороссіи, какъ это видно изъ сравненія описаній свадебъ разныхъ мѣстностей Малороссіи, почти одинъ и тотъ же; это и позволило мнѣ дать такое общее заглавіе предлагаемому описанію; но почти въ каждомъ селѣ свадьба имѣть свои мелкія особенности; такъ какъ эти особенности могутъ быть чисто мѣстного происхожденія, то и важно записывать ихъ: они могутъ знакомить наскѣ бытовыми чертами и юридическими взглядами каждой въ отдельности мѣстности. — Помѣщать въ одномъ описаніи свадьбы и другихъ мѣстностей я счелъ неудобнымъ; особенности свадебъ другихъ селъ, вставляемыя въ видѣ выносокъ и примѣчаній, нарушили бы единство впечатлѣнія. Эта описанія, въ большинствѣ случаевъ довольно краткія, будутъ доставлены въ Общество любителей Ест., Антр. и Энг. впослѣдствіи, когда ихъ окончится у меня побольше.

Время свадьбы.

Свадьбы среди простого народа Малороссіи чаще всего бывают позднею осенью и зимою; лѣтомъ, сравнительно, довольно рѣдко. Это объясняется тѣмъ, что, съ одной стороны, зимой крестьянину гораздо меньше работы, чѣмъ лѣтомъ; онъ имѣть тогда больше свободнаго времени въ поэтому можетъ отпраздновать свадьбу во всѣхъ ея подробностяхъ, которые отнимаютъ иногда слишкомъ много времени; съ другой стороны къ зимнимъ праздникамъ крестьяне успѣваютъ подвести окончательный итогъ своимъ трудамъ; къ этому времени отъ продажи хозяйственныхъ продуктовъ у нихъ является свободная копѣйка, что позволяетъ имъ щедро угостить родственниковъ и другихъ гостей на свадьбѣ.

Сватанье.

Хотя паробокъ и дѣвушка еще раньше дадутъ другъ другу слово, тѣмъ не менѣе ихъ свадьбѣ должно еще предшествовать формальное сватанье. Нечего ужъ и говорить о необходимости его въ тѣхъ случаяхъ, когда паробокъ не имѣть видовъ ни на одну известную дѣвушку, а женится на той, которая согласится пойти за него, женится просто потому, что ему „уже пришло уремье“ жениться. Сватанье начинается съ щедрика, подъ Новый годъ. Дивчата, зная это, сидятъ весь вечеръ дома, ожидая прихода старостовъ. Въ этотъ день онъ, между прочимъ, пекутъ блины; схватя со сковороды первый спеченный блинъ, дѣвушка выбѣгаѣтъ съ нимъ за ворота и спрашиваетъ у первого встрѣчнаго его имя, желая узнать такимъ образомъ имя своего суженаго.

Если сватанье происходитъ не на Рождественскихъ святкахъ, а въ другое время, то сваты ходятъ, большою частью, по воскреснымъ или праздничнымъ днямъ подъ вечеръ, днемъ—рѣдко.

Формально сватать себѣ невѣсту паробокъ никогда не ходить самъ. Онъ выбираетъ двухъ „старостовъ“, — сватовъ лѣтъ 30—40, изъ числа своихъ родственниковъ или личностей, пользующихся на селѣ всесобщимъ почетомъ и потому могущихъ поддержать своимъ авторитетомъ жениха, или, наконецъ, въ сваты женихъ просить тѣхъ, которые прославились уже своимъ умѣniемъ высоватывать дѣвушекъ. Женихъ просить приглашенныхъ имъ сватовъ къ себѣ на домъ и предлагаетъ угощеніе. Здѣсь, если онъ уже раньше выбралъ себѣ невѣсту, то сообщаетъ сватамъ ея имя и просить ихъ пойти и переговорить окончательно съ дѣвушкой и ея родителями, испросить ихъ согласія и условиться о времени свадьбы. Если же у паробка на примѣтѣ нѣть ни одной дѣвушки, то его родители и сваты рѣшаютъ сообща на семейномъ совѣтѣ, кого идти сватать; при этомъ намѣчаютъ обыкновенно нѣсколькихъ дѣвушекъ на случай, если та или другая не будетъ согласна выйти замужъ.

Сваты берутъ подъ мышку свѣжій хлѣбъ, завернутый въ чистую хустку, въ руки по палкѣ и вмѣстѣ съ женихомъ идутъ къ родителямъ намѣченной дѣвушки. Въ хату невѣсты входятъ одни только сваты; женихъ же, сидя на присѣбѣ, поджидаетъ результата сватанья. Войдя въ хату, сваты не сразу приступаютъ къ дѣлу; послѣ обычныхъ привѣтствій они кладутъ ва столъ хлѣбъ, затѣмъ заговариваютъ о разныхъ постороннихъ предметахъ и постепенно приближаются къ цѣли своего прихода; но и тутъ они не объясняютъ прямо, зачѣмъ пришли, а стараются сдѣлать это иносказательно и предварительно выпытать мнѣніе родителей дѣвушки. „Чого се дочка у вѣсъ и доси дома сидѣть? Чы не пора-бѣ вамъ уже йи замужъ выдавать?“ Или: „У вѣсъ есть березка, а у насъ дубокъ, да къ чы не спаровать бы намъ йихъ?“ Въ свою очередь и родители не даютъ сразу рѣшительного отвѣта, а отдѣлываются намеками, ссылаются на молодость дочери, ея бѣдность: „Чого намъ гнать йи зъ своеи хаты? Вона жъ таки, слава Богу, у насъ хлѣба не перейдаe даромъ; да вона ще й молода зовсімъ и хустокъ чы успила напрясты“. Долго идутъ подобные разговоры, но окончательного отвѣта сваты никогда не получаютъ въ этотъ день. Во время сватанья дѣвушка, если не думаетъ отказать паробку, стоитъ молча у окна или печки, спиной къ присутствующимъ, и „колупае печь“, т.-е. ковыряетъ глину на коменѣ или замазку въ окошкѣ; если же она рѣшила отказать жениху, то выходитъ въ сѣни или вовсе уходитъ изъ дома.

Хотя бы съ первого же раза сваты увидѣли, что ихъ дѣло здѣсь не увѣнчается успѣхомъ, они тѣмъ не менѣе не отстанутъ сразу; долго они уговариваютъ родителей невѣсты и ее саму, расхваливаютъ разныя, иногда вовсе даже и несуществующія, достоинства жениха; видя, что ихъ краснорѣчіе не приводитъ къ желаемымъ результатамъ, сваты все еще не отстаютъ; они оставляютъ свой хлѣбъ на столѣ у невѣсты и уходятъ домой; на слѣдующій день снова являются и убѣждаютъ; эта процедура длится иногда иѣсколько дней. Бываетъ, что настойчивымъ сватамъ удается почти насильно вырвать согласіе; если же они получать, наконецъ, рѣшительный отказъ, то видя, что ихъ краснобайство и настойчивость ни къ чemu больше не приведутъ, забираютъ свой хлѣбъ и, ругнувши подъ сердитую руку крѣпкимъ словомъ родителей невѣсты или ее саму (смотря, кто былъ главною причиной отказа), отправляются сватать слѣдующую намѣченную дѣвушку. Иногда рѣшеніе дѣвушки не совпадаетъ съ волей родителей: дѣвушка согласна идти за паробка, а родители противятся этому, или наоборотъ; дѣвушка тогда слезно просить родителей не губить ее; родители же настаиваютъ на своемъ, сперва уговаривая дочь покориться ихъ рѣшенію, а потомъ дѣйствуя и болѣе рѣшительно; въ большинствѣ случаевъ побѣда остается на сторонѣ родителей; но иногда и дочери удается одержать верхъ.

Случается, что въ домъ одной дѣвушки сходится сразу нѣсколько парь старостовъ. Если дѣвушка сама затрудняется, кому отдать предпочтеніе, то тутъ успѣхъ сватовства зависить рѣшительно отъ ловкости и авторитета сватовъ: менѣе способные говорить отстаютъ и уходятъ, забравъ съ собою свой хлѣбъ, а болѣе краснорѣчивые или почтенные сваты продолжаютъ переговоры.

Какъ бы ни вѣренъ былъ успѣхъ сватовства, тѣмъ не менѣе окончательный отвѣтъ дается иногда черезъ нѣсколько дней послѣ первого прихода сватовъ. Наконецъ сваты, видя что дѣло ихъ идетъ на ладъ, приглашаютъ родителей дѣвушки къ паробку „на разглядыны“. Только теперь входить въ хату женихъ и бесѣдуетъ съ дѣвушкой, пока старики не воротятся домой съ „разглядынъ“.

Розглядыны.

„Розглядыны“, т.-е. осматриваніе имущества жениха, бываютъ въ большинствѣ случаевъ тогда, когда женихъ изъ чужого села, и родители дѣвушки не знаютъ его состоянія. Чтобы познакомиться съ будущимъ хозяйствомъ дочери, родители ея вмѣстѣ со старостами отправляются въ домъ жениха. Послѣ угощенія хозяина водятъ своихъ гостей по коморамъ, по двору, огородамъ, показывая свое имущество, причемъ часто и привираютъ, выдавая чужія земли за свои; впрочемъ, такъ какъ подобные обманы—дѣло весьма обыкновенное, то этимъ разглядынамъ не придается особенного значенія.

Послѣ осмотра родители дѣвушки вѣдутъ со сватами къ себѣ домой и тутъ уже, наконецъ, даютъ имъ свое согласіе: „Ну, нехай уже Богъ помогае; мабудь уже вона вамъ судылась; нехай же, якъ вона скаже, такъ и буде“, и спрашиваютъ согласія дочери; она или прямо заявляетъ о своемъ согласіи, или же, если этому мѣшаетъ застѣничность, ссылается на волю родителей. Послѣ этого расписывается „могорыть“; невѣста выносить изъ коморы сватамъ по хусткѣ; сваты подтыкаютъ ихъ себѣ за поясъ, условливаются о времени „змовынъ“ и, взявъ у невѣсты хлѣбъ, а свой оставивъ ей, уходятъ съ женихомъ домой.

Змовыны.

„Змовыны“ у бѣдныхъ невѣсть обыкновенно бываютъ въ толь же вечеръ. Дѣло въ томъ, что невѣста ва змовыны должна пригласить своихъ подругъ и вообще всю молодежь, съ которою она проводила время на вечерницахъ; этихъ гостей, которыхъ набирается иногда довольно значительное количество, нужно всѣхъ угостить, что, конечно, требуетъ и значительныхъ расходовъ. Устроивъ же змовыны сейчасъ послѣ сватовства, невѣста не имѣть

времени пригласить многихъ гостей. У болѣе состоятельныхъ людей на змовыны невѣста приглашаетъ свою родню и подругъ. Въ опредѣленный день собираются къ невѣстѣ приглашенные ею гости; сюда же пріѣзжаетъ и женихъ со своими родственниками (среди которыхъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ его крестные), со сватами и съ старшимъ бояриномъ. Гости, пріѣхавши съ женихомъ, садятся за столъ, а родственники невѣсты угощаются и прислуживаютъ имъ. Мать невѣсты заранѣе складываетъ на печи приготовленные для раздачи подарки. Послѣ закуски она, стоя на полу (помость возлѣ печки), подаетъ оттуда подарки своей дочери, а та на тарелкѣ подноситъ съ поклономъ сперва жениху шейный платокъ, затѣмъ старшему боярину, который во время закуски сидѣть по правую сторону жениха, платокъ или шарфъ и, наконецъ, остальнымъ гостямъ раздаются хустки. Гости благодарятъ невѣсту за подарки и бросаютъ ей на тарелку копѣекъ по 5 и менѣе, смотря по цѣнности полученного подарка. Раздавать подарки эти называется „предѣтъ молодому руки“. Къ концу змовыны собирается и приглашенная молодежь.

Послѣ раздачи хустокъ всѣ пожилые ёдуть въ домъ жениха, гдѣ уже родственники послѣднаго угощаются родственниками невѣсты.

Здана молодецтва.

Собравшіеся на змовыны у невѣсты парни и дѣвушки поютъ, танцуютъ; невѣста готовить имъ закуску, а женихъ угощаетъ „молоду челядь“ (такъ называется приглашенная на змовыны молодежь) водкой, купленной имъ на свои деньги. Танцы и игры продолжаются до разсвѣта. — Такъ молодые „здана молодецтво!“ Къ разсвѣту возвращаются домой и родные невѣсты.

Иногда по желанію невѣсты, „здананье молодецтва“ происходит не въ ея домѣ, а на вечерницахъ; это бываетъ въ томъ случаѣ, когда невѣста захочетъ ввести нелюбаго ей жениха въ лишніе расходы, такъ какъ на вечерницы собирается больше народу, а, слѣдовательно, и водки требуется больше. Закуска на вечерницахъ готовится уже не на счетъ невѣсты, а складываются всѣ участницея дѣвушки.

На змовынахъ, еще до отѣзда гостей отъ невѣсты, сообща рѣшаются, какіе подарки должна она раздавать до свадбы родственникамъ жениха, и какіе женихъ родственникамъ невѣсты.

Мать послѣдней обыкновенно обращается къ матери жениха, своей будущей свахѣ, съ вопросомъ: „Ну-те, свахо, какіть, чымъ вы будете карать насъ?“ Та назначаетъ число хустокъ, намитокъ, чбботъ для раздачи со стороны невѣсты. Въ свою очередь мать невѣсты потомъ опредѣляетъ количество подарковъ жениха для раздачи родственникамъ невѣсты. Обыкновенно въ подарокъ назна-

чаются: для матерей будущихъ новобрачныхъ—чоботы, отцамъ—рукавицы, шапки, крестному—матері на шаровары, крестной матери—головной платокъ и т. п.—Тутъ же идутъ переговоры и о приданомъ невѣсты. Оно, по большей части, состоить изъ разныхъ приналежностей женского костюма: кожушанокъ, юпокъ, платковъ; богатымъ считается приданое въ томъ случаѣ, когда невѣста имѣть много полотна, кожушанокъ, суконныхъ юпокъ; на плахты, платки и другіе мелкие предметы не обращаютъ особенного вниманія. За приданымъ женихъ не гонится и впослѣдствіи не попрекаетъ своей жены бѣдностью ея приданаго; встрѣчаются, конечно, рѣдкіе случаи такихъ упрековъ, но подобные мужья не пользуютъсяуважениемъ на селѣ. За то свекрухи часто попрекаютъ молодыхъ невѣстокъ бѣднымъ приданымъ.

Время между сватаньемъ и самою свадьбою невѣста посвящаетъ на шитье себѣ подушекъ, разной одежды; передъ свадьбой въ домахъ невѣсты и жениха готовятся кушанья и закуски гостямъ.

Въ субботу, за недѣлю до свадьбы, женихъ вмѣстѣ съ старшимъ бояриномъ (въ которые приглашается сынъ крестного отца или матери, или двоюродный братъ жениха) идетъ къ своей невѣстѣ, захвативъ ей въ подарокъ чоботы; въ одинъ сапогъ насыпается жито, въ другой—бублики, орѣхи, конфекты, мѣдные монеты. Войдя въ хату, женихъ ставить эти сапоги на лавкѣ; невѣста береть науначу одинъ сапогъ; если ей попался сапогъ съ рожью, то будущая жизнь новобрачныхъ будетъ счастлива, если же невѣста возьметъ сапогъ съ деньгами и конфектами, то молодые будутъ жить въ бѣдности.

Затѣмъ невѣста высыпаетъ изъ чоботъ содержимое на столъ, сапоги прятать, сама отправляется за 2—3 своими лучшими подругами, приглашаетъ, вернувшись домой съ ними, всѣхъ гостей за столъ и угощаетъ ихъ.

Случается, что невѣста „вередливая“ не принимаетъ отъ жениха чоботъ; тогда женихъ забираетъ эти сапоги съ собою, а ей приснить новую, лучшую пару.

Все время послѣ сватанья невѣста носить приколотую съ правой стороны къ головному платку „квітку,“ т.-е. красную или розовую ленту, сложенную въ мелкія складки и имѣющую форму цвѣтка.

Въ пятницу, за два дня до свадьбы, въ домъ жениха и невѣсты приглашается по пяти пожилыхъ женщинъ, которые пекутъ изъ тѣста большія шишки; эти женщины, приготавляя шишки, поютъ тѣ же пѣсни, что и въ субботу, приготавляя коровай (см. дальнѣе).

Приготовленіе коровая и вилецъ.

На слѣдующій день, *въ субботу*, мать невѣсты утромъ втыкаетъ въ своеемъ домѣ пучки ржи за образами, на лавкахъ и полыньяхъ;

на столъ ставится „молодецкая“ водка въ бутылкѣ, заткнутой тремя ржаными колосками, калинкою и барвинкомъ. Затѣмъ мать заплетаетъ дочери косу, причемъ обѣ онѣ плачутъ. Послѣ этого начинается приготовленіе коровай и малыхъ шишекъ; коровай лѣпится въ домѣ невѣсты и жениха. Невѣста, если даже и присутствуетъ въ это время въ хатѣ, тѣмъ не менѣе не принимаетъ никакого участія въ приготовленіи коровай. Утромъ въ субботу невѣста сама приглашаетъ замужнихъ женщинъ лѣпить коровай, а изъ дома жениха посылаютъ кого-либо другого приглашать ихъ. Собирается иногда молодицъ 30. Расположившись за столами, онѣ выкатываютъ изъ тѣста шишкы, калачи, виноградъ, бочки, которыми потомъ украшаютъ коровай; самый же коровай выкатываютъ за особымъ столомъ двѣ-три молодицы. Когда шишкы готовы, посреди хаты ставится дежа; въ дно ея втыкаютъ ножъ, къ которому прикрѣпляютъ восковую свѣчку; на дно дежи кладется мелкая мѣдная монета; послѣ этого дежа накрывается перевороченнымъ викомъ (т.-е. крышкой этой дежи), по бокамъ котораго ставятся накресть 4 восковыхъ свѣчи, а посрединѣ коровай. Четыре молодицы (только не вдовы и не второбрачныя) украшаютъ коровай шишками, калачами и т. п.; вверху коровай прикрѣпляютъ такъ наз. „первую шишку“, подъ которую кладутъ грошъ; затѣмъ снимаютъ съ вика свѣчи и прикрѣпляютъ ихъ къ коровай.

Вмѣстѣ съ шишками лѣпится и „товарыши“—хлѣбъ для невѣсты, который она увозить въ воскресенье къ свекру и въ понедѣльникъ раздаетъ дружкамъ.

Во все времена, пока идутъ эти приготовленія, участвующія женщины поютъ:

№ 1.

Ой колы мы коровай липылы,
До Дунаю по воду ходылы;
А зъ нами Дунай размовлявъ:
„Не берить воды изъ Дунаю,
Я вашого коровай не знаю;
Берить водыю зъ крыныци;
Бгайте коровай, молодицы!“

№ 2.

Коровай, мѣй рапо!
Я-жъ тебе не сама бгаю,
Сыромъ посыпаю,
Масломъ поливаю,
Въ середыни зъ сыромъ, зъ мас-
ломъ,
А коло-зъ долею, зъ щастемъ.

№ 3.

Пытается коровай перепечи:
Чы е стежечка до печи?

—А е стежечка маленька,
Коло яи руточка зелененька,
Въ середыни шышечка золотень-
ка.—

№ 4.

Нехто не вгадае,
Хто въ мене коровай бгае:
Що зъ села да селяночки,
Зъ города городяночки;
А зъ Киева войтовы дочки,
То-жъ мои коровайночки.

№ 5.

Да пытае коровай перепечи:
Чы е стежечка до печи?
—Ой е стежечка, да маленька,
Поросла руточка зелененька,
Васылечками заросла;
Тульки стежечки,—шо пройшла.—

№ 6.

Наша пичь реюче,
Короваечку хоче,
А перепечки усмикаюча,
На шыщечки сподиваюча.

Да трощить сосну на скипки
Нашому короваю на загнитки,
Шобъ нашъ коровай красень бувъ
Шобъ нашъ рудъ весель бувъ!

№ 7.

Ой до бору, бояре, до бору!
Да рубайте сосну до долу,
Да везите сосну до дому,

Вечерь, маты, вечеръ,—
Коровай не спечень:
Коровайницы пьяны,
Короваю не зобгали.

Прежде чѣмъ сажать коровай въ печь, одна изъ коровайницъ дѣлаетъ вѣнчикъ изъ ржавыхъ колосковъ, а если можно достать, то прибавляется еще травы и цветковъ; этотъ вѣнчикъ она отдаетъ мальчику, который выметаетъ имъ печь. Коровайницы поютъ въ это время:

№ 8.

Кучеравый пичь выметае,
А щастливый сажае,
Бугъ ёму да помогае.

Когда печь выметена, шишкы и коровай вмѣстѣ съ горящими на немъ свѣчами сажаютъ въ печь, при чѣмъ смотрять, чтобы ни одна свѣча не потухла прежде, чѣмъ коровай будетъ въ печи; въ противномъ случаѣ предстоитъ близкая смерть одного изъ новобрачныхъ.

Когда коровай и шишкы посажены въ печь, коровайницы носятъ дежу вокругъ той скамейки, на которой она стояла; это называется „хитать дижу“; въ это время онѣ поютъ:

№ 10.

Пичь на сохахъ,
И диха на рукахъ;

И цилуйтесь,
И мылуйтесь,
Хто кому радъ.

При этомъ цѣллются накрестъ. Затѣмъ ставятъ дежу на мѣсто, берутъ лопату и стучать ею по всѣмъ угламъ хаты. Коровайницы садятся закусывать. Когда вынутъ изъ печи коровай и шишкы, то послѣдній раздаются присутствующимъ дѣтямъ, а коровай прячетъся. Коровайницы расходятся по домамъ.

Пока готовится коровай, невѣста идетъ собирать дружекъ, „выть сильце.“ Захвативъ съ собою паляницу, завороченную въ хустку, она отправляется къ подругѣ, которая живетъ ближе другихъ. Войдя въ хату подруги, невѣста кланяется хозяевамъ, отдаетъ имъ хлѣбъ и просить отпустить свою дочь къ ней въ дружки; затѣмъ кланяется подругѣ со словами: „Прошу покорно, сестрычко, у дружки“ и цѣлуется съ нею; та проворно собирается, и обѣ вмѣстѣ отправляются приглашать слѣдующую подругу. Родственниковъ и знакомыхъ невѣста приглашаетъ на свадьбу. По дорогѣ дружки поютъ:

№ 11.
Ой не гайся, Марусенько, не гайся,
Въ червонныи чоботки обувайся,

За дружечками шатайся,
Бо вже пүзнецько, смеркае,—
Въ тебе дружечокъ немае.

Пригѣвъ: „Друга квитка — то жъ Марусенька!“ повторяется передъ каждой пѣсней.

№ 12.
По дорози, Марусенько, по дорози;
Червонныи чоботоньки на нози,
Що покупывъ Иваночко на торзи.
Носы, носы, Марусенько, здорова,—
Не скажу тоби не слова.

Полюбила Марусенька
Хорошого челядьына.

№ 13.
Ой рядочкомъ дружечки, рядочкомъ
По-пудь вышневымъ садочкомъ,
Та щыпалы руту-мъяту зелененьку,
Затыкали Марусеньку молоденьку.

№ 17.
Ой до бору, дружечки, до бору,
Да рубайте сосоночку до дому;
Да летять трисочки высоченько,—
Чуть нашу Марусеньку далеченько.

№ 14.
Пусты мене, маты, (2)
Въ сей гай погуляты, (2)
Кускою помаяты.

№ 18.
Ой не гайся, Марусенько, не гайся,
Въ червонныи чоботоньки обувайся,
За дружечками шатайся.
Червонныи чоботоньки на нози,
Шо купывъ Иваночко на торзи.

№ 15.
Ой попе, попе Гордю,
Ой не дзвозы рано въ недилю,
Да задзвоны рано въ суботу:
Нехай воны не шыютъ, не прядутъ,
До нашон Марусеньки въ дружки
Йдутъ.

№ 19.
Ой у поля шырокому,
Въ колодези да глыбокому
Тамъ Маруся да воду брала,
За голубами да размовляла:
Голубы мои да сзызеньки,
Браты мои да рудненъки
Полетите въ мою стороненьку,
Накажите моему роденъку;
Нехай мўй рудъ не обидае,
Нехай мене да одвиде

№ 16.
Не кленына, да яблонина,
Червона калыка,—

Случается, что на улицѣ встрѣчаются двѣ невѣсты; онѣ кланиются низко одна другой и поцѣловавшись расходятся.

Въ домѣ жениха такимъ же образомъ, какъ и у невѣсты, приготавляется коровай. Самъ женихъ, взявъ хлѣбъ, идетъ вмѣстѣ со старшимъ бояриномъ приглашать своихъ родственниковъ и знакомыхъ на свадьбу. Но въ это время женихъ и невѣста остерегаются взаимной встрѣчи; если невѣста завидить на улицѣ жениха, то обходить его даже огородами.

Пригласивъ дружекъ и гостей, невѣста идетъ домой „выть вильце“. Мать ея, взявъ въ руки паланницу, выходить изъ хаты встрѣтить дочку съ ея дружками и приглашаетъ ихъ въ хату, гдѣ предлагается закуска.

Вильце — это вишневая (рѣдко сосновая) вѣтка, имѣющая 7,9... вообще нечетное число вѣточекъ. Вильце вырѣзывается какимъ-либо хлопцемъ до возвращенія невѣсты. Еще раньше невѣста съ

подругами приготовляет для вицельца „квитки“—букетики, для вицельца жениха взъ барвинка и овса, а для себя изъ барвинка и калины. Послѣ завтрака дружки втыкаютъ вильце въ хлѣбъ или въ приготовленную для этого подставку „колодочку“, затѣмъ одна изъ дружекъ держитъ квитку невѣсты возлѣ самой верхней вѣточки; невѣста привязываетъ эту квитку, обматывая виткой къ себѣ (стъ запада на сѣверъ) три раза. Въ это время дружка обращается къ присутствующимъ въ хатѣ: „Старосте и паны пудстарости!“ Ей отвѣчаютъ: „А що, муй голубе?“—„Благословить молодуя княгыни вильце звѣти“—„Богъ благословить.“—И въ другой разъ!“ „Вси три разы заразомъ“.—Привязанный невѣстой букетикъ называется „первая квитка“.

Получивъ благословеніе, дружки начинаютъ убирать вильце цвѣтами, барвинкомъ и калиной; при этомъ онѣ поютъ:

№ 20.

Благословы, Боже,
И отецъ и матери,
Своему дытятѣ;
А ще я суды, Боже,
Вылечко звѣти,
Сей домъ звеселыты.

№ 21.

Вильце вѣмъ
И гарилочкѣ пѣмъ,
Зверху додолу
Да все жемчугою
И шовковою травою,
Та поверхъ дерева яворца,
Та нашего Иванка молодца,
Та поверхъ дерева ялыны
Ще я червоной калыны,
То нашои Марусеньки-княгыни.

№ 22.

Перша квитка—то Иванко!
Та летицъ соколонько
Черезъ садъ,
Погубывъ пиръечко
На весь садъ.
Позѣграйте, дружечки,
Пиръечко,
Зовѣмъ Иванку
Вилечко.

№ 23.

Не ѡдить, молодыци, (2)
До настъ вицельца выты,
Зовѣмъ мы самы
Зъ скрыбками, зъ цимбалами,
Зъ молодымъ та боярамы.

№ 24.

Ой чы съ сѣму дому господарь,
Щобъ напы вилечка выкуплявъ?
—Ой бочку меду, а вына дви,—
Отъ вамъ вилечка на столи.

№ 25.

Ой колы мы Марусеньки
Вильца вылы,
Щыры боры выходылы,
Половыну боруѣвъ вырубылы,
Хрецать-баровинокъ вырезалы,
Зеленую рутоньку вышыпалы,
А таки мы дивоци вильцязылы.

№ 26.

Да не мы ѡ вилечка извылы,
Звѣто вилечка тамъ на сели,
Да я прывезено у ночи,
Да я поставлено на столи
На тонесенъкѣ, на блесенъ-
ку скатерти;
Зъ червоной калыны извѣто,
А зеленымъ выномъ облыто.

№ 27.

Вильца наси, вильца! (2)
Золотыи кульца
Голлю «бломылы
И землю освityлы.

№ 28.

Мы вилечокъ довываемо, (2)
Гарилочку допываемо.
Дайте намъ музыки,
Пуйлемо погуляемо,
Свитоньку повыдаемо.

№ 29.

Звылы тоби, дивочко,
Вилечка,
Якъ два соловейка
Гвоздечка,
Да поверхъ дерева
Явордя,—
Съ нашего паробка
Молодця,
Да поверхъ дерева
Ялыны,—
Съ нашей дивочки
Княгыни.

№ 30.

Мы вилечка въемо
И гарилочку птьемо,
Мы вилечка добываемо,
Гарилочки допываемо;
Дайте намъ музыку,—
Пуйдемо погуляемо!

№ 31.

Ой извыйся, роечку, извыйся,
Да къ оконечку спустыся,
Да ва наши вилечка сядовыся;
Да сядыся, роечку, густенько,
Щубъ булы вилечка рясненки.

№ 32.

Луговая калынонка лугомъ ишла,
Лугомъ ишла,—шумила,
Мостомъ ишла—дзвоника,
Дворомъ ишла стыхенька,
На столи стала рясненка.

Если у невѣсты нѣть отца или матери, то дружки поютъ:

№ 37.

Зеленая да дубровонько,
Чого у тебе яворувъ много,
Одростонька не йодного?
Теперь же ты да одлускаешъ,

Каждую изъ этихъ нѣсей дружки повторяютъ по 3 раза, при чѣмъ за вторымъ разомъ въ началѣ пѣсни прибавляютъ: „Що первая квітка, то паробокъ Иванко“, а за третьимъ разомъ — „Що другая квітка, то дивочка Маруся“. Во время приготовленія вилечка невѣста получаетъ дружекъ водкою; когда поютъ грустныя пѣсни (напр., № 37), она, отойдя въ сторону, плачетъ. Къ вильцамъ невѣсты дружки привязываютъ „квітки молодой“; молодого же квітокъ не трогаютъ.

№ 33.

Ой извѣты вилечка тамъ насели
Да й прыезжены икъ слободи,
Да й поставлены на столи
Да на билесенъкѣ скатерти;
Зъ червоной калынонки извѣты,
Зеленымъ выномъ облыты.

№ 34.

Да не йдить, молодыци,
Да до насъ вилецъ выты,—
Зовѣмо мы самы
Яснымы да соколамы
Да по-пудъ небесамы,
Чорнымы да галочкамы
Да по-пудъ хмарочкамы.

№ 35.

Ой колы мы въ Марусенъки
У дружкаѣ булы,
Тоди мы вильце
Ю извѣлы
Зъ высокого дерева
Ялыны,
Зъ чырвоной калыны,
Зъ хрещатого барвинку
Марусенъки на недильку.

№ 36.

Ой коню, коню-вороный,
Ой чы давно—давно
Прышовъ зъ войны?
Чы звезешъ мене на гору,
Ой на тую гуроныку кругую,
Чы у тую свитлонъку новую?
У туй свитлонъки медь-выво пьють,
Молоды дружечки вильце вьють.

Сыру землю да покрываешъ.

Молодая ты Марусенъко,
Чого у тебе да матероѣкъ (батень-
кувъ) много,
А рудного да не йодного,
Порадонъку да не одѣ кого?

Когда вильце готово, его оставляют на столѣ; невѣста береть хлѣбъ, дружки „квитки молодого“ и всѣ отправляются въ домъ жениха вить тамъ вильце. Войдя въ хату, онѣ просятъ благословенія: „Пане старосто и пѣдстаросты, благословить молодому князю вильце звѣть!“—„Боже благословы иси три разы“, отвѣчаютъ имъ. Дружки и здѣсь убираютъ вильце такимъ же образомъ, какъ и раньше, только „первую квитку“ привязываютъ не невѣста, а женихъ. Дружки поютъ прежнія пѣсни (см. №№ 20-37). Мать жениха или самъ онъ угощаетъ дружекъ водкою, а невѣstu варенухою. Приготовленное вильце оставляется на столѣ; будущая свекровь возвращаетъ невѣстѣ хлѣбъ; та кланяется ей три раза и уходитъ съ хлѣбомъ домой. Дружки иногда остаются еще потанцовывать, потомъ нагоняютъ невѣсту и вмѣстѣ съ нею идутъ къ ней въ хату. На пути къ жениху и обратно дружки поютъ:

№ 38.

Метеная улочка, метеная.
Старша дружечка промела,
Къ соби дружечокъ повела:
—Ходимъ, ходимъ, дружечки, до
мене,
Хорошая матюнка у мене
А батенько убывъ тетеру.
Матюнка зготовила вечеру.

№ 39.

Да ишли дружечки горою,
Да клыкалы Марусеньку зъ собою:
Ходимъ, ходимъ, Марусенько, изъ
намы,
Да зовъемо веночекъ зъ цветами.
—Ой не мушу, дружечки, не мушу,
Я жъ того веночка не знаюшу,
Полюбила Иванка, якъ душу.—

№ 40.

Да ходыла Марусенька по полю,
Да выла веночекъ зъ куколю.
Далпрохала батенька размову.
—Ой не просы, донечко, не просы,
До вечора веночекъ износи,
А ввечери дружечкамъ оддасы.—

Въ домѣ невѣсты на лавкѣ за столомъ, гдѣ будуть сидѣть женихъ съ невѣстой, разстилается кожухъ, подъ нимъ—ржаные колоски и зерна и мѣдная монета; въ воскресенье, когда молодые уѣзжаютъ въ домъ жениха, эта рожь высыпается имъ въ сапоги. На этомъ кожухѣ сидѣтъ молодые—„щобъ багаты булы“.

На столѣ ставится на тарелкѣ „товарыши“ и ситница; на „товарыши“ кладутся двѣ ложки, перевязанныя ленточкой; эти ложки забираетъ съ собой молодая, уѣзжая въ воскресенье къ свекру.

По срединѣ стола ставится „молодецкая“ водка въ бутылкѣ, заткнутой калиной, барвникомъ и тремя колосками ржи.

№ 41.

Да ишли дружечки рядочкомъ
Да по-пудъ вышневымъ садо-
чкомъ
Да щыпали руту-мъяту зелененьку,
Обтыкалы Марусеньку молоденъку.

№ 42.

Ой полемъ, полемъ, полечкомъ
Да йиде Иваночко конычкомъ
Да риже рѣзки зъ берѣзки,
Да напынае коныченъка пудъ
нужки:
—Быжы, быжы, коныченъку,
просто гурь,
Да до тестенька просто въ двуръ;
Бувъ же я въ тестенька, якъ
не бувавъ,
Йивъ же я рыбочку, якъ ве йидавъ,
Пывъ же я гарилочку, якъ не
пывавъ,
Бачывъ же я дивочку, якъ не выдавъ,
Дала мыни хусточку,—Бугъ юй
давъ,
Дала мыни другую шытую,
Звела мене на дорожку бытую.

Когда невѣста съ дружками подойдетъ къ дверямъ своей хаты, то ея родители садятся на лавку и берутъ хлѣбъ-соль. Затѣмъ отворяютъ двери, и одинъ изъ находящихся въ хатѣ спрашиваетъ: „Старосте и паны пудстарости!“ Въ хатѣ откликаются: „А що, муй голубе?“ — Благословить молоду княгыню въ хату ввесты“. — Получивъ благословеніе „всі три разы“, спрашивающій трижды ударяетъ палкою по двери. Невѣста входить въ хату, кланяется сперва отцу, потомъ матери; родители благословляютъ ее хлѣбомъ, а дружки поютъ:

№ 43.
Да кланяйся, Марусенько,
И ныненько и покурненько,

Однинъ тоби поклунъ буде
Одъ Господа Бога
Одъ Сятой да Пречистой.

Невѣста садится на кожухѣ; по правую отъ нея сторону усаживаются дружки.

Здаванье молодецства и пришиваніе квіткі.

Женихъ, взявъ съ собою старшаго боярина и двухъ женатыхъ дружковъ, идеть къ невѣстѣ „здавать молодецство“. Войдя въ хату, онъ въ шапкѣ садится съ лѣвой стороны возлѣ невѣсты. Дружки поютъ:

№ 44.
Чы не соромъ же вамъ, сватовъ, — А въ поле иде безъ лучка,
Що вашъ князь сидѣть безъ значка, — Безъ калыновой стрелочки,
Безъ шовковой квіточки?

Женихъ все время свадьбы сидѣть въ шапкѣ, такъ какъ если онъ сбросить ее, то въ скоромъ времени умретъ его жена. Впрочемъ, этотъ обычай — сидѣть въ шапкѣ — теперь мало-по-малу выводится.

Дружко спрашиваетъ: „Старосте пане, пудстарости!“ — Чого, муй голубыку? — „Чы немае у васъ швачки, щобъ нашего князя позначыла?“ — Обыскаеця, може. — Послѣ этого старшая дружка обматываетъ руку хусткой („щобъ молоды не булы бидвымы“) и, снявъ съ молодого шапку, просить у старости благословенія, „назначыть князя“; получивъ троекратное благословеніе, она откальвается отъ платка невѣсты квітку и пришиваетъ ее къ шапкѣ жениха; женихъ же на это время надѣваетъ шапку боярина.

Во время пришиванія квітки дружки поютъ:

№ 45.
Ой дай, маты, голку (2)
И ныточку шовку
Прышыты квіточку
Зъ хрещатого барвиночку
Къ шаши-бобровици
(Икъ бобровѣй шаши)
Червонуї кытайци.

№ 46.

Прышывала квіточку, прышывала,
Золотую голочку поламала;
Трохы мене маты не была,
Що я золоту голку зломыла,
Билу ручку вколола
За своего зятя короля.

№ 47.

Якъ я зяту квіточку прышывала,
На тры злоты шовку потерала,
Первого да зеленого,
Другого да червоного,
Третітого голубенького
За-для аята молоденького.

№ 48.

Ой я зяту квіточку прышыла,
Золоту голочку зломыла,
А билую рученьку сколола
За-для зятечка сокола.

Пришивъ къ шапкъ квітку, дружка надѣваетъ шапку себѣ на голову и, обращаясь къ дружкамъ поетъ:

№ 49.

Ой подывысь, дружбоньку, на мене,
Чы краща—правда?—одъ тебе?
Ой ишли, найшли колпачокъ;
Готуй, дружбоньку, шосточокъ,
Одъ князя молодого
Положы повъ-золотого.

№ 50.

Ой поглянь, дружбоньку, на мене,
Шо я лучшая одъ тебе.
Не сміете да не вміете
До мене приступыты
Да зо мною говорыты.

Обращаясь затѣмъ къ жениху, она продолжаетъ:

№ 51.

Глявъ, зяту, на мене,
Краща свисть (-свояченица) одъ
тебе

Въ зятеvу шапочки,
Въ сестрыномъ веночку?

Дружки сначала просятъ ее даромъ отдать шапку; но дружка заворачиваетъ шапку въ хустку и прячетъ подъ полу такъ, чтобы только часть шапки была видна. Тогда дружокъ ставить на тарелку бутылку съ водкою и кладеть копѣйку—плату дружкѣ; эта не береть и требуетъ выкупа 40 рублей; дружокъ прибавляеть по копѣйкѣ; торгъ тянется, пока не сойдутся копѣйкахъ на 20—30; тогда дружка, обмотавъ руки хусткою, забираеть себѣ съ тарелки деньги, а шапку отдаетъ молодому; этотъ надѣваетъ свою на голову, а бывшую у него возвращаетъ дружку. Во время торга дружки поютъ:

№ 52.

Не скупуй, дружбоньку, не скупуй,
Золотого таляра наготуй;
У насъ дружечки невельчики,
Треба яимъ усими черевычки,
Черевычки на лито пудковаты,
Шобъ умилы воны танцёваты.

№ 54.

Та казалы люде:
Сваты багаты;
Ажъ воны убогы
И кони безногы.
Симъ день бояре молотылы,
Таляръ заробылы,
На тарилочку клалы,
Дружечкамъ давалы.

№ 53.

Та казалы люде:
Сватъ багать,
Та казалы люде:
Громшай михъ;—
Положылы копіечку,
Якъ на смихъ.

№ 55.

Да казалы люде,
Изо сваты багаты;
Ажъ воны скуповаты:
Громшай михъ;—
Положылы копійку,
Якъ на смихъ

Отдавая шапку молодому, дружко поетъ:

№ 56.
Ой паночокъ Иванко, да паночокъ,
Изнавъ же вѣнъ зъ Марусеньки
веночокъ,
Пославъ же вѣнъ до батенька
подарочокъ:

„Оце жъ тоби, мѣй батеньку,
подарочокъ
Одъ мои Марусеньки да ко-
ханки“.
А батенько оддарочки готуе,
Сребромъ, златомъ, червонця-
мы даруе.

Послѣ этого поютъ опять дружки:

№ 57.
Котылоса да яблочко
Изъ подвурья;
Просыласса да ливочки (Мару-
сенька)
Изъ застуля:
„Пусты—пусты, да Иваночки,
Изъ застуля,
Побачу я батькового
Да подвурья“.
—Шо я—учора суботинка
Пропулевнѣй девъ,
Було жъ тоби дывытыся
На двуръ увесь день;
А сёгодни недиленъка

Смутнесенькій день;—
Сумовала Марусенька
Въ цей день увесь день.
Ой щожъ вона сумуючи
Говорыла?
Роасыпала дрѣбенъ мачокъ
По комнѣ.
„Ой якъ мыни дрѣбенъ мачокъ
Позабыраты?
Ой якъ мыни свого свекра
Называты?
Изберу я дрѣбенъ мачокъ
Шытымъ рукавцемъ.
Назову свого свекорка
Хотя я панъ-оцемъ.“

Затѣмъ гостямъ подается ужинъ, послѣ котораго пожилые раз-
ходятся по домамъ, а молодежь начинаетъ танцевать. Съ этого
и начинается „здаванье молодецтва“. Для молодыхъ и оставших-
ся гостей подается второй ужинъ, во время котораго поютъ:

№ 58.

Ой ходыла Марусенька по ком-
нати:
Да будыла свого батенька изъ
кровати:
Устань, устань, мѣй батенько,
Годи тоби спать,
А вже жъ мыни да я у тебе
Не викъ виковатъ;
Останнюю нѣть послиднюю пе-
реночовать,
Останній день до вчора пере-
коротать.

№ 59.

Вже пузненько, вже нераненъ-
ко, смеркае.
Вже Марусенька да на білый
камень ступае,

Къ соби дружечокъ, къ соби
голубочокъ прызывае:
„Ой прыступите, дружечки, до
мене,
Да возьмить мое молодецтво
одъ мене“.

№ 60.

Мѣй батеньку, мѣй голубчыку!
Останнюю нѣть почовать буду;
Та ве буды, мѣй батеньку, рано;
—Дытя мое, молода Мару-
сенько!
Хотя я тебе зараненъко збужу,—
Не на дилечко пошлю:
Я жъ на тебе тай не надывлюся,
Я зъ тобою не наговоруся.

Затѣмъ дружки поютъ молодому:

№ 61.

У недилю рано сыне море грало;
Тамъ Марусенька потопала,
Вона голосочокъ подавати:
„Ой батеньку муй, поратуй мене,

Въсынѣму мори да потонуты“.
Батенько до бережечка,—
Нема човыка, ни веселечка:
Потопае моя донечка.

Дальше поется опять та же пѣсня, только вмѣсто „батенька“ вставляется „матюнка“, „братичокъ“, „сестрычка“. Наконецъ, невѣста обращается къ „Ивану“:

...Иванко до бережечка,—
Е човыкъ и веселечко:
Не погуби моя дивочка!

Пошла матюнка, не знайша,
Заплакала да й пошла.

**

№ 62.

Ой рано въ недилю
Пошла Маруся по шевлію:
„Ой кто мене въ шевліи знайде,
Тому я зустануся“.
Пошовъ батенько, не знайшовъ,
Зажурився да й пошовъ.

Пошовъ братикъ, не знайшовъ,
Выламавъ палочку да й пошовъ.

**

Ой рано въ недилю

Пойшла сестрычка, не знайша,
Вырвала цветочокъ да й пошла.

**

.....

Пошовъ Иванко, изнайшовъ;
Узявъ за рученьку да й пошовъ.

Если у невѣсты нѣтъ отца, то дружки поютъ:

№ 63.*

Зеленая да дубровунъко,
Якъ у тебе много дубкувъ,
Зеленого да й не одного,
Отросточку да не одѣ одного.
Колы бѣ мыни хочь одынъ
зелененъкій,
То вся бѣ моя дубровонъка була.
Якъ у тебе, да Марусенько, ба-
гато батькувъ,
А рудного да й не одного.
Порядочку да не одѣ одного.
Колыбъ мыни хочь одынъ руд-
несенъкій,
То вся бѣ моя порадонъка була,

А то все таки батьки—пѣть да
гулять,
А порядочку не одынъ не умѣдатъ.

№ 64.

Що у мори да на камени
Тамъ седили два янголы;
Вона пылы, яилы,
Мыжъ собою говорылы:
Що у Марусеньки да батенька нема,
А мы яй да порадымо,
Да на посади посадымо.
Изрѣдышы, якъ паньску дытыну,
А посадылы, якъ бидну сыротыну.

Если мать у невѣсты умерла, то поютъ:

№ 65.

Ой ходыла Марусенька
По круглѣ гори,
Загледила сиру утку
На тыхѣ води:
Плывы, плывы, сира утко,
Тыко по води;
Прыбудъ, моя матюнко,
Тепера къ мыни
Та дай мыни порадочокъ,

Билкѣй сыроты.—
—Кланяйся, дытя мое,
Усюй родыни,
Нехай дають порадочокъ
Сыротыни.—
Ой кланялась, моя маты,
Усюй родыни,
Дакъ не дають порадочку
Сыротыни.

Послѣ сдачи молодецтва, послѣ ужина, начинаются танцы. Музыкантовъ приводить съ собою женихъ, когда идеть къ невѣстѣ здавать молодецтво. Деревенскій оркестръ, въ большинствѣ случаевъ, состоить изъ трехъ музыкантовъ: скрипка, бубонъ и басъ.

Если свадьба происходитъ зимою, то невѣста съ дружками, а женихъ съ бояриномъ и музыкантами отправляются на вечерницы. Невѣста несетъ въ подарокъ „вечорычай матери“ бутылку водки, шишку и хустку. На вечерницахъ танцы продолжаются далеко за полночь. Хозяйка („вечорыча матери“) предлагаетъ гостямъ закуску, послѣ которой невѣста прощается съ хозяйкой, благодарить ее; затѣмъ все расходятся по домамъ. Лѣтомъ, когда вечерница не бываетъ, женихъ, бояринъ, дружки и дружки послѣ сдачи молодецтва расходятся.

Въ эту ночь невѣста ложится спать за вильцами на томъ кожухѣ, на которомъ она сидѣла съ женихомъ. Поутру молодая разсказываетъ старухамъ снившійся ей сонъ, а тѣ по нему стараются опредѣлить будущую жизнь новобрачныхъ.

Еще передъ сдачей молодецтва мать невѣсты, стоя на припечку, раздаетъ гостямъ подарки: дружкамъ — рушники, которыми они перевязываются черезъ плечо, а жениху платокъ. Невѣста въ это время низко кланяется тому, кому дается подарокъ.

На этомъ и заканчивается первая, вступительная часть „весилья.“

Вѣнчанье.

Вѣнчанье и собственно „весилье“ бываетъ въ воскресенье. Вѣнчаются послѣ обѣдни, рѣдко послѣ заутрени. — Въ воскресенье утромъ мать жениха насыпаетъ ему въ одинъ сапогъ ржаныхъ зеренъ, а въ другой кладетъ мелкую монету; въ этихъ сапогахъ женихъ долженъ ходить весь день и только вечеромъ, ложась спать, высыпаетъ изъ нихъ содерхимое. Затѣмъ она будить сына. Передъ тѣмъ, какъ итти въ церковь, женихъ просить у родителей благословенія, кланяясь въ ноги три раза сперва отцу, а потомъ матери. Родители благословляютъ его образомъ, хлѣбомъ и солью, приговаривая: „Боже, благословы викомъ довгымъ и розумомъ добрымъ; посылай, Боже, здоровье, благополучье“. — Какой нибудь пожилой родственникъ относитъ этотъ образъ въ церковь и кладетъ на аналой, передъ которымъ будетъ происходить вѣнчанье. — Получивъ благословеніе, женихъ со старшимъ бояриномъ отправляется въ церковь.

Такимъ же образомъ береть и невѣста у своихъ родителей благословеніе и затѣмъ идеть въ церковь вмѣстѣ со старшей дружкой; благословленный образъ ея относится на аналой или отцемъ, или, за неимѣніемъ его, другимъ какимъ-либо родственникомъ.

Утромъ до вѣнчанія молодые ничего не ъдятъ. Для молодыхъ въ церкви покупаются 4 свѣчи; священникъ зажигаетъ двѣ изъ нихъ и подаетъ вѣнчающимся; затѣмъ, когда на молодыхъ наѣнутъ вѣнцы, эти свѣчи отбираются, гасятся и оставляются въ церкви, а двѣ другія зажигаются и передаются старшему боярину и дружкѣ, которые держатъ надъ молодыми вѣнцы. Подъ ноги молодымъ передъ аналоемъ кладется хустка, а подъ ней—мѣдная монета, которая вмѣстѣ съ хусткой составляетъ доходъ причетника.

Если во время вѣнчанія потухнетъ свѣча, или какъ либо упадетъ вѣнецъ, то это считается предзнаменованіемъ скорой смерти одного изъ новобрачныхъ. Послѣ вѣнчанія бояринъ и дружка тушатъ свѣчи и бросаютъ ихъ молодымъ за спину; дома свѣчи вынимаются, и мать невѣсты прячетъ ихъ въ сундукъ, который забираетъ себѣ молодая.

Изъ церкви молодой съ бояриномъ идетъ въ домъ молодой, куда собираются на обѣдъ и ея родственники. Обѣдъ носить характеръ семейный, не имѣть ничего торжественнаго. Молодой безъ шапки садится, „на покути“, въ почетномъ углу подъ образами; вокругъ него разсаживаются гости; молодая иногда вовсе даже не садится за столъ, а прислуживаетъ и угощаетъ присутствующихъ. Послѣ обѣда гости расходятся; молодой съ бояриномъ уходитъ домой, а молодая ложится отдыхать немного.

Клыканье на весилье.

Вскорѣ къ молодой начинаютъ собираться дружки; вмѣстѣ съ ними она идетъ по селу „клыкать на весилье“. На деньги, вырученныя наканунѣ за квитку, дружки покупаютъ себѣ разное угощеніе. Всѣ вмѣстѣ онѣ идутъ обѣдать къ старшему дружкѣ, а по томъ идутъ дальше приглашать родственниковъ и знакомыхъ молодой. По дорогѣ онѣ поютъ:

№ 66.

Иды, иды, Марусенько, на барысь,
На тыхому Дунаечку не вальсь,
Иды, иды, Марусенько, поспишайся
Та до себѣ Иваночки сподивайся.

№ 67.

Зеленая рутонька, жовтый цвѣть.
Чому въ тебе, Марусенько, Иванка
нитъ?
— Написала-бъ пысъмо,—не вмію,
Послала-бъ посла, —не смію,
Сама я пойду, —забаруся,
Зъ половыны дороги вернуся,
Таки соби Иванка дождуся.

Поютъ также тѣ пѣсни, которые пѣли наканунѣ, когда шли къ жениху приготовлять вильце.—Войдя въ хату, молодая низко кланяется каждому изъ присутствующихъ, приговаривая: „Просяять батько и маты на хлібъ, на суль, на весилье“; затѣмъ троекратно цѣлуется съ приглашеннымъ и отправляется дальше.

Собираніе поѣзда.

Молодой, воротясь домой, заворачивает въ платокъ шишку, одну изъ тѣхъ, которыхъ поклисъ въ пятницу, и идеть по селу собираять себѣ поѣздъ. Въ поѣздѣ уча ствуютъ: бояре, человѣкъ 5, свитылки отъ 2 до 5, такое же коли чество свашекъ; въ свитылки приглашаются, исключительно, дѣвушки-родственницы молодого, а въ свашки—молодыя женщины; кроме нихъ въ составѣ поѣзда входять еще два староста и возница, о бязанность котораго везти навоображеній вечеромъ въ домъ молодого. Приглашеныхъ въ поѣздѣ должно быть непремѣнно четное число, такъ чтобы каждый мужчина имѣлъ себѣ подъ пару женщину; молодому же пару будеть составлять молодая.—

Когда поѣздъ собранъ, свитылки начинаютъ приготавлять „шаблю“. За ранѣе достають у какого-либо солдата саблю; на нее свитылки вѣзываютъ по самую рукоять срѣзанный верхъ хлѣба или деревянный кружокъ; на него надѣваютъ вѣнокъ, сдѣланный изъ барвинка и калины, и приклеиваются желтую восковую свѣчу домашнаго приготоенія; рукоять сабли обматывается хусткою.— Послѣ этого каждому изъ поѣзжанъ пришивается къ шапкѣ или платку „жычка“, красная гарусинка.

Женихъ со всѣмъ поѣздомъ садится закусывать. Въ это время среди двора ставится „пикна дижка“ (дежа, въ которой мѣсять тѣсто), покрыгая „викомъ“, т. е. крышкою; вико застилается хусткою, на которую ставится хлѣбъ-соль. Вставь изъ-за стола, молодой береть благословеніе у родителей; тѣ его благословляютъ, а поѣзжане поютъ два раза:

№ 68.

Золотое перо стену бѣе;

Шо Иванко батенько (матери)

Благословы, батеньку, (матюнко)

благословы

Чоломъ дас: Да й у туу доруженку щаслыну

Да й по туу Марусеньку вродлызу.

Послѣ этого всѣ выходятъ во дворъ. Дружокъ береть хустку за одинъ конецъ, а другой подаетъ молодому; сзади послѣдняго становится свитылка, держащая въ обмотанной хусткою рукѣ шаблю; за ними размѣщается остальная поѣздъ. Дружокъ, держа хустку обводить молодого три раза по-солонъ вокругъ дежи; за молодымъ слѣдуетъ весь поѣздъ, позади котораго идетъ мать молодого; она накидываетъ себѣ на плечи кожухъ шерстью наружу, на голову надѣваетъ шапку, въ одной рукѣ держитъ „рукавецъ“ маленький мѣшочекъ, наполненный рожью, подсолнухами, орѣхами, а другою обсѣваетъ всѣмъ этимъ поѣзжанъ. Второй дружокъ подгояетъ рогачемъ поѣздъ, который поетъ:

№ 69.

Коло дижы коло дубовои,
Коло хлѣба печененькои,Коло соли солоненъкои
Пойдемо до мыленъкои.

№ 70.

Маты сына родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Совечкомъ пудъязала,
Въ доруженьку выпроваджала,
Да я научала:
Да не буйся, сыночку, да ничего,

Да не темной ночы:
Богъ тоби да на помочы!

№ 71.

Да не сій, матюнко, овесцемъ,
А посій, матюнко, жытчекомъ.
Щасливая доруженька да и дитя-
точкамъ!

Затѣмъ поѣзжане собираютсяѣхать къ молодой; во время сбоя-
ровъ поютъ:

№ 72.

Онѣ гайся, Иванку, не гайся,
Да иды жъ до батенька, пытаяся,
Да тоби ихаты да и у-перегуинъ,

До и тоби платыты за сто гуръ,
За русу кусовыку—купоньку,
А за себе молодца—червонца.

Въ воротахъ при выѣздѣ мать молодого снова осыпаетъ поѣзда-
зернами, орѣхами. Родители молодого остаются дома. Дорогою по-
ѣзжане поютъ:

№ 73.

Що у поли да овесь расенъ, (2)
А у настъ поѣздъ красенъ:
Зъ двора выйижджае,
Якъ макъ зацвитае.

Ни темиценькою ночы;
Богъ тоби на помочы.

№ 75.

Да я оступитеся, вороги,
Одѣ щасливой дороги,
Пудѣбъютъ кони пудъ ноги,
Пудъ золотыи пудкѣвки,
Щобъ нашии пудкѣвки бряжчалы,
Щобъ нашии вороги не знали,
Щобъ нашии пудкѣвки звынили,
Щобъ нашии ворожечки понимили.

№ 74.

Маты сына провожае,
Поясъ пудперезае.
Не буйся, муй сыночку,
Ни звиря лютого,

Поютъ также пѣсню № 42. Подѣбжая къ воротамъ молодой,
поѣздѣ поетъ:

№ 76.

Не стуй, вербо, надъ водою,
Рано, рано!
Да не стуй, вербо, надъ водою!
Да ранесенько!
Не стуй, вербо, разывайся,
Рано, рано!
Не стуй, вербо, разывайся,
Да ранесенько!
Розый, вербо, симсотъ квитокъ
Щей четыры!
Розый, вербо, симсотъ квитокъ
Щей четыры,
Да ранесенько!
Да лихаты мимо тебе симсотъ
бояръ

Да ихаты мимо тебе симсотъ
бояръ щей четыре.
Да ранесенько!
Да вырвуть бояре по квitoцци да
по гулецци
Рано, рано!
Да вырвуть бояре по квitoцци да
по гулецци
Да ранесенько!
А Иванку квитки немае
Рано, рано!
А Иванку квитки немае.
Да ранесенько!
Що Иванку квитка — Марушка
дивка,
Рано, рано!
Що Иванку квитка — Марушка дивка
Да ранесенько!

Передъ запертыми воротами поѣзжанъ встрѣчаютъ сосѣдніе паробки и родственника молодой. Послѣдніе спрашиваютъ: „Шо вы за люде? куды прыйихалы? де вашъ пашпорть?“

Поѣздъ имъ отвѣтываетъ: „Мы люде подорожніи; пустить перегрица, на молоду подывыца; мы побудемо, та й пойдемо, Марусенько собы вузьмемо; мы люде пьяныи, пашпорть загубылы.“ — „Дайте жъ хочъ могорычъ за кватыру!“ — „Могорычъ на-те, а ворота одчынайте“. — При этихъ словахъ молодой даетъ паробкамъ „выкупъ за ворота“ — бутылку водки, заткнутую кусочкомъ хлѣба и вѣточкой калины; хлѣбъ и калина обмотаны жичкой; кромѣ того въ выкупъ идетъ еще шишка, тоже обмотанная жичкой. Ворота отворяются, и поѣздъ вѣзжаетъ во дворъ.

Отыскиваніе молодой.

Два или три боярина отправляются по селу отыскивать молодую, а поѣздъ останавливается передъ дверями хаты; свахи поютъ:

№ 77.

Чому сваха зята да не вытаѣ? (2)
Чы въ йии кожуха немає?
Чы чоботы обуваває?
Мы кожуха да добудемо
И въ чоботы да обуемо.

№ 78.

Да выды, сванечко, проты нась,
Да вынесы свичечку, —есть и въ
нась:
Да стульмо свичечки до кушки,
Да зведемо диточокъ до любкы.

№ 79.

Докы мы да стоятъмемо,
Сыру землю да топкатъмемо
Червонымы да чобутонькамы,
Золотымы да подкѣвкамы,
Зъ пшеничнымы да калачамы,
Зъ молодымы паньчамы?

№ 80.

Да выйди, сванечко, на свѣй двѣрь,
Да подывысь, сванетко, на напѣ
рудъ,
Чи багато треба подарковъ?
Сорокъ сороковъ рушныковъ,
Шесдесять локотъ хусточокъ,
Семдесять локотъ намитокъ.

№ 81.

Пусты, свату, въ хату,
Да пусты жъ, свату, въ хату,
Туть же нась не багатечко:
Туть же нась девятерочко,
Симсотъ бояръ на коняхъ,
Два братички рѣдныхъ,
И два сванетки на вози
На лютому морози.

Дружки входять въ хату. Мать молодой трижды льеть имъ на руки воду и даетъ каждому по рушнику; тѣ вытираютъ рушникомъ руки, перевязываются имъ черезъ лѣвое плечо и ставятъ на столъ привезенную съ собой бутылку водки. Мать молодой выносить на дворъ „пытунецъ“ (маленький кувшинъ) съ водою, овсомъ, калиною и рожью; этотъ пытунецъ она подаетъ молодому, тотъ передаетъ сзади стоящему боярину, который и бросаетъ его черезъ голову. Мать выносить затѣмъ водку и подчуетъ всѣхъ присутствующихъ.

Молодая, пригласивъ на свадьбу своихъ знакомыхъ, не идетъ домой, а прячется въ домѣ одной изъ своихъ подругъ, или въ дру-

гомъ какомъ-либо мѣстѣ. Тамъ дружки со слезами снимаютъ у нея съ косы ленты, которая молодая прячетъ себѣ въ карманъ. Искать молодую отправляются бояре. Послѣ довольно продолжительныхъ иногда поисковъ они находятъ молодую съ дружками, и всѣ вмѣстѣ отправляются домой. По дорогѣ дружки поютъ:

№ 82.

Найхали бояре-панычи,
Ваялы мою кусоньку на мечи,
Сталы мою кусоньку трепаты;
Стала моя матюнка плакаты.
Ой коса жъ моя русая,
Я жъ тебе що-суботы чесала,
Що-недиленъки заплетала,
А за одынъ вечоръ потерала.

№ 83.

Заскрышили ворутечка новые,
Да варжалы коныченьки вороные,
Найхали гостеньки молодые.
Сховай мене, матюнко, у комору,
Щобъ не ваялы гостеньки и въ
себю.

—Ой ховайся, донечку, куды хо-
чешь,
Заберуть гостеньки, хоть не ско-
чешь.

№ 84.

Да й ишли бояре радъ по раду.
А Иванко да й упереду,
Изнявъ шапочку, махае,
На старшого боярина гукае:
—Ой дыте, бояре, щоъ гуде,
Чи не моя Марусенька эъ дружка-
мы йде?

№ 85.

Да печи, матюнко, калачи,
Да печи, матюнко, ва меду;
Я до тебе дружечокъ наведу,
Да наведу хату ще й сини,
Щобъ мои дружечки носили.

№ 86.

Налывай, батенько, кубочки,
Прывитай, матюнко, дружечки!

Войдя во дворъ, молодая кланяется поѣзду и входить въ сѣни; за нею идутъ дружки. На порогѣ въ хатѣ стоять ея братъ, держитъ въ рукахъ хустку, конецъ которой подаетъ сестрѣ и затѣмъ спрашивается: „Старосте, паны пудтаросты!“—„А чого, муй голубичку?“—„Благословить дверы разрубать да молоду княгиню въ хату ввести!“—„Богъ благословыть.“—„Въ другій разъ!“—„Всі три разы разомъ!“—Братъ за хустку вводить молодую въ хату и подводить къ столу, возлѣ которого стоять родители съ хлѣбомъ; они трижды благословляютъ дочь. Дружки поютъ:

№ 87.

Кланяйся, Марушко. (3)
И нызенько и покуриненько;
Одынъ тоби поклонъ буде.

Продажа молодой братомъ.

Братъ снова просить у старостовъ благословенія „молоду княгиню за стуль завесты“; получивъ троекратное обычное благословеніе, онъ подводить сестру къ лавкѣ; та усаживается на покути; по правую отъ нея сторону садятся дружки, а по лѣвую братъ, заводившій ее за столъ. Въ это время мать зажигаетъ толстую восковую свѣчу и идетъ къ порогу „вытѣть“—привѣтствовать молодого. Дружки заунывнымъ голосомъ поютъ:

№ 88.

Ишла Марусенька на посадь,
Стричае йій Господь самъ
Изъ долею щасльвою,
Изъ доброю годыною.

То жъ не Господь-сять,—
Батенько стречает
Изъ долею щасльвою,
Зъ доброю да годыною.

Мать черезъ порогъ цѣлуется съ молодымъ и женщинами, пріѣхавшими съ нимъ, затѣмъ втыкаетъ свою свѣчу во второе отверстіе въ кружкѣ шабли, которую держитъ старшая свитылка, и перевязываетъ шаблю хусткою. Дружки поютъ:

№ 89.

Мыръ мыромъ мыровались,
Двісанечки на порозициловались.

Мать приглашаетъ поѣздъ вйти въ хату: „Прошу покорно, сванечки, теперь у хату“. Весь поѣздъ входитъ и становится возлѣ порога.—Молодая склоняетъ голову на столъ, старшая дружка накрываетъ ее хусткой; вся родня молодой садится вокругъ нея на лавкахъ. Дружки начинаютъ:

№ 90.

Да прыляжъ, Марусенько, икъ
столу,
Да пусты голосокъ по двору;
Некай зачуе рудъ, прырудъ,
Твои рудныи сестрыци
И твой пышни зовыци,

И Иванковы братики,
А Марусенькины диверки.

№ 91.

Да не наступай, Лытва! (2)
Буде зъ вами бытва,
Будемъ быты, воюваты,
Марусеньки не даваты.

Свитылки и свахи, стоя у порога, отвѣчаютъ:

№ 92.

Короловъ сынъ, королевычу
Иванко, (2)
Чого ты стойишъ, чомъ не сядешъ,
Иванко, (2)
— Я буду стояты, я буду прохвоты
Тестенька; (2)
Що въ тестенька хорошая дочка
Марушка (2)

№ 93.

Шо въ напого пана-свата трывоity:
Не пройхаты, не пройты!
Хиба мыни, соколоньку, пролетиты,
Крей своеи Марусеньки поседиты?

№ 94.

Розсунь, свату, хату! (2)
Вельку перезвў маю,
Де жъ я йій да подиваю:
Чи въ синяхъ, чи въ хати
Коровай краяты?

Молодой въ шапкѣ подходитъ съ дружкомъ къ столу; дружокъ начинаетъ торгоначтъ съ братомъ молодой за мѣсто возлѣ нея; дружки въ это время поютъ:

№ 95.

Не стуй, зято, за плечима,
Да не лупай очима,
Клады руку у кишеню,
Да наберы гроши жмению,
Да клады на тарилку
За Марушку дивку.

За два золотыи;
Бо гроши—якъ слыни.
Сестра-жъ брату мыла;
Бо гроши—якъ половы,
Сестра жъ чорноброда.

—

№ 96.

Шурыну, да не лякайся,
Шурыну, да постарайся,
Да не продавай сестры
За рубъ, за чотыры,

Шо то за ворона
Стала у порога
И крыла роставыла,
И ротъ розаявыла;
Хоче жъ вона йисты
Комо Маруси систы.

Торгъ брата съ дружкомъ оканчивается копѣйкахъ на 10—15. Послѣ получения братомъ денегъ дружки поютъ:

№ 98.
Татарынъ, братъ, татарынъ:
Продавъ сестру за таларъ,

Косу за пьятакъ,
Бише лычко пойшло й такъ.
—

Дружокъ, отдавъ выкупъ за мѣсто, ударяетъ иалкой три раза въ стѣну надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидить братъ. Дружки на это поютъ ему:

№ 99.
Не воюйся, дружбоньку, не воюйся:
Я твои шабельки не боюся;
Въ тебе шабелька иржава,

По-пудъ лавытту лежала,
Свыниамъ полову мешала;
За те твоя шабелька и ржава:

Послѣ этого братъ и родственники молодой встаютъ и уступаютъ свою мѣста побѣжанамъ и родственникамъ молодого; дружки отодвигаются немного въ сторону и поютъ:

№ 100.
Посупись, дружечки,
Одь покута да до полу;

Нехай сядовыця
Иванко зъ Лытвою!

Молодой садится возлѣ молодой съ лѣвой стороны; дружокъ скимаетъ съ головы молодой хустку; молодой, обмотавъ свою руку хусткой, поднимаетъ голову плачущей молодой. Старшая свитылка, держа въ рукѣ шаблю, садится возлѣ молодого; за ней садятся остальные свитылки и свахи; бояре садятся на скамейкѣ противъ дружекъ. Когда поѣздъ усядется, дружки поютъ:

№ 101.
Стенулыся лавочки,
Якъ силы сванечки;
Стенулыся сини,

Якъ бояре силы;
Ше й не такъ стенуца,
Якъ пыва напыця.

Раздача подарковъ.

Сваха вносить съ собою въ хату подарки, присланные родителями молодого для раздачи родственникамъ молодой: шишку, бутылку водки, замотанную жичкой и заткнутой вѣточкой калины, чоботы, рукавицы, матерю на кожухъ и т. п. Все это она подаетъ матери молодой, стоящей на припечку (она во все время свадьбы стоитъ здѣсь), со словами: „Кланяеца сватъ и сваха и молоды диты своимъ чеснымъ и велишнымъ хлибомъ и подарками“.—Хозяйка, принимая подарки, отвѣчаетъ: „Благадару покорно свату и сваси и дитямъ молодымъ! якъ сей хлибъ—чесный да велишный, щобъ таки наши диты булы помажъ мыромъ чесны и велишны.“—Отецъ угощаетъ въ это время всѣхъ гостей водкой; сперва подносить молодымъ, а потомъ остальнымъ гостямъ, при чемъ молодые кланяются тому, кому подносится водка. Послѣ угощенія дружокъ спрашиваетъ: „Старосте пане, пудтарости!“—„Зачимъ,

муй голубчыку?“ — „Чи немае у вась такои швачки (или крамарки), щобъ нашъ поѣздъ позначыла?“ — „Можемо найти.“ — Мать молодой съ припека подаеть дружкамъ хустки, а они раздаютъ ихъ молодому, свитылкамъ, свашкамъ, старостамъ, боярамъ, музыкантамъ и вонциѣ. Лица, получающія подарокъ, выбрасываютъ на тарелку деньги, которые потомъ отдаются молодой; во все время раздачи подарковъ молодая кланяется.

Дружокъ снова обращается къ старостѣ и подстаростамъ съ вопросомъ: „Чи есть у нашего свата хлібъ чесный да велышний, такой, щобъ его можно на мыръ роздать?“ — „Долженъ буть,“ отвѣ чаютъ ему.

Раздача коровай.

Дружокъ снимаетъ съ шабли обѣ горящія свѣчи, другой дружокъ беретъ вильце, съ которого молодая срываетъ первую квітку, и вдвоемъ идутъ въ комору за короваемъ. На порогѣ въ хатѣ дружокъ три раза ударяетъ вильцемъ на-крестъ по дверямъ, а дружки поютъ:

№ 102.

Ой дружокъ вильца бере,
Вильцами тресе;
Хотъ тресы, не тресы,
А намъ коровачку дасы, —
Бабамъ усе мякишечки,
А намъ усе шишечки.

№ 103.

Де наши вилечка, (2)
Шо въ пѣтнинку выли,
А въ суботу давывали,
А въ недилоньку потералы?

Дружкій, внеся въ хату коровай, снимаютъ съ него два рушника, которыми онъ былъ покрытъ, и перевязываются ими черезъ другое плечо. Прежде всего вырѣзываетъ дружокъ изъ коровай верхнюю шишку, заматываетъ ее въ хустку и относить матери молодого, если молодой или молодая живутъ въ одномъ селѣ; если же въ различныхъ, то дружокъ отдаетъ шишку молодому, въ тотъ самъ уже, пріѣхавши домой, отдаетъ ее матери. Затѣмъ молодымъ отрѣзывается по кусочку коровай; молодой свой кусокъ за спину молодой подаетъ старшемъ дружкѣ, а молодая за спину молодого свой кусокъ передаетъ старшемъ свитылкѣ; дружка и свитылка кладутъ эти кусочки возлѣ себя на окно, и кто-либо изъ присутствующихъ потихоньку забираетъ ихъ себѣ. Часть коровай разрѣзывается на мелкіе кусочки, которые раздаются всѣмъ присутствующимъ; получающіе коровай кладутъ на тарелку по монетѣ; эти деньги также отдаются молодой. Во время дѣлежа коровы дружки поютъ:

№ 104.

Ой бигае дружокъ коло хаты:
Дѣ-бѣ мыни шатромъ статы,
Коровай роздилыты?

№ 105.

Дружокъ пелехатый
Бигае кругомъ хаты:
Де жъ мыни шатромъ статы,
Чи въ синяхъ, чи въ хати,
Коровоа краяты?

№ 106.

Дружко коровай крае,
Золотый ножыкъ мае.

№ 107.

Чи не бачышъ ты, дружку,
Що бояре коровай крадуть
То въ михъ, то въ кишеню
Матерямъ на вечеру,

То въ михъ, то въ рукавыцю
Дивчатамъ на вечерныци?

№ 108.

Дружокъ коровай крае,
Назадъ поглядае:
Ёго жунка иде,
Семеро дитей веде,
Да вси съ кошелями,
Весь коровай забрали.

Свитылки отвѣчаютъ дружкамъ:

№ 109.

Мы роду не попувъсъкого,
Мы роду королювъсъкого.

Щобъ вы не дождали,
Щобъ мы коровай кралы.

Оставшуюся часть коровая дружокъ подаетъ матери молодой, и она прятеть остатки до слѣдующаго четверга.

Сидя за столомъ—дружки съ одной стороны, а свитылки и свахи съ другой—поперемѣнно поютъ пѣсни, наставляясь одиѣмъ другими. Дружки начинаютъ:

№ 110.

Сванечки наши голубочки,

Свахи отвѣчаютъ:

№ 111.

Дружечки наши голубочки,
Не вмемо, не смемо:
Улыпи тисны,

Спойте намъ писни
Хоть одною да прыгожой!

Погубылы писни,
Чужая сторона,—
Щобъ не довели намъ молодень-
кимъ сорома.

Затѣмъ поперемѣнно поютъ:

112.

Посовилы сванечки, (2)
Якъ совочки въ лиси,
Якъ воробейки въ стриси;
А дружечки пересловочки
Шебеталы, якъ ластовочки.

113.

Свитылочка пышна,
Якъ у саду вышна;
Що вышенька зелененька—
Свитылочка молоденька!

114.

Свитылка-шылка пры стени,
А на юй сорочка не ѹи;
А на юй сорочка сестрына;
Прышла сестра, торкве:
Скыда сорочку, смеркае!

№ 115.

Брешете, дружечки, якъ свыни:
Въ мене сорочокъ три скрыни,
Четверта лубяная,
Да ѹ тая повная.

№ 116.

Свитылка горбата;
А на горби хата,
А на хати вѣрба,
А на верби сова,
А на сови пирье;
Прышла свыня, подывылась,
Да ѹ реготу ѹ покотылась.

117.

Старшая дружечка
Сыдѣть, якъ стужечка,
А друга, якъ коробочка,
Треття, якъ конюбочка,
Четверта проста,
На пѣятѣй короста,
Шоста шылохвоста:

№ 118.

Старшая свитылка пры стени,
На юй сорочка не ѹи:
Маты на рицци прала,
Сорочку доцци украдла,
Въ свитылки прыбрала.

№ 119.

Старша сваха сяе,
На юй очипокъ мае;
Не самъ же вуйнъ мае,—
Гынды да вони пудымаютъ.

№ 120.

Старшая свитылка якъ шпылька
Пры стени,
На юй сорочка не юи:
Симъ день бояре молотылы,
Свитыльцы сорочку заробылы.

№ 121.

Свахи—черепахи,
Свитыльки—якъ шпыльки.

№ 122.

Старый боярынъ якъ болванъ;
У ёго очы—якъ баранъ.
Очи въ ключчи,
Зубы въ панери,
Самъ у рамени,
Крутенемъ пудперезався,
У бояре прыбрася.

№ 123.

Красень боярынъ, красенъ,
А на ёмъ кафтанъ рясенъ,
А за тымы рясыцамы
Сыдять вони коницамы.

№ 124.

Щебетушечки сванечки, щебету-
шечки:
Выщебетали три подушечки,
Четверту перыну,
Молодую Марусеньку княгиню.

Когда дружкамъ надобѣсть наконецъ насыѣхатъ надъ поѣзжа-
ми, онѣ поютъ заунывно:

№ 125.

Пудъ хатою, пудъ свитылею
Стонть верба изъ росыцею.
Ой кто сюю вербу пудрубае,
Ой кто сюю росу позбырае?
Иваночко вербу пудрубае,
Марусенька росу позбырае.
Пудрубаю хотъ сокиркою,
Позбыраю хотъ хустыникою.

№ 126.

Ой кленъ було чы не дерево?
Смородына чы не ягода?
Калыночка чы не виточка?

Марусенька чы не дивочка?
Въ юи була чы не кусонъка
Чорнымъ шовкомъ да заплетена,
Й-а золотомъ да й обведенна,
Дротяною да вагайкою,
Голубою да китайкою?
Вы, дружечки мои голубочки,
Покупайте вы мон слидочки,
Покупайте и позасивайте
Рутонькою да мъятонькою,
Хрецатенькимъ да барвиночкомъ.
Туда матюнка да ѹтыме
Барвиночокъ да ирватыме,
Донечку да шукатыме.

Игра въ колоколь.

Затѣмъ начинаютъ играть въ колоколь. Бояре звонятъ коло-
кольчикомъ передъ дружками, катаютъ его по столу; дружки ста-
раются отнять его; если это имъ удастся, то онѣ, насыѣхаясь
надъ боярами, поютъ имъ пѣсни, подобныя приведеннымъ выше
(№ 122, 123); кромѣ того, бояре въ видѣ выкупа за колоколь-
чикъ угощаютъ дружокъ водкою; если же дружка схватить коло-
кольчикъ, но не съумѣеть отнять его, то бояре бьютъ ее коло-
кольчикомъ по рукамъ.—Если бояре не достанутъ колокольчика,
или забудутъ взять его изъ дома, когда выѣжаютъ отъ молодо-
го, то дружки поютъ:

№ 127.

Сброкъ бояръ сброкъ,
А колокола не мають,
Дружокъ не займають;
Дайте йимъ пугу,
Нехай идуть въ лугу
Волуевъ поганаты,
А не дружокъ займаты.

№ 128.

Вамъ, бояре, не боярыноваты,
Вамъ, бояре, свыней пасты:
Колокола не маесте,
Дружокъ не ваймаесте.

Ужинъ, сдача молодецтва, прощаніе дружокъ съ молодою и отъѣздъ ея.

Молодая во время игры угощаетъ поѣздъ орѣхами и подсол-
нухами.—Дружокъ обращается къ старостамъ: „Чы нема у нашо-
го пана-свата стряпухи такой, щобъ намъ приготовыла хочъ бу-
ряка не скребеного, щобъ намъ перехватить чого-небудь?“—„Есть,
обыскаеця“.—Мать съ припечка подаетъ дружкамъ водку и ку-
шанья, которые заранѣе ставятся на печи; дружки угощаютъ
присутствующихъ. Ужинаютъ, главнымъ образомъ, поѣздане; ново-
брачные вѣдьтъ немнога. Во время ужина дружки поютъ:

№ 129.

Йилы сванечки, йилы,
Повъ вола зазилы,
Пудъ столомъ качаочы,
Въ попель умочаочы.

№ 130.

Йилы дружечки, йилы,
Повъ голубця зазилы,
По столу качаочы,
Въ перецъ умочаочы.

Послѣ ужина молодая береть молодецкую или „колосковую“
водку (обязательно краснаго цвѣта), вынимаетъ три колоска, ко-
торыми была заткнута бутылка, и прячетъ ихъ себѣ. Къ столу
подходятъ сперва ея родители; она подносить имъ по рюмкѣ вod-
ки; затѣмъ подходятъ родственники новобрачныхъ, поѣздане и
дружки.

Прежде чѣмъ молодая начнетъ угощать колосковою водкою
(что называется сдачей молодецтва, дружки поютъ):

№ 131.

Да просылася Марусенька въ ба-
тенька своего:
Пусты мене, да я батенько, на
кругу гору,
Нехай же я по той гори да я
похожду.

Фыляочекъ на веночекъ да ще я
нарву,
Сынѣго цвиту на квіточку да ще
я нащиплю.
—Нашо жъ тоби, дыты мое, ой той
сыній цвіть?
Ужежъ въ тебе да Иванко якъ ро-
жевый цвіть.—

Во время подчіванія онъ продолжаютъ:

№ 132.

Вжежъ пѣзиненько, вжежъ неранень-
ко, смеркае.
Вжежъ Марусенька да на білый
камень ступае,
Вона до себе молодыхъ дружечокъ
сзывае:

—Приступите, молоды дружечки,
до мене,
Одберите мое молодецтв' ой-одьмене;
Я пойду мижъ стары жонъ жо-
новаты,
Въ голубоньку розумоньку набы-
раты.

№ 133.

Да молочено й-овесь,
Летила солома,
Падала половы.

Да кому жъ сей овесь позыраты?
Да вже жъ тоби, Марусенько, въ
намы не гулати.

№ 134.

Ой жаль, Марусенько, на тебе:
Й-одсылашъ насть одъ себе;

Послъ подчіванія колосковой водкой дружки жалобно поютъ:

№ 136.

Десь я въ тебе, пани матко,
Не дыятко,
Шо ты мене проты очки
Да й шлешть прочки.
Й-ой дай мыни проводынка
Хоча-й братика,
Й-ой дай мыни проводынцу
Хотъ сестрыцю;
Нехай мене да проведе.
Да й до воруть,
Тоди сама да верненца
Да й до дому.

№ 137.

Брала Марусенька лёнъ, лёнъ,
Лёнъ,
Да выганяла дружечокъ вонъ, вонъ,
Вонъ, вонъ.

Послъ этого дружки, вставъ изъ-за стола, начинаютъ со слезами прощаться съ молодою. Въ это время молодой иногда схватываетъ ее за шею и не позволяетъ цѣловаться съ дружками. Дружки попрощавшись выходятъ во дворъ, и тамъ начинается пляска. Прощаясь онѣ поютъ:

№ 140.

Прощай, прощай, Марусенько,
Сестра наша,

Какъ только дружки встанутъ изъ-за стола, на ихъ мѣсто возлъ молодой сейчасъ же садится бояринъ, чтобы она не ушла съ дружками, и сидить до тѣхъ поръ, пока не усядутся на мѣста дружекъ закоснянки,—молодыя женщины, родственницы молодой, которая пойдуть вмѣстѣ съ нею въ домъ молодого расплетать ей косу. Имъ подаютъ ужинъ, во время которого снахи поютъ:

№ 141

Оце жъ тоби, маты,
Правъ на загати
И кладка на хати;
Будешъ платьте праты,
Дочку спомынаты.

Роалука наша зъ тобою,
Якъ изъ рудною сестрою.

№ 135.

Оде тоби, Марусенько, за тее:
Не плеты куски въ дробушечки,
Заплеты куску въ четыры рады;
Було тоби погулаты четыры годы.

Мы до тебе не самы прыйшли,
Мы одъ тебе не самы пуйдемъ;
Наймите циавары,
Проведите, бояре.

№ 138.

Старшая дружечко,
Очны оконечко,
Подывыся на сонечко,
Чы рано, чы пуано;
Розыйдемося руэно.

№ 139.

Ше жъ рано, ще жъ рано,
Ше жъ погуляймо,
Ше жъ зурочка не зойшла,
Ше жъ Марусенька одъ батенька
не пошла.

Мы не твои подруженьки,
Ты не ванда.

Ходимъ, маты, подывымося,
Худобою подивымося;
Намъ, маты, скрытия, перына,
Тоби стара кожушына;
Намъ, маты, подушечки,
А тоби коробушечки.
Будемъ мы коробушечки браты,
Да скрытия дополняты.

Послѣ ужина молодая встаетъ изъ-за стола, береть себѣ рожь изъ-подъ кожуха, на которому сидѣла, увязываетъ въ платокъ товарыша, ситницу, ложки, тарелки; новобрачные кланяются родителямъ; тѣ благословляютъ и отдаютъ имъ образа. Мать получаетъ водкой молодыхъ, закоснянокъ и свахъ. Молодая одѣвается въ дорогу, закрываетъ себѣ все лицо платкомъ. Молодые кланяются всѣмъ присутствующимъ, выходя изъ хаты, и весь поѣздъ начинаетъ усаживаться въ сани, чтобыѣхать къ молодому. Мать даетъ одной изъ закоснянокъ живую курицу, а другой сорочку для молодой. На первыя сани садятся молодые, которые держать въ рукахъ по образу, свитылка, первая закоснянка и дружокъ, который погоняетъ лошадей. На слѣдующія сани становится сундукъ съ приданымъ; туда же садится человѣкъ 5-6 мушкінъ и женщинъ; имъ дается бутылка водки и пиншка для отца молодого. На другихъ саняхъ размѣщается остальной поѣздъ.— Когда поѣздъ усаживается, дружки, которыя въ это время танцуютъ на дворѣ поютъ:

№ 143.

Да сидай, Марусенько, на возвочки,
Покыдай батеньку норовочки;
Шо первыи норовочки—вечорочки,
А другыи норовочки—паробочки,
А третыи норовочки—игрыще:
Коло тебе нагайка засыше.

№ 144.

Шо мисаць доруженьку освитеѣвъ,
Да братъ сестрыце проводыѣвъ
И ворутечка одынавъ,
И доруженьку показавъ:

Поѣздъ дорогою поеть:

№ 146.

Оддай, свату, дивку
И билу постильку,
Мулѣваву скрынку,
Кохану дытыну.

№ 147.

Шо на хати зильле,
А въ хати весильле,
Шо на двори бояре,
Якъ макъ зацвитае.

№ 148.

Загребай, маты, жарь, жарь,
Буде тоби дочки жаль, жаль;
Укидай въ пичь дрова,
Оставайся здорова,
Укидай въ пичь триски,
Дождай соби невистки.

Оде тоби, сестрыце, дорога,
Йидь одѣ батенька здорова,
Ой будь здорова, якъ вода,
Ой будь багата, якъ земля,
Ой будь прыгожа, якъ рожа.

№ 145.

Сванечки наши голубочки,
Да сидайте на вузъ,
Шобъ вѣсъ кунь не довѣзъ,
Шобъ отеса порвалась,
И Марусенька намъ осталась.

№ 149.

Быжкомъ, кони, быжкомъ
Да билесельцимъ сніжкомъ,
Да билою да порошою
Эзъ молодою да хорошиою,
Хорошою да дорогою
Изъ нашою да молодою.

№ 150.

Ой матюнко-утко,
Прыбырайся хутко,
Нѣ далеко—за горою
Съ хорошою молодою.

№ 151.

Возы наши да бушованы,
А колеса да мулѣваны,
Конычевки вороневки,
Погонычи молоденки.
Бите кони да нагайкамы
Съ золотыми окрайкамы.
Да бежитъ, кови, рысъко,—
Иидемъ изъ корыстю.

Встрѣча новобрачныхъ въ домѣ молодого.

Когда свадебный поѣздъ подъѣдетъ къ дому молодого, дружокъ зажигаетъ возлѣ воротъ куль соломы, черезъ который переводятъ лошадей; это „пудсмалюютъ молоду“. На встрѣчу приѣхавшимъ выходитъ мать молодого съ водкой въ рукахъ и спрашиваетъ: „Здрастуй! зачимъ прыихалы“? — Поѣзжане отвѣчаютъ ей: „Иихалы мы на торгъ изъ товаромъ, збылись въ дороги; пустить на нучь переночовать.“ — „Дакъ може вы, добрыи люде, оставьте свой товаръ у мене да выпьете по чарци?“

Тѣ соглашаются выпить, но за свой товаръ просятъ еще осо- бую плату. Мать даетъ имъ копѣйки три. Затѣмъ, когда всѣ вѣ- дутъ во дворъ, молодой поручаютъ распрыть коня въ своихъ са- нахъ; она распрыгаетъ лошадь и дугу перебрасываетъ себѣ черезъ голову. Мать выходитъ во дворъ съ викомъ, на которое положень хлѣбъ съ солью и ржаныя зерна. Молодые кланяются ей, а она въ это время три раза сыплетъ каждому вѣнцу за шею зерна.

Всѣ входятъ въ хату, при чемъ молодая и ея свекровь ста- раются первой ступить на порогъ хаты въ силу повѣрья, что во- шедшая первою въ хату будетъ госпожой дома; это стремлѣніе — войти первой бываетъ такъ велико, что, если невѣсткѣ удастся первой ступить на порогъ, то свекровь тутъ же начинаетъ упре- кать ее въ непочтительности.

Родители молодого садятся на покути, старосты на лавку воз- лѣ дверей. Дружокъ береть конецъ платка, за который держатъ ся новобрачные, и просить у старосты благословенія ввести мо- лодыхъ въ хату; получивъ его онъ ударяетъ палкою накресть нѣ- сколько разъ по косакамъ дверей и вводить молодыхъ; новобрач- ные садятся на кожухѣ, разостланномъ на лавкѣ.

Затѣмъ въ хату сносится приданое, послѣ чего приѣхавшимъ подается ужинъ; во время ужина присутствующихъ подчуетъ вод- кой отецъ молодого, а послѣ ужина самъ молодой „частую“ своею молодецкою водкою. Свахи и свитылки поютъ.

№ 152.

Де вы, бояре, бувалы, (2)
Шо вы, бояре, выдалы?
Булы мы въ лѣску,

Поймалы полыску
Чорную да чубатую,
Молодую да багатую.

Угостивши водкой, молодой прощается съ боярами и свитыл- ками, которыхъ поютъ:

№ 153.

Вжежъ Иванко да на билы камень
ступае, (2)
Молодыхъ бояръ къ соби прызывае:
—Приступите, молоды бояре, до

Одберите мое молодецство оль
мене, (2)
А я пойду мижъ старыи мужи
мужовать,
Розумоньку у голубоньку набы-
раты.

Послѣ этой сдачи молодецства молодымъ бояре и свитылки ухо- дятъ домой.

Приданки—молодая родственница молодого и закоснянки съ дружками готовятъ въ коморѣ молодымъ постель: разстилаютъ на доскахъ куя 2 соломы, подъ головы сыплютъ жито, поверхъ кладутъ постель. Дружки берутъ молодыхъ, которые кланяются находящимся въ хатѣ, и выводятъ въ сѣни; здѣсь одинъ дружокъ даетъ практическія наставленія молодому, а другой молодой. Молодой бросаетъ себѣ въ штаны монету. Новобрачныхъ выводятъ въ комору. Закоснянки расплетаютъ молодой косу, раздѣваютъ ее до-нага и надѣваютъ другую сорочку. Молодой садится на постель, а молодая сбрасываетъ ему сапогъ; если первый сброшенный ю сапогъ будетъ съ житомъ, то будущая судьба новобрачныхъ будетъ счастливою; смотря по тому, въ которомъ чботѣ окажется монета, брошенная молодымъ въ штаны, бабы выводятъ разныя заключенія о будущемъ молодыхъ. Послѣ этого молодые начинаютъ бороться; присутствующіе удаляются изъ коморы; молодой запираетъ за ними дверь. Въ это время обязательно долженъ быть произведенъ актъ первой брачной ночи; въ случаѣ импотенціи, вообще когда актъ не можетъ быть произведенъ нормальнымъ образомъ, молодой (или какая-либо старуха) производить его пальцемъ. Дружки ходятъ вокругъ коморы, не подпуская никого близко къ ней.

Когда дружки выводятъ молодыхъ въ комору, родители молодого садятся за столъ. Имъ подаются на заслонкѣ трёски—вмѣсто рыбы, гужовку—вмѣсто колбасы, снѣгъ—вмѣсто сахара, и т. и.; тѣ показываютъ видъ, что ёдятъ. Потомъ все это убирается, и на столъ ставится закуска и водка, налитая въ миски; водку эту пьютъ трубочками изъ очерета.

Наконецъ молодой отпираетъ комору.

Туда входять приданки, надѣваютъ на молодую очипокъ, сбрасываютъ съ нея рубаху; молодая надѣваетъ другую, а эту относятъ въ хату, и тамъ на печи старухи свидѣтельствуютъ признаки цѣломудрія молодой. По выходѣ изъ коморы молодая раздаетъ всѣмъ присутствующимъ красныя ленты. Приданки начинаютъ пѣть, въ большинствѣ случаевъ, срамныя пѣсни, скакуть по лавкамъ, плещутъ въ ладоши, шумно выражая свою радость по поводу благополучнаго исхода акта.

Снова начинаютъ ужинать, послѣ чего молодые удаляются въ комору спать, а отецъ молодого даетъ дружку бутылку съ красной водкой и шишку, и всѣ, кромѣ родителей молодого, захвативъ съ собою рубаху молодой, съ срамными пѣснями идутъ къ родителямъ молодой. Дружко подаетъ водку, шишку и рубаху на печь матери новобрачной со словами: „Кланяясь сватъ и сваха чеснымъ да велишнѣмъ весильлемъ и могорычемъ“.—Тамъ пришедшихъ угошаютъ; принесенную водку отецъ новобрачной выливаетъ себѣ, а въ эту бутылку наливаетъ отъ себя водки и посыпаетъ ее родителямъ молодого. Гости съ пѣснями идутъ обратно;

дома пекутъ блины, наносять въ хату досокъ, соломы, устраиватъ помость, на которомъ садятся закусывать и пить и только къ утру расходятся по домамъ.

Понедѣльникъ: На слѣдующее утро въ понедѣльникъсосѣдки не-суть родителямъ новобрачной закуску — колбасы, сало, студень, вареники. Хозяинъ, сидя на покутѣ, угощаетъ ихъ водкой, а хозяйка — закуской. Собираются дружки. Отецъ новобрачной даетъ имъ бутылку водки и шишку и отправляетъ къ дочери. Дружки не-суть ей отъ себя закуску и красный (буряковый) квасъ.

На вѣтрѣчу имъ на порогъ сѣней выходятъ молодые, цѣлютъ-ся съ ними, и всѣ идутъ въ комору. Къ молодымъ еще до при-хода дружокъ собираются съ закускоюсосѣдѣ, бояре и свиты-ки; старики и старухи идутъ въ хату, а гости помоложе — въ ко-мору.

Бояре къ высокому шесту привязываютъ красную запаску и этотъ „хвалакъ“ (флагъ) ставятъ у воротъ; въ теченіе всего дня бояре стерегутъ, чтобы кто не снялъ этого флага; въ случаѣ же не уберегутъ его, то вечеромъ лишаются моторича.

Молодая раздастъ молодымъ гостямъ своимъ красныя ленты, а старымъ — черные снурки; ленты и снурки пристегиваются къ вороту рубахъ. Обоимъ дружкамъ молодая даетъ красные пояса, которыми они перевязываются черезъ плечо. Въ коморѣ затѣмъ садятся закусывать. Въ хатѣ цѣлый день стоять на столѣ холо-дная закуска: соленая рыба, сало, капуста; кто хочетъ ёсть, тотъ закусываетъ, не ожидая приглашенія.

Послѣ закуски съ музыкой снова идутъ въ родителямъ ново-брачной; подъ дверями у нихъ поютъ:

№ 154.

Очыны, сваточку, хаточку;	За твѣй запаснїй васылѣкъ,
Подякуемъ сваточку за дочку,	За твою чирвоную калыну,
За твѣй хрещатый барвинокъ,	За твою чеснью дивчыну.

Отецъ выходитъ на дворъ и съ поклономъ просить гостей въ хату. Всѣ эти молодые гости называются „прыданками“. Гости садятся за столъ; ихъ угощаютъ. Въ хату собираются приданки молодой — ея бывшіесосѣди исосѣдки, и послѣ закуски всѣ, кро-мѣ хозяевъ, съ музыкой и пѣснями идутъ къ молодымъ.

По дорогѣ приданки поютъ:

№ 155.

Дѣ наше золото?
Завезене въ болото;
Мы болото помынаемо,
Свое золото познаемо.

№ 156.

Сюды наша тетера летила.
Тутъ вона пирѣе губыла;
Мы слизомъ ишли,
Тее перо найшли,
Сталы познаваты,
Чы не зѣ нашей хаты?

Подойдя къ дверямъ, поютъ:

№ 157.

Выдѣ, сестрыце, зъ коморы,
Покажи лыченько и бровы;
Чомъ твое лыченько да не такове,
Якъ учора звѣчора у баткя було?

Була и, сестрыци, въ темныци,
Иила я, сестрыци, кислыци,
Пыла я, сестрыци, медъ да выно,—
Того мое лыченько й не таково!

Еще раньше, отправивъ своихъ приданокъ, молодые занимаются чѣмъ-либо по хозяйству. Теперь, заслышавъ приближеніе гостей, они уходятъ въ комору; по окончаніи пѣсни (№ 157) выходятъ на порогъ, кланяются и цѣлуются со всѣми. Входить въ хату. Хозяинъ приглашаетъ приданокъ новобрачной садиться; приданки молодого танцуютъ; молодые не садятся. Приданки молодой поютъ:

№ 158.

Свашечки наши голубочки,
Попытаемъ мы вѣсъ:
Чы не залетила наша тетерочка
Вчора до вѣсъ?
Не кишкайте, не полохкайте,
Нехай вона въ вѣсъ;
Посыпте нашу тетерочки
Симъечка,
Шобъ любыла тетерочка
Пиньчка.

№ 159.

На калыни соловейко,
На калыни два,
Щебетали хорошенько
Обыда.
Спасыбу Богу за тое,
Що хороши молодыи обое.

№ 160.

Говорыло барыло,
Шо въ нашого свата
Гарилки багато;
Вунъ самъ не пѣе
И намъ не дает;

Хыба буде шынкуваты
Весильною гарилкою
Зъ молодой невисткою?
Казала Орышка:
Есть глѣкъ и гладышка;
Казала Марына,
Шо я ваварыла.

№ 161.

Гарилки, свату, гарилки:
Загорився хвартухъ у дивки!
Прышовъ Герасымъ,
Хвартухъ погасывъ,
Хринъ ёго просывъ,
Шобъ вунъ гасывъ;
Нехай бы горивъ до тила
Щобъ наша сванечка пощедрила
Пощедрій, сванечко, пощедрій,
Намъ гарилочки пудогрій,
Пудсыпъ жарку,
Щобъ гараченько,
Пудбавъ медку,
Щобъ солоденько,
А ще къ тому перци,
Щобъ прыстало къ серцю.

Приданки молодого вѣстѣ съ новобрачными идутъ въ комору. На молодую надѣваютъ шапку ея супруга, поверхъ шапки—намитку; на молодого тоже надѣваютъ шапку. Затѣмъ вѣсъ входить въ хату. Молодые садятся на покути, приданки—на лавкахъ; отецъ угожаетъ всѣхъ водкой. Всѣ, кроме родителей молодого, отправляются съ музыкой въ церковь, куда приглашается и священникъ. Молодой сбрасываетъ, входя въ церковь, шапку, молодая же не снимаетъ и въ церкви своего головного убора. Священникъ читаетъ положенные молитвы „на разрѣшеніе вѣнцовъ“ (*). Въ послѣд-

(*) Такъ какъ втотъ обычай существуетъ далеко не во всѣхъ селахъ и въ новыхъ требникахъ молитвъ на разрѣшеніе вѣнцовъ нѣть, то я дальше, въ приложении, и помѣщаю эти молитвы.

нее время этот благочестивый обычай почти уже вышел изъ употребленія; теперь молодые ходятъ съ пѣснями и пляской по улицамъ.

Когда новобрачные воротятся домой, то производится такъ наз. „выколюванье очей“. Молодые садятся на покути; свекрь береть „шаблю“ и намѣряется ею выколоть глаза невѣстки; по-тому сбрасывается съ ея головы платокъ и отдастъ его своей же-нѣ, которая стоитъ въ это время „на полу“—на помостѣ у печки.

Дружки выносятъ изъ коморы на тарелкѣ медъ и хлѣбъ, который привезла съ собою молодая; хлѣбъ этотъ разрѣзывается и намазывается медомъ „мазанки“; одна изъ мазанокъ на ножѣ по-дается молодой, но лишь только эта протянетъ руку, чтобы взять съ ножа мазанку, дружокъ мгновенно отдергиваетъ ее; это назы-вается—„дразнить молоду“; наконецъ, за третьимъ разомъ молодая береть мазанку и за плечами молодого кладеть ее на окно; то же дѣлаетъ и молодой. Послѣ этого молодые супруги выходятъ изъ-за стола. Всѣмъ присутствующимъ раздаются мазанки; подает-ся закуска—картофель и капуста. Послѣ закуски гости расходятся.

Въ понедѣльникъ утромъ въ хатѣ молодого пекутся пирожки съ макомъ. Ихъ отсчитываютъ „три разы на девъять“ и связы-ваютъ попарно „чѣрцемъ“ (шерсть, употребляемая при тканѣ плахтѣ). Затѣмъ въ миску на низъ кладутъ лишній, не имѣющій себѣ пары пирогъ (всѣхъ пироговъ нечетное число: $3+9=27$); на него остальные, парные пирожки, а сверху—двѣ чехони; миска обматывается краснымъ поясомъ. Подъ вечеръ молодой съ двумя дружками и двумя музыкантами несетъ эту миску къ своей тещѣ; миску ставить на столъ. Теща подаетъ гостямъ пороскошиѣ закуску и посылаетъ за своими сестрѣями и знакомыми. Явясь къ нимъ, посланецъ кланяется: „Просысь свать и сваха на пирожки; прошу покорно!“—„Спасыбу, придемо“,—отвѣчаютъ ему. Гости приносятъ съ собою подарки для молодой: матеріи на очипокъ, хустку, кусокъ полотна. Молодой садится на покути, гости—на лавкахъ вокругъ стола. Дружки ломаются по числу присутствую-щихъ пирожки и рыбу и подносятъ на тарелкѣ; гости съ своей стороны выбрасываютъ на тарелку по мелкой монетѣ; эти деньги отдаются молодому. Послѣ „вечери“ молодой просить къ себѣ: „Прошу покорно усихъ до насть“.—Это хожденіе въ гости, про-должающееся и въ слѣдующіе дни, называется „перезва“. Идя домой, молодой ведеть тещу подъ руку; тещь идеть самъ. Под-выпившие гости дорогой покидаютъ.

№ 162.

Зять тещеньку веде
За правую ручку,
Пудь ливее ребро,
Шобъ йіи доцци добро.

№ 163.

Зять тещеньку просыть,
Золоты мости мостыть
И кладочки кладе,
Куда тещеньку веде.

№ 164.
Моя тещенько, моя голубочка!
Прошу жъ я тебе
На беседу до себе;

Выкочу я симъ бочокъ
И полубочокъ
Ще жъ солодкого меду;
Прошу тещу ва беседу.

Подъ воротами молодого поютъ:

№ 165.
Знаты Марусю, знаты,
Въ которой вона хати:

Черчыкомъ обведёца,
Калыною обтыканы.

Входя въ хату:

№ 166.
Розсунь, свату, хату:
Велькую перезовъ маю,
Де зи подиваю?
Чы въ синяхъ, чы въ хати,—
Де жъ мыни подиватъ?
У хату не влиземъ,
Дакъ на пичъ полиземъ.

№ 167.
Ишла теща яромъ,
Найшла зятя даромъ.
—Зятю муй мылый,
На-жъ тоби кожухъ билый,
А комиръ бобровый.
Зять у мене чернобровый.

Хозлева просить садиться; гости садятся за столъ, а родители молодой сбоку. Усѣвшись начинаютъ пѣть:

№ 168.

Куныци свахи, куныци!
Йкъ не введете молодыци,
Полетать горшки зъ полыци.

№ 169

Уведы, ляше, наше!
Нехай наше, ляше,
Передъ нами пляше;
Воно буде плясаты,
А мы будемо дароваты.

При входѣ гостей въ хату, молодые уходятъ въ комору. Въ коморѣ же одѣваютъ въ костюмъ молодой какую-либо постороннюю женщину, похожую ростомъ и складомъ на молодую. Дружокъ подводитъ эту переодѣтую женщину, лицо которой закрыто, съ молодымъ къ родителямъ его супруги. Молодые кланяются, но сваха отмахивается отъ нихъ: „Се не моя! ведите йи назадъ!“ Этотъ обманъ повторяется два раза. Наконецъ, за третьимъ разомъ вводятъ уже молодую, голова и лицо которой покрыты намиткой. Молодые кланяются и цѣлуются со всѣми. Затѣмъ молодая сбрасываетъ съ себя намитку; вдвоемъ новобрачные беруть по тарелкѣ, на которыхъ стоять рюмка, и подчуютъ гостей: молодая варенухой, а ея супругъ простой водкой. Молодому гости бросаютъ на тарелку мелкія монеты, а для молодой складываются на столъ подарки такимъ образомъ: мать ея приносить съ собою скатерть и двѣ шишки; все это она кладеть на столъ; выпивъ поднесенную дочерью рюмку варенухи, она на шишки кладеть свой подарокъ (сорочку, плахту); подобные же подарки кладутъ гости на подарокъ матери. Во время подчивания женщины поютъ:

№ 170.
Ой роду, роду багатый!
Даруй скотомъ рогатымъ;
А вы, сестрычки,—

Ягнечки;
Вы, печкурки,—
Хочъ шкурки.

Тесть и теща принимаютъ подарки, благодарятъ за нихъ гостей и складываютъ эти вещи въ сундукъ дочери. Гости поютъ:

№ 171.

Чы ты, свахо, оглухла:
Чого въ тебе мыска суха?

Не буде въ мысци деньца,
Не буде писни конца.

Хозяева ставить на столъ миски, наливаютъ въ нихъ водку, которую присутствующие пьютъ,—кто ложкой черпая, кто рюмкой, кто тянетъ очеретинкой. Подается закуска, во время которой поютъ:

№ 172.

У нашего свата
Зъ вербы, зъ лозы хата
Въ билой березыны.
Сыдымо мы тверезыны.
У кожуси стручче,
А въ ковнири блохи,
Чого наши переезваки плохи?
Того воны плохи,
Шо гарилочки трохи.

№ 173.

Не гныся, свату, не гвыся!

Е въ тебе въ кошари тельца;
Поведы тельцю, продай,
Намъ гарилочки разбадай.

№ 174.

Мы въ тебе, пане-свату, вчора не
булы,
Мы твоей гарилочки вчора не пылы,
Теперь вы насть просите,
Цебромъ гарилку поите,
Носите цебромъ ще й ведромъ;
Туть наша дивочка зъ добромъ.

Если хозяйка не усердно упрашиваетъ за ужиномъ, то гости ей поютъ:

№ 175.

И пыть намъ е що,
И яисты намъ е що;

Тульки намъ ниту
Отъ свахи прывиту.

Ужинъ и попойка продолжаются всю ночь.

№ 176.

Чо сяя прыихала маты?
Чы хлиба объйдаты,
Чы дочки одбыраты?

№ 178.
Охъ мыни, охъ!
Не любы жъ насть двохъ;
Любы мене самую,
Бо я тебе шаную.

№ 177.

На гори дубъ, а въ долыни беру-
зонька;
Збыралася черудонька.

Попрощавшись съ хозяевами, гости отводятъ тещу домой и по дорогѣ поютъ:

№ 179.

Зять тещеньку проводыть,
Въ руки ломаку устромыть:

Це тоби, тещенько, ломака,
Щобъ не зарвала собака."

Въ слѣдующіе дни до четверга продолжается „нерезва“; родственники и знакомые новобрачныхъ приглашаютъ ихъ къ себѣ въ гости.

Въ четвергъ у молодого происходитъ дѣлежъ коровы. Молодой поетъ обѣда приглашаетъ къ себѣ своихъ знакомыхъ, исключительно женатыхъ мужчинъ: „Просить батько и маты и я прошу на коровай“. Входя въ хату къ знакомымъ, онъ не сбрасы-

ваетъ шапки. Когда собираются приглашенные, дружки выносятъ изъ коморы коровай, рѣжутъ его и раздаютъ гостямъ; тѣ отдавають молодыхъ,—кто обѣщаетъ овцу, кто тѣлку, иной мѣрку пшеницы; подарки эти отдаются не сейчасъ, а спустя нѣкоторое время. Послѣ ужина всѣ расходятся.

Въ пятницу къ новобрачнымъ собирается женатая молодежь. Переодѣвшись въ маскарадные костюмы, всѣ отправляются по селу „цыганыть“,—просить сала, масла, конопель, денегъ; имъ даютъ, кто что можетъ. Собранныя деньги пропиваются сейчасъ же, а провизія отдается новобрачнымъ (они не участвуютъ въ „машкари“). Когда этотъ маскарадъ воротится домой къ молодому, устраивается „вовча вечера“: гости ночью отправляются на промысел, крадутъ порослятъ, курчатъ, дрова, готовятъ затѣмъ ужинъ и пируютъ всю ночь.

Въ субботу въ домѣ молодого пекутъ паляницы. Молодые и родители молодого несутъ семь паляницъ, увязанныхъ въ хустки, къ родителямъ его жены; эти паляницы называются „пирогами“. Гостямъ подается закуска, послѣ которой молодая идетъ по селу „клыкатъ на пироги“. Поклонившись хозяевамъ, она говоритъ: „Просить батько и маты, и я прошу на пироги“. Приглашенные приносятъ съ собою подарки: хустку, очипокъ. Гости садятся за столъ; молодые подчинаютъ ихъ водкой и варенухой, а они даютъ мелкія монеты и принесенные подарки; вообще, все происходитъ такимъ же образомъ, какъ и въ понедѣльникъ (см. выше). Послѣ угощенія гости расходятся.

Въ воскресенье у молодого устраивается обѣдъ, для тѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, которые приглашали къ себѣ новобрачныхъ во время перезвы.

Этимъ обѣдомъ и заканчивается свадебный ритуалъ.

Нѣсколько словъ о правописаніи.

Знаками ў и ю я обозначаю діактоны ў́й и ю́й, соответствующіе въ польскомъ говорѣ украинскому и. При существующихъ только двухъ знакахъ для звука и (ы и и) трудно было передать все разнообразіе этого звука въ малорусской рѣчи; особенно эта трудность проявляется послѣ шипящихъ и горланихъ звуковъ. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ невозможно передать точное произношеніе, приходится прибѣгать къ грамматикѣ; но передавая слова пѣсень, и въ то же время желая передать, на сколько возможно, и ихъ произношеніе въ данной мѣстности; поэтому я въ затруднительныхъ случаяхъ не прибегаю къ аналогіи и грамматикѣ, а одну и ту же форму слова въ разныхъ случаяхъ числь разично: разъ черезъ ы, другой — черезъ и. Это колебаніе и указываетъ на неясное произношеніе въ этомъ случаѣ звука и.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

(Изъ рукописи первой половины XVII столѣтія, находящейся въ Успенской церкви и. Мрина).

Молитва, первобрачной невѣстѣ хотицей въ вестися по брацѣ въ церковь и пріяти благословеніе первому покровенію главѣ.

Вѣстно же буди яко невсюди сей обычай съдержитсѧ, но точію виѣмъихъ церквахъ: тѣмъ-же убо какжде церковь въ семъ свой древній да здерхит обычай.

Пришедши же новобрачная невѣста къ церкви, станеть виѣ дверей предъ церквию, іерей же ставъ въ дверехъ церковныхъ одѣянъ въ епахъ и фелонъ, глаголеть къ ней:

Внѣди чадо въ дворы Господни, и всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ посѣщай всегда церковь его, яко да пріимешши отъ него милость, и благодать предъ нимъ обраицши, въ ими Отца, и Сина, и Святаго Духа, аминь.

И аbie въ ходить іерей въ церковь и понемъ невѣста съ своими други. Ставъ же іерей въ церковныхъ дверехъ, невѣста же предъ нимъ въ паперти, начинаетъ обычай.

Благословеъ Богъ нашъ: Тртос и по Фѣ напѣ: яко твое есть царство: Господи помилуй и сла и ми: приидѣте поклонѣмся: г и чаломъ ыг.

Боже щедрини, и благослови ны: просвѣти лице твое на ны... (и т. д.)

И посемъ стихи сія 6 чалма пятого.

Глаголы мои внуши Господи: разумѣй званіе мое...

И аbie глаголеть молитву сію надъ невѣстою преклониша главу, рекъ: Господу помолѣмся и пѣвцемъ, Гдѣ помилуй.

Бж҃а, Бж҃а нашъ, въ пророцѣхъ глаголавый, и предъвозвѣстивый про свѣщеніе разума твоего, быти въ послѣдня вѣкъ языкомъ: нехетай никому же отъ съ зданныхъ тобою человѣкъ, безъ причастія быти твоего спасенія, законы положилъ еси съ судомъ твоимъ изъбраннымъ апостоломъ Павломъ, въ вѣрѣ живущамъ мужемъ же и женамъ, еже все въ славу твою творити, и овѣмъ убо, еже непокровеною главою приносити хвалу и славословіе пресвятыму именни твоему: симъ же покровеною главою, въ благоговѣїи и цѣломудріи добрѣ утворяюще себѣ дѣлы благими вѣрою утверждены хваленія и молбы съ благодареніемъ приносити славѣ твоей: симъ убо владыко человѣколябче, благослови рабу твою сію, ми: и украси главу ея красотою тебѣ благоугодною, яко да по твоимъ заповѣдемъ жительствуи, и въ всѣхъ добродѣтелейхъ. По благоугождѣнію твоему преспѣваи, въ цѣломудріи себѣ съ блюдетъ, и купво съ своимъ отъ тебе данимъ ей супружникомъ, вѣчна твоя благая получить. Милостивъ бо и человѣколябивъ Богъ еси, и тебѣ славу вѣзылаемъ Отцу, и Сину, и Святому Духу, нынѣ и прѣсно, и въ вѣки вѣковъ, аминь.

Посемъ іерей десницаю благословляетъ, вѣзлагаетъ на ней саванъ глаголы:

Да покрьетъ ти Господь кровомъ крылу своею, и съхранить тя отъ всякаго зла въ вся дни жывота твоего, и дастъ ти въ мирѣ и благоденствіи видѣти сыны сыновъ твоихъ, даже до третіаго и четвертаго рода, въкупъ съ мужемъ твоимъ.

И аbie икропить ю священнаю водою, глаголи:

Окроплениемъ воды сея священныи да снидеть и пребудеть на тебѣ благословеніе Отца, и Сина, и Святаго дѣха; нынѣ и прѣсно, и въ вѣки вѣковъ, аминь.

(Слѣдуетъ отпускъ.)

Перей же творить спустъ дневныи обычай, и по спустъ глаголеть вѣвѣсть, десницу благословия ю.

Иди въ мирѣ и прильжно съблюди вся заповѣди Господни, въ страѣ его въ вся дни жывота твоего, повинуясь мужевы твоему по повелѣнію Господню въ имя Отца, и Сина, и Святаго Духа. Аминь.

И тако благодаряще Бога отъ ходать въ свои си.

Киевъ. 1890 г.

A. Малинка.

ОБЫЧАИ, ПОВЪРЬЯ И ПРЕДАНІЯ ГОЛЬДОВЪ.

I.

Рыбы.

Название, способы пользования и пр.

Кэта — *Дауа-Собюни*. Кэта идеть въ пищу гольдамъ; изъ нея ови приготвляютъ юкколу; шкуру выдѣлываютъ для одежды.

Изъ кэтовой замши выдѣлываются ота — сапоги; халаты, покрывало для груза на нартахъ; наколѣнники и нитки.

Шука — *Гуучы*. Шкура шуки идеть у гольдовъ на всевозможные издѣлія наравнѣ съ кэтой.

Таймень — *Джеми*. Шкура тайменя считается самой крѣпкой и болѣе всего идеть на олочи. Халатовъ изъ тайменя и ленка не дѣлаютъ.

Ленокъ — *Нимо*. Тоже что и изъ Тайменя.

Сомъ — *Хуанджа* (большой сомъ). *Лаха* (малый сомъ). Изъ сома дѣлаютъ всевозможныя вещи, такъ какъ шкура его воды не боится.

Осетръ — *Кирфу*. Шкура осетра въ выдѣлку не идеть.

Калуга — *Аджи*. Изъ шкуры калуги дѣлаются одни только сапоги. Калугу убиваютъ дубиной „кунку“; металлическимъ топоромъ ее убивать грѣхъ.

Амууръ рыба — *Куара*. Шкура этой рыбы идеть съ успѣхомъ на халаты; для олочей она слишкомъ тонка.

Сазанъ — *Качи* — тоже что и изъ Куара.

Верхоглядка — *Джаджихэ*. Изъ шкуры этой рыбы выдѣлываются лишь одни нитки.

Толстолобка — *Таумджа*. Дѣлаютъ халаты и нитки; для олочей слишкомъ нѣжна.

Краснопёръ — *Сунгади*. Дѣлаютъ только нитки.

Налимъ — *Сіанча*. Дѣлаютъ халаты и нарукавники; олочей не дѣлаютъ. У гольдовъ есть повѣрье, что если охотникъ имѣть какую нибудь принадлежность изъ налимьей шкуры, то онъ гаран-

тированъ отъ нападенія тигра. Легенда говоритъ, что однажды гольдъ вошелъ весною на охоту за пантами, оставилъ оморочку на берегу; отошедши всего нѣсколько саженей, онъ услыхалъ страшный ревъ тигра и когда онъ подкрался къ мѣсту рева, то увидалъ, что тигръ прижалъ грудью къ дереву огромной змѣи, которая его давить. Взялъ гольдъ свой охотничій ножъ — *сааму*, разрубилъ однимъ ударомъ змѣю и далъ тигру свободу. Ночью видѣтъ охотникъ сонъ, что къ нему приходитъ спасенный имъ тигръ, благодарить его и обѣщаетъ на завтра хорошія панты, а такъ какъ, сонъ действительно оправдался, то для счастья гольды начали носить змѣиную шкуру, замѣнивъ ее по сходству чешуи налимьей.

Нельма—Юси. Дѣлаютъ халаты и нитки.

Угорь—Хро. Угра ёдятъ; голову угра вѣшаютъ надъ входными дверьми и у люльки младенца, чтобы испугать черта.

Ершъ—Ауджа. Ёдять; въ сушономъ видѣ вѣшаютъ надъ дверьми той фанзы, гдѣ раѣтъ ребенокъ, чтобы испугать черта.

II.

Птицы.

Обиби—Удодъ. Кокку—Кукушка. Паргафадо — Сычъ. Всѣмъ тремъ птицамъ гольды дали название по крику.

Эта группа птицъ играетъ большую роль на поминкахъ у гольдовъ а именно: когда на большихъ поминкахъ дѣлаютъ *мууда* (большую фигуру покойника, одѣтую въ платье), то передъ нимъ ставить, сдѣланныхъ изъ тѣста, трехъ сказанныхъ птицъ, причемъ вечеромъ, когда гольды расходятся ва noctлегъ, то къ мугда является шаманъ съ бубномъ (безъ хоя) и поетъ покойнику пожеланія хорошей жизни въ Буни, уговаривая его отдохнуть (мугда укладываютъ на доски, покрывая одѣяломъ) и утѣшаетъ его тѣмъ, что развлекать и усыплять его будуть своими пѣснями обиби, паргафадо и кокку.

Ойбо — черный водяной воробей, бѣгающій зимою подъ водой изъ полыни въ полынью. По вѣрованію гольдовъ мальчикъ, вымытый наваромъ ойбо, не будетъ бояться холода. Если убить ойбо, то отыскавъ въ рѣкѣ самую быстрину бросаютъ въ воду перья и пухъ воробья, причемъ если то перо, которое не смотря на быстроту вернется обратно къ бросившему его, обладаетъ сверхъестественною силой открывать замки и запертые двери.

Акания—Гагара. Если гагара весною, плавая посрединѣ Амура, кричить, то вода въ рѣкѣ будетъ малая; если же гагара кричить на лугахъ, то слѣдуетъ ожидать половодья.

Кушина—днкій голубъ. Если весною лягушка вачнетъ кричать раньше голубя, то это предвѣстникъ большой воды и наоборотъ. Если лягушка выходить изъ воды и кричить, то вода будетъ прибывать. Если голубъ кончить свою пѣсню окончаніемъ *ты—ты*—то вода будетъ прибывать и наоборотъ, если онъ оборвѣтъ на *куши*, то это означаетъ убыль воды. Крикъ лягушки во время прибыли воды, означаетъ остановку ея на мѣрѣ.

Гаа—Лебедь. Легенда гласить, что раньше лебедь былъ человѣкомъ—дѣвкой, имѣвшей много сестеръ. Однажды дѣвна попросила у своей матери воды и получивъ отказать ушла изъ дома, куда глаза глядѣть; долго ходила дѣвка и горько плакала и наконецъ превратившись въ лебедя улетѣла. Когда стала лебедей летить и кричить, гольды говорить, что птицы эти, увида людей, плачутъ, говоря, что и они прежде тоже были людьми. Только хорошему шаману дозволяется приносить въ жертву бурханамъ кровь лебедя; плохого шамана бурханы задушатъ.

Ненни—Гусь. Большой (*Anser Cinereus*). **Елами**—Гусь. Малый (*Anser-Albifrons*). Елами по гольдскимъ сказаніямъ принадлежитъ китайскому императору и полосы на груди этой птицы означаютъ императорскую печать. Легенда говорить, что гдѣ-то далеко, за моремъ живутъ маленькие люди—Чаха-наини, (Чаха означаетъ локоть)—величиною съ локоть. Китайскій императоръ послалъ однажды стаю гусей перебить этихъ маленькихъ людей, но это гусямъ не удалось, такъ какъ Чаха-Наини, имѣя луки и стрѣлы въ видѣ иголокъ (такую стрѣлу однажды нашли въ крылѣ одного гуся), отражаютъ нападеніе гусей, и война продолжается до сихъ поръ, причемъ гуси на лѣто возвращаются на отдыхъ къ китайскому императору. Въ Китаѣ, гласить та же легенда, есть большая стѣва и въ этой стѣнѣ есть ворота, отворяемые для прохода чрезъ нихъ звѣря и птицы несолько разъ въ годъ. У стѣны этой, смотря по времени года, толпятся огромная стада ожидая пропуска, безъ которого ни одна птица не смѣеться перелетѣть стѣну. Первый, когда пропускъ разрѣщенъ, пролетаетъ чрезъ ворота императорскій гусь *Елами*. Однажды, одному хранителю воротъ, не исполнившему указъ императора о своевременномъ пропускѣ чрезъ ворота звѣря и птицы, чрезъ что погибло ихъ огромное множество, за непослушаніе отрубили голову.

Чокчокки—Полуночница. Продолжительный крикъ полуночницы предвѣщаетъ изобиліе комаровъ, которая, по вѣрованіямъ гольдовъ, выпускаетъ ихъ изо рта.

Хунася—Филинъ. **Чирика**—Сова. Филина и сову гольды любятъ и, поймавъ ихъ, кормятъ дома, говоря, что птицы эти охраняютъ малолѣтнихъ дѣтей.

Джолдо—Пустельга. Джолдо живетъ въ высокихъ недоступныхъ человѣку скалахъ; на Амурѣ выше селенія Воронежскаго въ «Муло—Хонкони» и ниже селенія Вятскаго въ «Даэ—Хонко-

ни». Если удастся подобрать выпавшаго изъ гнѣзда птенца Долждо, то его отосыпать въ бездѣтную семью, такъ какъ, по вѣрованію гольдовъ, въ той семье гдѣ растетъ Джолдо—будетъ много дѣтей.

III.

Летучая мышь, раковины, черепахи, глисты, собака.

Хамобдахи—Летучая мышь, Убивъ летучую мышь, гольды сдираютъ съ нея шкуру, наматываютъ ее на большой палецъ лѣвой руки и со шкурой ложатся спать, и если на слѣдующее утро шкура покроется волосами, то ее опускаютъ въ кипятокъ и наваромъ этой шкуры моютъ себѣ голову. По повѣрю, кто мыль себѣ этимъ отваромъ голову, у того три года волосы будутъ расти быстро и затѣмъ сразу всѣ выпадутъ. Гольдъ, который на старости лѣтъ оплѣшившись, считается счастливымъ человѣкомъ и получаетъ прозвище *Касина*. Если гольды пльшивѣютъ въ молодости, то голову мажутъ неготиномъ растворенномъ въ водѣ.

Чаякта—Раковина. Если чаякта начинаетъ вылѣзать изъ воды—это къ прибыли воды и обратно.

Кайла или **Ая**—Черепаха. Гольды черепаху очень любятъ употреблять въ пищу и яйца черепахи считаются у нихъ лакомствомъ.

Рассказываютъ, что однажды гольдъ, добывъ черепашье яйцо, сѣлъ его, проглотивъ зародышъ черепахи, которая, развившись у него въ желудкѣ, выгрызла ему всѣ внутренности и гольдъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Лягушка см. дикий голубь.

Каана—глистъ (можетъ быть это солитеръ). Появленіе глиста у одного изъ гольдовъ означаетъ близкую смерть кого нибудь изъ фанзы причемъ, если во время выхода глиста, гольдъ будетъ ощущать боль подъ сердцемъ, то умретъ кто нибудь изъ болѣе близкихъ ему. Заговоривъ о желудкѣ, укажу замѣченную странность у нѣкоторыхъ дикарей, которыхъ судьба заставляетъ питаться чѣмъ попало, имѣть отвращеніе къ той или другой пищѣ, въ особенности къ разныи породамъ рыбы; человѣкъ такой имѣтъ у гольдовъ особое прозвище Галои-ни. Есть напр. гольды не могущіе переварить буду, другое карася, причемъ ихъ тошнитъ отъ запаха при варкѣ этой рыбы; есть гольды, которые не переносятъ осетрины, сазана и Амуръ рыбу. Гольды говорять, что рыба не любить этого человѣка.

Собакъ гольды кормятъ по одной юкколѣ (рыбный остатъ съ головой) въ день; во время же работы вечеромъ собака получаетъ до $1\frac{1}{2}$ юкколы и утромъ половину; днемъ собакъ никогда не кормятъ. Юкколу распариваютъ на огнѣ и даютъ въ видѣ тури; на охотѣ, предпочтитаются для улучшения чутья собаки давать сухую, еслика поджаренную на огнѣ юкколу. Лѣтомъ, когда рыба въ изо-

били, собакъ кормятъ рыбными кишками, которыя варять. Если желаютъ воспитать собаку сердитую, то щенкомъ ее кормятъ соленою рыбой. Мяса гольдскія собаки не любять и предпочитаютъ мясу — рыбу; охотничіи собаки мясо еще ъѣдятъ и то большею частью въ вареномъ видѣ, а если ъѣдятъ сырое, то отъ большихъ звѣрей, но напр. соболя ни одна собака, какъ бы она голодна не была, не тронеть.

IV.

Пища.

Гольды употребляютъ въ пищу всякое мясо, въ томъ числѣ и соболя; исключеніе составляютъ: хорекъ, лисица, волкъ, изъ которыхъ хорька и лисицу вовсе не ъѣдятъ, а волка рѣдко.

Сырую рыбу гольды очень любять и ъѣдятъ ее съ солью и лукомъ.

Соль по словамъ гольдовъ распространена между ними давно и составляетъ потребность для ихъ желудка (сахарь — роскошь).

Прежде за солью ъѣздили на Сунгари и, платя за нее большія деньги были экономны съ нею, въ наст旣шее же время, возможность доставать дешевую соль у русскихъ увеличила расходъ ея, причемъ средній расходъ, ея на семью въ 5 человѣкъ, равняется $1\frac{1}{2}$, до двухъ пудовъ въ годъ.

Рыбъ жиръ гольды очень любять и ъѣдятъ его чашками запивая рыбу. Какъ лакомство они ъѣдятъ жиръ съ китайскими яблочками, или съ прессованными изъ ягодъ черемухи лепешками; они любять тоже тюрю изъ пережаренной рыбы и ягодъ шиповника, съ жиромъ.

Изъ птицъ не ъѣдятъ ворону, сороку, чайку и дятла, причемъ про послѣднаго говорятъ, что это худая птица, такъ какъ въ желудкѣ ея водятся черви.

Орла ъѣдятъ только стрѣляннаго и то не во время камланія; доморощеннаго орла вовсе не ъѣдятъ

V..

Куреніе.

Гольды, какъ извѣстно курятъ съ малолѣтства и курятъ очень много; лучше гольдъ останется нѣсколько дней безъ пищи, чѣмъ безъ табаку и есть такие курильщики, которые, какъ говорятъ, взявъ между пальцами по нѣсколько сигаръ выкуриваютъ ихъ одну задругой. Если гольдъ находится въ лѣсахъ безъ табаку, то онъ приготавливаетъ себѣ суррогатъ изъ шишекъ ольхи — *Они тундрами* или собираетъ черный мохъ съ орѣшника(?) *Хигаида*, который сушатъ

и курять; въ крайнемъ же случаѣ онъ крошить чубукъ старой ганзы и курить его.

Легенда о происхожденіи табака говоритъ, что когда жена одного изъ манчжурскихъ царей умерла, то на могилѣ ея выросъ красивый бѣлый цвѣтокъ обратившій на себя вниманіе сильно горевавшей матери, которая чтобы забыться, начала курить листья этого растенія, распространивъ обычай этотъ какъ при дворѣ, такъ и среди манчжурского народа.

VI.

Легенда о происхожденіи опія и мака.

Дая—Балджахани—Даани—(Макъ, родить, давно). Опій гольды начали курить относительно недавно, какихъ-нибудь 30 лѣтъ, и, къ счастью, курять его очень мало. Весьма фантастическую легенду, о происхожденіи мака и опія рассказали мнѣ гольды. Легенда гласитъ, что нѣкогда въ одномъ гольдскомъ селеніи, у стариakovъ гольдовъ, жившихъ очень бѣдно, родился сынъ. Однажды, когда мальчику минуло десять лѣтъ, къ родителямъ его пріѣзжаетъ изъ сосѣднаго большаго китайскаго города чиновникъ и упрашивается отдать ему мальчика на воспитаніе. Увезъ чиновникъ мальчика къ себѣ, гдѣ, обучая его грамотѣ и ремесламъ, строго держалъ его, не дозволяя отлучаться ему въ свое отсутствіе. Мальчикъ росъ и, сдѣлавшись уже юношой, онъ не могъ болѣе перенести тяжести одиночества; однажды, въ отсутствіе чиновника, онъ пошелъ осматривать улицы города и увидалъ, въ одномъ изъ домовъ, сидящую у окна красавицу дѣвушку, которая по распросамъ оказалось дочерью губернатора. Юноша влюбился въ нее, загрустилъ и заболѣлъ, отказываясь отъ пищи и питья. Серезное положеніе юноши обезпокоило чиновника, который, узнавъ тайну юноши, призвалъ одну знакомую ему старуху, продавщицу овощей, имѣвшую доступъ въ домъ губернатора и за сто серебряныхъ монетъ (суссая-юмбо) уговорилъ свести юношу къ дѣвушкѣ. Старуха исполнила порученіе и юноша на столько понравился дѣвушкѣ, что она оставила его у себя, вступивъ съ нимъ въ тайное сожительство и пряча юношу днемъ отъ отца и своихъ родныхъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и вотъ къ юношѣ является старуха и требуетъ, чтобы онъ бросилъ дѣвушку, вернулся съ чиновникомъ въ свое родное селеніе. Юноша, изъ боязни чиновника и не смотря на плачъ дѣвушки, которая ему указала на скорое появленіе ребенка и на ожидаемое ею отъ отца наказаніе, бросилъ дѣвушку и вернулся съ чиновникомъ къ своимъ родителямъ, которые не замедлили его тотчасъ же по возвращеніи женить.

Покоряясь волѣ родителей, парень вступилъ въ бракъ съ одной дѣвушкой, но мысль его осталась въ городѣ, куда онъ стремился всею душой, и вотъ однажды, не будучи болѣе въ состояніи терпѣть разлуку со своей первой любовью, онъ купилъ себѣ коня, тайно ускакалъ въ городъ. Видѣть парень сошь, что дѣвушка предстала предъ нимъ во всей своей красѣ и говорить: „Юноша, ты напрасно прѣѣхалъ сюда повидать меня, я болѣе на свѣтѣ не живу; отецъ, узнавъ о моемъ поступкѣ, поджегъ башню, въ которой я жила и заживо я сгорѣла. Пойди завтра къ развалинамъ, ты найдешь тамъ въ обломкахъ мое окаменѣлое сердце! Возьми и береги его!“ — Чуть свѣтъ пошелъ парень къ знакомому ему мѣсту, гдѣ онъ горько заплакалъ, увида развалины дома. Присѣѣлъ парень — смотрѣть на солнцѣ блестѣть прозрачный, какъ ясный день, камушекъ въ видѣ сердца; поднялъ его юноша, завернулъ въ шелковую тряпичку и грустный вернулся домой, гдѣ ночью ему вновь явилась дѣвушка, прося его немедленно уѣхать изъ города и бережно сохранять находку. Вернулся парень домой и вотъ ежедневно, съ наступленіемъ сумерекъ къ нему стала являться, въ образѣ человѣка, дѣвушка и проводить у него въ комнатѣ ночь, съ разсвѣтомъ безслѣдно исчезая.

Поведеніе парня, который на ночь запирался, днемъ спалъ и вечеромъ требовалъ къ ужину невѣроятно большія порціи, обратило вниманіе его сестры и жены, которая начали слѣдить чрезъ замочную скважину двери, скоро узнали тайну парня и недоумѣвая, куда онъ прячетъ дѣвушку, рѣшили увести его изъ дома и обыскать комнату парня. Однажды дѣвушка, прощаюсь на разсвѣтѣ съ парнемъ говорить ему: „береги мое сердце еще нѣсколько дней, скоро я буду человѣкомъ, у меня худое предчувствіе!“ Не понялъ парень предчувствія дѣвки и согласился однажды пойти отобѣдать къ знакомому купцу, которого жена и сестра его уговорили пригласить парня къ обѣду, чтобы имѣть возможность обыскать его комнату.

Только что парень уѣхалъ изъ дома съ купцомъ, какъ дверь въ его комнату была взломана и все ящики обысканы; женщины искали вездѣ и дѣвушки не нашли; нашли они только сердцевидный камушекъ, который рѣшили разбить, чтобы посмотретьъ, что онъ содержитъ внутри. Понесли женщины камушекъ на дворъ и ударомъ молотка раскололи его на тысячи кусковъ, которые разлетѣвшись по двору и упавъ на землю превратились въ чудные цѣлѣ, покрывшіе весь дворъ роскошнымъ ковромъ.

Вернулся парень домой и увида поступокъ жены и сестры, онъ, избѣгъ обѣихъ женщинъ, замкнулся у себя въ комнатѣ и предался горю. Видѣть парень ночью, что дѣвушка пришла къ нему худая, худая, — остановилась она далеко отъ него и лепетѣть: „Твоя жена и сестра убили меня, — я болѣе не въ состояніи под-

правиться! Твое горе меня не воскресить. Иди, говорить парню дѣвушка, на дворъ, полюбуйся цвѣтами, выросшими изъ моего сердца, утѣши себя ими!“—Пошелъ парень на дворъ, цѣлый день любовался цвѣтами и горе его стало еще больше и вотъ видить онъ во снѣ, что дѣвушка еще худѣе явилась къ нему и говорить: „Междуд цвѣтами, выросшими изъ моего сердца, найдешь такіе, съмѣна которыхъ имѣютъ въ себѣ молоко; собери его, свари и когда оно загустѣтъ и почернѣетъ, кури его: ты скоро впадешь въ забытье и меня забудешь, а если проснешься и вспомнишь то снова закури!“ Исполнилъ парень приказавіе дѣвушки, позвалъ жену и сестру приказалъ имъ ежедневно собирать ему молоко изъ цвѣтовъ мака и приготовлять опій, который онъ курилъ безпрестанно день и ночь певыходя изъ забытья.

Въ опіи парень нашелъ себѣ утѣшеніе и наказаніе женѣ и сестрѣ, которые были обречены всю жизнь собирать и приготовлять опій для ихъ брата и мужа.

VII.

Охота.

По гольдскимъ разсказамъ, когда китайскій императоръ желаетъ охотиться, то при помощи войскъ оцѣпляютъ данный участокъ, сплошнымъ кругомъ, который все болѣе и болѣе съуживаясь приводить звѣря къ ногамъ императора, причемъ, если въ кругу находится тигръ, то послѣдній кругъ долженъ состоять обязательно изъ 40 человѣкъ и тогда тигръ слушаетъ всѣ приказанія вошедшаго въ кругъ императора, который имѣть повелѣваетъ; если кругъ имѣть большее или меньшее число людей чѣмъ сорокъ, то тигръ свирѣпѣтъ и бросается. Всѣ звѣри, кромѣ козули и кабана, слушаются и повинуются императору.

По обычаямъ гольды отправляются на охоту компаніями въ нѣсколько человѣкъ, причемъ, ночлегъ и пища у нихъ общія, а премысловыя мѣста у каждого отдельныя; изгонять кого либо изъ своей среды у гольдовъ не принято и вотъ что говорить сказаніе о гольдѣ, изгнанномъ товарищами изъ охотничьаго круга. Однажды, нѣсколько человѣкъ гольдовъ пришли къ промысловому шалашу, где, поссорившись между собою, они изгнали одного изъ своихъ товарищей, лишивъ его права промышлять въ избранномъ ими мѣстѣ. Изгнанный пошелъ обратно домой; видѣть, на встрѣчу ему идеть человѣкъ не гольдъ, безъ наряда и провизіи и разпросивъ въ чемъ дѣло, пригласилъ его къ себѣ въ компанію для промысла. Построили шалашъ, изготовили стрѣлы и чужой пошелъ ихъ разставлять, приказалъ гольду изготовлять новые луки и стрѣлы; въ нѣсколько дней было установлено нѣсколько сотъ западней и чужой человѣкъ, ежедневно приносилъ

такъ много звѣрья къ табору, что гольдъ едва успѣвалъ снимать съ нихъ шкуры. Зима близилась къ концу; однажды чужой говорить гольду: „хочешь свѣжей рыбы, мясо надоѣло“. „Гдѣ же взять, рѣки замерзли?“ „Будетъ завтра“, отвѣтилъ чужой и взялъ каши бросилъ ее въ огонь произнеся: „Фоджи! Фоджи дай свѣжей рыбы“. Утромъ чужой принесъ свѣжаго осетра проколотаго стрѣлою. Однажды чужой, уходя съ тaborа, говорить гольду: „смотри, не жги въ кострѣ дерева Фунгда, это нехорошо!“ Думаетъ гольдъ почему нехорошо и, нарубивъ вязанку запрещенаго дерева, бросилъ въ костеръ; смотритъ, чужой бѣжитъ весь въ огнь и кричитъ: „зачѣмъ ты меня губишь, я изъ этого дерева родился! я пропадаю, промыселъ твой! Ты будешь богатъ, но долго не проживешь“. Съ этими словами чужой исчезъ. Гольдъ вернулся домой продалъ пушнину и черезъ годъ умеръ.

Счастье попало въ руки дураку, говорить гольды, который не сумѣлъ воспользоваться имъ.

VII.

Камень Ори.

Сказаніе относится къ нефритовому, круглому, внутри съ отверстиемъ, камню *Косоо* или *Ори-Луму-рэнн*. Камень этотъ составляетъ большую цѣнность, какъ по стоимости, такъ и въ качествѣ талисмана, ибо гольды вѣрють, что если чрезъ отверстіе камня давать сосать грудь мальчику, то онъ будетъ крѣпкій, сильный и ловкій, а дѣвушка, которой этотъ камень будетъ надѣть на шею, будетъ умная т. е. *Патала-Кармаджи*.

Однажды жила дѣвушка, выросшая съ камнемъ Ори на шеѣ, братья ея поспорили изъ-за камня и отрубили ей голову, рѣшивъ; что дѣвушку можно найти, а Ори нельзя. Изъ Ори сдѣлался чортъ *Ори-Амба*, задушившій братьевъ, и гольды говорять, что если кого нибудь душить болѣзнь, то въ больного вселился Ори-Амба.

Другая легенда относить семейный раздѣлъ камню Ори. Однажды, говорить преданіе, жили по рѣчкѣ *Они* (Дондонъ) четыре брата рода *Оника*, имѣвшіе наследственный камень Ори бывшій на шеѣ у дочери старшаго брата. Заспорили братья о камнѣ, и младшій братъ, отрубивъ дѣвушкѣ голову ушелъ съ камнемъ внизъ по Амуру; другіе братья, лишившись талисмана, покинули родину и ушли: старшій на Сунгари, второй на Уссури и третій вверхъ по Амуру. Потомки четырехъ *Оника* составляютъ въ настоящее время самый распространенный родъ *Оника*, члены котораго можно встрѣтить по всемъ притокамъ Амура, въ этнографической полосѣ распространенія гольдовъ.

VIII.

Сказание о появленіи у гольдовъ домашней свиньи—Нэнта-Тая-Гы-лэндахани.

По-гольдски свинья Ольга. Раньше ио понятіемъ гольдовъ существовали только дикия свиньи и вотъ однажды, въ холодную сибирскую зиму къ одной гольдской фанзѣ приѣждала свинья и, согрѣвшись у огня, осталась жить и скоро принесла потомство.

IX.

Шаманъ Мари-Сяма-ни.

Свинья въ религіозномъ обрядѣ играетъ большую роль, давая кровь въ жертву богу солнца, во время камланія о ниспосланіи потомства мужского рода. Кромѣ брызганья кровью по воздуху, въ знакъ жертвоприношенія богу солнца, кровь вмѣстѣ съ варенымъ мясомъ ставятъ на нары, и шаманъ, во время своего камланія, выпиваетъ свиную кровь.

Лѣтъ 40 назадъ, рассказывали мнѣ гольды, въ соленіи Сарапульскомъ, на Амурѣ жилъ большой шаманъ, по прозванию Мари-Сяма-ни, который выѣлывалъ во время камланія положительный чудеса, такъ напр. въ темнотѣ выпускалъ изо рта огненные языки. Этотъ шаманъ действительно обладалъ таинственностью призывать бурхановъ и когда онъ убивалъ до 9 свиней сразу, то вмѣстѣ съ своими бурханами онъ выпивалъ кровь и съѣдалъ мясо всѣхъ девяти свиней. На нары въ чашахъ ставилась кровь свиней и клалось вареное мясо; затѣмъ, окна и двери завѣшивались; всѣ оставались въ полной темнотѣ; шаманъ начиналъ свое камланіе, приговаривая бурхановъ на трапезу. Послѣ каждого вызова были слышны скрипы отворяющихся дверей, каковыхъ скриповъ можно было ясно считать только до девяти, ибо затѣмъ удары слѣдовали такъ быстро одинъ за другимъ что слѣдить за ними не было никакой возможности. Фанза была полна бурханами, шаманъ неистовствовалъ въ своей плясѣ, желая угодить своимъ помощникамъ. Пиръ шелъ горою и сквозь пѣние шамана были ясно слышны жеваніе и чавканіе тысячи челюстей. Затѣмъ все начинало стихать, слышалось хлопанье дверьми и когда наконецъ шаманъ прекращалъ свою пѣсню и зажигали свѣтъ, то крови въ чашахъ не оказывалось и вмѣсто девяти свиней, лежали изъ нарахъ обѣдки и кости.

У этого шамана въ услуженіи былъ тигръ, чьему даже братъ шамана не вѣрилъ, пока не удостовѣрился поѣхавъ однажды на нарахъ въ указанную шаманомъ деревню, гдѣ по дорогѣ къ наратѣ гольда подѣжжалъ тигръ и, выбравъ двухъ лучшихъ собакъ, снесъ ихъ гольду въ фанзу.

Однажды шаманъ Мари-Сяма-ни сильно захворалъ; жители селенія, узнавъ объ этомъ, спѣшили принести ему свиней и птицъ и шаманъ приготовился камланить, выгонять засѣвшаго въ него черта. Сказалъ шаманъ сородичамъ, что *Кори* унесетъ его, во время камлания, во куда, онъ не знаетъ и, что если не вернется, чтобы поминали его. Родные привязали къ поясу шамана длинный ремень и держались за него, шаманъ долго плысалъ и наконецъ приказалъ раскалить до красна утюгъ „хусэяку“ (китайский, длинный утюгъ) и жечь его тѣло утюгомъ; каждый разъ, когда утюгъ подносили къ рукамъ, раздавался страшный трескъ и сирадъ отъ горящихъ перьевъ—это сгорали крылья, которыхъ росли у шамана и должны были унести его, превративъ шамана въ бурхана (Сео).

Три раза, каждые 10 дней повторялъ Мари свое камланіе, каждый разъ ему опаливали крылья и наконецъ шаманъ выздоровѣлъ.

X.

Гоуня.

Каждое гольдское селеніе имѣть множество такихъ суевѣрныхъ мѣстъ, гдѣ по ихъ понятіямъ, послѣ какого нибудь несчастія, постигшаго это мѣсто, заводятся черти; мѣсто это, получивъ название *Гоуня*, не можетъ быть обитаемо или посѣщаемо гольдами.

Такъ, напримѣръ, у гольдского селенія Сепчики миѣ извѣстно 6 Гоуня:

- 1) *Боачи Ерга* — островъ.
- 2) *Чиккири Гоуниани* — кряжъ.
- 3) *Тонгудаани Гоуниани* — кряжъ.
- 4) *Хоула Гоуниани* — устье протоки *Тонгу*.
- 5) *Сепчики Гоуниани* — мѣсто рядомъ съ селеніемъ.
- 6) *Такшу* — заброшенный амбаръ.

Около селенія *Малышевскаго* существуютъ тоже 6 такихъ мѣстъ.

- 1) *Джо-анко* — мѣсто, гдѣ раньше была большая деревня и сейчасъ еще живутъ.
- 2) *Джекка* — кряжъ.
- 3) *Суссу* — старинное мѣсто.
- 4) *Суйгу* — конецъ кряжа.
- 5) *Боккола*.
- 6) *Чиндака*.

Мѣста эти образовались на основаніи разсказовъ гольдовъ о какомъ нибудь, выходящемъ изъ ряда вонъ, случаѣ, связанномъ съ присутствіемъ въ этомъ мѣстѣ черта *Бусеу*. Во всѣхъ такихъ мѣстахъ раньше были селенія, но оспа, наводненія или другія несчастія опустошили дома, и гольды уже болѣе не рискуетъ вернуться и поселяться на такомъ мѣстѣ, какъ бы оно хорошо и удобно не было. Въ особенности опаснымъ считаются мѣста, гдѣ водою вырыты въ земль ямы,—это настоящія чертовы мѣста—здѣсь *Бусеу* бродить, питаясь человѣческимъ мясомъ.

XI.

Изгнаніе нечистой силы изъ человѣка.

Однажды гольдъ захворалъ; чувствуетъ, что кто-то забрался ему въ грудь и душить его. Шамана по состѣству не было и рѣшили изгнать черта домашними средствами, для чего собрали всѣхъ присутствующихъ въ селеніи мужчинъ и начали, какъ они выражаются, гонять черта, выкрикивая названія различныхъ вредныхъ бурхановъ; и когда было произнесено слово Сакка, то больной затрясся и потерялъ способность говорить. Раздались неистовые крики *заааа* и нѣсколько гольдовъ въ одно мгновеніе сдѣлали изъ травы бурхана *Сакка*, носящаго въ данномъ случаѣ название *Оуніа*, въ человѣческій ростъ и, поставивъ его на улицѣ около фанзы, протянули отъ него веревку къ больному. Если *Оуніа*, желая убѣжать, потянетъ за веревку, то вся деревня, какъ одинъ человѣкъ, съ топорами и палками, набрасываются на чучело, (и даже стрѣляютъ) и при ужасныхъ крикахъ гаа-гаа уничтожаютъ сакка. Иногда чертъ бываетъ такой, что, замахнувшись на него палкой, человѣкъ столбенѣетъ и теряетъ способность говорить.

Однажды, говорили гольды, одному охотнику не удавался промыселъ на соболя и вотъ онъ сдѣлалъ изъ ельника большую фигуру *Оуніа*, которую поставилъ лицомъ къ трону, а самъ пошелъ за соболемъ. Вечеромъ гольдъ возвращается къ табору и видитъ что *Оуніа* идетъ на него; съ крикомъ гаа-гаа бросился охотникъ на чучело и началъ бороться съ нимъ, но не будучи въ состояніи осилить черта, пустился на хитрость и сдѣлалъ видъ, что умираетъ: опустился на колѣни, вынулъ ножъ и однимъ ударомъ распоролъ у *Оуніа* животъ.

Съ тѣхъ поръ на заповѣдномъ мѣстѣ, соболиный промыселъ сдѣлался удачнымъ.

XII.

Сказаніе о рѣкѣ Кэтэнъ.

Рѣка Кэтэнъ ранѣе названія не имѣла и была известна подъ общимъ названіемъ Они, что означаетъ рѣка.

Ходилъ на Они съ давнихъ поръ промышлять одинъ гольдъ, безъ товарищѣй. Однажды дошелъ онъ до своего табора, гдѣ и провелъ всю зиму, промышляя въ окрестностяхъ его. Въ это время жена охотника, оставшаяся въ селеніи, заболѣла и умерла. Спать однажды гольдъ на таборѣ, вдругъ слышитъ онъ чьи-то шаги по снѣгу и скрипъ двери налата; смотрѣть, вошла его жена. Не повѣрилъ гольдъ своимъ глазамъ, думаетъ что это чертъ въ об-

разъ его жены пришелъ за нимъ и спрашиваетъ, взявъ въ руки *таниу* (подвѣсъ для котла) вошедшую, что у него въ рукахъ. „Толдjo—Молдjo“ отвѣтъ ему жена (это какія то безсмыслиція слова на чортовомъ, какъ выражаются гольды, языкѣ); взялъ гольдъ въ руки рогатину *тами* и спрашиваетъ: „а это что?“ „Тамиръ—Мамирръ!“ отвѣтъ тѣнь.—„А это что?“ спрашиваетъ гольдъ, взявъ въ руки горящую головешку. „Голло“.—„Голонтанги“! отвѣтила тѣнь; получивъ при этомъ отъ гольда ударъ головешкой по лицу, она исчезла. Всю ночь раздавались удаляющіеся вопли: Кѣтэлла—Кѣтэлла (т. е. чуть чуть меня не убили) и съ тѣхъ поръ и мѣстность получила название „Кѣтэнъ“.

П. Шимкевичъ.

ИЗЪ МАТЕРИАЛОВЪ ПО ЭТНОГРАФИИ ЯКУТОВЪ.

I. Легенды, сказки, преданія.

1. Легенды о происхождении якутовъ.

а) Когда то очень давно во время борьбы русскихъ съ татарами, на Ленѣ, въ нынѣшнемъ Якутскомъ округѣ, жилъ богатырь въ со-
сѣствіи съ другимъ человѣкомъ. Богатырь ловилъ звѣрей, рыбу и держалъ много скота. Разъ лѣтомъ во время бури, которая часто бывала въ нашихъ мѣстахъ, онъ вышелъ на берегъ рѣки изъ своей юрты и увидѣлъ, что къ нему приплылъ на деревѣ съ необрублеными сучьями и корнями неизвѣстный человѣкъ, изъ себя бѣлый, красивый и высокій. Богатырь пригласилъ незнакомца знаками къ себѣ въ гости, потому что онъ не умѣлъ говорить на языкахъ богатыря, почему тотъ и назвалъ его „Тыла-сохъ“, что значитъ „языка нѣть“ (тыль—языкъ и сохъ—нѣть). Незнакомецъ такъ понравился богатырю, что тотъ оставилъ его у себя вмѣстѣ жить, чemu Тыла-сохъ послѣ долгой скитальческой жизни, какую онъ велъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ очень радъ. Долго онъ работалъ на богатыря безъ всякой платы; работалъ хорошо, не лѣнился, пасъ коровъ, лошадей, заготовлялъ сѣно для нихъ, ловилъ рыбу и звѣря, и, вообще, всѣ работы по хозяйству исполнялъ, какія случались. Богатырь сдѣлался чрезъ это еще болѣе богатъ въ сравненіи съ прежнимъ: у него увеличился стада коровъ и лошадей, а также много стало мѣховъ. Желая чѣмъ либо вознаградить Тыла-сохъ за долговременную бесплатную работу, онъ предложилъ ему въ жены одну изъ 8 своихъ дочерей на выборъ. Такое предложеніе Тыла-сохъ принялъ съ радостью, но затруднился въ выборѣ себѣ жены, потому что всѣ дочери богатыря были неописанными красавицами, кромѣ одной, самой младшей. Тыла-сохъ въ это время уже умѣлъ говорить на языкахъ богатыря и успѣлъ разсказать ему, что на прежней своей родинѣ онъ былъ грамотнымъ, имѣлъ книги, быть оюномъ ¹⁾, а звали его Эллей. Книги свои онъ бросилъ въ

¹⁾ Оюнъ тоже значитъ, что и шаманъ. Якутъ при обыкновенномъ разговорѣ, когда рѣчъ коснется шаманства, никогда шамана не назоветъ этимъ именемъ, а всегда оюномъ.

рѣку, когда бѣжалъ изъ дома. Эллей, желая выйтіи изъ затруднительного положенія при выборѣ жены, обратился за совѣтомъ къ сосѣду богатыря, который и посовѣтовалъ ему выбрать жену съ такими достоинствами, объяснить которая не совсѣмъ удобно. Достоинствами этими обладала самая младшая дочь богатыря, самая некрасивая изъ всѣхъ; на ней онъ и женился. За то что Эллей выбралъ себѣ некрасивую жену, богатырь далъ ему въ приданое одну только лошадь и корову. Зло закипѣло въ душѣ жены Эллея, когда она узнала награду своего отца. Для нея ясно стало, что отецъ ее ненавидитъ и желая отмстить ему, она сдѣлала кумысъ какои-то особенный, сильно охмѣляющій и напоила имъ всѣхъ своихъ родственниковъ, которые были пьяны три дня, и спали не просыпалась. На четвертый день, сдѣлавшись трезвыми, за такое угощенье такъ разсердились на зятя и его жену, что не захотѣли вмѣстѣ съ ними жить на землѣ, какъ со злыми людьми, и вознеслись всѣ живыми на небо къ богу Ирюнь-ани-тоенъ, т.-е. къ безгрѣшному господину ¹⁾. Въ память этого вознесшагося съ дочерьми богатыря возникъ обычай поднимать умершую незамужнюю дѣвушку во время погребенія нѣсколько разъ кверху, воображая при этомъ, что она соединится, какъ незамужняя, узами брака съ богомъ Ирюнь ани-тоенъ, живущимъ всегда на небѣ и никогда не спускающимся на землю. У Эллея родилось 15 сыновей и столько же дочерей, отъ нихъ и произошли якуты. (Зап. со словъ старшины Н. Габышева).

б) На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ построенъ сначала г. Якутскъ, жилъ человѣкъ-бай ²⁾ Омогонъ. Онъ должно быть былъ чукча или японецъ, достовѣрно неизвѣстно; у него было много разнаго добра. Съ юга по р. Олекмѣ пришелъ къ нему бѣдный человѣкъ, звали его Эллеемъ. Онъ былъ высокого роста, красивый и сильный. Кромѣ красоты и силы, у него ничего не было. Эллей остался у Омогона-бая въ работникахъ. Долго онъ работалъ Омогону, который разъ сказалъ ему: „не хочешь ли ты взять себѣ въ жены любую мою дочь?“ Эллей выбралъ самую младшую, некрасивую; но за него очень желала выйтіи замужъ старшая красавица дочь Омогона, которая очень любила Эллея. Омогонъ далъ зятю своему корову и кобылу. Когда кобыла ожеребилась, то Эллей сдѣлалъ кумысъ и принестъ богу Ирюнь-ани-тоенъ жертву, а также и угощаль бога Ытыкъ, покровителя всѣхъ животныхъ и людей.

Омогонъ съ семействомъ, смотря на жертвоприношеніе, очень удивлялся, потому что никогда его не видалъ. Старшая красавица дочь съ горя и печали построила себѣ домъ въ 7 этажей, отдѣлилась отъ отца и жила въ самомъ верхнемъ помѣщеніи, занималась какимъ-то особыеннымъ шаманствомъ, такъ что всѣ домашніе счи-

¹⁾ Ирюнь бѣлый, чистый и безгрѣшный.

²⁾ Богатый.

тали ее сумасшедшей, но она не была такой, а превратилась въ злого духа и старалась дѣтамъ Эллея и всему скоту его посыпать всѣ болѣзни. У Эллея много родилось дочерей и сыновей, отъ которыхъ и произошли якуты, въ томъ числѣ и Тыгынъ. Ытыкъ—покровитель скота далъ ему столько коровъ и лошадей, что онъ сдѣлался гораздо богаче Омогона. Все было хорошо, но одно не ладно; старшая дочь Омогона изъ мести, что Эллей не женился на ней, часто посыпала разныя болѣзни на потомковъ его. Они посыпаются и поныгѣ на якутовъ, потому что она прокляла по-томство Эллея, но юны (шаманы) отводятъ ихъ и если бы не было боговъ Ирюнъ-аинъ-тоенъ, Ытыкъ 'и юновъ, то быть можетъ всѣ якуты умерли бы. Послѣдніе (юны) просятъ боговъ, чтобы они заступились за якутовъ и отвели посыпаемыя болѣзни отъ нихъ. (Зап. со словъ инор. Сем. Торговкина.)

Съ той стороны, гдѣ закатывается солнце, по Ленѣ шли два брата: одинъ—Алей, а имя другого забыто; дойдя до р. Олекмы, назвавъ ее золотыми воротами, они раздѣлились; одинъ изъ нихъ пошелъ на сѣверо-востокъ; отъ него и произошли якуты; другой удалился на полдень, потому что здѣшняя сторона ему не понравилась. Кто былъ другой братъ или народъ покрыто мракомъ. Нѣкоторые якуты говорятъ, что они происходить отъ „иллиахъ“, животнаго съ руками, а также отъ медвѣдя, бывшаго когда-то человѣкомъ, черта (абасы); отъ богатыря и наконецъ отъ мужчины и женщины, которыхъ Ирюнъ-аинъ-тоенъ снустилъ съ неба на землю: отъ нихъ они и размножились. Но у нѣкоторыхъ якутовъ существуетъ опредѣленное преданіе, гдѣ они говорятъ, что якуты пришли сюда изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ буряты.

Якуты называютъ себя „саха“: что это значить они и сами не знаютъ, но предполагаютъ, что первый богатырь былъ Саха. Нынѣшнее же название они получили отъ тунгусовъ, своихъ сосѣдѣй, которые при встрѣчѣ называютъ ихъ „еко“; нѣкоторые рус-скіе и теперь называютъ ихъ екутами, но не якутами. Изъ отрывочныхъ и темныхъ преданій, сохранившихся между якутами видно, что они, когда-то, будто бы жили въ Барабинской степи, потомъ перешли къ верховьямъ Енисея, а затѣмъ ушли за Бай-калъ, откуда ихъ вытѣснилъ Чингисханъ, или они сами отѣлились отъ него: они составляли одинъ изъ передовыхъ отрядовъ, и Чингисханъ всегда употреблялъ, ихъ не жалѣя, во время сраженій въ дѣло первыми, отъ чего якуты въ численности весьма уменьшились; предчувствуя, что, если истребленіе ихъ пойдетъ и далѣе такъ быстро, они всѣ будутъ перебиты, они ушли на сѣверъ, оставивъ Чингисхана и нынѣшнюю Забайкальскую область.

У якутовъ, какъ утверждаютъ очень немногіе, была когда то письменность, но вслѣдствіе какого то великаго несчастія, постигшаго все племя, они всѣ пишемена и книги бросили въ рѣку.

Но при какихъ обстоятельствахъ это произошло и когда, они не знаютъ. Въ Олекминскій округъ якуты переселились изъ Якутскаго для почтовой гоньбы слишкомъ 200 лѣтъ тому назадъ. До пришествія казаковъ, они жили въ округѣ, но неудачныя битвы съ ними, заставили ихъ удалиться вмѣстѣ съ Тыгыномъ, своимъ предводителемъ въ Якутскій округъ, такъ что Олекминскій много времени послѣ покоренія уже якутовъ, оставался незаселеннымъ. Русскихъ они называютъ „юча“, въ наемѣшку—мерзлыми и медвѣдями, татарь—волками. Когда я спрашивалъ, почему они русскихъ называютъ медвѣдями, то они объясняли мнѣ это такъ: русский очень похожъ на медвѣдя; когда онъ сытъ, онъ не тронетъ якута и въ немъ въ это время проглядываетъ доброта, но когда онъ голоденъ и если его разсердить, не жди пощады—всѣ кости переломаетъ. Татаринъ же—сытый рветъ, и голодный рветъ: онъ всегда рветъ, но татаринъ трусь, русский же смѣль: одинъ на трехъ или четырехъ якутовъ идеть и нисколько не боится.

2. Преданіе о Тыгынѣ, богатырѣ якутовъ и первыхъ столкновеніяхъ ихъ съ казаками.

Тыгынъ былъ богатырь замѣчательно высокаго роста; онъ имѣлъ много у себя рабовъ (кулутъ) и работниковъ (хамначить), которыхъ онъ бралъ себѣ, пользуясь своей силой, сколько хотѣлъ. Всѣ князья ему подчинялись во всемъ. Каждое слово его, каждое приказаціе было закономъ для всѣхъ и никто не смѣлъ его ослушаться. За ослушаніе Тыгынъ расправлялся жестоко. Провинившихся въ чемъ либо онъ вѣшалъ,топилъ въ водѣ, разстрѣливалъ изъ луковъ; за маловажныя же преступленія наказывалъ, какъ ему вздумается: иногда отбивалъ у виновныхъ скотъ, жену, дѣтей и проч. За жестокости якуты не любили его, но боялись. Такими же богатырями были его сыновья Чалай и Мечѣнъ. Якуты подъ предводительствомъ Тыгына вели постоянно войны съ тунгусами и побѣждали ихъ каждый разъ. Они, желая чѣмъ нибудь отмстить Тыгыну за это, явились къ русскому царю, и, сдѣлавшись его данниками, попросили послать войско для покоренія якутовъ. Царь согласился на это предложеніе и послалъ казаковъ, которые приплыли въ нынѣшній Олекминскій округъ на большихъ лодкахъ по р. Ленѣ вмѣстѣ съ тунгусами. Тыгынъ въ это время былъ недалеко отъ нынѣшней Нахтуйской станицы, гдѣ судилъ якутовъ. Когда сказали ему, что пришли казаки и требуютъ, чтобы якуты платили подати имъ, Тыгынъ сильно разгневался на нихъ, созвалъ всѣхъ богатырей на совѣщеніе, на которомъ было рѣшено отказать казакамъ въ требованіи и всѣхъ ихъ истребить. Первая ожесточенная драка произошла между русскими и якутами выше города Олекминска за 245 верстъ на правомъ берегу Лены, противъ нынѣшней Нахтуй-

ской станциі, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ резиденція золото-промышленника Соловьева. Якуты не могли устоять противъ казацкихъ пуль, которыхъ они называли мухами. Много погибло богатырей во время этой схватки, хотя казаки занимали не особенно выгодное, открытое для боя положеніе, якуты же укрывались отъ казацкихъ пуль толстымъ лѣсомъ съ южной стороны; казаки же нападали съ сѣверной береговой, ничѣмъ незащищенной стороны. Наконецъ, когда у нихъ стало ва землю валиться много народа, Тыгынъ обратился въ бѣгство. Казаки на мѣстѣ боя выстроили въ одну ночь деревянный домъ, (деревянный—масть, домъ—дже). Виослѣдствіи русскіе усвоили это название и оно известно теперь подъ именемъ „Мачн“ или Мачинской резиденціи. Тыгынъ, преслѣдуемый казаками, переправился на лѣвый берегъ Лены, пройдя въ одну ночь 70 верстъ по течению ея, и остановился для отдыха на небольшой полянѣ ¹⁾ Хону, что значитъ поляна или чистое мѣсто, окруженнѣй со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, почти на самомъ берегу Лены. Здѣсь казаки по указанію тунгусовъ, служившихъ имъ въ качествѣ проводниковъ и пособниковъ въ дракѣ, напали на Тыгына, заставивъ его занять опушку поляны съ сѣверной стороны, а сами начали стрѣлять съ южной по немъ, такъ что поляна была совершенно свободна, и всякий, выходившій на открытое мѣсто (поляну), былъ ли то якутъ, или казакъ убивался пулей или стрѣлой съ желѣзнымъ наконечникомъ. Стрѣлы и пули во время драки летали по полянѣ какъ мухи и съ такимъ свистомъ, какъ пронзительный вѣтеръ между двумя скалами: даже толстые листственницы, служившія прикрытиемъ казакамъ, простиралившись насквозь. Служалось, если два врага встрѣчались въ лѣсу на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, якутъ пускалъ въ дѣло свой батасъ т.-е. обыкновенный кинжалъ: онъ, не подпуская къ себѣ близко казака, такъ мѣтко бросалъ батасъ, что всегда безъ промаха вонзаль въ грудь или животъ, нанося ему всегда смертельную рану. Казаки же не могли въ этомъ состязаться съ якутами, но ружейный громъ наводилъ ужасъ на якутовъ, такъ что издѣсь казаки остались побѣдителями, обративъ въ бѣгство Тыгына, переиравившагося опять на правый берегъ Лены. Придерживаясь ея берега, онъ достигъ рѣки Олекмы, впадающей въ Лену съ правой стороны, пошелъ вверхъ по ней т.-е. на юго-западъ. Когда онъ дошелъ до р. Чары, притока Олекмы, казаки, послѣ небольшой стычки, заставили Тыгына двинуться вверхъ по ней; при небольшой рѣчкѣ Молдунскѣ, впадающей въ Чару въ 125 верстахъ отъ Олекминска, казаки много побили якутовъ между двумя высокими скалами, преградивъ Тыгыну путь по Чарѣ. Отсюда онъ попалъ тайгой на сѣверо-востокъ, встрѣтивъ на пу-

1) Поляна эта въ 1862 г. вошла въ составъ земельного надѣла Илюнскимъ скопцамъ, обратившимъ ее въ усадьбу.

ти озеро Кудай-куоле; на берегу его онъ расположился отдохать, но казаки нечаянно напали на него и разбили, такъ что Тыгынъ бѣжалъ отсюда тайгой на сѣверъ, не придерживаясь ни рѣкъ, ни притоковъ. Это было послѣднее сраженіе въ Олекминскомъ округѣ. Казаки шли вслѣдъ за Тыгыномъ. Путь имъ указывали тунгусы. По мнѣнію якута Габышева, если бы не тунгусы, казакамъ никогда бы не покорить якутовъ, потому что казаки, незнакомые съ мѣстностью, въ лѣсу безъ дорогъ не могли свободно гоняться за Тыгыномъ, а слѣдъ его всегда указывали тунгусы, узнающіе, какъ и сами якуты, на сухомъ сѣверномъ мху слѣдъ человѣка и безошибочно опредѣляющіе по нему національность. Тыгынъ, идя на сѣверъ, остановился въ 70 верстахъ отъ вынѣшняго Якутска на правомъ берегу Лены, гдѣ онъ постоянно жилъ со своими женами и дѣтьми и гдѣ были сосредоточены его силы, съ которыми онъ надѣялся прогнать казаковъ: здѣсь онъ былъ побѣженъ хитростью, такъ какъ казаки не могли уже мѣриться силой съ Тыгыномъ: силы же послѣдняго возрастили съ каждымъ днемъ, потому что въ это время прибыли на помощь богатыри изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Обманъ заключался вотъ въ чемъ: казакамъ, которыхъ побѣждалъ уже здѣсь Тыгынъ, надо было занять сколько нибудь земли, на которую бы Тыгынъ не имѣлъ претензій, какъ на свою собственность; поэтому отъ главнаго начальника казаковъ былъ отправленъ казакъ съ тунгусами и лицами, служившими переводчиками при объясненіи съ якутами. Много было потрачено словъ послами на то, чтобы убѣдить Тыгына уступить земли. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, онъ уступилъ мѣсто на воловью шкуру, которой казаки, разрѣзавъ на тонкіе ремни, отмѣрили столько земли, сколько хватило ремней и въ одну ночь выстроили высокую башню. По утру Тыгыну ясно стало, что его обманули казаки, но было уже поздно: слова братъ назадъ не захотѣлъ. Много было пролито крови здѣсь. Якуты часто загоняли казаковъ въ башню съ открытымъ мѣстомъ, да и сами казаки въ полѣ не вступали уже въ драку съ якутами, а больше все сидѣли въ башнѣ, такъ что положеніе ихъ нерѣдко было очень опасно, особенно когда якуты окружали ихъ пѣлыми тысячами. Разъ начальникъ казаковъ послалъ послана къ Тыгыну и велѣлъ ему передать, что драться съ вимъ больше не будетъ, хочетъ жить въ согласіи, и приглашаетъ его со всѣмъ семействомъ и другими богатырями въ гости—арги (водку) пить, въ гостяхъ же никто изъ пришедшихъ не подвергнется никакой непріятности, и даже ни одинъ волосъ съ головы не упадетъ. Когда рѣшался вопросъ, идти или вѣтъ къ казакамъ въ гости, младшій сынъ Тыгына Мочѣнъ говорилъ: „идти можно“; старшій же Чалай доказывалъ противное, говоря, что казакамъ вѣрить нельзя, что они убьютъ. Самъ Тыгынъ былъ на сторонѣ младшаго сына, такъ что споры кончились тѣмъ, что нѣкоторые ушли

съ Тыгыномъ; дома остался Чалай и немногіе другіе. Сначала казаки обошлись съ гостями очень ласково, угостили ихъ водкой, но чѣмъ больше съми пили, тѣмъ болѣе становились не любезнѣе и наконецъ, когда гости уже ходить не могли и сидѣли на мѣстахъ какъ прикованные, казаки схватили всѣхъ, связали и бросили въ глубокую яму, нарочно вырытую по срединѣ башни; въ ней они выкололи богатырямъ глаза длинными желѣзными палками, а затѣмъ убили ихъ самыи жестокимъ способомъ, отрѣзали руки и ноги и половой органъ у Тыгына, и положили его ему въ ротъ. Чалай, оставшись одинъ, вошелъ на высокій холмъ и наблюдалъ за тѣмъ, что происходило въ башнѣ. Вдругъ онъ видѣть, что идеть начальникъ казаковъ прямо на холмъ. Чалай обрадовался этому случаю, прицѣлился изъ лука и убилъ начальника. Послѣ гибели Тыгына съ богатырями Чалай понялъ, что не въ состояніи противиться казакамъ со своими приближенными, потому что, когда народъ узналъ о гибели богатырей, умѣвшихъ драться съ казаками, онъ разбрѣжался въ разныя стороны. Чалай съ отчаянія, оплакивая гибель отца и родственниковъ своихъ, явился къ казакамъ и сказалъ имъ: „Везите меня къ своему царю, хочу быть его данникомъ, но не вашимъ.“ Казаки согласились на это; связали Чалая желѣзными веревками и въ такомъ видѣ повезли къ царю. Но Чалай на первомъ же ночлегѣ веревки эти разорвалъ и бросиль въ Лену. Всю дорогу до Ангары онъ пилъ водку и по ночамъ настолько сильно храпѣлъ, что казакамъ не давалъ спать. Наконецъ, храпъ сего надоѣль казакамъ такъ, что они, когдаѣхали уже по Ангарѣ, напоили его водкой и убили. Отсѣкли часть ноги отъ ступни до колѣна, длина которой была 2 аршина и взяли на показъ 1 глазъ вѣсомъ въ 25 фунтовъ и все это повезли царю. Царь посмотрѣль ногу и глазъ Чалая и спросилъ казаковъ: „зачѣмъ вы убили Чалая?“ „Онъ спать не давалъ намъ дорогой: храпѣлъ сильно, когда спалъ“, отвѣчали казаки. „Развѣ вы не знали, что я хотѣль сдѣлать его царемъ якутовъ?“ „Виноваты мы предъ тобой, царь, не знали этого.“ „За то, что вы его убили,“ говорить царь, „я велю васъ повѣсить“ — и казаки были повѣшены. (Зап. со словъ Н. Гамышева.)

Преданіе это кромѣ явнаго вымысла несогласно съ исторіей покоренія якутовъ; но оно какъ будто бы правдоподобио, насколько говорится о мѣстѣ драки якутовъ съ казаками и где точно указывается мѣсто этой драки. Исторія же говоритъ, что никакихъ кровавыхъ схватокъ между ними въ Олекминскомъ округѣ не происходило; но мнѣ кажется, хотя я точныхъ доказательствъ не имѣю, что преданіе, циркулирующее между якутами Олекм. округа до извѣстной степени правдоподобно: едва-ли якуты, если они жили въ Олекм. округѣ, безъ боя пропустили бы въ 1632 г. сотника Бекетова внизъ по Ленѣ съ немногочисленнымъ отрядомъ или отрядъ, отправленный въ 1626 г. изъ Туру-

ханка подъ предводительствомъ Пеида, который пробылъ на Ленѣ 3 года. Въпротивъ, драки между якутами и казаками въ Олекмин-скомъ округѣ были, во документовъ о нихъ не сохранилось. Теперь же, когда сгорѣлъ до основанія областной архивъ, не только трудно, но и невозможно установить многое по исторіи завоеванія якутовъ, а также и изучить древній бытъ якутовъ до принятія ими христианства.

3. Повѣсть объ якутскомъ богатыре.

Въ дремучемъ лѣсу жили старикъ со старухой; оба имѣли отъ рода по 100 лѣтъ и отъ старости едва могли ходить. Иногда случалось, что и обѣда не могли себѣ сварить. Они были очень богаты; всего у нихъ было довольно: и скота, и одежды и мѣховъ; но только не было у нихъ дѣтей, и некому было послѣ смерти воспользоваться ихъ добромъ, нажитымъ въ теченіе всей долголѣтней жизни. Развѣ случилось, что они оба заболѣли и лежали въ своей юртѣ голодные, потому что некому было ни напоить, ни накормить ихъ. Стали они жаловаться на свою участь горькую и совѣтъ держать между собой, какъ имъ жить и что съ ними будетъ, если придется долго хворать. Какъ ни думали старикъ со старухой обѣ этомъ, но ничего не могли придумать—такъ и уснули въ тотъ день голодные и холодные. На другой день старику стало легче: онъ одѣлся, обулся, взялъ въ руки трость и пошелъ на поляву, гдѣ росла береза —такая высокая, что подъ небеса уходила; она старику и старухѣ давала всякую пищу: молоко, масло, тару,¹⁾ сору,²⁾ мясо, рыбу и все, что есть на свѣтѣ съѣстнаго. Березу эту звали „анъ дой ду ичтэ,“ что значить по-русски, мѣстныя двери земного покровителя. Придя къ ней, онъ колотилъ ее и пѣлъ: „Мы со старухой стали стары; вчера лежали голодные и холодные, некому насть было ни напоить, ни накормить —едва не умерли, хотя пища у насть была подъ руками; мы имѣемъ много разныхъ мѣховъ, разнаго скота; мы скоро умремъ; на что намъ все наше богатство, когда послѣ смерти все пойдетъ прахомъ? У другихъ людей, которыхъ мы знаемъ, есть дѣти, а у насть ихъ нѣть; мы поэтому самые несчастные люди, никакихъ рѣдко можно встрѣтить на свѣтѣ: дай намъ, анъ дой ду ичтэ, сына, который бы намъ глаза закрылъ, поилъ и кормилъ насть до смерти. За что ты на насть разсердился, что не далъ намъ ребенка? Дай, вѣдь ты можешь дать! Мы, кажется, ничѣмъ не обижали тебя, жили въ

¹⁾ Тара приготавливается такъ: въ сосудъ, похожій на ванну, вливается обыкновенное молоко, предающееся окислению; сосудъ обрывается на морозѣ сѣломъ, а сверху коровьимъ пометомъ, и ставится на морозъ на мѣсяцъ и боягъ; молоко промерзаетъ и получается тара, употребляемая при варкѣ древесной коры, какъ блюдо.

²⁾ Сора—квашеное молоко, простокваша.

дружбѣ, поэтомъ слѣдуетъ дать⁴.—Долго такимъ образомъ плакалъ и просилъ старикъ анъ-дой-ду-и чытэ. Вдругъ береза съ шумомъ раскололась, и изъ нея вышла очень красивая женщина,—такая красавица, что старикъ стоялъ какъ вкопанный въ землю и забылъ даже, что плакалъ. Красавица приблизилась къ нему и сказала: „Старикъ, твои слезы дошли до небесъ; стоны твои и крикъ слышны очень далеко подъ землей; гляди на тебя, стонуть и плачутъ лѣсъ и горы, и даже небо нахмурилось—плачеть и лѣтеть неисчислимое количество слезъ; перестань плакать и печалиться; слушай, что я скажу тебѣ: черезъ 3 дня ты выйдешь изъ юрты поутру во дворъ, и услышишь страшный шумъ, похожій на громъ небесный; послѣ этого польетъ дождь, какъ изъ ведра и будетъ падать градъ; ты со старухой запришь и не выходи изъ юрты, потому что въ это время все плохія юрты, деревья, скотъ, звѣри, трава, нездоровы и злые люди погибнутъ; останутся въ живыхъ только здоровые. Ты долженъ сидѣть 3 дня; на 4-ый день, когда буря утихнетъ, приди сюда на поляну и увидишь: по срединѣ ея будетъ лежать черный камень; онъ будетъ вдавленъ на 7 сажень; ты собери людей, оставшихся въ живыхъ, запряги 30 быковъ, привези его домой, и положи на соболій мѣхъ. Черезъ 3 дня камень будетъ трещать, и трескъ его продолжится тоже 3 дня. Затѣмъ онъ расколется; со всѣми вами случится обморокъ, который продолжится 3 дня. Когда очнетесь, увидите мальчика у себя въ юртѣ, играющаго на полу, такого красиваго, что во всемъ мірѣ такого красавца не найдете: волосы у него будутъ золотые, тѣло серебряное⁴. Сказавъ это, женщина ушла въ разрывшуюся березу, которая въ одно мгновеніе закрылась, а старикъ пошелъ домой къ старухѣ и рассказалъ разговоръ съ женщиной; выслушавъ старика, старуха сказала: „Зачѣмъ ты врешь? можетъ ля быть, чтобы случилось такъ, какъ ты говоришь—никогда я не повѣрю тебѣ“.

Но черезъ 3 дня дѣйствительно поднялась гроза съ дождемъ и градомъ; старуха въ это время, прижавшись въ уголъ, начала вслички ругать старика: „Види ты, дуракъ, говорила она, что ты надѣлалъ? зачѣмъ просилъ, злодѣй, чтобы скотъ и люди все умерли, деревья и трава погибли? не могъ развѣ просить у земного покровителя чего-либо получше? ума ты лишился, что ли?“

Наконецъ буря кончилась, солнышко весело показалось на небѣ и все просвѣтѣло. Старикъ первый опомнился, пошелъ на поляну къ березѣ; смотрѣть, и глазамъ своимъ не вѣритъ, камень дѣйствительно есть. Пошелъ домой, собралъ на другой день много народа, запрягъ въ сани 30 быковъ и началъ вытаскивать камень изъ земли. Во время перевозки камень погубилъ и изуродовалъ много народу: кому ногу переломилъ, кому руку, кому ногу отжалъ, а иного и совсѣмъ задавилъ. Черезъ 3 дня камень затрещалъ; старикъ со старухой упали въ обморокъ, продолжавшій-

ся 3 дня. Когда они очнулись, увидѣли мальчика съ золотыми волосами, съ серебрянымъ тѣломъ; такого красиваго мальчика они первый разъ въ жизни встрѣтили; онъ, сидя на полу юрты, игралъ игрушками. При видѣ его старики со старухой пришли въ неописанный восторгъ и отъ радости едва не разорвали его; старики тянули къ себѣ, а старуха тоже—такъ что едва дѣло до драки не дошло. Вотъ они начали спорить между собой; старики говорили: „Вѣдь ты смѣялась и банилась, когда я тебѣ сообщалъ о разговорѣ съ ичытѣ, а я вѣрилъ ему, что это такъ и будетъ; ты не просила его, чтобы онъ далъ намъ сына, а я просилъ—ну сына и долженъ принадлежать мнѣ больше, чѣмъ тебѣ.“ Но старуха доказывала старику, что мальчика богъ далъ для нея: она больше просила и молила, чтобы у нея былъ мальчикъ, значитъ ичытѣ услышала ея просьбу и на счастіе далъ сына. Споръ кончился тѣмъ, что старики больше долженъ имѣть правъ на мальчика, нежели старуха; и стали они его поить и кормить.

Онъ росъ не по днямъ и годамъ, а увеличивался, какъ пожаръ лѣсной—такъ что 5-лѣтній возрастъ соотвѣтствовалъ 25-лѣтнему. Мальчикъ былъ такой, что сразу началъ ходить за скотомъ; дрова рубить, юрту топить, старику со старухой кормить, а когда ему было 5 лѣтъ, то никто не былъ сильнѣе и умнѣе его въ окрестности.

Въ одно утро мальчикъ всталъ, умылся, одѣлся, коровъ напоилъ, накормилъ и стало ему тяжело почему-то, сердце у него заболѣло, тоска такъ и давила его; вотъ, думаетъ, всего у насъ довольно, но одного не достаетъ—хорошаго коня, и сталъ онъ, приля въ юрту, жаловаться старику и старухѣ, своимъ родителямъ, на свою участъ: „Зачѣмъ вы потребовали меня отъ Ирюнь-ани-тоенъ¹⁾), говорилъ онъ, велѣли ему спустить меня съ неба къ вамъ для страданій: дайте мнѣ коня, который бы могъ скакать чрезъ самыя высокія горы и лѣсъ дремучій, и чтобы онъ былъ выше самого высокаго лѣса стоячаго и такой сильный, какъ я самъ—и дайте мнѣ плеть въ 90 пудовъ съ наконечникомъ, похожимъ на кузнецій молотъ“. „Нѣть у насть, сказала старуха, такого коня, какой нуженъ, но горю твоему все-таки можно помочь. Возьми вотъ золотую узду, висящую на стѣнѣ, плеть, какую ты просилъ иди съ ней на поляну; тамъ увидишь березу; это не простая береза, но ань дой ду ичытѣ; попроси у него—онъ и дастъ тебѣ коня“. Мальчикъ взялъ узду, плеть и отправился къ березѣ. Приля къ ней, постучалъ молотомъ и говорить: „Ичытѣ! ты виноватъ предо мной, согналъ меня съ неба отъ Ирюнь-ани-тоенъ на поганую землю, чтобы я мучился, живя на ней. Дай мнѣ коня, какого надо! если не дашь, я тебя уничтожу, не будешь рада тому, что родилась на божій свѣтъ.“ Раскололась береза, и выходитъ изъ нея та же красавица женщина, которая явилась старику,

1) Быаго безгрѣшнаго господина.

и начинает всячески ругать мальчика: „Видишь ты, говорить она, молокосось, у тебя еще въ зубахъ бѣлая влага не уничтожилась: должно быть обѣлся у старика, что пришелъ сюда съ угрозами и выговоромъ; какой же ты богатырь, что требуешь отъ меня и въ правѣ ли еще ты разговаривать со мной? На-ко, вотъ пососи мою грудь лучше; я увижу тогда, стоишь ли ты званія богатыря“. Мальчикъ приложился къ груди женщины, и за одинъ приемъ не только молоко, но и всю кровь высосаль. Женщина отъ этого вся блѣдная въ обморокѣ упала на землю. Придя въ себя, она сказала мальчику: „Вижу, ты сильный богатырь; если ужъ тебя спустили съ неба, то значитъ и твоего коня спустили тоже, иши на землѣ и найдешь“. Сказавъ это, женщина въ одно мгновеніе скрылась въ раскрывшуюся березу. Весь разговоръ этотъ показался для богатыря очень обиднымъ; онъ такъ разсердился на женщину, что началъ кружиться, бѣгать, кричать и свистать, отъ чего начали умирать люди и скотъ, трава и деревья пристановились растѣ. Кружась, въ одно мгновеніе онъ очутился за 70 верстъ, на другой полянѣ, гдѣ ходили лошади и ъли траву. „Нѣть ли здѣсь моего коня, подумалъ богатырь, и если есть, то брошенная мной узда должна попасть на него“. Бросая узду въ стадо лошадей, богатырь проговорилъ: „Лети моя узда, какъ каленая стрѣла, найди моего коня, спущенного богомъ Ирюнъ-ани-тоен'омъ, для меня съ неба“. Смотрѣть, и глазамъ своимъ не вѣрить—узда его попала въ самаго заморенного, худого жеребца, готоваго издохнуть. Подбѣжалъ онъ къ жеребцу и снялъ съ него узду. „Это ошибка, должно быть; не можетъ быть, чтобы мнѣ такой конь былъ спущенъ Ирюнъ-ани-тоен'омъ; это не конь, а какая то пропастина; вотъ—вотъ сейчасъ издохнетъ.“ Опять началъ свистать, кричать и кружиться въ теченіе 3-хъ сутокъ и опять богатырь бросилъ узду въ то же стадо и къ удивленію она упала прямо на того же жеребца. Богатырь подходитъ къ нему и видѣтъ, что жеребецъ хочетъ издохнуть; разсердился онъ, что такъ жестоко судьба смеется надъ нимъ. „Такого ли мнѣ надо коня, думаетъ онъ, который самъ издыхаетъ?“—взялъ за голову и потащилъ было его въ озеро, чтобы бросить туда. У жеребца изъ рта шла пѣна; открылъ онъ ротъ и говорить человѣческимъ голосомъ: „Бесовѣстный ты человѣкъ, дуракъ ты, неужели ты не можешь понять, что я тебѣ принадлежу? Неужели не понимаешь, что я въ одно время спущенъ съ неба съ тобой? Тебѣ хорошо было, мошеннику, у богатого старика мясо єсть, тару, сору, халѣкъ и все что душѣ угодно—а я въ это время нерѣдко зимой ъль только тальникъ, да осиновую кору—какъ заяцъ, на снѣгу спать, зябнуть, травы ни одной горсточки не ъль. Какимъ же образомъ я могъ раздобрѣть? Развѣ ты заботился обо мнѣ? Нѣть. Ты даже и не думалъ. Ахъ, ты бесовѣстный, бесовѣстный! Вотъ, походи, я покажу тебѣ, негодному мальчишкѣ, когда оправ-“

люсь. Если ты не хочешь со мной ссориться, продолжай жеребецъ, то сведи меня на такое озеро, которое зимой въ самые сильные морозы не замерзаетъ; оно содержитъ въ себѣ живую воду; оставь меня тамъ на нѣсколько дней, а потомъ приходи ко мнѣ и увидишь, какой я буду тогда". Подумалъ немного богатырь, а потомъ сказалъ: „Не сердись на меня, будущій вѣрный мой помощникъ: виноватъ я предъ тобой, что раньше не вспомнилъ о тебѣ. Ну, пойдемъ со мной, я тебя сведу къ этому озеру, которое въ лютые морозы не замерзаетъ, гдѣ есть живая вода. Иди и пей эту воду". Оставилъ жеребца у озера, богатырь вернулся домой къ своимъ родителямъ. Обрадовался отецъ сыну, начинаетъ съ нимъ разговаривать; но богатырь вѣ отвѣчаетъ ни слова, только пыхтитъ, да краснѣеть со влости; лицо у него было красное, словно огонь, даже волдыри образовались на немъ. Вотъ какъ крѣпко онъ былъ сердѣтъ—и даже волосы свѣтились, какъ смоченные фосфорными спичками, растираемыя въ темнотѣ; они испускали искры, какія получаются отъ удара сталью о кремень. Когда онъ проходилъ мимо отца и матери, отъ вѣтру они падали въ обморокъ. Черезъ 3 дня богатырь пришелъ къ озеру и видѣть высокаго, здороваго, бѣлаго коня; шерсть его походила на пѣну моря (байхаха). Задумался богатырь. „Гдѣ же, думаетъ онъ, мой жеребецъ, котораго я оставилъ? Есть конь, но это не мой жеребенокъ". Конь смѣло подошелъ въ богатырю, фыркаль и рыль копытами землю. „Ты не узналъ меня, негодный мальчишка, сказалъ онъ; я тотъ жеребенокъ, котораго ты хотѣлъ утопить въ озерѣ; вотъ теперь попробуй-ка сѣсть на меня—тогда мы посмотримъ еще, можешь ли ты владѣть мной". Богатырь надѣлъ на него золотую узду и хотѣлъ сѣсть, но не могъ. Конь, громко ѿмѣясь, сказалъ: „Вотъ видишь теперь, кто изъ настъ сильнѣе—ты или я; а ты еще по своей глупости хотѣлъ убить меня". Богатырь отвѣчалъ на это коню: „Прости мое неразуміе, будущій мой товарищъ, забудь, что я тебя обидѣлъ". „Прошуло все, прощаю!" Проговоривъ это, конь паль на колѣни для того, чтобы богатырю удобнѣе было сѣсть. „Садись теперь на меня", говорить конь. Богатырь и теперь едва-едва сѣлъ на него: вотъ какой онъ былъ высокій. Конь взвился на дыбы: разъ прыгнулъ, два прыгнулъ—какъ птица полетѣлъ по воздуху, и въ одно мгновеніе они очутились дома. Богатырь сошелъ съ коня: ходить—отъ радости земли подъ собой не чувствуетъ—такой веселый быль. Вошелъ въ юрту со словами: „Я нашелъ себѣ коня, дайте мнѣ теперь имя, родители". Старикъ и старуха спѣшили другъ передъ другомъ дать своему сыну имя, но подходящее къ душевнымъ и тѣлеснымъ свойствамъ сына дано было старухой. „Ты, сказала старуха, будешь такой человѣкъ, котораго никто не обидѣть, никто не пересилить—имя твое будетъ: Эрбяхъ-юрюгерь-сеттэтэ-вртэръ-ербахтэй-бергэнъ, что значитъ по-русски: 7 разъ вращается вокругъ пальца. Прежде бывало отъ богатыря отецъ и мать слова не могли услы-

шать; теперь онъ сталъ такой веселый, что съ пѣснями скоту кормъ давалъ: отъ этого и старику со старухой было весело. Разъ стариуха пошла къ молочному озеру, близъ котораго они жили, за водой, и видѣть—по озеру плаваетъ въ золотой люлькѣ серебряная дѣвочка съ золотыми волосами, неописанной красоты. Поймала она дѣвочку, принесла домой, не сказавъ никому ни слова; спрятавъ ее, держала 3 дня такимъ образомъ; на 4-й, желая подѣлиться радостью съ сыномъ, сказала, что у нея припасена для него подруга. „Покажи-ко еѣ“, сказаль сынъ на это. Старуха пошла въ чуланъ и вынесла оттуда дѣвочку. Нахмурился богатырь, глядя на дѣвочку, и говорить матери: „Огнеси ты ее туда, гдѣ взяла, погубить она всѣхъ нась, всю землю спалить огнемъ, если не будетъ дано препятствіе къ тому, потому что дѣвочка эта абагы, а не человѣкъ; отнеси ее скорѣе и чѣмъ скорѣе; тѣмъ лучше“. Но сынъ не могъ преодолѣть упорства матери; какъ онъ ни просилъ, дѣвочка осталась жить у старика со старухой. Она росла быстро — такъ быстро, какъ тѣсто на опарѣ киснетъ. На другой день пошелъ богатырь коровамъ сѣю давать—слышитъ—позади его какъ будто кто-то ледъ колетъ; оглянулся назадъ, видѣть бѣжитъ къ нему въ желѣзной 8-гранной шубѣ одноглазая, одноглазая, однорукая ихъ дѣвчонка. „Вотъ, братецъ родимый, я пришла помочь тебѣ скотъ кормить“. „Пошелъ прочь, дьяволъ! закричалъ ва нее богатырь. Убью! Не подходи!“ Размахнулся, ударилъ изъ всей силы своей плетью, но не попалъ въ нее, а только разсѣкъ ухо пополамъ. „Погоди, негодный шельмъ, негодяй! закричала, убѣгая, дѣвчонка, я вотъ скажу твоему отпу и матери; они тебѣ зададутъ, когда придешь домой!“ Въ тотъ же день вечеромъ, сидя въ юртѣ у огня, пылающаго на очагѣ, стариѣ со старухой бралили сына за то, что онъ разсѣкъ ухо сестрѣ: „Видиши ты, она у нась первая невѣста будетъ въ улусѣ, первая красавица, когда выростетъ, по всему свѣту, и первый то-ѣнъ¹⁾ будетъ у нея женихъ, а ты уродуешь ее; у тебя нѣть ни стыда, ни совѣсти. Развѣ добрый братъ будетъ бить сестру? Нѣть. Это ты только такой негодяй уродился и можешь обижать сестру. Смотри, въ другой разъ, чтобы у нась этого не было. Слышишь!“ Богатырь молча выслушивалъ брань. На другой день только что вышелъ богатырь скоту сѣна давать, а дѣвчонка опять за нимъ бѣжитъ въ такомъ же видѣ, какъ и прежде. Ударилъ ее богатырь, будучи увѣренъ, что убьетъ; но не убиль, а только палецъ правой руки разсѣкъ. Дѣвочка перекувыркнулась, получивъ ударъ, превратилась опять въ такую же красивую, какой была прежде, и уѣжала домой, подпрыгивая. На этотъ разъ вернувшагося сына стариѣ со старухой избили жестоко и выгнали вонъ. Хотя сынъ

1) Тоенъ значить господинъ, хозяинъ.

однимъ щелчкомъ могъ бы убить своихъ родителей, но онъ это-го не сдѣлалъ, потому что нельзя бить своихъ родителей; поэто-му-то онъ, не издавалъ ни одного стона, когда сыпались удары пал-ками по спинѣ, а только цыхтѣлъ; въ эту ночь онъ не ночевалъ дома, а вмѣстѣ съ коровами и телятами ночевалъ подъ открытымъ небомъ. По-утру богатырь по обыкновенію не зашелъ въ юрту, когда выкормилъ скотъ, а пошелъ къ березѣ на поляну. „Я пришелъ про-ститься съ тобой, сказаль богатырь березѣ. Нѣть мои у меня, не могу больше жить у отца: онъ съ матерью бѣть меня за дья-вола, поселившагося, благодаря недорадливости матери, у нихъ въ образѣ дѣвочки; прошу тебя, когда я уйду отсюда, оберегай ихъ вмѣсто меня. Неужели, продолжалъ онъ, не найду себѣ пропита-нія на свѣтѣ и человѣка, который бы взялъ меня къ себѣ рабо-тать?“ Женщина, вышедшая изъ раскрытой березы, выслушавъ бо-гатыря, отвѣчала: „Останься жить вмѣстѣ съ родителями, не бросай ихъ: не только они, но и мы все погибнемъ безъ тебя; тобой толь-ко и держимся здѣсь; какъ только ты уйдешь отъ насть, дьяволъ огнемъ спалитъ вѣсль всѣхъ“. Но увѣщаія и доводы женщины не подѣйствовали на богатыря; онъ твердо рѣшился оставить родителей; хотя ему и жаль было разстаться съ ними, но въ то же время онъ ни какъ не могъ утишить злобы за обиду, какую они ему нанесли. Возвратясь отъ березы, богатырь не вошелъ въ юрту, а сталъ за дверьми звать отца и мать: „Выйдите ко мнѣ, я ухожу, говорилъ онъ, хочу въ послѣдній разъ проститься съ вами; выйдите ко мнѣ, по-помните мои слова, что когда я отъ вѣсль уйду, то любезная вѣ-ша дочь, которую вы больше любите, чѣмъ меня, вѣсль огнемъ спалитъ и пепель отъ пожара развѣтъ по вѣтру на вѣсъ сторо-ны“. „Будь ты проклятъ, негодный мальчишка, убирайся куда хо-чешь отъ насть: мы тебя не держимъ, отвѣчали старикъ со стару-хой; врешь ты все на нашу дочку, напрасно обижашь ее: она никогда не слѣдѣтъ того, что ты говоришь— она не такая подлая, какъ ты“. „Ну, старые черти, будете же помнить меня, своего сы-на, я ухожу, прощайте!“ Ни слова не говоря болѣе, сѣль онъ на сво-его коня и покѣхалъ въ полуденнную сторону. Не уснѣль онъ 7 верстъ проѣхать, оглянулся назадъ и увидѣлъ, что на родномъ его мѣстѣ было огненное море—то абагы (дьяволъ, черть) палилъ имущество его родителей. На малое время остановился онъ, раз-думывая, воротиться ему или иѣть назадъ; но душа его въ это время была настолько черства, что онъ не захотѣлъ вернуться и вы-ручить изъ бѣды отца и мать. „Пускай горятъ, сказаль онъ себѣ, когда не хотѣли слушать меня. Неси меня, конь, скорѣе отсюда“— и онъ поскакалъ далѣе, разсѣкая воздухъ съ шумомъ и свистомъ, отъ чего падали деревья. Бѣхалъ онъ лѣто, бѣхалъ зиму; прошло 7 лѣть съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ своего отца и мать; ему захотѣлосьѣть; онъ вспомнилъ, что въ теченіе это-го времени ничего не єль. Вдругъ видѣть недалекѣ отъ себя ка-

менную скалу, похожую на урасу¹), изъ которой шель дымъ; какъ онъ ни присматривался, онъ не могъ замѣтить, изъ какого мѣста шель дымъ, потому что яснаго признака не было. Надобно ему стоять и смотрѣть; онъ сошелъ съ своего коня и пихнулъ ногой скалу; она разбилась до половины и опрокинулась въ сторону. Нижняя часть скалы была пустая, имѣла углубленіе въ землю, на подобіе круглой ямы. Всматриваясь въ дно ея, онъ увидѣлъ прижавшихся другъ къ другу отъ испуга старика и старуху. „Откуда ты явился къ намъ, добрый человѣкъ?“ проговорилъ старикъ, когда испугъ прошелъ. „Поѣхалъ я разыскивать скотъ, который потерялся у моего отца, заблудился и вогъ прїѣхалъ къ вамъ“. „Какъ давно ты отъ отца?“ „7 лѣтъ вогъ уже прошло, какъ я отлучился“ . „А гдѣ же твой отецъ живеть?“ „На сѣверъ отсюда, гдѣ есть поляна, на которой живеть ычытэ. Ёсть дайте мнѣ скорѣе: я съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ дома, ни разу не ъѣлъ“.

„Какъ намъ не накормить и не напоить такого хорошаго, красиваго молодца, какъ ты; къ тому же мы болѣе пріятели съ твоимъ отцомъ, вмѣстѣ росли; для сына его у меня нѣтъ ничего завѣтнаго, сказалъ старикъ. Старуха! дай же скорѣе ѿсть дорогому гостю“. „Хорошо; даю. Гость долженъ все съѣсть, что я ему поставлю на столъ—если онъ сильный богатырь, а если плохой, половину“. Старуха, говоря это, поставила предъ богатыремъ маленькую чашечку съ отлогими краями повидимому вмѣшавшую въ себѣ не болѣе одного глотка для хорошаго богатыря и два для плохого. „Смѣешься, что ли, ты, старуха, надо мнай? ставиши мнѣ какое то кушанье, какъ малому ребенку въ чашечкѣ: не забудь, что я 7 лѣтъ не ъѣлъ“. „Ты сперва съѣшь, отвѣчала старуха, а по томъ скажи, что мало; мы еще тебѣ дадимъ; но, по нашему, если ты съѣшь, все что стоитъ предъ тобой, будешь хороший богатырь, а если съѣшь половину, будешь плохой“. Богатырь съ усмѣшкой началъ ѿсть что то бѣлое, похожее не то на молоко, не то на сметану, тару и хаянъ—опредѣлить было невозможно. Вѣль онъ два дна безъ отдыха и все съѣлъ. Старикъ со старухой отъ удивленія и отъ удовольствія даже запрыгали, какъ малые ребята, когда богатырь опрокинулъ чашечку. „Ну, сказали они въ одинъ голосъ, видимъ, что ты настоящій богатырь, недаромъ прїѣхалъ къ намъ, преодолѣвъ трудности, которые только по силамъ весьма сильному богатырю. Мы дожили здѣсь до глубокой старости и къ намъ съ вашей стороны не только саха, ²⁾ но и птицы не прилетали и даже воронъ костей сноихъ не приносить; значить ты хороший богатырь“. Помолчавъ не-

1) Конусообразное лѣтнєе жилище, много напоминающее собой шалашъ русскихъ крестьянъ сѣверныхъ и центральныхъ губерній; отъ самойского чума отличается тѣмъ, что не покрывается олеными шкурами, а только древесной корой, прутьями.

2) Ягутъ.

много и переглянувшись со старухой, старикъ продолжалъ: „Отца мъ мать ты потерялъ, заблудился, а мы стали стары: когда мы помремъ, ты похоронишь насть и возмешь себѣ наше имущество“ „Ладно, отвѣчалъ на это богатырь, согласенъ оставаться у вѣсъ жить“. Но недолго онъ жилъ у старика со старухой; надоѣло ему сидѣть, сложа руки, ходить за скотомъ: горячая, мелодная кровь просила работы отважной, а однообразная жизнь утомляла его.

Разъ богатырь и говорить старику со старухой: „Не знаете ли вы, гдѣ бы мнѣ можно податься, побороться съ кѣмъ либо?“ Старикъ со старухой вмѣсто отвѣта стали плакать: „Если у тебя явилось такое желанье, говорили они сквозь слезы, то значить хочешь насть бросить. А не лучше ли будетъ тебѣ оставаться у насть? мы невѣсту тебѣ найдемъ, женимъ тебя, ты будешь имѣть дѣтей; невѣста у насть есть на примѣтъ для тебя красавая“. Богатырь, хотя и казался съ виду равнодушнымъ во время этого разговора, но жениться былъ не прочь, а особенно, если бы нашлась красавица невѣста; поэтому онъ остался у нихъ жить.

Послѣ этого разговора, бывало, когда лягутъ спать, старикъ со старухой все о чёмъ-то шепчутся въ своеемъ углу, даже ночи напролетъ не спали; Любопытно богатырю было знать, о чёмъ они шептались, и вотъ разъ онъ нарочно не уснулъ по обыкновенію, съ цѣлью подслушать бесѣду старика со старухой. „Гдѣ же мы найдемъ ему невѣсту? вѣдь около насть никто не живеть, мы никого не знаемъ; зачѣмъ мы его обманули, когда говорили, что у насть на примѣтъ есть невѣста? онъ разсердится на насть и уйдетъ, когда узнаетъ обманъ; не лучше ли сказать правду, говорилъ старикъ, какъ ты думаешь?“ „Дѣлай ты, какъ знаешь, отвѣчала старуха, я на все согласна“. Богатырь, лежа въ другомъ углу юрты, думалъ въ это время про себя: „Какие-же вы старые черти; если не знаете, гдѣ мнѣ невѣсту найти, зачѣмъ меня удерживаете своими обѣщаніями. Я убью ихъ, мелькнуло у него въ головѣ, тогда и такъ завладѣю ихъ имуществомъ.“ Другой же внутренний голосъ говорилъ ему: „Зачѣмъ ихъ убивать? вѣдь они о тебѣ же заботятся, цѣлыми ночи не спать, все думаютъ, какъ бы женить тебя, сдѣлать счастливымъ, хотя невѣсты и нѣть и едва ли найдутъ ее.“ Поразмысливъ хорошенько, онъ пожалѣлъ старика со старухой.

Дни черезъ 3 послѣ этого богатырь очень захворалъ: онъ и лежалъ на полу недвижимъ; все тѣло его сдѣлалось краснымъ, какъ потухающее солнце. Вотъ онъ собрался съ силами и говоритъ: „Я умираю, похороните меня хорошенько; сдѣлайте серебряную могилу, посадите на ней золотыхъ и серебряныхъ цвѣтковъ и деревьевъ — такъ мнѣ легче будетъ лежать, веселѣ; коня моего отпустите на всѣ 4 стороны вмѣстѣ съ золотой уздой“. Сказалъ это — и умеръ. Старикъ и ста-

руха плакали навзрыдь; горе ихъ было тяжкое. Похоронили его такъ, какъ велиъ похоронить себя богатырь. Во время похоронъ, глядя на старика и старуху, даже деревья плакали, съ тихимъ шумомъ покачиваясь въ сторону могилы; земля стонала и вѣтеръ жалобно завывалъ, какъ родельница. Все плакало и стонало, только мохсоголь¹⁾, неизвѣстно откуда прилетѣвшій, кружась надъ могилой утѣшалъ старика со старухой; но они не обращали вниманія на это; такъ велика была печаль ихъ. Послѣ похоронъ богатыря старикъ и старуха ходили каждый день на могилу богатыря, подметали и чистили ее, исполняя предсмертное желаніе его, и никакъ не могли утѣшиться: ничто ихъ не развлекало—ни лѣсь, съ которымъ они умѣли разговаривать²⁾, ни горы, понимавшія ихъ горе и радость, ни красное солнышко, весело ходившее по небу, ни улыбавшіяся звѣзды. Печаль ихъ была настолько велика, что ее не въ состоянія былъ описать Халданъ-сурокутъ³⁾, живущій у Ирюнь-ани-тоена. Какъ встануть они, бывало, поутру, посмотрѣть другъ на друга и заплачутъ, глядя на то мѣсто, гдѣ лежалъ богатырь; слезы ихъ лились какъ потокъ.

Но богатырь, желая испытать новыхъ родителей, насколько сильна была ихъ любовь къ нему, притворился мертвымъ, а на са-момъ дѣлѣ онъ, будучи живымъ, изъ могилы дѣлѣлъ на сѣверъ подземный ходъ. Работа эта продолжалась 7 лѣтъ; и наконецъ онъ вышелъ изъ подъ земли въ такое мѣсто, гдѣ солнце и луна, чѣмъ-то заслоненные, свѣтили наполовину; лѣсь и трава были тутъ желѣзные.

„Надо идти куда либо, подумалъ богатырь, надо выйти изъ этого лѣса.“ Вотъ пошелъ онъ и шелъ 7 лѣтъ; наконецъ вышелъ на поляну, которая была обнесена оградой изъ дьяволовъ, разставленныхъ другъ противъ друга на недалекомъ разстояніи, имѣвшихъ мужской и женскій видъ—съ одной рукой, ногой, глазомъ и половиной туловища. Въ оградѣ безъ шума ходилъ одноглазый, однорогій и двуногій скотъ и щипалъ желѣзную траву. Тишины этой никто не нарушалъ; даже желѣзные комары и мухи не пѣли, кружась вереницей около скота. Казалось, это было мертвое царство. Богатырь въ раздумьѣ, стоя у ограды, взялъ въ руки свою плеть, размахнулся и сразу проложилъ себѣ путь, сваливъ двухъ дьяволовъ, которые упали съ шумомъ на землю. Долго онъ ходилъ, отыскивая какую либо юрту, гдѣ надѣялся встрѣтить хозяина, но сг҃ды жилья отсутствовали. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе на сѣрую, гладкую, какъ яйцо скалу, похожую на урасу; попробовать было ползти по ней на вершину, но все было напра-сно: при каждой попыткѣ достигнуть хотя половины онъ скользилъ внизъ и падалъ на землю; когда опыты эти оказались неудачны-ми, онъ превратился въ бѣлку и быстро взбѣжалъ на скалу. До-

1) Соколь.

2) Небесный писарь.

стигнувъ вершины, онъ увидѣлъ отверстіе, изъ котораго шелъ дымъ; сквозь дымъ онъ разглядѣлъ, что на днѣ скалы сидѣла неописанная красавица; она держала въ рукахъ человѣческую голову; поворачивая ее въ рукахъ, она опаливала ее на пылавшемъ огнѣ, какъ опаливаютъ голову скотины и горько плакала: „Всѣ пользуются свободой: звѣри, птицы, люди и червяки—а я, женщина, томлюсь и изнываю въ неволѣ, говорила она про себя; не съ кѣмъ мнѣ не только поиграть, попѣтъ, какъ я играла и пѣла у своего отца, но и слова-то я не слышу ии отъ кого. Сегодня я видѣла во снѣ: будто пришелъ сюда сильный богатырь, подрался съ Хара Бекердянь,¹⁾ моимъ злодѣемъ, убилъ его и меня освободилъ. Нѣтъ, это все обманъ: кто можетъ сюда прійти и кто можетъ сразиться съ Хара Бекердянь? Вѣдь онъ не простой богатырь, а дьяволъ; даже мой отецъ Ирюнъ-ани-тоенъ и тотъ не могъ противиться ему,—а что значить простой богатырь въ сравненіи съ нимъ! Ничто“... Богатырю, слушавшему безмолвно этотъ разговоръ, стало жаль женщины; онъ превратился опять въ человѣка и бросился во внутрь скалы чрезъ отверстіе. «Ахъ, ты, подлая! закричалъ онъ на женщину, ты привыкла ёсть человѣческое мясо и мужа своего кормить—думаешь, я не могу справиться съ твоимъ мужемъ? Могу. Я вижу, продолжать богатырь, ты настоящій человѣкъ, скажи мнѣ, гдѣ тебя взялъ дьяволъ?» Я, отвѣчала женщина, Ирюнъ-ани-тоенъ-ынъ, что значить по-русски бѣлаго безгрѣшаго господина младшая дочь. Бекердянь дрался съ моимъ отцомъ, воспользовался замѣшательствомъ его и похитилъ меня; вотъ я съ тѣхъ поръ и живу въ неволѣ, а сколько лѣтъ забыла». «Скажи мнѣ, продолжать богатырь, о силѣ, привычкѣ и цѣѣтъ твоего мужа». «Онъ 4-хъ граинъ, ростомъ выше лѣса, головой упирается въ облака, самъ черный, одноглазый, однорукий, и одногоній—ему никто не можетъ противиться силой: 3-хъ быковъ онъ съѣдаетъ заразъ и на замуску человѣка, замаринованаго въ маслѣ. Уже 7-й годъ идеть, какъ онъ отлучился; черезъ 3 дня онъ возвратится и пригонитъ такого же скота т. е. одноглазаго, однорогаго и двуогаго; я тогда должна буду подавать къ спинѣ одну руку и ногу, одѣтъся въ скотскую шкуру, чтобы скотъ не слышалъ запаха человѣческаго,—выйду къ нему навстрѣчу, и буду помогать загонять скотъ въ ограду».

На 4-й день поутру, какъ говорила женщина, дѣйствительно поднялся вихрь, пошелъ дождь; высокій желѣзный лѣсь запушился, сильно покачивался въ разныя стороны, и прикасаясь вершинами другъ къ другу, издавалъ скрипъ, подобный несмазанной телѣгѣ; съ шумомъ и трескомъ валился онъ на землю; могучий вѣтеръ не щадилъ самыхъ толстыхъ деревьевъ, стоявшія сотни лѣтъ; это дьяволъ дань себѣ бралъ съ нихъ; скотъ въ оградѣ за-

¹⁾ Хара—черный, но что значить бекердянь—неизвѣстно; значения этого слова никто изъ якутовъ мнѣ не въ состояніи былъ объяснить.

Бѣгаль и засуетился, почуя что-то неладное; однимъ словомъ, готовилось что-то необыкновенное. „Дьяволъ, дьяволъ идеть!“ кричала испуганная женщина, бросаясь изъ стороны въ сторону, какъ сумасшедшая, поспешно одѣваясь, привязывая руку и ногу къ спинѣ; ужасъ и беспокойство въ это время отражались на ея лицѣ неописанная, она трепетала какъ осиновый листъ и похожа была на человѣка, лежащаго на землѣ, надъ которымъ уже занесено оружіе смерти. Богатырь же кипѣлъ гнѣвомъ на женщину, глаза его были налиты кровью; онъ старался ободрить ее чтобы она ничего не болѣлась. Когда увѣщаія не подѣйствовали, онъ схватилъ женщину за косу, и она моментально превратилась въ золотое кольцо, которое онъ положилъ себѣ въ карманъ. Взявъ свою 90-пудовую плеть, богатырь разбилъ въ дребезги скалу и понеся навстрѣчу дьяволу,ѣхавшему на двуногомъ, одноглазомъ, желѣзномъ конѣ. Рожа у дьявола была злая; глаза, налиты кровью, выглядывали изподлобья и метали искры, а въ своей 4-гранной желѣзной шубѣ съ 8-конечной 8-саженной плетью, которой онъ яростно билъ разбывающейся скоть, онъ казался страшнымъ: даже богатырь немнога струсилъ, хотя онъ не былъ трусомъ. Подѣйжалъ богатырь къ коню дьявола и ударилъ его своей 90-пудовой плетью въ лобъ; тотъ не упалъ, но попытался назадъ. Скоть при видѣ богатыря пришелъ еще въ большее смятеніе, разбѣгаясь въ стороны; конь же дьявола стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ въ землю вкопанный, не смотря на удары хозяина, усердно наносимые по чѣму-ни попало. „Что это значить? конь не идеть у меня, кричалъ дьяволъ, не видя богатыря. Гдѣ ты, дура негодная, сучковатыя твои руки и ноги, телячы глаза и рожа твоя, какъ чистая шкура скота наизнанку? не видишь развѣ, что скоть разбѣжался? Шкуру твою сдеру, повѣшу и птицы твое поганое мясо будуть клевать“, кричалъ дьяволъ, отыскивая глазами женщину. Глухой голосъ его раздавался среди свиста вѣтра, топота уѣгающаго скота, какъ подземный громъ. „Должно быть у тебя кто-нибудь есть? Вотъ мнѣ будетъ хорошее кушанье, а кстати, я давно не ъѣлъ и хочу ужасно ъѣсть“, продолжалъ дьяволъ, не видя богатыря, который въ это время подошелъ къ нему, взялъ его за 8 саженную косу, сбросилъ съ коня на землю и ударилъ плетью нѣсколько разъ. Дьяволъ быстро всталъ на ноги и началась драка, продолжавшаяся 60 дней безъ отдыха. Лѣсъ и огородъ были разломаны въ мелкія кусочки, но на наконечникѣ богатырской плети не сдѣлалось ни одной царапины отъ ударовъ. Земля вся изрыта была ногами и ударами плетей, только пыль поднималась столбомъ кверху; но ни богатырь, ни дьяволъ не думали уставать и молча продолжали драку. Дьяволъ первый не выдержалъ молчанія и говорить богатырю: „Откуда ты взялся, мальчишка? Вижу, что ты еще не укрѣпился силами, кости твои мягки какъ глина, удары твои по мнѣ подобны тому, когда блоха меня кусаетъ во время сна. Благодарю тебя за то, что ты при-

шель; вотъ я убью тебя, зажарю и съѣмъ. А должно быть мясо твое вкусное?" "Ты привыкъ, отвѣчай на это богатырь, людей Ѳсть; не думай, чтобы я тебѣ такъ легко достался—еще неизвѣстно, кто кого убеть? Если бы твои глаза проклятые не были похожи на половину скалы, рожа на обвалившуюся гору, носъ на большой разбитый камень, ноги на деревянный пестъ отъ ступы, если бы ты не помѣщался бы на тропинкѣ, на которой стоишь, не заслонялъ бы собой солнце и мѣсяцъ, не быть бы закопченаго цвѣта, то можетъ быть, и убиль бы меня. А вотъ скажи мнѣ, какъ ты смѣль жить, какъ живетъ мужъ съ женой, съ младшой дочерью бѣлого безгрѣшнаго бога, какъ смѣль ее украдь?" Хара Бекерданъ вмѣсто отвѣта ударила богатыря дубиной, злобно смѣясь, и борьба возобновилась съ ожесточенiemъ, такъ что у богатыря отъ злости изо рта шла пѣна, какъ у медведя. Дрались они такимъ образомъ 9 лѣтъ; дьяволъ началъ уставать, но богатырь никакъ; дьяволъ и говорить богатырю: "Вижу, что ты силачъ, потому что я потерялъ всю силу; неужели долженъ я умереть отъ руки мальчишки? Почему не могу сломать костей твоихъ и почему не могу кровь твою пролить? Много я драился въ теченіе своей жизни, много я побилъ людей, но такого саха (якута) никогда не встрѣчалъ, и ни одинъ изъ нихъ не сопротивлялся такъ долго. Я первый разъ встрѣчу та-кого сильнаго богатыря, который такъ сильно разорилъ мое го-сподство. Хотя я и усталъ, но все же мы будемъ драиться. Пойдемъ къ огненному морю, которое пылаетъ большимъ огнемъ; ты сдѣлаешься золотой рыбой, а я—желѣзной; если согласенъ на это, го-вори!" "Согласенъ," сказалъ богатырь. Пришли къ огненному морю, обернулись въ рыбы и начали драиться. Дрались 7 лѣтъ и такъ сильно, что всѣхъ рыбъ выгнали вонъ изъ моря, а другихъ побили; даже огненная вода уничтожилась; но никто изъ нихъ не уставалъ повидимому; хотя дьяволъ усталъ, но онъ молчалъ пока и не сознавался.

"Чувствую, проговорилъ богатырь, что я начинаю болѣе крѣп-нуть; кости мои совсѣмъ укрѣпились, я никакъ не усталъ, только потъ на лбу у меня выступилъ, да мнѣ и надоѣло драиться съ то-бой, пора идти домой." И, собравъ всю силу, онъ набросился съ яро-стью на дьявола, и уже готовъ былъ убить его. Лукавый же дьяволъ, додѣгдалась, что дѣло плохо, говорить богатырю: "Остановись, вы-слушай меня! Если ты честный человѣкъ, выйдемъ изъ моря и от-дохнемъ на берегу; мнѣ не хочется такъ умирать. Я предложу тѣ-бѣ еще одно условіе; согласись на него, какъ честный человѣкъ. Оно будетъ заключаться вотъ въ чёмъ: мы сдѣлаемся птицами, ты соколомъ съ золотыми и серебряными перьями (моксоголь), съ 4-хъ граннымъ клювомъ, а я—доллаки оксѣё (сказочнымъ орломъ, паремъ птицъ) желѣзнымъ, съ 8-ю головами и 4-хъ гранными клювами, а ты, не забудь имѣть одну. Ну, теперь выйдемъ на берегъ

моря и отдохнемъ, полежимъ, какъ рыбы.“ „Хорошо, сказалъ богатырь, принимая условіе дьявола, полежимъ на берегу“. Выйдя на берегъ, лежали 3 года, такъ что ихъ занесло снѣгомъ и всякой гадостью. „Видиши ты, хитрый какой,“ говорить богатырь дьяволу, „я послушался тебя, какъ доброго человѣка, легъ отдохнуть, не зная твоей хитрости; а теперь не могу встать и только теперь чувствую, что я усталъ; все кости мои болятъ; когда дрался, не чувствовалъ я никакой усталости, нынѣ же едва шевелюсь“. Говоря это, богатырь хотѣлъ подняться съ земли, но не могъ, потому что весь въ землю ушелъ, только одна голова была на поверхности ея. „Не кольцо ли такое тяжелое, которое лежитъ у меня въ карманѣ, не оно ли такъ тяготитъ меня? подумалъ богатырь. Такъ, оно и гнететъ меня къ землѣ, потому и не могу встать.“ Засунулъ руку въ карманъ, отыскалъ тамъ кольцо и бросилъ о землю, говоря: „Глупый я, что согласился драться съ дьяволами за тебя, какую-то рабу“. Кольцо тотчасъ превратилось въ красивую женщину, которая со слезами и плачомъ подбѣжала къ богатырю, начала его вырывать и очищать отъ земли. Очищала она его 3 года. Дьяволъ въ это время, смотря на женщину, очищавшую отъ грязи богатыря, злобно смылся. „Ты, младшая дочь бога, моя жена-раба, зачѣмъ его очищаешь? лучше иди, мнѣ помогай, я тебѣ могу пригодиться въ будущемъ, когда убью твоего любезнаго, тѣмъ болѣе, что мы вѣдь свои люди, а онъ тебѣ чужой“. Богатырь всталъ, пошелъ, отыскалъ рѣку съ живой водой, вымылся и вернулся къ дьяволу, который никакъ не могъ выйти изъ земли, засыпавшей его. Подойдя къ нему, схватилъ его за рыбью голову и сразу вытащилъ изъ земли, вымылъ его въ такой же водѣ, въ какой самъ мылся, и затѣмъ, обернувшись въ птиць—богатырь—въ чернаго сокола, а дьяволъ—въ 8 головаго орла,—они поднялись на воздухъ, гдѣ произошла ожесточенная драка, продолжавшаяся три года. Земля во время этой драки была вся покрыта перьями—даже въ воздухѣ носились они. Долго ни соколь, ни орель не могли преодолѣть другъ друга; наконецъ соколь тѣль сильно клюнулъ орла въ грудь, что тотъ повалился на землю едва живой. Оправившись немного, лежа на землѣ съ распущенными крыльями, орель попросилъ перемирия на 7 дней для того, чтобы слетать къ рѣкѣ за живой водой, напиться ея, подкрепить себя свѣжими силами и вновь вступить въ единоборство съ соколомъ. Этотъ бой, впрочемъ, продолжался недолго, потому что соколь, желая поскорѣе кончить бой, разлетѣлся со всего размаха, удариль тѣль сильно въ голову своего противника, что у того мозгъ изъ головы вышибилъ; воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, соколь розорвалъ его на 3 части и бросилъ на землю.

Богатырь, празднича победу надъ дьяволомъ, отпраздновалъ и свадьбу съ младшей дочерью бѣлого бога. Затѣмъ онъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ былъ похороненъ; но вѣхать было не на чёмъ,

потому что у него не было коня. Вотъ онъ начинаетъ кричать, свистать по соловьиному и звать вѣрнаго своего коня; зоветъ день, зоветъ другой и третій; на 4-й видѣть, что онъ спускается съ неба и прямо къ нему на землю, гдѣ онъ стоялъ. Немедля ни минуты богатырь посадилъ свою жену на коня, самъ вскочилъ на него и помчался сквозь лѣса, горы и моря, не встрѣчая на пути никакого препятствія. Были они такъ 7 лѣтъ. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они проѣзжали, деревья падали, какъ будто поздравляли его съ побѣдой надъ дьяволомъ. Во время этого путешествія жена богатыря захворала (джянъ¹) родами, такъ что они простояли на одномъ мѣстѣ 3 дня. Жена богатыря рождала, стоя на ногахъ. Когда родился мальчикъ серебряный, съ золотыми волосами—солнце и звѣзды, до того времени невидимыя днемъ, улыбались; все доброе, живущее на землѣ и на небѣ, веселилось, злое пришло въ уныніе. Богатырь съ женой, послѣ того какъ прошли у нихъ первые порывы радости, не знали, какъ уберечь ребенка отъ худого глаза, во конь вывѣль ихъ изъ затрудненія. „Пускай, сказаъ онъ, твоя жена съ ребенкомъ войдетъ въ мое лѣвое ухо, гдѣ есть теплая комната (ичигесъ дже), тазъ и полотенце: тамъ она должна вымыть себя и ребенка, вымазать его масломъ и перейти въ правое ухо, въ которомъ есть кровать, гребень и кюлюкъ-керенарь-тазъ (зеркало; буквально: „тѣнъ смотрѣть на камнѣ“) одѣло, пища, питье и даже игрушки для ребенка, однимъ словомъ, все, что требуется для человѣка; а ты—какъ ѿхаль на мнѣ, такъ и поѣзжай“. Спустя немного времени послѣ этого, богатырь прїхалъ къ старику, когда-то похоронившему его, и видѣть, что онъ со старухой его могилу очищаетъ. „Что вы дѣлаете?“ спрашиваетъ богатырь. „Могилу очищаемъ“. „Чью?“ „Да вотъ когда-то, очень давно, у насъ былъ сынъ; умеръ онъ, такъ мы и очищаемъ его могилу каждый день“, отвѣчалъ старики. „Вы не узнаете меня? Я вашъ сынъ, котораго вы похоронили“, говорить на это богатырь. „У насъ нѣть сына, умеръ онъ, говорю тебѣ, давно умеръ“. Тогда богатырь, желая увѣрить старика въ справедливости своихъ словъ, началъ разсказывать о томъ, какъ пришелъ къ нимъ, ѿль, жиль и хвораль. Только этимъ и могъ онъ увѣрить старику со старухой, что онъ дѣйствительно похоронненый сынъ ихъ. Радость старика со старухой настолько была велика, что съ ними случился обморокъ. Придя въ себя, они начали суетиться около богатыря, но онъ сказаъ имъ: „Вы вотъ лучше похлопочите о моемъ сынѣ и женѣ—и указаъ на нихъ—а обо мнѣ не беспокойтесь,— я вѣдь богатырь, и въ вашей помощи не нуждаюсь“. Тогда старуха схватила на руки внука и няячилась съ нимъ: заверты-валъ въ соболиный мѣхъ поила, кормила и не знала куда и поло-

¹ Подъ словомъ „джянъ“ якуты разумѣютъ самый актъ родовъ и предродильныи боли, а также этимъ словомъ обозначается повторнѣе и болѣзнь.

житъ. Богатырь остался жить у своихъ прежнихъ родителей и занялся хозяйствомъ. Прошло 3 года съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ; крѣпко онъ соскучился, потому что не съ кѣмъ было помѣряться своими силами, а вокругъ нельзя было встрѣтить ни одного богатыря.

Разъ онъ и говорить старику: „Когда-то у меня были родные отецъ и мать; какъ-то они живутъ безъ меня, живы-ли, здоровы-ли? Надо бы сѣѣздить и провѣдать ихъ“. „Это доброе дѣло, отвѣчаетъ старики, поѣзжай, узнай какъ они живутъ, я не удерживаю тебя“. „Ты, старики, не сердись на меня за то, что яѣхать хочу, но лучше благослови въ добрый путь: вѣдь дорога-то не ближняя.“

Когда всѣ приготовленія для путешествія были кончены, старики и старуха со слезами на глазахъ благословили своего сына, внука и невѣстку; особенно горькими слезами заливалась старуха, прощаюсь со внукомъ. „Стара я стала, голосила она, посѣдѣй разъ смотрю на тебя: умру скоро и ты не пріѣдешь сюда провѣдать меня, а если и пріѣдешь, то кости мои въ землѣ будуть лежать“. Богатырь съ семействомъѣхалъ 7 лѣтъ; на пути ему не встрѣчались не только человѣкъ, но и птица. Все было тихо: онъѣхалъ по пустынѣ, чрезъ непроходимые лѣса и горы. Вотъ, наконецъ, пріѣхалъ на старое мѣсто, гдѣ жилъ, будучи мальчикомъ; едва узналъ его по примѣтамъ, потому что старое жилье травой обросло; никакихъ слѣдовъ не осталось отъ того, что тутъ когда-то жили люди. Оставилъ жену и сына на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ, онъ самъ пошелъ на поляну разыскивать березу. Насилу узналь онъ ее: она изъ цвѣтущей, высокой, съ большими красивыми вѣтками, превратилась въ дряблую и худую; вершина ея была уничтожена огнемъ; сучья обгорѣли и неуклюже торчали, какъ сломанные олены рога. Постучалъ онъ въ березу—она издавала только глухой, дребезжашій звукъ, какъ будто средина ея была пустая, а края гнилые. На стукъ вышла дряхлая женщина, похожая на русскую старуху, вся сѣдая; лицо ее было все въ морщинахъ. „Это ты меня спрашивалъ?“ спросила женщина. „Я“.
„Что надо?“ „Скажи мнѣ: не знаешь ли, гдѣ мой отецъ и мать, что жили здѣсь?“ „Да ты развѣ сынъ ихъ?“ „Сынъ“, отвѣчалъ богатырь.
„Правду ты сказывалъ мнѣ тогда, что дѣвка-то у нихъ нехорошая. Зачѣмъ ты тогда не остался жить? вѣдь я тебѣ говорила, что не надо уходить отъ насть. Какъ только ты ушелъ, дѣвка-то вѣхъ насть огнемъ и спалила; а гдѣ твои отецъ и мать, спрашивавшая меня, того я не знаю; но какъ-то слышала: все у насть горѣло, твой жеребецъ и быкъ провалились сквозь землю; только это я и знаю, а больше ничего не знаю и ни о чѣмъ не спрашивай меня: сама я теперь состарилась, никуда не хожу, еле ноги двигаю“. Промолвивъ это, она тихо скрылась въ березу. Печальный шель богатырь обратно къ женѣ и сыну; вдругъ слышить шумъ будто громъ гремитъ; оглянулся онъ и видѣть съ сѣвера идѣть конь съ 4-мя

кобылами, быкъ съ 4-мя коровами, съ опаленной въ огнѣ шерстью. Подойдя къ нему, они стали обнюхивать его, будто желали его узнать. „Откуда богъ послалъ намъ хозяина? проговорилъ конь, радуясь. Мы безъ тебя едва не пропали всѣ: дьяволъ, носившійся у твоего отца, подъ видомъ дѣвчонки, хотѣлъ огнемъ насть всѣхъ спалить, но мы кое-какъ спаслись, ушли въ землю, и, какъ видишь, остались только безъ шерсти“. „Гдѣ же отецъ и мать мои?“ „Знаю, отвѣчалъ конь; они дьяволомъ опущены въ 7 саженную яму, гдѣ они сидятъ до сихъ порь. Это недалеко отсюда“. „Скажите мнѣ, какъ васъ дьяволъ-то жегъ?“ „Онъ вышелъ на дворъ юрты, дыхнулъ первый разъ—изъ рта и пошло пламя, какъ огненная рѣка; куда свою дьявольскую морду поворачивалъ, тамъ и пожаръ начинялся; второй разъ дыхнулъ—выскочила изъ рта его коза, въ которую онъ обернулся, и побѣжалъ онъ на западъ“. Конь привезъ богатыря къ ямѣ, въ которой лежали отецъ и мать, еле живые, всѣ выпачканные въ грязи. „Что, каково вамъ тутъ лежать?“ спросилъ богатырь, взглянувъ на нихъ. „Охъ, плохо, сынокъ пашь!“ отвѣчали оба разомъ, старикъ и старуха. „Подѣломъ вамъ, началь ругать ихъ богатырь, вы не слушали меня, когда я вамъ говорилъ, что у насъ дѣвка-то дьяволъ, а не человѣкъ; только знали тогда меня бить, да проклинать, только мучили меня. На чьей же сторонѣ правда теперь, на вашей или на моей? Вотъ что ваша любезная дочь сдѣлала съ вами! Полюбуйтесь!“ „Прости насъ, дорогой нашъ, золотой сынъ! Глупы и несправедливы мы были къ тебѣ“, сказала старуха. „Выручи насъ изъ бѣды!“ добавилъ старикъ. „Полежите еще тутъ, такъ будете довольны“, отвѣтилъ на это сквозь зубы богатырь. „Кто васъ будетъ вытаскивать изъ этакой ямы, оставайтесь тутъ“, вскочилъ на коня и поѣхалъ обратно. Злоба кипѣла въ душѣ богатыря въ это время; онъ никакъ не могъ простить обиды, нанесенной ему родителями за то, что у нихъ нашлось больше любви къ дьяволу, нежели къ нему. „Однако ты нехорошо сдѣлалъ, что не простила своимъ родителямъ обиды, сказала жена, выслушавъ разсказъ мужа о свиданіи съ ними; они, бѣдные, и такъ много помучились, лежа грязные въ сырой ямѣ“. Богатырь на это ничего не сказалъ. Послѣ этого онъ выстроилъ себѣ хороший домъ и сталъ заниматься хозяйствомъ. Скотъ у него быстро плодился и всего было вдоволь съѣстного. Но мало-малу злоба уступала въ сердцѣ богатыря жалости. Жена его, понявъ, что происходитъ въ душѣ его, стала уговаривать: „Зачѣмъ ты такъ долго сердишься на родителей, грѣшишь сердиться: вѣдь, старые, много выстрадали; ты знаешь, въ какомъ они горѣ теперь лежать въ ямѣ; подумай хорошенько, если бы съ тобой это случилось, что съ ними, чтобы ты думалъ теперь; поди, достань и приведи ихъ сюда“. „Хорошо, согласился богатырь съ мнѣніемъ своей жены, плакавшей во время этого разговора, слезы твои тро-гаютъ меня, пора и простить, оставить месть.“ Въ тотъ же день

онъ ъхалъ уже на своеи конѣ за отцемъ и матерью. „Вставайте старики, выходите изъ ямы, довольно належались, я пріѣхалъ за вами“, сказалъ богатырь. Слезы радости показались на глазахъ родителей, но они не шевелились; отъ голода и холода они почти умирали. Богатырь вскочилъ въ яму, выбросилъ ихъ изъ нея, посадилъ на своего коня и привезъ домой, гдѣ жена вымыла, накормила, напоила ихъ, одѣла въ хорошую, чистую одежду—и старые ожили; ласками и угощеніями она заставила ихъ забыть всѣ непріятности, какія они вынесли со дня отлучки сына, бросившаго ихъ въ руки дьяволу. Но только одинъ богатырь никакъ не могъ помириться со случившимся, никакъ не могъ простить дьяволу, что онъ такое злодѣйство учинилъ ему, и все думалъ, какъ бы отомстить ему.

Разъ встаетъ богатырь по утру и говоритъ своему семейству: „А дѣвку-то, что имущество наше пожгла, надо розыскать и наказать прімѣрно, чтобы впредь неповадно было дѣлать пакости. Я сегодня поѣду“, добавилъ онъ, снимая со стѣны плеть. „Лучше я, отецъ, пойду, говорить сынъ, а ты сиди дома, дьяволъ убьетъ тебя, если поѣдешь“. „Гдѣ же тебѣ мальчишкѣ ъхать, отвѣчалъ съ сердцемъ отецъ, сиди знай дома, вѣдь у тебя на губахъ еще материно молоко не подсохло; ты думаешь, шутка дратъся съ дьяволомъ—выкинь это изъ головы“. „Ты, отецъ, ъдешь, проговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія сынъ, можетъ быть, не скоро воротишься, а я уже стала большой, но у меня до сихъ поръ нѣть имени, дай мнѣ имя!“ „Хорошо, я дамъ тебѣ имя; оно будетъ такое: младшій сынъ бѣлага бoga“. Богатырь, простившись съ семьей, проводившей его съ плачомъ, поѣхалъ по необозримымъ лѣсамъ, уныло глядѣвшимъ на него, высохшимъ отъ дьявольского пожара, съ неуклюжими сучьями, которые немилосердно цѣпляли и рвали богатырскую одежду и царапали коня.

Вездѣ царствовала тишина, только изрѣдка разные звѣри, за слышавъ присутствіе человѣка, оглашали тишину эту своимъ звѣринъмъ ревомъ, убѣгая прочь съ дороги, да птицы сидѣли на сучкахъ и съ любопытствомъ посматривали на проѣзжаго, не боясь его стрѣль и лука, висѣвшаго за спиной, взятыхъ съ собой на всякий случай; но богатырь, погруженный въ свои думы, ни на что не обращалъ вниманія; только разъ случайно онъ обратилъ почему-то свое вниманіе на двухъ воронъ, черную и пеструю. Взялъ богатырь свой лукъ въ руки, поднялъ его кверху, прицѣлился, собрался уже убить ихъ, спускаетъ тетиву, но никакъ не можетъ. „Что за чудо, думаетъ онъ, надо же, наконецъ, убить птицъ“. Началъ ходить вокругъ дерева, ходилъ 7 лѣтъ и никакъ не могъ убить, такъ что около дерева вытоптали яму кольцомъ. Наконецъ, говорить воронамъ: „Вижу, что вы не простыя вороны, но въ васъ живетъ духъ силы; скажите мнѣ, гдѣ живетъ Нэгэй-тугутъ (злая лѣнтийка)?“ „Знаемъ, „отвѣчали вороны. „Гдѣ же? укажите мнѣ доро-

гу туда". „Поѣзжай все прямо на сѣверъ лѣсомъ, не придерживаясь дороги и доѣдешь до такого мѣста, гдѣ половина солнца и мѣсяца чѣмъ-то заслонены и сумрачно освѣщаются землю, небо всегда бываетъ закрыто тучами и плачетъ горькими слезами, земля стоитъ, вѣтеръ то жалобно воетъ, то шумитъ, какъ будто сердится на что-то; своими порывами онъ никакъ не можетъ разорвать облака; но на твое счастіе, когда ты будешь драться съ Нэгэй-тугутъ или ея мужемъ, они прорвутся для того, чтобы тебѣ удобнѣе было сражаться. Далеко не доходя до мѣста жилища ея, ты услышишь страшный лай собакъ, продолжали вороны, вой волковъ, ревъ медвѣдей и другихъ звѣрей,—то сторожа жилища злой бабы, засыпавъ твое приближеніе, заревутъ, стараясь разорвать желѣзныя веревки, которыми они привязаны; но ты этого разнообразного рева и крика звѣрина не бойся, иди смѣло. Юрта Нэгэй-тугутъ обнесена оградой, вмѣсто столбовъ стоять страшилища, голова у которыхъ человѣческая, а туловище конское. Разставлены по-парно, рожами обращены другъ къ другу, на рожѣ одного будуть изображены великия слезы, у другого—смѣхъ надъ этими слезами. Въ оградѣ увидишь круглую, высокую, гладкую скалу, на которой въ одномъ мѣстѣ будеть надпись; это мѣсто ты прошиби своей плетью и образуются двери; войдя въ нихъ, увидишь на днѣ скалы красивую женщину, похищенную у покровителя земныхъ боговъ (вечѣтѣ сиргээнѣ¹), украденную злымъ духомъ Иллерь этанъ у ола бура дохсунъ (сердитымъ сыномъ воды кипящаго грома, мужемъ злой бабы). Хотя вѣты и разорвутъ обѣлька для тебя, но ты едва ли побѣдишь Нэгэй-тугутъ (злую бабу) съ мужемъ, потому что они очень сильны. Они вдвое навѣрное тебя убьютъ, и если тебѣ будетъ очень плохо, тогда закричи намъ погромче: явитесь ко мнѣ, черная и пестрая вороны; мы прилетимъ и тебѣ сдѣлаемъ добро". Сказавъ это, вороны сѣли въ гнѣзда.

Сколько времени послѣ этого Ѣхаль богатырь, онъ не зналъ, потому что впалъ въ необъяснимое беспокойство, кончившееся у стѣнъ ограды дьялововъ, гдѣ желѣзные медвѣди, собаки, волки и прочіе звѣри, привязанные желѣзными веревками издавали невообразимый ревъ и лай. Богатырь разломалъ ограду, уничтоживъ двухъ чудовищъ съ человѣческой головой и конскимъ туловищемъ, зашелъ въ ограду, гдѣ увидалъ, какъ говорили вороны, скалу, просѣкъ своей плетью написанное на ней, отперъ двери и вошелъ во внутрь ея; тутъ увидалъ молодую, красивую дѣвушку, сидѣвшую на полу скалы у очага; держа въ своихъ рукахъ человѣческую голову, она жарила ее на пылающемъ огнѣ; у ногъ ея ле-

1) „Сирѣ“—замылъ и „гээнѣ“—приставка, такъ что подъ этими двумя словами разумѣются вообще—„землиной“.

жало мертвое чудовище съ человѣческой головой, предназначенное для жаркого.

Въ лицѣ дѣвушки свѣтили 3 солнца, а сзади 3 мѣсяца; брови были у ней черныя какъ сажа или перья ворона, лицо чистое, бѣлое, серебряное, глаза небеснаго цвѣта, и издавали они искры. Кончивъ жарить человѣческую голову, дѣвушка подошла къ золотому столбу, стоявшему по срединѣ жилища, обвила ихъ 8 саженными волосами и стала чесать бѣлымъ гребнемъ. Темные углы жилища, когда она поварабивалась, освѣщались солнцами и мѣсяцами. Тѣло ея было прозрачно: чрезъ бѣлую кожу на головѣ былъ видѣнъ мозгъ какъ чрезъ чистое стекло, а въ открытыхъ частяхъ тѣла были видны кости и мозгъ. Она скорѣе всего напоминала собой привидѣніе, чѣмъ человѣка. Окончивъ свои занятія, дѣвушка остановилась у горящаго огня и задумалась надъ чѣмъ-то. Затѣмъ проговорила, не подозрѣвая присутствія богатыря: „Видѣла я сегодня ночью сонъ, будто пришелъ богатырь и началъ драться съ дьяволами, моими мучителями; но сонъ былъ прерванъ, и я не знаю, чѣмъ кончилась драка. Кто, впрочемъ, можетъ прйти и сражаться съ такими сильными дьяволами, кто можетъ имъ сопротивляться? Никто.“ „Я“, отвѣчалъ на это богатырь, до сихъ поръ стоявшій безмолвно въ углу. Дѣвушка, предполагая, что съ ней никого нѣть, испугалась человѣческаго голоса, обернулась въ ту сторону, где стоялъ богатырь, бросила въ него жареной человѣческой головой, разбившейся въ дребезги отъпаденія на полъ. „Да, я избавлю тебя отъ дьявольскаго заточенія и возьму въ невѣсты своему сыну. Мнѣ жаль тебя, продолжалъ богатырь, что ты, такая красавица, пропадаешь даромъ у дьяволовъ“. „Много лѣть живу я здѣсь и ни разу не видала человѣческаго лица, откуда и кто ты?“ „Я пришелъ наказать твою хозяйку за то, что она причинила моимъ родителямъ зло“—и онъ рассказалъ все, что было нѣсколько десятковъ лѣть тому назадъ.

Испугъ смѣнился у дѣвушки радостью послѣ разсказа богатыря; она напоила, накормила его и спать уложила. Богатырь проснулся на другой день и не почувствовалъ никакой усталости; отыхая, онъ прожилъ нѣсколько дней въ качествѣ гостя. Втѣмъ въ одно утро проснулся богатырь, слышитъ какой то необыкновенный шумъ; съ неба падаетъ дождь, слякоть, деревья, пошатываясь, валятся на землю; даже псы, волки, медведи и тѣ перестали шумѣть. „Дочь злой бабы ёдетъ!“ сказала дѣвушка, вся испуганная, бѣгая по жилищу, какъ сумасшедшая. „Бѣда будетъ мнѣ! Я забыла сказать тебѣ, что она должна сегодня прїѣхать отъ своего мужа, который живеть около моря, на дѣвъ котораго изъ земли бывать деяtrиные ключи, такъ что вмѣсто воды въ немъ есть деготь. Спасайся богатырь! Спасайся! Прячься куда-нибудь“, кричала дѣвушка, не знаяшай, за что взяться отъ ужаса. „Зачѣмъ я буду прятаться? отвѣчалъ спокойно богатырь. Ты сиди здѣсь, а я выйду навстрѣчу

твоей хозяйкѣ. Взялъ свой лукъ и плеть, хотѣлъ было идти, но дѣвушка удержала его. „Постой! Ты не убѣшь ее такъ, не зная слабаго мѣста: она вѣдь вся жегвзная, носить же лѣзную шубу—ни стрѣла твоя, ни плеть ее не проймутъ, но у нея есть подъ правой мышкой одно небольшое живое мѣсто, въ него ты и стрѣлай, и если удачно хватишь, то убѣшь своей стрѣлой“. Вотъ выходитъ богатырь за ограду: видѣть, єдетъ 4-гранная дочь злой бабы на одноглазомъ, на однорогомъ, двуногомъ быкѣ въ саняхъ о 8 копыльяхъ. Богатырь подбѣжалъ и ударила плетью быка въ лобъ; отъ удара онъ попятился назадъ, и стала какъ вкопанный на одномъ мѣстѣ. Дочь злой бабы разсердилась, стала бить быка, но не смотря на это, онъ не двигался. Она распрыгla быка, сломала сани и начала нюхать воздухъ. „Я слышу какой-то вкусный запахъ, хорошо будетъ поѣсть, сказала дочь злой бабы. Что это такое? Меня кто то укусилъ и кусочекъ мяса выпалъ изъ подъ мышки“, сказала она, когда богатырь сдѣлалъ выстрѣлъ изъ лука въ нее. „Ахъ, ты, подлая чертовка, у тебя, мерзавка, нѣть ни души, ни сердца, даже старииковъ не пожалѣла, бросила въ яму и имущество ихъ сожгла“, закричала богатырь, быстро подбѣжалъ къ ней, нанося удары по лицу, таскалъ ее за 8-саженную косу по землѣ. „Зачѣмъ ты разорвла моихъ родителей?“ „Да это братецъ мой! Ты ли это? Давно не видались, пріятно видѣть дорогого желанного гостя! Какими судѣбами пришелъ сюда вавѣстить свою сестру“, проговорила баба злобно улыбаясь и такъ громко при этомъ захочатала, что лѣсъ содрогнулся, и даже у богатыря мурашки по кожѣ пробѣжали. „Нечего тебѣ, чертова дочь, по пусту болтать! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ, подлая“, съ яростью ударяя по лицу своей плетью, кричала богатырь. „Приими же и самъ гостинецъ отъ меня!“ и баба размахнулась и ударила богатыря такъ сильно въ грудь, что тотъ едва не упалъ. Удары съ той и другой стороны такъ сильно сыпались и такъ часто, словно нѣсколько дровосѣковъ дрова въ лѣсу рубили. Дрались они такъ 3 года. Наконецъ дочь злой бабы начала ослабѣвать; предчувствуя, что богатырь ее убѣшь, если не подоспѣть мужъ, начала она кричать и звать его: „Развѣ ты не слышишь, что мнѣ плохо: злой человѣкъ меня хочетъ убить! явись немедленно; если не явишся, меня мошенникъ убьетъ.“ Вдругъ является самъ дьяволъ съ шумомъ, вѣтромъ, слякотью и дождемъ, такой большой, что, стоя ва дорогѣ, заслонилъ солнце и луну. „Откуда ты явился, молодецъ—такой смѣлый, что смѣешь мою жену обижать?“ Ты знаешь откуда я, угловатая рожа“, отвѣчалъ богатырь. Началась неравная борьба, продолжавшаяся два года. Жена дьявола начала ослабѣвать; богатырь, замѣтивъ это, изловчился и пнулъ ее такъ сильно, что она за 7 верстъ отлетѣла въ сторону. Но дьяволъ оказался сильнѣе богатыря и вотъ онъ чувствуетъ, что если еще немного продолжится борьба, то дьяволъ навѣрно его убьетъ.

Въ эту минуту конь, оставившій его, когда онъ приблизился къ жилищу дьялововъ, вдругъ спустился съ неба и началъ бить копытами врага, хотя особенного вреда и не могъ нанести ему. Богатырь обрадовался, приказываетъ коню: „Обѣгай къ черной и пестрой воронамъ, скажи, пускай онъ извѣстятъ моего сына, что я усталъ и если онъ замедлить, то дьяволы меня убьютъ.“ У коня въ одно мгновеніе выросли крылья золотыя, онъ поднялся и полетѣлъ на вѣдьмъ быстрѣ молнии; отправивъ воронъ къ сыну, самъ вернулся къ хозяину.

Въ это время злая баба отдохнула и принесла помочь мужу. „Скорѣе иди на выручку къ отцу“, сказали вороны сыну богатыря, „дьяволы хотятъ убить его; что ты спиши тутъ? добавили онѣ; садись скорѣе на крыло и полетимъ.“ Летѣли они такъ быстро, что лоскутокъ, брошенный въ огонь, вѣ успѣлъ сгорѣть, какъ они уже были на кѣстѣ драки. Сынъ богатыря схватилъ дьявола за косу и началъ бить, приговаривая. „Ты думаешь, у моего отца нѣтъ сына? думаешь, онъ безродный какой нибудь? ошибся. Тебѣ захотѣлось пойти мяса старика; вѣдь оно не вкусно; а вотъ вмѣсто этого попробуй моего кулака, я ловко тебя угошу“ — и биль его 4 года. Видя, что скоро его убьетъ говорить дьяволу: „Скажи мнѣ тайное слово, ты, можетъ быть, печалишься, что я тебя скоро убью; у тебя есть не оконченная дѣла, я какъ честный человѣкъ выполню ихъ, если ови хорошія“. Но дьяволъ ничего не сказалъ, а, чувствуя свою погибель, захотѣлъ провалиться въ землю. Въ то время, когда онъ проваливался, сынъ богатыря схватилъ его за ногу, разорвалъ на двѣ части, разсѣкъ по кусочкамъ мясо и разбросалъ на всѣ 4 стороны. Покончивъ съ дьяволомъ, оглянулся и видѣть, что отецъ его все еще не можетъ одолѣть старухи, подбѣжалъ къ ней, устранивъ отца, схватилъ ее за косу, привлекъ къ себѣ, переломилъ шейные позвонки, оторвалъ голову, носиль на рукахъ, продолжая бить молоткомъ. Наконецъ собралъ всю силу и ударила въ голову такъ крѣпко, что она разлетѣлась въ дребезги. Только остался одинъ лѣвый глазъ съ надбровной kostью. Глазъ говоритъ ему: „ты радъ, что моимъ мясомъ накормиши всѣхъ чертей; не радуйся, когда у тебя отъ брака съ моей рабой, дочерью земного покровителя родятся сынъ и дочь, въ то время, когда сынъ въ состояніи будетъ держать лукъ въ рукѣ, а дочь вожницы, я приду къ тебѣ“. Проговоривъ это, глазъ ушелъ въ землю, выскользнувъ изъ руки. Молодой богатырь взялъ дочь земного покровителя себѣ въ жены и отправился съ отцомъ домой.

4) Преданіе о Жиганской Огропемѣ (Аирафенѣ), русскомъ чертѣ.

По разсказамъ якутовъ, когда-то, не доѣзжая до Жиганска 90 верстъ, по срединѣ р. Лены, на островѣ, виднѣющемся весьма далеко, жили 3 сестры Огропели благороднаго происхожденія. Онѣ

были сосланы начальствомъ за что-то, а иные, передавая этотъ же разсказъ, говоритьъ, что это были не настоящія женщины, но черти въ образѣ женщинъ, поселившіеся на островѣ для того, чтобы братъ къ себѣ людей, проѣзжающихъ по Ленѣ мимо. Долго якуты плавали на своихъ вѣткахъ, маленькихъ берестяныхъ остроконечныхъ лодочкахъ, мимо острова и всегда неблагополучно, т.-е. черть каждый разъ брали ихъ себѣ, предварительно потопливъ въ водѣ. Плынутъ, бывало, въ ясную, тихую погоду по Ленѣ, ни одной волны нѣть, но какъ только начинаютъ подплывать близко къ острову, сейчасъ поднимается буря, волны заливаютъ вѣтку, и якуты тонутъ. Долго они не знали истинной причины своего несчастія, но наконецъ, оюнъ (шаманъ), потерявшій самъ единственнаго сына между островомъ и берегомъ, узналъ по внушенію свыше, что тутъ живутъ черти подъ видомъ женщинъ, поселившихся для того, чтобы братъ людей, и всякому, желающему проѣхать благополучно мимо острова, сгѣдуетъ дать подарокъ чертамъ, заключающейся въ томъ, что любить русскіе черти напр. табакъ, ладонь, свѣчи, хлѣбъ, снѣдь и проч., положить все приношеніе въ маленькую берестяную лодочку, заранѣе приготовленную и отпустить на воду, наблюдая, если лодочка поплыветъ къ острову—то это хороший признакъ, если же нѣть—плохой. Такъ и стали поступать во времяѣзда мимо острова, и къ немалому удивленію всякихъ, поступавшій по совету оюна, оставался здравъ и невредимъ, потому что Огропела, повелѣвающая вѣтрами, для всякаго, привнесшаго ей подарокъ, велить вѣтру утихнуть, если онъ бушуетъ, и онъ утихалъ, для того чтобы путникъ проѣхалъ благополучно. Но случалось и такъ, что Огропела не принимала подарка отъ такого путника, который пожалѣлъ назначенное для нея, и тогда онъ неминуемо погибалъ въ холодныхъ ленскихъ водахъ. Всякий случайно пристававшій къ острову, находясь на немъ, какъ и во время проѣзда мимо, не произносилъ ни слова громко, дабы не услышала Огропела и не разсердилась на нарушителя покоя, вѣчно царствующаго у нея.

Впослѣдствіи черти превратились вмѣстѣ съ юртой Огропелы въ каменный столбъ, вершина которого видна за 50 верстъ. Культь черта возникъ у якутовъ, сталкивавшихся съ непонятными явленіями природы, во время младенческаго ихъ состоянія и старавшихся обыкновенному явленію, придать характеръ сверхъ-естественнаго. Обладая пытливымъ, богатымъ умомъ и живымъ воображеніемъ, они полагали, что стихійныя силы дѣйствовали подъ вліяніемъ живыхъ существъ. Однимъ словомъ, они во всякому непонятномъ для нихъ явленіи, старались найти причину: ни одна изъ нихъ не оставалась неоткрытою, и вотъ какимъ образомъ къ богатой якутской демонологіи присоединился и русскій абагы (чертъ), живущій иногда въ птицахъ, звѣрахъ, въ во-

дѣ и проч. и иносящій вредъ людямъ. Оюнъ, призванный иногда въ качествѣ врача къ постели больного для врачеванія, всегда открывалъ причину болѣзни, а затѣмъ и средства лѣченія.

Если оюнъ говорилъ, что надо умилостивить русскаго абагы, то ставили предъ изображеніемъ Огропелы восковыя свѣчи, на горячіе угли клали ладонь, поили водкой, угощали пряниками и хлѣбомъ и пасль угощенія больному дѣлалось лучше или хуже. Заболять наир. глаза у якута, призывали и призываютъ понынѣ въ отдаленныхъ пунктахъ отъ русскихъ поселеній, куда духъ христіанства еще не совсѣмъ проникъ, оюна, который во время объясненій съ добрымъ духомъ узнавалъ, что годъ тому назадъ больной застрѣлилъ ворону или убилъ бѣлку: въ ней жилъ абагы, но не якутскій, а русскій—вотъ онъ и наказалъ за это больного, и чтобы избавиться отъ болѣзни, надо его задобрить, иначе глаза долго будутъ болѣть, и русскому абагы курился еиміамъ. Вотъ копія съ документа, отчасти подтверждающая сказанное сейчасъ, списанная мною дословно, съ хранящагося при дѣлахъ Сунтарской церкви, Вилуйскаго округа.

«Благородному и почтенному Г. Олекминскому комиссару, Василию Федоровичу Максимову, Сообщеніе. Состоящіе въ вѣдѣнія вашей округи Олекминской, нарочіи Сунтарской (нынѣ Вилуйскаго округа) въ 8 якутскихъ волостяхъ новокрещеные и некрещеные якуты на собраніяхъ своихъ нижеслѣдующіе законопротивные поступки (далѣе слѣдуетъ чистое мѣсто и вѣроятно, уничтожившееся слово, — „чинять“) 1, некрещеные по своему заблужденію и суевѣрію производятъ шаманство, также и нѣкоторой, ими обожаемой, жиганской Огропелѣ приносятъ жертву, и во время то приглашаютъ крещеныхъ, которые и сами произвольно на оныя позорища стекаются, какъ сами, жены и дѣти ихъ бывають и освѣрняются тѣмъ идоложертвеннымъ приношеніемъ, а притомъ ставятъ свѣчи и курятъ ладономъ, слѣдовательно производятъ то, что посвящено Богу, тѣмъ жертвуютъ дьяволу. 2. Когда крещеные якуты мужескаго полу высватываютъ себѣ въ жены дѣвку, или выдастъ отецъ и мать, одинъ заплатя малую часть, а другой (части) не получая, несовершивъ браку, безъ всякого зазору и не поставляя оное во грѣхъ, позволяютъ сообщаться блуднымъ житіемъ и приживши дѣтей, уже потомъ къ законному браку приступаютъ и о нашемъ даемомъ къ тому наставлениіи ни мало не уважаютъ. 3. Нерѣдко изъ нихъ безъ нашего вѣдома по невѣдѣнію и различію кровнаго родства и духовнаго свойства, кумовства и крестнаго братства берутся въ ближайшемъ родствѣ и чрезъ то впадаютъ въ тягчайшіе грѣхи, также иногда несуть и важной условокъ чрезъ лишнія колыма, которымъ по правиламъ св. Отцѣвъ положено разлучаться въ разсужденіи ихъ къ браку препятствующихъ причинъ, а они потомъ ни мало не

радѣютъ и всѣ наши наставлени¤ пренебрегаютъ и живутъ беззаконно. 4. Весьма часто встрѣчается какъ-то: больные умираютъ безъ покаянія, младенцы безъ крещенія за нерадѣніемъ ихъ отцовъ и матерей и родственниковъ, а затѣмъ и в. рѣдко бываютъ отъ нихъ повѣстки, но и тѣ за непроводомъ лошадей въ разсужденіи дальнаго разстоянія въ такихъ случаяхъ помираютъ безъ надлежащаго напутствованія по долгому христіанскому. 5. Изъ части показанныхъ и нородцевъ по близости живущихъ къ святой церкви какъ есть отъ 6 до 30 верстъ, которыми хотя и извѣщается въ праздники двадесятые, воскресные, высокоторжественные и викториальные дни, также въ получаемые для обнародованія манифести къ слушанью оныхъ явиться ослушаются. 6. Изъ числа же оныхъ крещеные якуты отдаютъ дочерей своихъ на блудъ въ наложницы въ другія сверхъ законныхъ женъ къ некрещенымъ, а также берутъ къ себѣ въ наложницы некрещеныхъ дѣвокъ и бабъ. 7. Крещеные якуты живутъ у некрещеныхъ, которые яко некрещеные съ ними живутъ и во время оно по ихъ легкомыслию въ производимомъ шаманствѣ и въ приношени¤ идоламъ жертвъ бываютъ и тѣмъ оскверняются, а также и не имѣютъ при домахъ святыхъ иконъ и такъ безъ моленія, яко некрещеные, продолжаютъ жизнь свою и умираютъ. И для того съ прописаніемъ вышеизложенныхъ причинъ, обращаемся къ вашему благородію, съ покорнѣшо и всенижайшо просьбой, чтобы соблаговолено было кому слѣдуетъ подтвердить и имѣть въ томъ неослабное наблюденіе, дабы мы по долгому нашей должности надлежащимъ образомъ не могли современемъ безвинно, яко юродивые быть подвергаемы правосудію Божію и Монаршему гнѣву. Февраля 16 дня 1880 года. Протопопъ Василий Поповъ и священникъ Іаковъ Поповъ. Дьячекъ Иванъ Поповъ."

5. Почему на лунѣ бываютъ черные пятна?

а) Жила на землѣ дѣвушка сиротка, имѣвшая послѣ смерти родителей небольшое хозяйство. Она не умѣла работать, такъ что хозяйство свое прожила, и осталась въ одной юртѣ. Улусный князь, дальній родственникъ, взялъ ее къ себѣ не изъ сожалѣнія, а съ корыстною цѣлью, чтобы имѣть даровую работницу. Работы въ домѣ князя было очень много. Работала сирота, не зная отдыха, и день и ночь, и вместо благодарности отъ злой жены князя получала только подзатыльники. Разъ въ лунную ночь, когда морозъ дыханіе человѣка превращалъ въ ледь, сиротка ныла за водой на сосѣднее озеро. Пришла къ проруби, продолбила ледь, наполнила ведра водой и пошла домой. Вотъ проходить по кустарникамъ, запнулась за талину, упала, ведра опрокинулись, вода пролилась. Стоить сирота и думаетъ: что ей дѣлать? Холодъ

все тѣло ея леденить. Идти назадъ нельзѧ, потому что прорубь затянуло льдомъ, значить вновь надо прорубать ее, а прорубить не хватить силъ; идти домой безъ воды нельзѧ—она будетъ бита женой князя. Стоить сирота и плачетъ. Серебристый мѣсяцъ тихо плыветъ по небу и смотрить на дѣвочку—сиротку: понравилась она ему, потому что была красавица. Сиротка, стоя, стала молить мѣсяцъ: „избавь, говорила она, бѣлый мѣсяцъ, меня отъ мученья, какое я переношу, живя на землѣ, гдѣ такъ холодно, гдѣ жена князя каждый день меня такъ бьетъ жестоко, гдѣ люди такие злые: никто изъ нихъ доброго слова не скажетъ.“ Услышалъ мѣсяцъ мольбу дѣвочки, паль къ ногамъ ея и хотѣль было уже взять къ себѣ, захватить ее за талию; но вдругъ въ это время падаетъ около ногъ ея солнце и тоже хочетъ взять сироту къ себѣ. Завязалась борьба между мѣсяцемъ и солнцемъ. Послѣднее оказалось сильнѣе первого, потому что солнце считается старшимъ братомъ, а мѣсяцъ его младшимъ братомъ. Мѣсяцъ, побѣженный солнцемъ, говорить ему: „вѣдь не къ тебѣ обратилась сирота съ мольбой, а ко мнѣ; теперь мое царство, потому что я хозяинъ надъ вселенной, а не ты; ты будешь царствовать завтра; да къ тому же ты можешь сжечь дѣвочку, поэтому она мнѣ и принадлежить.“ Разумное солнце поняло, что правда на сторонѣ мѣсяца и уступило сиротку мѣсяцу. Мѣсяцъ взялъ къ себѣ сиротку вмѣстѣ съ талией, за которую она ухватилась, испугавшись во время борьбы между ними, такъ что какъ она была съ ведрами на рычагѣ, положенномъ на плечи, такой она и виднѣется каждую ночь, когда весела. Но, глядя на землю, когда она видѣть, что на землѣ больше зла и неправды, правда же оказывается побѣженной зломъ, тогда лицо сиротки дѣлается мрачнымъ. Вотъ отъ чего бываютъ черные пятна на лунѣ.

в) Жила была дѣвушка—сиротка. Отецъ съ матерью у нея умерли отъ осipy; родныхъ у нея никого не было, такъ что она осталась совершенно одна въ своей юртѣ. Отъ отца ей осталось наслѣдство: старый, смирный конь и одна только телушка. Коня сиротка продала, чтобы было на что купить у купцовъ нѣсколько кирпичей чаю, а телушку должна была убить на мясо. Но вотъ мясо было съѣдено, чай отчасти вымыненъ на рыбу, и пришлось бѣдной сиротѣ совсѣмъ плохо. Были у нея сѣти, но она не могла, по малолѣтству, замѣтывать ихъ какъ слѣдуетъ, да еще и сосѣди обижали ее: тайкомъ вынимали рыбу, какая ловилась ея старой, перегнившей сѣтью. Пришлось бѣдной сиротѣ перейти на содержаніе наслега, а наслегъ рѣшилъ отдать ее къ комунибудь въ работу, только бы не тратить на нее рыбы. Много толковали объ этомъ на собраніи, много чайниковъ чаю выпили, пока, наконецъ, наслежный князь предложилъ взять сироту на воспитаніе. „Пусть она живеть у меня, работаетъ по дому, а я буду ее кормить и одѣвать,—въ

моей юртѣ найдется турсука соры, да къ тому же отецъ енъ былъ мой дагоръ (пріятель),¹⁾ заявилъ князь собранію и въ тотъ же день онъ посадилъ дѣвушку на своего коня, сѣль самъ и увезъ ее въ свою юрту. И стала бѣдная сирота жить у князя „хамначиткой“²⁾. Тяжело было бѣдной дѣвушкѣ таскать воду, колоть дрова въ тайгѣ и носить ихъ къ себѣ въ юрту, доить коровъ и дѣлать всякую тяжелую и черную работу. Случалось, когда она разсыплетъ тяжелую вязанку дровъ или принесетъ неполные турсуки воды, ее жестоко били, иногда самъ князь, чаще же всего его старая, злая „аміахсингъ“³⁾. Часто и сильно били бѣдную хамначитку, много она плакала отъ этихъ побоевъ. Въ холодную зимнюю ночь, такую холодную, что земля отъ мороза трескалась и гудѣла, какъ бубень шамана, хозяйка послала сироту принести воды изъ проруби на ближнемъ озерѣ. Взяла она тяжелую пешню, прорубила ледъ, набрала полные турсуки воды и понесла ихъ на коромыслѣ въ юрту; на дорогѣ оступилась въ тальникѣ, и вода изъ турсуковъ вся вылилась. Что было дѣлать бѣдной сиротѣ? Вернуться къ озеру она не могла: она была уже далеко отъ него, а ее ждала спѣшная работа,—идти въ юрту съ пустыми турсуками она боялась—злая аміахсингъ навѣрно прибѣть ее... И заплакала бѣдная хамначитка, и слезы замерзли у нея на щекахъ, но никто не видѣлъ ея слезъ; кругомъ на далекое разстояніе не видно было ни человѣка, ни животнаго: все живое попряталось отъ мороза въ юрты съ пылающими комельками, въ теплые хотоны. А морозъ становился все сильнѣй и сильнѣй,—издали доносились глухіе удары, подобно раскатамъ грома—то ледъ на озерѣ лопался отъ мороза и отъ этихъ ударовъ ночная тишина дѣялась еще страшнѣй. Видѣли плачущую хамначитку только блѣдный мѣсяцъ да „горящіе огни“⁴⁾, охватившіе полѣ-неба. И взмолилась бѣдная, замерзающая уже хамначитка къ мѣсяцу: „возьми меня къ себѣ, пожалѣй хоть ты меня; здѣсь никто меня не жалѣтъ: нѣтъ у меня ни отца, ни матери, нѣтъ во всемъ нашемъ наслегѣ ни одной юрты, гдѣ я могла бы спокойно погрѣться у комелька, возьми меня отсюда“⁴⁾...

Только успѣла она выговорить послѣднія слова, какъ мѣсяцъ упалъ къ ея ногамъ. Бѣдная дѣвушка какъ ухватилась отъ страха за талину такъ и замерла на мѣстѣ. Когда мѣсяцъ готовился уже взять ее, солнце, подслушавшее мольбу дѣвушки, прельстилось ея чудной красотой, скатилось съ неба и легло у ногъ ея рядомъ съ мѣсяцемъ. — Началась страшная борьба изъ-за дѣвушки между солнцемъ и луной; но бой былъ неравный. Солнце оказалось сильнѣе и скоро побѣдило луну. Тогда послѣднія взмоли-

1) Работницей.

2) Старуха, хозяйка.

3) Северное сіяніе.

лась: „О, великое солнце! Уступи мнѣ дѣвушку, зачѣмъ она тебѣ? Ты ходишь по небу днемъ и не доложь твой путь въ короткій зимній день,—мнѣ же скучно всю ночь бродить по небу одному и тоска давить меня, когда я смотрю съ высоты на скованную морозомъ землю: уступи мнѣ дѣвушку!“ Солнце великодушно уступило добычу побѣжденному мѣсяцу, и онъ, забравъ дѣвушку, поднялся въ вышину и спокойно поплылъ по небу. И теперь, если всмотрѣться въ мѣсяцъ ясной ночью, можно видѣть на немъ дѣвушку, держащуюся за талину съ коромысломъ на плечѣ. Бѣдная хамначитка, гонимая на землѣ, удостоилась безсмертія и будетъ жить до тѣхъ поръ, пока мѣсяцъ и небо будутъ существовать. Но иногда она временно умираетъ, тогда мѣсяцъ, сильно приязвавшій къ своей спутницѣ, чернѣеть отъ тоски, а люди говорятъ въ такихъ случаяхъ: „Луна затмилась“. Прекрасная дѣвушка быстро оживаетъ и лицо мѣсяца начинаетъ свѣтиться радостью.

6. Долбай.

Въ Видилюйскомъ округѣ, на Сунтарѣ, жилъ богатый якутъ Долбай. Богатство его заключалось въ дорогихъ мѣхахъ и скотѣ, которому онъ не зналъ счета. Быки и коровы были такие большие, что теперь такихъ рослыхъ нигдѣ не встрѣчается. Точно также не встрѣчается теперь и лошадей такихъ, какія были у Долбара: при большомъ ростѣ онѣ имѣли длинные предлинные рога, такъ что такихъ лошадей боялись медведи. Случалось, что у Долбара нечѣмъ было кормить табуны коровъ и лошадей; тогда онъ приказывалъ кулутамъ (рабамъ) прогонять въ лѣсъ каждый день по 9 штукъ къ Джогогой въ подарокъ. Какъ только скотъ, прогнанный кулутами входилъ въ лѣсъ, онъ превращался въ толстые деревья.

Долбай, тяготясь своимъ богатствомъ, призывалъ оюновъ (шамановъ) и приказывалъ властно просить Джогогой, который далъ ему богатство, чтобы онъ взялъ его обратно себѣ; но Джогогой не соглашался на это. Тогда Долбай былъ жестоко оюновъ за неудачные переговоры, хотя оюны и говорили Долбараю: „мы не можемъ приказывать богу, не можемъ съ нимъ спорить, потому что онъ богъ, а мы простые, незнатные якуты—значить, только говорить съ нимъ можемъ, но не приказывать.“ Долбай, видя безсиліе оюновъ въ переговорахъ съ богомъ, призвалъ къ себѣ Удаганъ (женщину, оюнку), которую послѣ неудачныхъ переговоровъ съ Джогогой, сѣкъ розгами 3 днія. Удаганъ была беременна и въ то время когда онъ ее былъ, она свою беременность передала 17-ти лѣтней дѣвушкѣ, которая превратилась въ оюнку и стала просить Джогогой по приказанию Долбара, чтобы тотъ взялъ скотъ обратно себѣ. Наконецъ, Джогогой объявилъ чрезъ новую оюнку, что когда сойдетъ снѣгъ съ земли, онъ велитъ своимъ работникамъ

скидать скотъ въ одну кучу и возьметъ его себѣ—такъ и сбылось. Долбарай¹ скоро послѣ этого замерзъ, а три сына богатыря поѣхали на то мѣсто, гдѣ стоять теперь Якутскъ, и здѣсь погибли въ дракѣ съ какимъ-то неизвѣстнымъ народомъ (омукъ), хотя каждому изъ нихъ покровительствовали боги; старшему изъ нихъ покровительствовалъ Ордахъ Джогогой, среднему Кюстахъ Кюгеникъ и младшему Долбанъ Ого Тулаэхъ.

6. Доюдусъ.

Въ Бостонскомъ улусѣ Якутскаго округа, жиль князь Доюдусъ. Онъ имѣлъ 4 жены. Каждый годъ, когда наступало лѣто, Доюдусъ праздновалъ ысѣхъ и приглашалъ гостей на этотъ праздникъ. Въ то время, когда гости сѣѣзжались всѣ, онъ приказывалъ своимъ жонамъ являться предъ ними въ чёмъ мать родила; раздѣвался, между прочимъ, и самъ, приказывалъ тоже дѣлать гостямъ безъ различия пола и возраста, и если кто не подчинялся этому, того били кулуты жестоко. Здѣсь разыгрывались страсти, и послѣ этого родившіяся дѣти, не знали своихъ отцовъ. Пиры эти оканчивались тѣмъ, что Доюдусъ приказывалъ съ живыхъ жеребца и быка снимать шкуры и пускать ихъ въ стадо коровъ и кобылицъ.

Если, случалось, что работники Доюдуса не въ состояніи были накосить столько сѣна, сколько надо было ему, тогда онъ призывалъ оюновъ, чтобы тѣ просили для него у Тангара (главное божество, живущее на 7-мъ небѣ), косарей. Но такъ какъ Тангара не давалъ своихъ косарей, то Доюдусъ былъ шамановъ. Разъ у Доюдуса явилось желаніе женить своего сына на дочери Хара Соронъ, а дочь свою отдать въ жены сыну Хора Сорона. Понятно, желаніе Доюдуса, передаваемое Сорону чрезъ оюновъ, платившихся жестоко своими спинами, не исполнялось, потому что Хора Соронъ не хотѣлъ породниться съ Доюдусомъ. Наконецъ, нашелся одинъ оюнъ, который шаманилъ 9 сутокъ. Шаманство на этотъ разъ было успѣшное, потому что Хора Соронъ согласился спустить съ неба своего сына и дочь, которые поѣхали къ Доюдусу на вороныхъ коняхъ. Оставивъ ихъ на дворѣ, они вошли въ юрту, гдѣ жилъ Доюдусъ, прошли около комелька не съ правой стороны, а съ лѣвой, какъ злые духи. Доюдусъ увидѣвъ гостей сталъ просить ихъ, чтобы они удалились обратно, но гости не послушались и всѣ, находившіеся въ юртѣ уснули.

7. О происхождѣніи комаровъ и почему они боятся дыма.

Абагы (злой духъ) и Тангара (богъ) сидѣли у дымящагося костра. Абагы ъѣль сору (квашеное молоко) и такъ много сѣѣлъ ее, что сталъ неприлично держать себя въ присутствіи Тангара, который

уговаривалъ Абагы не портить воздуха, производящаго комаровъ, но тотъ не слушался и каждый разъ какъ только Абагы произведеть что либо неприличное, сейчасъ же появлялись комары. Тангара, разсердившись на Абагы, взялъ дымящуюся головешку и ударилъ его по тому мѣсту, которое портило воздухъ, рождая комаровъ, которые съ этого времени стали бояться дыма.

M. Очинниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СМЪСЬ.

Этнографические заметки.

1. Обычаи при погребении во время эпидемий.

Въ с. Кузьминскомъ (Рязанс. губ. и у.) во время эпидемий (холеры, и пр.) съ цѣлью избавиться отъ нихъ, жители всего села отъ мала до велика, собираются къ избѣ покойника, выносятъ и провожаютъ его до церкви и далѣе до кладбища съ зажженными восковыми свѣчами, наблюдаютъ, чтобы последній обязательно горѣлъ во все времена процессій. Покойника опускаютъ въ могилу головою въ обратномъ общепринятымъ направлѣнію. Въ гробъ кладутъ—мужчины: лапоть, кочетыгъ и колодку, на которой плеются ланти, а женщины—донце, гребень съ наныкою и веретено (присло¹). Послѣ того какъ гробъ опустятъ въ могилу, на крышку его бросаютъ 12 отесанныхъ деревянныхъ клиньевъ, длиною въ 1 арш. и всѣ восковыми свѣчами, которыя были въ рукахъ у провожавшихъ покойника лица.

Этотъ обрядъ былъ въ точности совершенъ въ 1892 г., и когда холера не прекратилась, было рѣшено общими сходомъ, для прекращенія эпидеміи варить въ могилу съ покойникомъ, сверхъ указанныхъ предметовъ живую кошку. Вторичное приготовленіе къ шумной процессіи вызвало энергичное вмѣшательство духовенства и сѣвѣтской власти, окончившееся командиромъ въ Кузьминское войско для возвращенія порядка среди крестьянъ.

Въ с. Алёшиѣ (Ряз. г. и у.), (которое и. пр. по преданію считается родиной ц. Натальи Кирилловны), крестьяне въ борьбѣ противъ скотского падежа, считаютъ лучшимъ средствомъ зарываніе двухъ жи-

1) Обычай класть съ покойникомъ въ гробъ некоторые предметы встрѣчается и при обыкновенномъ погребеніи: въ с. Коцкѣвѣ (Ряз. губ.) съ покойникомъ кладутъ мѣдную или серебряную монету для „откупа мѣста“; въ с. Вахинѣ, Новоселкахъ, Дубровичахъ существуетъ обычай класть къ гробъ сѣно и стружки отъ гроба; въѣхѣвшихъ другихъ деревняхъ той-же Рязанской губ. стружки отъ гроба выносятъ въ поле. Во многихъ изъстахъ кладутъ въ гробъ сосудъ, изъ которого, „соборовали“ покойника передъ смертью. Посуду, изъ которой обмывали покойника, выносятъ изъ дома вслѣдъ за покойникомъ и бросаютъ или бьютъ, а въ с. Вахинѣ ее весятъ къ церкви и оставляютъ на пантеры.

ныхъ кошекъ въ имъ вмѣстѣ съ павшимъ животнымъ. Послѣдній слу-
чай пришѣвія этого обычая имѣлъ вмѣсто въ 60 лѣтъ годахъ.

II. Опахивание деревни во время эпидемій.

1) Въ Рязанск. г. и у., С. Кузьминское: Опахивание совершается съ цѣлью очищенія жѣстности отъ заразительныхъ болѣзней животныхъ и людей. Опахивание совершаютъ рѣдовы и дѣвицы при помощи сохи, иконы и пѣтуха. Волосы участницъ распущены, сдѣла бѣлая. Въ соху прилагаются 4-хъ вдовъ; за вѣй несутъ икону и пѣтуха; остальные лица сдѣ-
дуютъ за ними, вооруженныя метлами, ухватами, кочергами и др. За сохой сдѣль заметаютъ метлами. Движеніе начинается въ полночь. Огни въ селѣ тушатся—иначе бьются стекла. Все время поютъ: „Святый Боже, Святый крѣпкій“ и пр., особеннымъ, заунывнымъ, и довольно дикимъ напѣвомъ. Встрѣчныхъ спрашиваютъ: чей человѣкъ?—Божій!—пропускаютъ; нѣть отвѣта—бьются и иногда до смерти. Стараются провести сохой сокинутую черту вокругъ села или скотныхъ дво-
ровъ, если скотина помѣщается изолированно въ лугахъ, полагая что, нечистый духъ уйдетъ за черту и перешагнуть за кругъ не посмѣть.

С. Конищево: опахиваютъ женщины, дѣвицы и парни сохой и съ иконой; поютъ „Святый Боже“, хлопаютъ кнутами; встрѣчныхъ спра-
шиваютъ: чей человѣкъ?—Божій!—пропускаютъ; нѣть отвѣта—бьются до смерти.

С. Городище: опахиваютъ однѣ женщины.

С. Окаемово и Богословъ: опахиваютъ однѣ женщины, въ бѣ-
лонъ съ распущенными волосами; заваниваютъ опахивание добываніемъ „живаго огня“ путемъ тренія вусковъ дерева; этимъ огнемъ зажигаютъ можжевельникъ и окуриваютъ имъ скотъ.

С. Вахино: опахивание понята, но не прибѣгаютъ къ нему въ настоящее время; прежде, по окончаніи опахивания, добывали живой огонь, вырывали въ берегу тоницъ и прогоняли черезъ послѣдній скотъ между двухъ костровъ можжевельника, зажженныхъ живымъ огнемъ.

С. Бѣлоомутъ: при опахиваніи за сохой шли съ иконой, факелами и кочергами.

С. Дубровичи: опахиваютъ вдовы, вдовцы и парни сохой, иконой, пѣтухомъ и чучеломъ, которое несутъ впереди и какъ-бы гонять, крича: „нечистый духъ съ села домой!“ Въ концѣ опахивания разрываютъ чучело и разбрасываютъ на воздухъ. Дорогой, во время совершеннія обряда, читаютъ „Да воскресвѣтъ Богъ“ и вдуть очень тихо; встрѣчныхъ прогоняютъ за черту.

2) Въ Ярославской губ. (д. Образцово и сосѣднія съ ней) совер-
шается опахивание: опахиваютъ (обарываютъ) сохой и иконой, послѣ че-
го зажигается костеръ изъ можжевельника и участвующіе прыгаютъ че-
резъ него.

3) Въ Тульской губ. (Былевского у., д. Фатыново) опахиваютъ съ фалами и союю; встрѣчныхъ гонять изъ круга, сопротивляющихся бѣть.

В. А. Городцовъ.

Въ добавленіе къ приведеннымъ данныемъ, редакція имѣть возможность сообщить изъ находящихся въ ея распоряженіи материаловъ еще слѣдующія свѣдѣнія очевидцевъ обряда опахиванія:

1). Харьковская губ. Осеню, когда кончается жатва, въ ночь, кѣнѣ пришлое проѣзжать мимо Хутора Ц—ки Б—го уѣзда; тутъ издали я замѣтила множество какихъ-то блуждающихъ огней; я смотрѣла на это съ недоумѣніемъ, а извозчикъ по мѣрѣ приближенія все сильнѣе и сильнѣе дрожаъ. Подъѣзжая ближе можно было различить, что жителия хутора Ц—ки совершають чѣмъ-то вродѣ крестнаго хода, а изъ разспросовъ у подводчика я узнала, что жителия этого мѣстечка совершаютъ обычній осенний обрядъ опахиванія. Онъ совершается молодыми бабами и дѣвками, послѣ жатвы, въ назначенный, по общему согласію, день, о чѣмъ извѣщается весь хуторъ. Изъ жителей никто, кроме участвующихъ въ этомъ обрядѣ не рискуетъ выйти изъ хаты въ день совершенія обряда, зная, что вышедшій, наткнувшись на обрядъ, подвергается смерти, по правиламъ ихъ, отъ которыхъ не отступать совершающія обрядъ.

Опахиваніе состоять въ слѣдующемъ: молодыя бабы и дѣвки сымаютъ съ себя все, кроме сорочекъ, распускаютъ волосы; двѣ изъ нихъ запрягаются въ борону и тащатъ ее, а двѣ направляютъ борону; борону эту тащатъ три раза вокругъ хутора; ее сопровождаетъ толпа бабы и дѣвокъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ; вся толпа издастъ какое-то дикое мычаніе вродѣ пѣнія; впереди бороны несется икона (кажется Божіей Матері, или Николая Чудотворца). Слова, употребляемыя совершающими опахиваніе при мычаніі—разобрать было трудно, но можно было догадаться, что это были какія-то межеверканные молитвы.

Горе путнику! опахивающія считаютъ своей священномъ обязанностью убить встрѣтившагося: полудикая толпа бабъ, съ визгомъ и пискомъ бросается на встрѣтившагося и разрываетъ его въ клочки, если послѣднему не удастся бѣжать.

По разсказамъ совершающихъ и сосѣднихъ жителей, цѣль такого обряда—охраненіе скота: говорятъ будто съ начала совершенія этого обряда никогда ни волкъ, ни лисица и др. звѣри не посѣщали ихъ, а также разныя эпидеміческія болѣзни скота минуютъ ихъ хуторъ.

(Сообщеніе бывшей учительницы нар. училища¹⁾). Пр. Хуторъ Ц—ка на селень великороссами, а между малороссами въ Купянскомъ уѣзда обрядъ опахиванія совершенно неизвѣстенъ. П. И.

¹⁾ Доставлено въ редакцію нашимъ сотрудникомъ П. В. Ивановымъ (изъ Купянска). Ред.

2) *Тульская губ.* При падеже скота совершаются „опахивание деревьев.“ „Ежели на селье падеть от чумы скотина, то въ эту тяжелую годину, чтобы помочь своему горю собираются ночью дѣвки, бабы и одна удова этой деревни, иногда несколько разъ втечениѣ всего периода, пока длится падежъ. Они достаютъ соху, запрягаютъ въ нее одну изъ дѣвокъ, а вдова пашетъ на ёй (т. е. на дѣвкѣ) кругомъ деревни, и такимъ способомъ обѣзживаютъ деревню три раза, при чёмъ поется сѣдящая пѣсня:

Удовушка на дѣвушкѣ пашетъ,
Песокъ разсыпается.
Когда песокъ узайдѣть,
Тогда къ насыпь смерть (т. е. коровы) придетъ.
У насъ на сельѣ¹⁾ Увласть сватой
Со сватомъ свѣчай
На чужой сторонѣ скотъ и везутъ и несутъ,
А насъ Господь покидаетъ.

Впереди всей этой процессіи идетъ дѣвка въ образомъ. Когда въ послѣдній (третій) разъ обойдутъ деревню, то начинаютъ ворота въ каждомъ дворѣ мазать крестъ на крестъ дѣтей, который одна изъ участницъ опахивания несетъ съ собою въ баклажѣ. Послѣ того, дойдя до воротищъ (т. е. до перекрестка), раскладываютъ костеръ; дѣв бабы, кто посмѣѣ, раздираютъ надвое живую черную кошку, и затѣмъ желающія скагаютъ (т. е. прыгаютъ) черезъ огонь“.

Во время опахивания вся участница идутъ съ дубниками, цѣпами и пр., и изъ избъ никто выходить не можетъ. Если кто случайно настолкнется на опахивающихъ, того бьютъ (не до смерти) и прыговариваютъ: „вотъ коровья смерть пришла!“

Особеніе грандіознаго опахивания проходили въ с. Касиной (Борзинъ томъ, Одоевск. уѣз. Сомовской вол.) въ 1870 г., когда была жестокая чума на рогатомъ скотѣ. Опахивание было также лѣтомъ 1887 г., когда падали санины.

Сообщ. Г. Д. Броневскій.

3) *Тверская губ.* Кроме эпизоотій, опахивание считается предохранительнымъ средствомъ и отъ другихъ болѣзней.

Въ ночь на 1-юя крестянки Никольской вол. деревни Полотской, — Весьегонскаго уѣз., въ числѣ 18, съ цѣлью не допустить занесенія въ селеніе изъ предѣловъ Михайловской вол. болѣзни синяной тифа, по существающему среди крестьянъ повѣрю, опахали деревню такимъ образомъ: одна шла впереди съ иконой въ рукахъ, за нею другая впереди на помѣхѣ, потомъ третья съ кочергой, черепомъ животнаго, за-

¹⁾ Вар.: У насъ на сельѣ...

тѣмъ лѣвъ, запряженный въ соху, которою управляла одна изъ женщинъ, и наконецъ всѣ остальные шли толпою съ шумомъ и врикомъ. Мѣстный исправникъ привлекъ участницъ церемоніи къ ответственности „за нарушеніи чистоты и порядка“ (съ полѣ!), по 38 ст. Уст. о ваказ., налаг. испр. судьяни. („Русск. Вѣдом.“ 1893 г., № 183, перепеч. изъ „Волгара“).

Молитва отъ змія.

Въ X-ой книгѣ сборника «Starine», издаваемаго Юго-Славянской Академіей, въ статьѣ «Sredovječni lickovi, gatanja i vračanja» была напечатана И. В. Ягичемъ между прочимъ и апокрифическая молитва «отъ змія» (по рукописи Чешскаго Национального Музея). Варіантъ такой молитвы сообщенъ былъ позже въ томъ же изданіи Загребской Академіи (книга XVI, стр. 95). Стояномъ Новаковичемъ по сербской рукописи XVI столѣтія, хранящейся въ библиотекѣ Киевской Духовной Академіи. Молитва св. апостола Павла «отъ змія» вѣсколько раньше была напечатана имъ же въ его «Примеры вѣнчанности и юзика старого и сербско-словенскаго», Београд, 1877, стр. 515; такую же молитву мы находимъ и у Тихоравова (II, 353). Сообщаемъ здѣсь еще одинъ варіантъ этой молитвы по рукописи библиотеки Юго-Славянской Академіи въ Загребѣ (III. а. 43.). Интересныи представляется сравненіе этой апокрифической молитвы съ извѣстными по записямъ народными заговорами отъ змій; тѣль, напримѣръ, въ V выпускѣ «Бѣлорусскаго сборника» Е. Романова поимѣнѣніи цѣлый рядъ такихъ заговоровъ «отъ гадюки, вужаки, сливни», гдѣ зритетань упомянутыхъ нами молитвъ: «змія тетърахлина, змія долекахалина, з. лагодрома, змію облаковидную, змію тричелюстную, змію слѣпую, з. чрьную» и пр., можно привести въ параллель изъ заговоровъ болѣе или менѣе соотвѣтствующія опредѣленія: «змія лягучая, повзучая бѣгучая, колодная, крапивная, черная, рабая, земляная, водяная и пр.» Въ некоторыхъ изъ заговоровъ упоминается, подобно тому какъ и въ названныхъ молитвахъ, имя апостола Павла («Святый Патро-Павлъ»); въ большинствѣ изъ нихъ упоминается море-окіанъ, островъ Буянъ, старъ дубъ или липовый кустъ, подъ кустомъ змія, какъ и въ молитвѣ. Ср. еще «Wisla», 1892, том VI, стр. 422.

Въ иле ѿча и сѧ и светаго дхя. Иногда гонитель вина же часни съсоудъ вздохъ отъ обиталища ишего въ сикелю и съгражданошоуоу соухи розги и абие схидна изнаньдьши усекноу же въ десную рукою и обеонис азъ же вмee въ себе силоу светаго дхя и сию отресь въ рожденіи пламень и съмежена бысть вса до коньца ииеданоу же пакость приемъ отъ оусенновеніа ее въ сань предложихъ се и првшадъ агель великии Михаилъ и възгласи же гыс: съвле, павле, въстани васприми сию

книгоу и обрещенши слово написано сице глоѹще: заклинаю въ бывшемъ змию и полевину родовъ звери плѣзающи по земли въ бога сътворшаго небо и землю и море и въ непоколебимъ прѣстолъ змию пакопнаго, замливаю те въ реку фганоѹю же исходить отъ подножію ногу гоѹ и кѣѹ и споѹ нашему Ісѹи хѹи и въ агеловъ всехъ бесилотнихъ и апостоль и василянска змию родомъ змию тетърахалина змию додевахалина, змию лагодрома, змию и схидноу иже иката въ десной стране ѿдь что хоубоу аще оужсть немощно емуо есть ѿжити еще же. и. д. родъ свалакъ идеме постигнешъ верынаго и светаго апостола молитва и запрещеніе сие въ иони ибие чась оухапивши змию оумреть чимъ оуживлени ѿнъ иже живъ боудеть въ славоу ѿцѹи и синоу и светомуу духу и иниа и присно и ва веки векомъ. Аминь.

Сообщилъ В. А. Ф.

Бібліографія.

Обичное право крестьянъ Харьковской губерніи.—Вып. I. (Подъ редакціей В. В. Иванова 1896 г.). Недавно вышедший въ свѣтъ первый выпускъ широко задуманного изданія Харьковскаго Губернскаго Статистического комитета, предпринятаго въ непосредственныхъ цѣляхъ «сплошнаго и систематического изученія юридическихъ обычаевъ крестьянъ названной губерніи» распадается на двѣ далеко не раввныя по объему части: — въ первой (256 стр.) помѣщены сообщенія 29-ти волостныхъ судовъ по двумъ уѣздамъ (Старобѣльскому и Волчанскуму); во вторую (70 стр.) вошли отдельныя записи по обычному праву, накопившіяся въ дѣлахъ уѣзныхъ съѣздовъ (пока только напечатана серія этихъ записей, выбранная изъ дѣлъ одного Харьков. Уѣзда. Съѣзда). Въ основаніе этого первого опыта составители сборника положили весь материалъ по различнымъ отдѣламъ гражданскаго права и процесса (судоустройство и судопроизводство), собранный путемъ письменныхъ запросовъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій согласно выработанной ими же самими программы. Послѣдняя хотя и помѣщена въ оглавлениіи первого выпуска, однако осталась почему-то ненапечатанной и содержаніе программныхъ вопросовъ неизвѣстно. Но уже, судяя ргіогі, по самому прѣму, которымъ оперировали составители, можно съ достовѣрностю предполагать, что полученные результаты ихъ работы далеко не имѣютъ исчерпывающаго значенія въ дѣлѣ точной и желательной разработки обычного права названной мѣстности и еще менѣе служить показателемъ тѣхъ чистыхъ юридическихъ нормъ, которыя живутъ «лишь въ сознаніи народа». Первый, взятый со-ставителями источникъ, — рѣшенія волостныхъ судовъ — служить достаточнымъ выраженіемъ правовыхъ воззрѣй народа только при двухъ непрѣмѣнныхъ условіяхъ: при тщательномъ анализѣ по возможности всѣхъ вѣній, которыми они подвергаются какъ со стороны положительного законодательства, такъ и со стороны измѣняющихся общихъ культурныхъ (особенно экономическихъ) условій деревни и при пополненіи ихъ личными опросами сельского населения. Послѣднее особенно важно при вскрытиії дѣйствующихъ обычаевъ, по которымъ, не прибѣгая къ суду, въ подавли-ющей массѣ случаевъ живеть и управляетъ народъ. Одни же заочныя отвѣты волостныхъ судовъ на заданные имъ вопросы отнюдь не представляютъ благодарной почвы для живаго пониманія сути дѣла: сами составители признаютъ въ своемъ предисловіи, что только нѣкоторые изъ этихъ

отвѣтъ могутъ считаться образцовыми «въ смыслѣ обязательнаго и толковаго изложенія». А если прибавить къ тому же исключительную трудность проверки въѣхъ, почти полную невозможность научнаго определенія степени чистоты содержащихся въ нихъ обычныхъ нормъ, то все значеніе подобныхъ сообщеній свѣдется къ простому знакомству съ тѣми или иными тѣжбами, возникавшими среди врестянь, тѣжбами иногда характерными, иногда совершенно беззначительными по своему бытовому содержанію. «Отвѣты волостныхъ судовъ, говорится въ введениѣ къ первому выпуску, сопровождаются копіями решеній этиль судовъ». Къ сожалѣнію составители до конца всего изданія отложили свое намѣреніе выпустить особый приложениемъ наиболѣе типичныи изъ этихъ копій. Второй источникъ—которымъ ови пользовались при составленіи разбираемой книги—являются записки по обычному праву въ дѣлахъ уѣздныхъ судовъ. На нашъ взглядъ эти записи представляютъ цѣнныи добавочный указатель главныи образъ практикующаго распорядка въ наслѣдовавшемъ крестьянъ Харьковскаго у., хотя отрывочность и краткость многихъ изъ нихъ дѣлаетъ малопригодныи пользованіе здѣшніи материаломъ. (См. напр. стр. 5—«наслѣдовавшіи маечкой и падчерицами» всего три строки, въ которыхъ говорится, что маечка послѣ смерти мужа наслѣдуется $\frac{1}{2}$ часть, а падчерицы дѣлать поровну оставшееся имущество. См. ib. стр. 8, 18, 22, 47, 60, 63, и т. п.)

Указанные недостатки самого способа собиранія обычаевъ, которымъ мы рѣшились посвятить нѣсколько лишнихъ строкъ въ нашемъ вратномъ обзорѣ, цѣлкомъ отразились въ всей работѣ составителей, какъ на вѣтшней такъ и на внутренней сторонѣ ея. Первый отдѣль сборника, включившій въ себя одни лишь сообщенія волостныхъ судовъ, по необходимости долженъ былъ страдать из-за отрывистото въ количественномъ распределеніи материала. И действительно: среди цѣлого ряда волостей, отвѣтъ которыхъ по одному только материальному гражданскому праву, превышаютъ 8, 10 и болѣе страницъ, попадаются таіія, всѣ данныя о которыхъ укладываются въ 20 строкахъ. (см. напр. стр. 184—Старо-Салтовская волость).

Прѣбѣгая содѣяніе этихъ данныхъ, видишь, что они введены составителями только для общей полноты поименованнаго списка доставившихъ отвѣты волостей, сами же по себѣ ови никакого серьезнаго значенія не имѣютъ. Но такихъ сообщеній по отдельнымъ волостямъ правда немного. Большая часть послѣднихъ, судя по сборнику, дала довольно подробный материалъ, который составители и расположили въ видѣ конспектовъ по систѣмѣ существующихъ краткихъ учебниковъ по дѣламъ права. Такая систематизация предлагаемаго материала крайне затруднила правильное усвоеніе его, вызывая большую неточность языка. Какъ изъ образчиковъ послѣдняго праведемъ на выдержку нѣкоторыи мѣста.—На страницѣ 6-ой читаемъ: «Если берегъ рѣки, составляющей собой живую границу, получить пріращеніе отъ напошенаго водой песка или ила, то, по народнымъ возвѣрѣніямъ, пріращеніе до половины рѣки поступаетъ во владѣніе того, чей берегъ. Понятіе же о томъ, что пріращеніе есть способъ пріобрѣтенія собственности, въ народѣ не

существует». На страницѣ 158: «Дѣти единоутробныи незаконнорожденныи пользуются большими правами по наследству, чѣмъ единоутробныи законнорожденныи, именно—незаконнорожденныи пользуются одинаковыми правами съ единоутробныи, рожденными въ бракѣ, тогда какъ единоутробныи, рожденными въ бракахъ, пользуются только ниществомъ своихъ отцовъ». На страницѣ 204 — «Родители, послѣ смерти своихъ сыновей, наследуютъ все имущество неотдѣленныхъ, а отдѣленныхъ—одинъ лишь земельные надѣлы; все остальное достается въ пользу вдовы умершаго; что же касается благонріобрѣтенаго недвижимаго имущества, то таковое, если послѣ смерти приобрѣтателя не осталось прямыхъ наследниковъ, отыскивается (кѣмъ)? судебнымъ порядкомъ» и т. п. Не болѣе удачна и внутренняя сторона работы, оставляющая желать многаго. Распоряжаясь несомнѣнно общимъ матеріаломъ, составители отнеслись съ должнымъ вниманіемъ къ своей задачѣ, но односторонность избраннаго ими способа дѣбываніи этихъ свѣдѣній, способа по своему характеру вспомогательнаго, а отнюдь не самостоятельнаго, не позволила имъ освѣтить многихъ явленій юридического быта родной ихъ губерніи. Этимъ обусловливается исполнота и неясность въ разработкѣ вопросовъ чрезвычайной важности. На первыхъ страницахъ (Никольская волость стр. 3) встрѣчаются таіія указанія: «въ крестьянскомъ быту вначеніе семьи сложное: кровное, хозяйственное и общее по труду. Старшій въ семье замѣняетъ отца.... Мать семейства при мужѣ въ дѣлахъ семейныхъ и имущественныхъ своюю властію ничего не предпринимаетъ; а мать вдова заступаетъ мѣсто мужа и «какъ отецъ» распоряжается дѣтьми и другими членами семьи. Имущество матери при жизни ея изъ общаго имущества не выдѣляется, а по кончинѣ ея поступаетъ къ наследникамъ. Супруги владѣютъ имуществомъ нераздѣльно, и по смерти одного другой наследуетъ остающимся имуществомъ». Баково же это остающееся имущество по юридическому составу своему? Если это приданое, то почему на предшествующей страницѣ мы находимъ ванненіе обратнаго свойства «приданое поступаетъ въ составъ «семѣнаго» имущества и ни мужъ, ни жена не имѣть права самолично распоряжаться имъ. Послѣ смерти жены, оставившей дѣтей, приданое остается въ составѣ общаго семѣнаго имущества, а если дѣтей не остается, то приданое возвращается той семье или въ тѣтъ родѣ, откуда взята была умершага». (стр. 2). Если же это имущество благонріобрѣтенное, то оно при жизни жены, по буквальному смыслу первой приведенной выдержки, поглощается общимъ нераздѣльнымъ имущественнымъ фондомъ всей семьи, въ которомъ, пишутъ составители, «вдовѣ умершаго принадлежитъ наследственная доля мужа ея», и даѣтъ замѣчаніе: «имущество жены, послѣ смерти, если у нея не осталось дѣтей, поступаетъ къ ея мужу, а за смертю мужа къ ея родственникамъ по отцу». (стр. 4) Надо предполагать что здѣсь рѣчь идеть о малой семье, въ которой лишь взаимное наследование супруговъ имѣть мѣсто и открывается въ случаѣ бездѣтности ихъ, хотя сбивчивость приведенныхъ данныхъ и неудачное изложеніе ихъ мало уполномочиваютъ насъ на такое объясненіе. Такое же

неотчетливое представление получается и относительно наследственных правъ дочерей къ имуществу ихъ родителей. На той же четвертой страницѣ составители говорятъ: «въ наследствѣ послѣ отцовъ, матерей и воспитателей, по обычаю, имѣютъ права сыновья, а дочери получаютъ по усмотрѣнію братьевъ незначительныя доли.» Десятью строками ниже читаемъ подтверждение этому: «незамужнія дочери при выходѣ въ замужество получаютъ отъ братьевъ малыя доли,—а находящіяся въ замужествѣ ничего не получаютъ.» Но еще четырьмя строчками ниже находимъ заявленіе противоположнаго свойства: «братья и сестры: единокровные въ наследствѣ родителей имѣютъ *равное участіе*, а единогубродные и съведеніе *наследуютъ и имѣютъ участіе въ наследствѣ* своихъ отцовъ. Отставные солдаты, ихъ жены и дѣти, принимаютъ въ наследствѣ *равное участіе* съ братьями, сестрами.» Изъ литературы по обычному праву мы знаемъ, что структура сложной и простой семьи, въ связи съ часто практикующимися въ крестьянскомъ быту раздѣлами, имѣть громадное значение для вопроса о наследственномъ преемствѣ дочерей. Но изъ всей предшествующей характеристики семейственного и наследственного права Никольской волости невозможно ясно констатировать этого вліянія, какъ невозможно уловить вліяніе иныхъ стороннихъ факторовъ въ этомъ вопросѣ.

Слѣдующая рубрика—опека и попечительство (стр. 5 и 6) также рождается цѣлый рядъ совершенно неразрѣшеннѣй вопросовъ:

«Мірськіе сходы въ отношеніи къ сиротамъ, оставшимся по смерти родителей безъ пріоритетнія, принимаютъ мѣры для сохраненія въ цѣлости имущества до совершеннолѣтія сиротъ, заключающіяся въ приведеніи въ извѣстность имущества, описи имущества, взбраніи опекуна и передачи подъ его надзоръ имущества; опекуну же поручается и пріоритетъ сиротъ, дѣлаются представленія о продажѣ имущества сиротъ. Въ чёмъ же состоять это пріоритетъ сиротъ? Какія права присваиваются опекуну надъ личностю пріоритетнаго малолѣтняго? Изъ разсмотрѣнія всѣхъ относящихся сюда сообщеній 29 волостей, видно, что опека въ одѣхъ мѣстностяхъ имѣть чисто имущественное званіе (напр. на стр. 250 Граевско-сельская волость, читаемъ: «опека въ крестьянскомъ быту этой мѣстности есть ничто иное, какъ охрана имущества оставшихся сиротъ.»), въ другихъ она осложняется приданіемъ личнаго контроля и заботы опекуна объ участіи сиротъ (напр. Ново-Бурлацкая волость стр. 240). Но какова роль попечителя,— въ чёмъ выражается его дѣятельность, проводить ли народъ какое-либо отличіе его отъ опекуна—все это остается невыясненнымъ на всемъ пространствѣ запрошеннѣй районовъ. Такія же изрѣдка встречающіяся заявленія: «къ сиротамъ сельскій сходъ назначаетъ попечителемъ или опекуномъ, смотря по возрасту (какому?) сиротъ кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ.... (стр. 58) или «по смерти супруговъ избираются обязательнѣо опекуны для малолѣтнихъ (возрастъ?) а для несовершеннолѣтнихъ (?) попечители, и имущество, не приносящее дохода, продается съ торговъ» и т. д. ровно вичего не прибавляютъ къ пониманію. Хотя подобные крупные недочеты, зависѣли, повторяю, въ

значительной мѣрѣ не отъ воли семиыхъ составителей, во они встрѣчаются почтѣ въ каждой главѣ, открывающей собою обзорѣніе обычаевъ отдельныхъ волостей. На страницѣ, напр. 56-й (Павловская волость) читаемъ. «Семья имѣеть хозяйственное значеніе». Это неточное выраженіе заставляетъ думать, что рѣчь идетъ о т. наз. артельной семье. Между тѣмъ вслѣдъ за этимъ говорится: «при жизни отца сыновья, безъ вѣдома его, не могутъ ни отчуждать, ни приобрѣтать, а все это дѣлается съ согласіемъ и разрѣшеніемъ его...» «По смерти родоначальника его власть и права переходятъ къ брату, если послѣдній живетъ въ нераздѣльности хозяйствъ а за неимѣніемъ его въ старшему сыну или дѣду, если таковой въ живыхъ». (?.—интересный случай, иъ сожалѣнію необъясненный.) Очевидно здѣсь скорѣе имѣется въ виду тѣль сложной и сводной семьи; за это поскольку можно судить, указывается и самый порядокъ наслѣдовавія, чуждый трудового начала. Приведемъ еще для примѣра нѣсколько мѣстъ, возвѣждающихъ большія недоумѣнія, разрѣшить которыхъ съ большими трудами можно только гадательно, а не точнымъ указаниемъ составителей. Въ Тимоневской волости (стр. 80 и 81) юридическая отношенія членовъ семьи опредѣляются такъ: «значеніе семьи въ крестьянскомъ быту кровное. Старшій членъ семейства отецъ... по смерти его право это (распоряженія) переходитъ въ женѣ его; при неимѣніи жены, къ старшему сыну. По отношенію къ имуществу отецъ имѣеть право во всякое время отчуждать какую-либо часть изъ имущества, получаемаго отъ предковъ, не испранивши на это согласіе семьи.....Родныя дѣти одного брака въ равной степени наслѣдуютъ послѣ смерти отца и матери, пасынки же получаютъ, если они бывають въ рабочемъ возрастѣ, также равную часть изъ движимаго, а възъ недвижимаго часть, которая опредѣляется согласіемъ дѣлящихся наслѣдниковъ.....Браты дѣлить все имущество по-ровну; жена умершаго, мать дѣлящихся братьевъ, оставляетъ себѣ изъ всего имущества иногда $\frac{1}{3}$ часть, иногда $\frac{1}{4}$. По смерти ея эта часть переходить дѣтямъ ея, а при неимѣніи дѣтей переходить въ родъ ея отца». Опять невыясненными остаются многие вопросы: почему пасынки только въ рабочемъ возрастѣ получаютъ одинаковыя наслѣдственныя права съ родными. Не находится ли этотъ фактъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ категорическимъ заявленіемъ составителей о чисто «кровномъ» значеніи семьи у крестьянъ названной волости. Каковъ характеръ тѣхъ имущественныхъ долей, которыхъ получаетъ мать дѣлящихся братьевъ. Между тѣмъ это весьма интересный пунктъ въ наслѣдованіи матерей; взиаемая или доля изъ «общаго» семейнаго достоянія переходитъ за отсутствіемъ дѣтей въ чужой родъ!

Не продолжая разборъ всего осталъваго содержанія первого отдѣла, замѣтимъ, что даже при бѣгломъ взглядѣ на книгу, чувствуешь всѣ многочисленныя погрѣшиности, обусловленныя избраннымъ составителями несостоительнымъ способомъ изученія обычного права. Самыя возврѣнія народа остаются въ тѣни и центръ тяжести во многихъ мѣстахъ работы переносится слой вещей на простой перечень явлений виѣ органической связи съ бытомъ, породившимъ ихъ. Напримеръ подъ рубриками «граждан-

ское судопроизводство» мы встречаемъ цѣлый рядъ указаний, что смыслаяе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ имѣть мѣсто въ волостныхъ судахъ. Сами составители признаютъ, что «причины такого смыслаяа кроются въ особенностяхъ воззрѣй народна на гражданскія правонарушенія и преступленія» (стр. 185). Но что это за воззрѣя? — вопросъ врядъ ли по-сильно разрѣшимъ посредствомъ однихъ письменныхъ запросовъ составленныхъ даже по программѣ хотя бы вдалькой во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣкъ этикъ проблемами очень понижается научное значеніе предложенного «перваго выпуска», какъ первого опыта по словамъ составителей, «сплошнаго и систематического изученія юридическихъ обычаевъ» крестьянъ. Отъ неудачнаго приема проигрываетъ и новизна собраннаго материала и достоинство систематической обработки его. Нельзя не помнить, чтобы въ основѣ слѣдующихъ выпусковъ трудовъ Харьковскаго Губернскаго Статистического Комитета, задавшагося высоко-полезной цѣлью изслѣдованія обычныхъ нормъ «поглощающаго большинства» нашего населенія, лежали иные способы обслѣдованія деревни — личные опросы съ дополненіемъ полученныхъ свѣдѣній возможно большей выборкой на мѣстѣ концѣ судебныхъ рѣшеній. Правда рекомендуемый способъ сложнѣе и дороже, но не говоря уже о безусловной возможности значительно облегчить какъ практическое, такъ и теоретическое выполненіе его путемъ привлечения достаточнаго количества молодыхъ силъ (особенно для Харьковской губер. съ ея высшими учебными заведеніями), путемъ сплѣненія ихъ уже имѣющимися хорошими программами, руководствами и въ особенности монографіями по обычному праву, самые результаты такого «изученія» на мѣстѣ съ избыткомъ окупать всѣ сдѣланныя затраты. Но даже, и при отсутствіи широкой постановки этого дѣла, лучше выиграть, хотя и медленно, въ качествѣ материала, чѣмъ вдти на рискъ изъ за одного только количества обслѣдованныхъ мѣстностей.

Второй отдѣлъ выпуска — записки по обычному праву въ дѣлахъ юрдныхъ съѣздовъ — касаются преимущественно началь наслѣдованія, принятыхъ по отдельнымъ деревнямъ и носятъ на себѣ характеръ случайно зарегистрированныхъ обычаевъ. Какъ добавочный материалъ, они будутъ служить хорошимъ подспорьемъ главнымъ образомъ тѣмъ, когда Харьковскій уѣздъ, къ которому и относятся эти записи, займетъ мѣсто въ одномъ изъ будущихъ выпусковъ изданія Губ. Стат. Комитета. Съ некоторой-нѣмъ ожидая посыпкихъ, мы, въ виду самаго промежденія этихъ записей, пока воздержимся отъ разбора ихъ.

А. Киселевъ.

Землевѣдѣніе (изд. Географическаго Отд. И. О. Л. Е. А. и Э. подр. Д. Н. Анучинаго) кн. I-IV 1896 г. — «Землевѣдѣніе» представляетъ значительный интересъ для этнографа, такъ какъ съ одной стороны и статьи по географіи, въ силу близости самихъ наукъ, не чужды для него, а съ другой въ «Землевѣдѣніи» часто можно найти работы чисто этнографического содержанія (указемъ для примера на весьма интересную статью 1. Слюнина «Среди чукчей» или статью 4. Никольской

«Изъ поездки въ лѣсныи башкирамъ», — обѣ въ IV книжкѣ 1895 года). За 1896 годъ, правда, вѣтъ статей послѣдняго характера, но и въ этомъ году былъ помѣщенъ рядъ трудовъ, дающихъ и. пр. и много интересныхъ этнографическихъ свѣдѣній. Мы остановимся на содержаніи некоторыхъ изъ нихъ.

Въ работѣ 2. *Обручева «Природа и жители Центральной Азіи и ея юго-восточной окраины»* (кн. II) мы находимъ описанія народностей Центральной Азіи, Сѣверо-западнаго Китая и горныхъ странъ Нань-Шана и восточнаго Тинь-Шана. Авторъ отмѣчаетъ скудную населенность Центральной Азіи и описываетъ жилища монголовъ, ихъ внешній видъ, одежду, пищу, останавливаются на ихъ занятіяхъ (преимущественно скотоводство) и ихъ нравственныхъ качествахъ. Подобная же свѣдѣнія сообщаются и о сѣверо-западныхъ китайцахъ. Здѣсь авторъ подробно рисуетъ пещерныхъ жилищъ, составляющихъ оригиналную особенность сѣвернаго Китая. Такихъ жилищъ двѣ категории: первая — пещеры въ обрывахъ лѣсса, вырытыя въ видѣ сводчатыхъ коридоровъ; вторая — пещеры на поверхности лессовыхъ плато; для устройства этихъ послѣднихъ роются квадратныи ямы въ 3-4 саж. глубиной; а въ стѣнкахъ ихъ съ трехъ сторонъ прорываются такія же сводчатыи пещеры, какъ и въ естественныхъ обрывахъ лѣсса, съ четвертой же стороны дѣлается косой коридоръ, ведущий довольно круто на поверхность земли. — Затѣмъ слѣдуетъ описание народностей третьей изъ упомянутыхъ выше мѣстностей: дунганъ (китайскіе мусульмане) и тангутовъ. Авторъ указываетъ на неизвѣстность дунганъ къ китайцамъ, на притѣсненія, испытываемыя ими отъ послѣдніхъ, и на перевѣсъ дунганъ надъ китайцами въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Тангуты, по свидѣтельству автора, отличаются по своему типу отъ монголовъ и тируковъ и напоминаютъ цыганъ. Тангуты — буддисты. Тѣла ламъ они склоняютъ или хоронятъ подъ камнями, тѣла же прочихъ оставляютъ на съденіе грифамъ и волкамъ. По ихъ вѣрованіямъ, въ сѣйговыхъ вершинахъ горъ, къ которымъ они питаютъ съвѣрный страхъ, обитаютъ духи предковъ; поэтому эти вершины называются „амуни“ т. е. дѣды или старцы. У тангутовъ встрѣчается поліандрия: одна жена часто бываетъ у двухъ или трехъ мужей, обыкновенно родныхъ братьевъ. При описаніи быта тиурскаго населенія хамійскаго и турфанскаго оазисовъ — таранчей — авторъ отмѣчаетъ ихъ тяготѣніе къ Россіи, выражющееся, и. пр., въ надеждѣ на освобожденіе отъ китайскаго гната «акъ-паше» (бывшій царикъ), подобно тому, какъ были освобождены ихъ единоплеменными сарты и таджиками отъ ига князей бухарскихъ, хивинскихъ и кокандскихъ. С. К. Паткановъ въ статьѣ «По гаціандамъ и руинамъ Юнатана» (I—IV вв.) указываетъ на недостатокъ въ мѣстныхъ историкахъ и археологахъ, обусловливающій отсутствіе охраны и разрушеніе памятниковъ старинны, ихъ исчезновеніе для науки. Населеніе разрушаетъ ихъ изъ съвѣрія (напр. нааны разбиваютъ каменные изображенія итицъ на фронтонахъ храмовъ, чтобы обезопасить себя отъ совъ, съ которыми они отождествляютъ эти изображенія и которыхъ, по ихъ

и вѣнію, уносить души спящихъ людей) или же береть готовые камни изъ этихъ зданій, чтобы употребить ихъ при устройствѣ своихъ поселковъ. Огнѣчая полное равнодушие индѣйцевъ къ остаткамъ старины и дѣяніямъ предковъ, авторъ объясняетъ его историческими судьбами насленія: истребленіемъ цѣлыхъ племенъ и другими жестокостями при завоеваніи, тяжелымъ рабствомъ въ теченіе многихъ вѣковъ въ связи съ ревностнымъ истребленіемъ всѣхъ съѣдовъ язычества католическими миссионерами. При этомъ г. Паткановъ привлекаетъ къ сравненію судьбу сибирскихъ ииородцевъ: покореніе ихъ совершилось почти одновременно съ завоеваніемъ Америки, но благодаря сравнительно гуманному обращенію побѣдителей съ покоренными, благодаря тому, что сибирские ииородцы оставались свободными и долгое время продолжали жить свою жизнью, у нихъ сохранилась любовь къ прошлому, къ остаткамъ старины, — любовь, обусловившая сохраненіе преданій, легендъ и т. п. Въ статьѣ разсказано много интересныхъ замѣчаній о материальномъ и духовномъ бытѣ туземцевъ; отмѣтимъ указаніе на смыщеніе языческихъ божествъ съ христіанскими святыми (католическими) у маисовъ, на брачное сожительство у нихъ между близкими родственниками (братьями и сестрами), на частую любовь женъ, благодаря которой отецъ остается незвѣстнымъ. — Въ насленіи Юкатана конституируется убыль. Изъ другихъ статей, представляющихъ интересъ для этнографа, назовемъ статью 1. Соболея «Русскій Алтай» (III-IV кн.), где можно найти свѣдѣнія о взаимномъ отношеніи переселенцевъ и сибиряковъ, о жестокомъ и презрительномъ отношеніи русскихъ къ ииородцамъ и эксплуатации ихъ, о вѣрованіяхъ алтайцевъ и ихъ религіозныхъ обрядахъ (подробное описание каманія и жертвоприношенія богу Бай-Ульгѣю въ долинѣ Катуни у теленгатовъ); — статью 2. Назарова «Поѣзда на Памиръ» (I. кн.), статьи: «Восточная Манчжурия» и «Палестина» (по Т. Фишеру) — обѣ въ III-IV кн.

Въ отдельномъ приложеніи напечатанъ переводъ подъ редакціей Д. Н. Анутина: Ф. Пансенъ. «Среди льдовъ и во мракѣ пеларной ночи». Вып. I.

Д. У.

Пр. П. Н. Мроченъ - Дроздовскій: О Древне-русской дружинѣ по былинамъ. (Рѣчъ, читанная въ засѣданіи Московск. Университета. 12 января 1897-го года). Въ вышедшемъ Университетскомъ отчетѣ за истекшій академическій г. гдѣ помѣщена вышеизвѣнная рѣчь проф. Мрочка-Дроздовскаго. Отводя одно изъ первыхъ мѣстъ «памятникамъ устнаго преданія» въ ряду важныхъ источниковъ отечественной исторіи права, авторъ пытается освѣтить на основаніи былиннаго материала юридический строй одного изъ крупнѣйшихъ институтовъ древней Россіи — дружинного союза. Бы сожалѣнію, наимѣнѣнная историческая тема не привела изслѣдователя къ какимъ-либо серьезнымъ научнымъ результатамъ и только подтвердила очевидочность того метода, который былъ примененъ къ ей разработкѣ и сводился къ простому воспроизведенію лѣтописныхъ указаний остатками народ-

наго творчества безъ достаточнаго соображенія всѣхъ элементовъ, входящихъ въ самый народный эпостъ. Эта коренная ошибка не замедлила скататься на первыхъ же страницахъ работы и при томъ на вопросѣ капитальной важности—какими сторонами своими отражается народная жизнь въ былинахъ. Авторъ вначалѣ рассматриваетъ былинные образы какъ выраженіе отвлеченныхъ «понятій о добрѣ и злѣ, о правѣ и неправѣ» (стр. 1), отказываясь толковать былинный материалъ «въ смыслѣ дѣйствительныхъ событій» (?) Но черезъ нѣсколько страницъ онъ уже измѣнитъ эту точку зрѣнія: «въ кругѣ былинаго творчества», онъ видитъ «кругъ по преимуществу обыденный», т. е. непосредственно воспроизводящій существующія *in concreto* отношенія семейной и гражданской жизни народа, при чѣмъ отличительной чертой былинъ въ сравненіи съ письменными памятниками (напр. лѣтописи) является передача ими повседневныхъ легко ускользающихъ отъ вниманія фактовъ дѣйствительности (стр. 6, и т. д.). Изъ такого двойственного и противорѣчиваго отношенія къ былинному творчеству авторъ выбираетъ однако вторую точку зрѣнія при толкованіи данныхъ народнаго эпоса и придерживается ея въ дальнѣйшемъ изложеніи. Вопросъ о степени національныхъ чисто-русскихъ оттѣнковъ въ цѣлой серии приводимыхъ именъ былинъ остается открытымъ. Переходъ къ характеристицѣ основъ дружинного союза, авторъ вмѣсто обстоятельного генезиса послѣдняго ограничился только чрезвычайно рискованной группировкой формъ общественной жизни въ ихъ исторической преемственности. «Дружина замѣняетъ (?) собой родъ — племя. (?) Въ родѣ и семье главной (?) связью является союзъ братскій (?). Законъ признаетъ брата первымъ иститутомъ за убитаго и тѣмъ показывается, что братъ—естественный представитель брата, его замѣна (?)... Замѣнѣнъ собой кровный (?) узы, дружинный союзъ также долженъ быть стать и на самомъ дѣлѣ ими братскими. Это братство по любви, по соглашенію, скрѣпленному тѣмъ, что побратимы мѣняются другъ съ другомъ преставки» (стр. 7). Усматривать въ «братскомъ союзѣ» характерный принципъ «семейного и родового быта», имѣя въ качествѣ доказательства только редакцію первой статыи Русской Правды, врядъ-ли возможно, особенно въ виду современной громадной этнографической и юридической литературы, накопившейся по этому вопросу. Но посмотримъ далѣе, какой новый материалъ даетъ автору былина для пониманія всѣхъ подробностей въ юридическомъ строеніи дружинны. Типичными чертами дружинного союза служить, какъ указываетъ самъ авторъ, начало полюбовнаго соглашенія—побратимства, обусловливаемое добровольнымъ подчиненіемъ младшихъ «менѣе опытныхъ членовъ» старѣшему избранному члену. Эти два начала, которыхъ мы узнаемъ только изъ былинъ, повторяется цѣликомъ и въ сфере международныхъ отношеній, завѣряетъ авторъ: «Лѣтопись представляетъ законъ подчиненія младшихъ старшимъ въ международныхъ отношеніяхъ; дѣйствие этого закона въ жизни дружинниковъ мы узнаемъ только изъ былинъ!» (стр. 14.) Эта аналогія на нашъ взглядъ крайне нѣтакая. Международніе отношенія, въ особенности на зарѣ нашей исторіи, поконились всѣ на принципахъ того «семейно-родового» уклада, «замѣнить»

который, по мнению автора, и была призвана дружина. Известно, какое значение имѣло «первородство» въ дѣлѣ замѣщенія «отцовскаго стола» (возьмемъ хотя бы періодъ очереднаго княжескаго владѣнія Русской земли) между князьями; тогда же въ дружинѣ, по словамъ самого автора, «природное старѣшинство измѣнилось подъ влияніемъ личнаго начальства» (стр. 12). Совершенно игнорируя разное различіе, имъ самимъ же указанное въ 1-ой главѣ, между дружиной и «семьей-родомъ», авторъ замѣчаетъ: «черты побратимства въ былинѣ имѣютъ много сходнаго съ княжескими союзными отношеніями. Разница — въ большей форменности (?) княжескаго и въ большей задушевности (?) дружинаго братства. Сравніе отношеній князя къ другимъ князьямъ родичамъ съ его отношеніемъ къ дружинникамъ: мы тотчасъ увидимъ въ послѣдніхъ черты той семейственности — одинарства (?), которая такъ сродна богатырской дружинѣ и такъ чужда всякому чисто-договорному союзу (?) (какому? между княжескому?)...» (стр. 21). Итакъ формализмъ (т. е. отсутствие сердечнаго теплого отношенія князей другъ къ другу) — вотъ единственный отличительный признакъ двухъ во всѣхъ остальныхъ пунктахъ совпадающихъ союзовъ — между княжескаго и дружинаго. Думается, что цитируемые авторомъ былинные фрагменты въ этомъ случаѣ сильно грызть противъ исторической «правды», которую народный впослѣдствіи долженъ былъ бы отражать съ точностью «увеличительного стекла» (стр. 70). Не менѣе (если не болѣе) странные указавія даютъ былины автору и въ вопросѣ о «взаимныхъ отношеніяхъ дружинъ къ вождю ея». Дружинное значение вождя требуетъ подчиненія ему дружинъ и въ мирное время и на рати. Степень этого подчиненія какъ будто неодинакова въ различныхъ видахъ дружинного союза. «Въ княжескихъ дружинахъ отношеніе вождя къ дружинникамъ — первого къ равнымъ... То-же въ дружинахъ повольничихъ... Въ торговыхъ дружинахъ какъ будто нѣсколько иныхъ отношеній». «Но въ сущности, говорить авторъ, это лишь названія иныхъ (люди работные, цѣловальники), которыхъ въ данномъ случаѣ не соответствуютъ, по видимому, существу дѣла» (стр. 23 и 24)... «Преобладаніе вождя въ дружинѣ несомнѣнная жизненная правда (!): не бѣ ту князя, а боярина не вси слушаютъ» (стр. 26)... Вождь дружинный главарь, будь то князь или иное лицо — распоряжается дѣйствіемъ дружинниковъ, даетъ имъ различныя порученія или, по былинному выраженію, наимѣваетъ на нихъ разныя службы. (стр. 28)... Какіе бы трудности и неудобства ве представляла данная «служба», идти на вту службу долгъ велитъ, а иначе говорить витязь — «изъ чего же васъ богатырь князю и жаловати?» Если въ Московское время было небезопасно сидѣть въ нѣтѣхъ за страхъ, то въ поднѣпровской Руси вѣты были невозможны только за «совѣсть» (?). Нѣты были невозможны въ кievское время, а тѣль болѣе въ богатырскомъ Владимировомъ вѣкѣ. Былина (?) съ явной наимѣншой относится въ мужицъ, которые прячутся другъ за друга отъ княжей службы — старшіе хоронятся за младшими, отъ которыхъ, по дружинному обычью, князю отвѣта вѣть» (стр. 35)... Вывисанные мѣста, показываютъ, всюду-ли была дѣйствительно одинакова степень под-

чиновія дружини своему главарю и не безопасно ли интерпретировать былинные варианты завѣдомо позднейшаго Московского происхождения, прурочивая ихъ къ дружинному союзу Киевской Руси. Крайне интересными и столь же неожиданными являются конечные выводы автора объ основахъ «мѣстничества», выводы, навѣянные тѣмъ же изученіемъ былинъ. «Самыя основы мѣстничества въ Киевской Руси тѣ же, что и въ Московской, но въ иныхъ сочетаніяхъ. Въ Москвѣ рѣшающій началомъ мѣстническаго распорядка служить отчество, отчина. Съ этимъ началомъ — въ еголючительности государство должно было вступить въ борьбу — оно должно было противопоставить родословную разрядъ. Въ Киевѣ спокойное равновѣсіе этихъ обоихъ началъ. Важно имъ, а за винѣ, какъ вспомогательное, (?—гдѣ же иное равновѣсіе?) является изотчество. Итакъ между Киевскимъ «изотчествомъ» и Московской «отчиной» нѣть разницы!!!...» Не подвергая дальнѣйшему разбору вышеназванную рѣчь, приведемъ — еще одно мѣсто, бросающееся въ глаза странностью толкованія. На стр. 27-ой читаемъ: «Богатырскій апостолъ знаеть не только богатырей, но и богатырокъ. Различіе половъ исчезаетъ передъ личными качествами. Былинный образъ поленицы удалой, повидимому, не что иное, какъ эпическое представление правового обычая, въ силу котораго женщина могла замѣнить мужчину въ семейномъ быту. (?) Древнее правило знало матерыхъ вдовъ, и исторія показываетъ, что эти матерыхъ вдовы, замѣнившія умершихъ мужей — отцовъ въ семье, могли имѣть и имѣли важное значеніе въ общественной жизни. Былинный образъ поленицы — богатырокъ и юридическое понятіе о значеніи матерыхъ вдовъ, также воспринятое былиной, вполнѣ уясняютъ какъ возможность дружинного союза подъ властью женщины».... Общественное значеніе «матерыхъ вдовъ», выражавшееся въ ихъ замѣнѣ своихъ мужей, простое слѣдствіе того же семейно-родового «режима», на который ссылался авторъ, опредѣляя его началомъ «братскаго союза» (Возьмемъ для примера нашу сложную крестьянскую семью). Но какую роль онъ игралъ въ дружинномъ союзѣ, основаниемъ на «полюбовномъ соглашеніи и побратимствѣ» — совершенно непонятно. Принѣръ же Ольги, которая должна была «сѣдѣти по мужу, кориащи сына своего до взроста» — ровно ничего не объясняетъ, кроме господства обыкновенного кровнаго начала въ большой великовнѣжской семье Рюриковичей. Что хотѣть подчеркнуть этимъ авторъ въ характеристицѣ дружинного союза, восстановленаго имъ по былинамъ, положительно неизвѣстно.

Въ итогѣ предпринятой работы, приходится отыѣтить, что былинный эпосъ, въ преибремешіи въ которому авторъ упрекаетъ юристовъ-историковъ, не только не послужилъ ему благодарной почвой въ разработкѣ «дружинного строя», но и привелъ къ большой путаницѣ самихъ историческихъ явлений. Пусть судить читатель — виноваты ли въ этомъ былинны.

И. О.

S. Patkanov: *Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie.* I. *Ethnographisch-statistische Uebersicht.* (изд. Им. Акад. Нукъ. СПБ. 1897 больш. 8°, стр. 167). Г. Паткановъ воспользовался своимъ двухъ-лѣтнимъ пребываніемъ по дѣламъ службы въ зап. Сибири, чтобы познакомиться основательно съ бытомъ, нравами и творчествомъ остиаковъ. Часть собранныхъ мною интересныхъ материаловъ была напечатана м. пр. въ «Живой Старинѣ» (1891, 1892 и 1894 гг.) и въ «Материалахъ для изуч. этнол. быта гос. крестьянъ и инородцевъ Зап. Сибири». Въ настоящемъ своемъ труде онъ суммируетъ результаты своихъ наблюдений, причемъ первая часть содержитъ этнографическо-статистический очеркъ остиаковъ, а имѣющая выйти въ свѣтъ 2-я часть будетъ заключать собрание образцовъ остиакаго народнаго творчества и остиакий словарь. Литература по этнографии остиаковъ обогащается также образами новыхъ и очень крупныхъ трудовъ, тѣмъ болѣе цѣнными, что потребность въ нихъ чувствуется уже давно.

Не смотря на то, что исследователи быта русскихъ инородцевъ неоднократно обращали вниманіе свое и на остиаковъ, что, начиная отъ извѣстнаго «Браткаго описавія о народѣ остиаціонъ» (1714) Григорія Новицкаго, до замѣтокъ въ Ежегодникахъ Тобольскаго Губ. Музей имѣлъ значительная, по количеству названий, литература обѣ остиакахъ, многія изъ этихъ сочиненій къ сожалѣнію часто затрагивали быть остиаковъ только поверхностно и къ тому-же нерѣдко были разсѣяны по трудно доступнымъ въ настоящее время изданіямъ; благодаря этому остиаки принадлежали къ числу крайне недостаточно изслѣдованныхъ въ этнографическомъ отношеніи народностей Россіи. Обогащательное и разностороннее изученіе хотя-бы части остиаковъ (принадѣльщиковъ), предпринятое г. Паткановымъ, является тѣмъ желательнѣе: оно будетъ вѣт сомнѣнія встрѣчено очень сочувственно всѣми, интересующимися бытомъ нашеаго инородческаго населения. Изслѣдованіе г. Патканова естественно не можетъ быть названо исчерпывающимъ; но оно тѣмъ не менѣе вносить много новыхъ и интересныхъ данныхъ въ свѣдѣнія обѣ остиакахъ. Авторъ познакомился преимущественно только съ той частью остиаковъ, которая благодаря своему географическому положенію и вѣковому сожительству съ татарами и русскими, во извѣтъ отклонилась отъ формъ быта своихъ соплеменниковъ, живущихъ болѣе изолированно. Впрочемъ это нисколько не умаляетъ этнографического интереса, представленнаго работой г. Патканова: если свѣдѣнія о семѣнной бытѣ, правѣ и вѣрваніяхъ не отличаются въ той мѣрѣ чертами первобытности, какъ свѣдѣнія, которые могутъ быть добыты изъ изученія быта мало тронутыхъ влияніемъ сосѣдей живущихъ по Оби остиаковъ, — авторъ могъ взамѣнъ этого особенно детально изучить вопросъ о вліяніи новыхъ экономическихъ условій на жизнь остиаковъ, подвергшихся воздействию болѣе культурныхъ сосѣдей и освѣтить нѣсколько крайне интересныхъ страницъ жизни инородческаго племени, находящагося на низкой ступени цивилизациіи, въ его борьбѣ за существование съ новыми, чуждыми ему условіями.

Авторъ подробно останавливается на экономическомъ бытѣ остиаковъ,

излагает обстоятельно ихъ занятія и средства существованія, отмѣчая значение для быта остиаковъ перенѣны въ ихъ экономическомъ строѣ, вызванные постепеннымъ переходомъ ихъ отъ звѣроловческаго хозяйства къ рыболовческому и мѣстами въ земледѣльческому; онъ взлагаетъ много интересныхъ данныхъ о правахъ ихъ на земельныя угодья, о платежахъ, которыми остиаки обложены и о мѣрахъ (и результатахъ этихъ послѣднихъ), направленныхъ къ улучшению экономического быта населенія, находящагося, какъ и большинство нашихъ сѣверныхъ инородцевъ подъ тяжелымъ экономическимъ гнетомъ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ. Въ приложеніи овъ помѣщается образецъ бюджета остиакской семьи, что даетъ довольно ясное представление объ нуждахъ обыкновеннаго остиака, живущаго въ несложномъ быту и неразвившаго еще свою потребности.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ страницы, посвященные решенію вопросовъ о численности остиаковъ обследованной г. Паткановымъ мѣстности, и объ ихъ вымиранию. Статистическая свѣдѣнія о современной количествѣ населенія остиаковъ добыты авторомъ путемъ личныхъ разспросовъ, что даетъ имъ гарантію достовѣрности сравнительно съ тѣми подчасъ крайне сбивчивыми и противорѣчивыми свѣдѣніями, которые получаются о численности населенія инородцевъ при официальныхъ спрашиваніяхъ.

Остаки уменьшаются въ своемъ числѣ за послѣдніе сто лѣтъ; большее уменьшеніе замѣчается тамъ, где остиаки чаще сталкиваются съ русскими поселенцами, где инородческий элементъ численно уступаетъ русскому. Авторъ такимъ образомъ приходитъ относительно прирѣдскихъ остиаковъ къ тѣмъ-же выводамъ, къ которымъ пришелъ и г. Якобій относительно обследованной имъ части обскихъ остиаковъ. Г. Паткановъ подробно рассматриваетъ причины вымирания и отмѣчаетъ много интересныхъ подробностей во взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и инородцевъ, какъ въ прежнее время такъ и въ настоящее.

Не менѣе интересны, хотя иногда и менѣе подробны свѣдѣнія, собранные г. Паткановымъ о современной материальной и духовной культуры остиаковъ, причемъ, что особенно цѣнно, авторъ старается, где возможно, представить свои свѣдѣнія въ историко-культурномъ освѣщеніи. Онъ отмѣчаетъ прежде всего тѣ элементы, которые такъ или иначе вліяли на остиакскую жизнь, начиная съ отдаленной древности: зыряне, самоды, татары и русские, сталкиваясь въ разное время съ остиаками, оставили много следовъ своего вліянія, какъ въ культурномъ бытѣ и въ языѣ остиаковъ, такъ и въ ихъ народномъ творчествѣ. Далѣе авторъ суммируетъ извѣщавшіеся въ литературуѣ впрочемъ крайне скучныя данные объ антропологіи остиаковъ, описываетъ ихъ внешность по личнымъ наблюденіямъ и сообщаетъ данные объ ихъ жилищахъ и селеніяхъ. Эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ предшествующими имъ географическимъ очеркѣмъ, открываютъ интересную работу изслѣдователя. Дальнѣйшія главы, за исключеніемъ уже отмѣченныхъ данныхъ, относящихся къ экономическому

быту населенія, посвящены прежде всего свѣдѣніямъ о родовыхъ знакахъ, системѣ счислениія и грамотности остяковъ. Авторъ удачно доказываетъ, что первоначальная система счислениія основывалась у нихъ, какъ и у многихъ другихъ урало-алтайскихъ народностей, на числѣ 7, система, въ настоящее время уступившая мѣсто десятичной; очень интересны также свѣдѣнія автора о мѣрахъ длины и времени у остяковъ. Подробно авторъ останавливается на рукодѣльяхъ остиочекъ (вышивки, узоры изъ бисера и т. п.); въ нихъ сказывается стиль остицкой народности. Въ сожалѣніи Академія, издавшая трудъ г. Патканова, не украсила главы, касающейся материальной культуры описываемой народности, рисунками. Описаний жилища, одежды, украшений и т. д. никогда не будуть достаточно ясными, если они не сопровождаются рисунками; отсутствіе послѣднихъ особенно даетъ себя чувствовать при описаніи орнамента, который въ частности у остяковъ, чрезвычайно богатъ и представляеть кронѣ того многою своеобразныхъ чертъ. Всѣдѣствіе этого описанія г. Патканова вышивокъ и другихъ способовъ и характера орнаментациіи у остяковъ не могутъ дать течнаго представлениія объ ихъ стилѣ: между тѣмъ для такого крупнаго учрежденія какимъ является Имп. Академія Наукъ, денежныя затраты, съ которыми сопряжено издание рисунковъ, едва-ли составили-бы серьезное затрудненіе; что-же касается до материала, то достаточно было-бы обратиться къ коллекціи Тобольского Губ. Музея, въ которомъ вѣнчайшій быть остяковъ представленъ весьма значительнымъ количествомъ предметовъ, а коллекція вышивокъ и образцовъ остицкой орнаментациіи отличается чрезвычайной полнотой и разнообразиемъ. Приложениемъ рисунковъ Академія подняла бы значеніе и интересъ цѣнной работы г. Патканова и втѣмъ оказала бы существенную услугу русской описательной этнографической литературѣ, которая часто для научныхъ выводовъ лишена материала не оттого, чтобы послѣдній не былъ собранъ, а всѣдѣствіе того, что онъ не изданъ.

Броснувшись въ общихъ чертахъ музикальныхъ инструментовъ остяковъ и ихъ вародныхъ способовъ лѣченія, авторъ посвящаетъ двѣ главы изложению ихъ религіозныхъ представлений и обычаямъ и обрядамъ остяковъ, являющимся фактами переживанія нѣкогда господствовавшего у нихъ семеинно-общественного строя. Не смотря на то, что пріимѣрѣніе остави въ большей мѣрѣ, чѣмъ ихъ отдаленные соцлененіи, утратили много чертъ своего древнаго быта и вѣрованій, что они все официально считаются христіанами, очень живые слѣды языческаго периода ихъ жизни сохранились до настоящаго времени: въ современныхъ языческихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ остяковъ не трудно узнатъ обломки развитого язычества, прекрасно представленнаго бывшими очевидцемъ ихъ обращенія въ христіанство Гр. Новицкімъ въ началѣ прошлаго столѣтія; не трудно уловить генетическую связь современныхъ религіозныхъ представлений остяковъ съ вѣрованіями и нультомъ ихъ предковъ. Г. Паткановъ даетъ обстоятельное описание ихъ представлений о богахъ и духахъ, составляющихъ остицкой одинъ, описываетъ ихъ жертвоприношенія, останавливается на роли и значеніи ихъ шамановъ

(въ настоящее время утратившихъ у прииргыскихъ остяковъ свое бы-
лое вліяніе) и излагаетъ върованія остяковъ въ священные животныя
и деревья (медведя, лебедя, щуку и пр.). Въ слѣдующей главѣ онъ
описываетъ брамъ и свадьбу остяковъ, отмѣчая черты древнаго быта,
сохранившіяся въ свадебныхъ обрядахъ и дѣлаетъ очеркъ развитія у
нихъ семейныхъ отношеній и преемственности формъ брака; представле-
нія остяковъ о душѣ, ихъ погребальные обряды и форма, которую при-
няло у нихъ върованіе въ загробную жизнь, включены г. Паткановымъ
въ эту-же главу. Изложенію обычая давать имена и обряды, сопровожда-
ющія принесеніе присяги, заключаютъ этнографическую часть труда
автора.

Приведенный перечень материаловъ, включенныхъ авторомъ въ его
монографію объ остякахъ, вполнѣ достаточно свидѣтельствуетъ о науч-
номъ значеніи и интересѣ, представленномъ трудомъ г. Патканова: свѣ-
дѣй, исчерпывающихъ предметъ, никто не въ правѣ требовать отъ
изслѣдователя, задачи которого при столкновеніи съ остатками къ тому
же не имѣли специально научной этнографической цѣли. Собранію этно-
графическихъ материаловъ авторъ могъ удѣлать только свои досуги и
тѣмъ выше заслуга г. Патканова, что свободныи отъ своихъ служеб-
ныхъ занятій временемъ онъ воспользовался для обогащенія этнографи-
ческой литературы обширнымъ и чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ.

H. X.

Н. Оглоблинъ. Къ Мултанскому вопросу. (*Исторический Вѣст-
никъ. 1897. Май, стр. 525-535*). Подъ приведеннымъ заглавіемъ по-
явилась на страницахъ «Исторического Вѣстника» небольшая заметка,
принадлежащая перу одного изъ нашихъ извѣстныхъ архивистовъ. Поч-
тенный изслѣдователь, пользующійся заслуженной извѣстностью на поп-
рищѣ изученія русскихъ древнихъ актовъ, не остался чуждъ общему ин-
тересу, который привлекъ на себя окончательно рѣшеніе весной прош-
лого года дѣло по обвиненіи мултанскихъ ватяковъ въ совершении чело-
вѣческаго жертвоприношенія. Мултанское дѣло получило высокій интересъ
нетолько этнографіческій, но и чисто общественный: этимъ слѣдуетъ объяснить
то напряженное вниманіе, съ которымъ большинствъ русского общества
ожидало рѣшенія суда, разбиравшаго въ прошломъ году это дѣло въ 3-й
разъ. Значеніе мултанского дѣла для этнографік было двойно: съ одной
стороны фактъ установленія среди современныхъ ватяковъ случая чело-
вѣческаго жертвоприношенія не могъ быть безразличенъ этнографу; съ другой—этнографическимъ данными было суждено играть выдающуюся
роль при судебнѣй экспертизѣ въ этомъ вопросѣ: данными о современен-
іи бытѣ ватяковъ, ихъ вѣрованіяхъ и жертвенному ритуалѣ, равно и
общія основы науки этнографіи не позволяли признать въ раскрытыхъ
слѣдствіяхъ обстоятельствахъ дѣла факта жертвоприношенія: большин-
ство этнографовъ, въ частности и отдѣль Этнографіи И. О. Л. Е. А. и Э., по-
святившій этому вопросу два засѣданія, высказались противъ признанія

обвинявшихся вотяковъ виновными въ присесеніи въ жертву человѣка. На помощь этнографамъ, подкѣрпленія ся положенія, привѣти и давнія историческая. Г.Луппова, разсмотрѣвъ 49 дѣлъ, касающихся вотяковъ изъ Синодальномъ архивѣ, 292 дѣла въ вятской духовной Консисторіи, опись 331 дѣла той-же Консисторіи, начонецъ документы архива слобужского духовнаго правленія (всѣ просмотрѣвшия дѣла относятся въ XVIII в.) въ своемъ докладѣ въ Отдѣлѣ Этнографіи И. Р. Г. О. призвали, что онъ не винилъ даже наименія человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ. Выводы г. Луппова, отрицательные для лицъ, доказывавшихъ на основаніи и. пр. и этнографическихъ данныхъ фактъ совершеннія мултанцами человѣческаго жертвоприношенія, могли казаться сравнительно не убѣдительными въ виду относительной малочисленности просмотрѣвшихъ г. Лупповыми дѣлъ. Г. Оглоблинъ съ той-же цѣлью опредѣлить, насколько архивныя данные могутъ содѣйствовать решенію вопроса, предпринять громадный трудъ: онъ взялъ на себя тяжелую, крохотливую работу просмотрѣть и прорѣзть изъ 16757 дѣлъ, упраздненныхъ судебныхъ учрежденій Вятской губ. (Вятской уголовной и гражданской палаты, Вятскаго, Глазовскаго, Малмыжскаго, Яранскаго, Ботельническаго и Орловскаго уѣзд. судовъ), хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства юстиціи, всѣ дѣла, касающіяся вотяковъ. Просмотрѣвшия дѣла относятся къ XVIII в. Огромный матеріалъ, вадъ которымъ оперировала г. Оглоблина, дадъ ему вѣроятно значительное количество интересныхъ бытовыхъ подробностей жизни вотяковъ прошлаго столѣтія: съ некоторыми изъ нихъ авторъ знакомить читателя въ своей статьѣ. Но среди 16757 дѣлъ, бывшихъ въ рукахъ г. Оглоблина, не нашлось ни одного, которое свидѣтельствовало бы, что прорѣзъ вотяковъ въ прошедшемъ столѣтіи поднималось дѣло по обвиненію ихъ въ убийствѣ человѣка съ цѣлью умилостивленія ихъ языческихъ божествъ.

Вѣроятно скептикъ или лицо съ предвзятымъ взглядомъ, желаящее приписать мултанцамъ несовершенное или преступленіе, не убѣдится и доказательствомъ, свидѣтельствующимъ въ пользу вотяковъ благодаря отрвцательныхъ результатахъ, къ которымъ приводитъ просмотръ значительного архивнаго матеріала, находившагося въ распоряженіи г. Оглоблина: онъ можетъ конечно строить предположенія, что среди дѣлъ, не сохранившихся или не бывшихъ въ рукахъ гг. Луппова и Оглоблина могли находиться и такія, которыхъ подорвали бы ихъ выводы, если бы были открыты; можетъ предполагать, что по тѣмъ или инымъ причинамъ подобные дѣла не дошли до судебнаго разбирательства и т. д. Но вѣроятно самый завзятый скептикъ, если онъ только пожелаетъ оставаться безприострастнымъ, долженъ будетъ прознать, что выводы г. Оглоблина, основанные на такомъ обширномъ матеріалѣ, въ связи съ выводами г. Луппова, даютъ значительное по своей убѣдительности, хотя бы икосвенное доказательство, что уже въ прошломъ столѣтіи человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ отошли въ область преданій.

Всякій, знакомый съ трудностями, съ которыми сопряжены архивные розысканія, вполнѣ пойметъ что просмотръ описей и дѣлъ въ такомъ

подавляющемъ количествѣ, стоялъ г. Огюбину много труда: съ тѣмъ большими чувствомъ благодарности онъ отнесется къ почтенному изслѣдователю, согласившемуся оторваться отъ болѣе близкихъ ему ученыхъ работъ и розысканий, чтобы направить, находившееся въ его распоряженіи могучее орудіе—изученіе документовъ—для раскрытия истинъ и пролитія свѣта въ недавно еще бывшемъ дѣло о «Мултанскомъ моленіи» ватиаковъ.

Н. X.

П. Савваитовъ: Описаніе старинныхъ русскихъ, утварей, одеждъ, оружія... въ азбучномъ порядкѣ расположеннное (СПБ. 1896, 8°, 184 стр., 15 таб. рис.). Хорошо извѣстный всѣмъ любителямъ и изслѣдователямъ древне-русскаго быта трудъ П. И. Савваитова, изданый въ 1865 г. Им. Археологическаго Обществомъ, вышелъ 2-мъ изданіемъ. Им. Археологическое Общество, взявшее на себя трудъ и расходы по второму изданію, выпустило въ сѣть цѣнную работу покойнаго автора съ тѣми дополненіями и поправками, надѣ составляемъ которыхъ авторъ трудился почти всѣ 30 лѣтъ, протекшіе между выходомъ въ свѣтъ 1-го изданія, до момента, когда смерть въ 1895 г. прервала труды П. И. Савваитова., не успѣвшаго докончить дополненіи послѣдніхъ буквъ узазателя. Допуская съ авторами предисловія ко 2-му изданію, что указатель П. И. Савваитова и въ новомъ дополненіи видѣ еще потребуетъ со стороны изслѣдователей древне-русскаго быта розысканий и исправлений, мы не можемъ не признать за винъ крайне серьезной пользы, которую онъ принесъ всѣмъ интересующимся нашей бытовой стариной.

Н.

Журналы и Газеты.

Бесіда (Львовъ) 4. **О. А. М-й.** П. А. Кулишъ, некрологъ.—4 и даль-
нѣшіе №№. Положеніе Прикарпатской Руси во всемирной исторіи.

Варшавскій Губ. Вѣд. 19—24. **Мошковъ.** Старообрядцы Варшавской губ.
и ихъ пѣсни (прод. слѣд.).

Витебскій Губ. Вѣд. 1896. 100—103, 1897. 1—6, 8, 10—11, 13—14, 16—
17, 19—21, 23—26. **Н. Никифоровскій.** Простонародныя примѣты и по-
вѣрья, сувѣрѣніе обряды и обычай, легенд. сказ. о лицахъ и мѣстахъ.
Собранны въ Вит. губ. —5—6. Сибирское переселеніе.—6. Купанье свекра.
(На другой день свадьбы свекра и свекровь лѣтомъ купаются, а зимой
катаются по сѣтѣ; изъ Перм. Вѣд.; изъ Екатеринб. Нед. перепеч. въ
Тул. Губ. Вѣд. 1).—7. Къ переселенческому вопросу.—16. Библіографія
(перепеч. изъ „Эн. Об.“ отзывъ о книгѣ Никифоровскаго: „Очерки про-
стонар. житія“, и пр.). Замѣтчательное археолог. открытие въ Палестинѣ
(мозаичная карта Палестины, Сирии и Египта V в. въ г. Медабѣ; въ
Моск. Вѣд. 56, замѣтка объ этомъ изъ Daily Graphic).—19. **И. Домаш.**
Прошлое и настоящее Бѣлоруссіи (о сообщеніи Шляпкина въ Археолог.
обществѣ: О Рогволодовомъ и Двинскихъ камняхъ).—21, 23, 25—26. **А. Г-чъ.**
Къ переселенческому вопросу.—21. Народный праздникъ масля-
ница (изъ Пенз. Губ. Вѣд.).

Владимирскій Губ. Вѣд. 1896. 46—47. Вредныя повѣрья у русскихъ коне-
водовъ (изъ „Прав. Вѣстн.“).—52. Полувѣковой юбилей Импер. Геогр.
Общ. (оттуда-же).—47. **А. Соболевскій.** Какъ говорятъ во Влад. губ?
(Вопросы, предложенные жителямъ, знакомымъ съ говоромъ).

Вокругъ свѣта. 1896. 1—16. **Бернсъ.** Алжиръ и Сахара, путевые очер-
ки.—1, 4—7. **Шрейдеръ.** Вѣтъ въ хунъ-хузовъ. Разсказъ изъ путеше-
ствія по Уссурійскому краю.—3. **Н. Д.** Вѣтъ глуши Индо-Китая (о путеше-
ствіи Нерсена).—Юр. **К. Б.** Омскій купецъ у себя дома.—Бахчиса-
райскій дворецъ.—Жестокій обычай (оципываніе первьевъ съ живыхъ
гусей).—6, 8, 10, 12, 15, 19. **Ю. Кази-Бекъ.** Очерки Турціи.—7. Ачинскія
жены (Малайскій архипелагъ).—8. Сообщеніе о сартахъ.—9. **Ю. Кази-
Бекъ.** Св. гора Аеонъ.—11. **С. Заюрскій.** Наши даленія окраины. О. Са-
халинъ. Впечатлительность рась.—12. **Н. Д-ко.** Посвященіе въ рыцари
у бечуанъ.—14. Пивовареніе въ Вавилонѣ (по даннымъ раскопокъ).—15.
Н. Д. Невѣста туарега, африканская легенда.—17—19. **С. Заюрскій.** Гео-
логическая эпохи.—17—20. **Шрейдеръ.** Голодный походъ, изъ путешесствія
по Уссурійскому краю.—18—22, 24—25. **К. Носиловъ.** Тундра и ея оби-
татели, изъ путевыхъ замѣтокъ.—18. Боготвореніе людьми животныхъ.—
21. Океанійскія племена (кое-что о людоѣдствѣ).—24. Танецъ съ мечомъ
въ Зальцкаммергутѣ (въ Австріи).—**Н. Есипова.** Наши окраины. Сухумъ.—
25. **Н. Данилевскій.** Разрушенная легенда (о городѣ Маноа и „Золотомъ
человѣкѣ“; разсказывается въ Гвіанѣ и занесена въ испанскія хроники).—
26. Библіографія: Черкесские рассказы, Юрия Кази-Бека.—26—32. **Л. Му-**

рагина. Сирийский берегъ, историко-географический очеркъ.—30. *П. Гиббъ*. Княжеская свадьба у сомалийцевъ.—33—35. *С. Заорский*. Островъ Корфу.—35—36. Экспедиция принца Орлеанского.—36. Турецкая дама у себя дома.—38. *Л. М.* Изъ африканскихъ краевъ.—38—41. *Л. Муратова*. Смирна и ея окрестности, историко-географ. очеркъ.—40. Народъ карликъ (въ Гвантанъ).—41. Очерки иноzemныхъ городовъ. Джедда (городъ у Краснаго моря).—42. *В. Л.* Нравы и обычаи. Черты изъ быта бурятъ.—44. Уголовный судъ въ Андоррѣ (Пиренеи).—47—50. *Л. Альбрандтъ*. Букеевская киргизская ордъ.—48. *Н. Д.* Страна и народъ магабеловъ.

1897. 1—12. *А. Осиповъ*. На дикомъ съверѣ: путевые очерки и замѣтки (изъ быта поморовъ).—1. *Д. Шрейдеръ*. Корейцы на дальней окраинѣ.—3. Ужасный патагонецъ обычай (убивать стариковъ).—4. Легенда о происхождѣніи бумажного имѣя.—Пляска „абакетовъ“ у аматати въ Ю. Африкѣ (изъ *Weser-Zeitung*).—5—6. *М. В.* Народы-карлики (по поводу статьи Фридриха Штарръ въ *North-American Review*).—6. *М. Бернштейнъ*. Пѣшкомъ по Болгаріи (приводится одна болг. пѣсня).—12. *С. Заорский*. Очерки современной Греціи.

Вольнисія Епарх. Вѣд. 9. *Римскій*. О началѣ славянской письменности.

Всемірная Иллюстрація. 1896. 1406. *Д. Аппрессиамъ*. Кресты и нареченіе именъ у разныхъ народовъ (Съ французскаго). *М. Шмидтъ*. Іорданъ въ старой Москвѣ.—1408. *В. А. Дашковъ* †.—1410. Пятидесятіе И. Русскаго Геогр. Общ.—Кавказская экспедиція гр. Зичи.—Экспедиція въ страну Ашанти (прод. въ 1412, 1414).—Археолог. находка (браслетъ и копье въ Елизаветѣ. уѣздѣ).—1411. Армянскія пословицы (изданы въ Венеціи).—Раскопки въ Карагеанѣ (могилы древнихъ карагеанъ, раскопанные патеромъ Delattre).—Гробницы каменного вѣка близъ Вормса, на берегу Рейна.—1413. Послѣднія раскопки въ Помпейахъ.—1414. Польскія свадебный гонецъ.—*М. О-еъ*. Новости печати: По Индіи и Цейлону, путевые замѣтки съ двумя дополнительными главами о религии и архитектурѣ Индіи, книгіи О. А. Щербатовой.—1415. Вѣра въ духовъ въ Китаѣ.—1416. Жители Формозы изъ „North China Daily News“.—*І. Поплавскій*. Значеніе собаки въ быту вотяка.—1417. *М. Орловъ*. Народные пасхальные обычаи на Руси.—*І. Ясніцкій*. Васильки, святая легенда на Украинѣ.—1419. Англійская экспедиція въ Донголу.

Гласност. 28. Наші внутреннія дѣла. Самоубійство въ состояніи религіознаго изступленія (Изъ „Русск. Вѣд.“).—34. Замѣтка о докладѣ В. Л. Комарова въ Вольно-Экон. Общ. о земледѣліи и переселенческомъ вопросѣ въ Манчжуріи.

Гриденскія Губ. Вѣд. 1896. 98, 100. *Свяц. Л. Павловскій*. Историч. судьба и вначеніе зап.-русскихъ братствъ (окончаніе).—1897. 6—6. Сибирское переселеніе.

Жизнь (журн. вых. тремя книжками въ мѣсяцъ). 1. *Новоселовъ*, Въ., 395 верстъ къ съверному полюсу (по поводу путешествія Нансена).—Якимовъ, Вас. Въ голодные дни. Изъ воспоминаній пролетарія (картины интеллигентной нищеты).—Тахаринъ, Н. Народный театръ (историч. справки, обзоръ современного положенія, дезертратовъ).—2. Г. З. Очерки финской литературы (І) Пайнваринта.—Смієс: К. И. Вестужевъ - Рюминъ (пекр.).—Раскопки въ съверной Америкѣ (послѣднія свѣдѣнія о mound-build deg'ахъ, ихъ курганахъ и оставленныхъ ими памятникахъ; прежнее мненіе, что была когда-то культура, высшая чѣмъ лідійская, но уничтоженная лідійцами, не подтверждается: всѣ изслѣдованные остатки курганныхъ сооруженій указываютъ на полную этнографическую тождественность строителей ихъ съ современными индійцами; предметы же, поразившіе первыхъ изслѣдователей, оказались европейскаго происхождения. Для интересующихся рекомендуется трудъ г. Сугис Томас, описывающаго большое количество такихъ земляныхъ сооруженій).—Воло-

сатые люди (справки о нихъ).—Оригинальный народный обычай въ Зальцкаммергутѣ (состязаніе молодыхъ парней-жениховъ въ щелквани кнутомъ; за неудачника никто не выходить замужъ).—3. Терноескій, С. Замѣтки о народномъ образованіи. — Смѣсь: лекціи проф. Эмиля Гомана въ Лилльѣ о Россіи, преимущ. XVIII в. (результатъ усилия Россіи къ цивилизаціи).—4. Д. Мысли американцевъ о смерти (вопросы американского психологического журнала о представленияхъ болезни, старости и смерти и отвѣтъ на нихъ).—Смѣсь: премія за лучшую исторію Финляндіи для школъ на русскомъ языке (предср. не позднѣе 31 дек. 1897 г.).—Сообразительность обезьянъ (факты изъ сравнительной психологіи; пристрастіе нравственного чувства у животныхъ); исторія переселеніи въ Россіи.—5. Степан, А. За Орѣ. Рассказъ (изъ жизни нашихъ окраинъ).—Гродецкій, Мих. Эрнест Гейнрихъ Геккель и его роль въ развитіи современной биологии (интересная статья для этнографовъ, такъ какъ на основаніи важнѣйшихъ биологическихъ законовъ перестроена вся система наукъ о жизни, а въ этомъ направленіи „Геккель болѣе, нежели кто-либо другой изъ современныхъ естествоиспытателей, поработалъ вадъ сближеніемъ биологическихъ наукъ съ науками обѣ обществъ“).—Ржес-скій, О. Персія (характеристика страны и нравовъ).—Смѣсь: Кулишъ († 2 февр. 97 г.).—Нищенство среди животныхъ.—6. Смѣсь: Происхожденіе письменности (идеографія, символизмъ, фонетика, си. № 8 „Жизни“).—Птицы—пастухи (журавли Венециа): каждое утро они выгоняютъ животныхъ на пастбище, собираютъ заблудившихся и вечеромъ ведутъ стадо снова домой).—Вымирающіе инородцы (по докладу, прочитанному проф. Якобиемъ въ Обществѣ охраны народного здравія, обѣ инородцахъ тобольского сѣвера).—Самоубійства въ Китаѣ (особенно часто изъ чувства мести: духъ умершаго преслѣдуется врага).—Свѣдѣнія о командированіи санитарного отряда Краснаго Креста въ Абиссинію.—7. Смѣсь: Объ открытии въ Парижѣ сирийской рукописи, заключающей текстъ хроники Марѣ-Ибаса (или Абаса), одного изъ источниковъ извѣстнаго армянского историка Моисея Хоренскаго.—Поклоненіе драгоцѣннымъ камнямъ (изъ доклада члена Геогр. Общ-ва Т. В. Кибальчича: „О драгоценныхъ разныхъ камняхъ (геммахъ) разныхъ древнихъ народовъ, обитавшихъ въкогда на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ южною Россіей“).—Люди съ волчьей пастью (интересна для физиологии звуковъ человѣч. рѣчи).—8. А. Г. Южно-полярная область.—Смѣсь: Афганцы у себя дома (правы, противоположность въ характерѣ).—9. А. П. Церковь въ Прибалтийскомъ краѣ (Первые миссионеры и распространение католичества; введеніе лютеранства; движение къ православію).—10. Библіогр. Мечниковъ, Л. И. Цивилизация и великия историческихъ рѣки. Географическая теорія развитія историческихъ обществъ (посмертный трудъ въ переводахъ съ франц. М. Д. Гродецкаго).—Москвитянинъ, 4 апрѣля 1147 года (по поводу 750-лѣтія Москвы).—Смѣсь: Чествованіе Конфуція въ Шанхайѣ (дважды въ годъ: весною и осенью; подробное описание очевидца).

Зариси Крымскаго Горнаго Клуба. 1896.—2. О находкѣ римскихъ серебр. монетъ въ Симферополѣ. уѣздѣ, дер. Біель, на берегу Альмы.—О развалинахъ церкви у горы Демерджи и обѣ остаткахъ ханскаго дворца Эски-Сарай близъ Симферополя.—3. Пасхальная легенда о „золотомъ курганѣ“ на остаткахъ храма близъ Керчи съ зарытыми въ немъ богатствами и дѣвушкой-красавицей: кто хочетъ ее въ жены съ богатымъ приданымъ, долженъ ити къ вѣтъ отъ свѣтлой заутреніи и съ кѣмъ не христосуясь.—4. Списокъ докладовъ, сдѣланныхъ въ заѣданіяхъ клуба, и статей, помѣщенныхъ раньше въ „Запискахъ“.—5—6. Объ открытии катакомбъ въ Керчи. О херсонесскихъ раскопкахъ, находка приношенія (терракот. кругъ) св. Фокѣ—покровителю мореплававшімъ.—7—8, 9.—10. О путешествіи на Памиръ и въ Средн. Азію графа Думморъ въ

1892 г. 11—12. О раскопкахъ Е. И. Выс. В. К. Александра Михайловича на Ай-Тодорѣ.

Маерія. 71. Воскресенье Хр. и Вайрамъ (историческое воспоминание). М. Джансашвили.—76. Состояние грамотности въ Шаваетіи.

Кавказское Сельское Хозяйство. 1896.—150. Сели. Бумажное. Предсказатели погоды у простого народа (Борчалинского уезда).

Кавказъ. 1896. 328, 329, 331. И. Пактюховъ.—О въкоторыхъ цѣлебныхъ мѣстахъ въ Закавказіѣ.—348. Два паря (народная басня, записан. въ Кахетіи).—О происхождении слова „Кавказъ“. Кн. Т. Д.—Морально-культурное состояніе мусульманъ въ Закавказіѣ. Ахметъ бекъ-Алиевъ.

1897 г. (подъ ред. В. Л. Величко). 13. Вѣнецъ царя Давида (легенда грузин. евреевъ). Кн. А. Цеустели—Библ., материалы по археологии Кавказа. Вып. V. А. Хах-ова.—53. Грузинский поселокъ въ африканскомъ оазисѣ. Ч. Мостовица.—98. Земное земному (грузинская сказка).

Казбель. 13. Памятникъ временъ св. Нины въ Кавказѣ.—14. О Терской области. Я.—21, 22, 23. Русская масленица и историческая данныя о ней. Н. Волковъ.

Калужская Губ. Вѣд. 22. Обычай прощанія и проводы масленицы (изъ Пенз. Г. В.).—Д. И. Эвартицкій. Предавіе объ Иванѣ Грозномъ во Влад. губ. (изъ Сиб. Вѣд. перепеч. въ Харьк. В.).

Кавка. 8. Археологич. древности въ Цициавовскихъ горахъ. Ясона Цициави.—11—12—14. Общинное землевладѣніе въ Абхазіи.—13—14. Тушинскія народныя пѣсни.

Киргизская Губ. Вѣд. 13. Извѣстіе о томъ, что Географ. О-во и Академія Наукъ обратились въ Главную Переписную Комиссію съ просьбой при производствѣ переписи среди инородческаго населения предлагать ивородцамъ для перевода на ихъ языки рядъ именъ существ. глаголовъ и въкоторыхъ фразахъ; полученные свѣдѣнія должны послужить подспорьемъ при составлѣніи этнографической карты Россіи (приведены слова, предлагаемыя для перевода).

Маирис (сельский хозяинъ). 1896. 34, 35. И. Букурчукъ. Хевсуры и Хевсуретія.

Мироные Отголоски. 2. О замѣнѣ подымной подати государственнымъ налогомъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ Закавказского края и Кубанской области (Указанія въ исторію системы налоговъ въ Закавказскомъ краѣ).—4, 8, 10, 20. Е. Шмурло. Сибирскія письма.—12. Къ истории народныхъ сувѣрій. Способъ приготовленія чудесной палки, охраняющей, по повѣрью швейцарскихъ и тирольскихъ горцевъ, отъ опасностей во время горныхъ путешествій.—26. Голодъ и чума въ Индіи (краткій очеркъ религіозныхъ возврѣній народной массы въ Индіи).—28. Приднѣпровье. „Таласъ“никъ въ Могилевѣ: предсказатель будущаго по Библии.—30. Поволжье. Бунтъ татаръ въ дер. Исаилъ, Мамадышскаго уезда, Казанской г., вызванный слухомъ о томъ, что предполагается крестить татаръ (изъ „Астрахан. Вѣстн.“).—33. Замѣтка о докладѣ Романова въ Импер. Русск. Геогр. Обществѣ „объ іезидахъ“ (пок. оннікахъ дьявола).

Московскій Вѣд. 32. О собраниі русскихъ пѣсень пѣсенною комиссіею Географ. Общ.—Абиссинская санитарно-этнограф. выставка. —ii. Извѣстіе Лапландіи.—47. Биографія Д. П. Г. Бонвало: Невѣдомая Азія, путешествіе въ Тибеть, пер. съ франц. Л. А. Богдановича. Ташкентъ. 1897.—Смѣсь. Лапландское преданіе о потопѣ (изъ „Science pour tous“).—51. Смѣсь. Обычай (свадебные) на о. Формозѣ.—55. Столица Афганистана (о докладѣ И. А. Грей въ Лондонѣ).—56. Карнаваль и процесія быка.—Римское и китайское искусство.—60. Смѣсь. Первое появленіе вилки.—51. М-чъ. Соль (употребление ея у разныхъ народовъ).—52. Смѣсь. Греческія пословицы. Заклинаніе духовъ у племени Орангсламъ (изъ книги „Forschungsreise in den Molukken und in Borneo, Кюненталя“).—64. Хор-

роль. Ассигновка на содержание зиахаря.—71. Библиография: Д. Этногр. Обозр. 1896, № 1.—Памятники зодчества в Азии (сообщение Щербины Краморенко в Географ. Обществѣ).—73. Библиография: А. И. П. П. Михайловъ. Роль и значение первобытной женщины. СПб. 1897.—Смѣсь. Свадьба между мертвыми (изъ Globus).—76. Смѣсь. Сколько можно пить вина? (Надпись на чашѣ и народная поговорка).—77. О религіи эскимосовъ и преданіе о потопѣ (изъ статьи Фр. Кука въ American Society of Comparative Religion).—79. Я-из. Страна кровавыхъ потѣхъ (Малакка).—80. Мѣдный вѣкъ въ Халдѣ (по поводу сообщенія Бертело въ Парижской академіи наукъ).—84. Раздѣленіе времени у древнихъ (по сочиненію Г. Биллингера: Die antiken Stundenangaben).—Смѣсь. Замѣчательная мѣстность (археолог. остатки на мѣстѣ церкви, стоявшей близъ дер. Цѣлесницы, Констант. у., Сѣдл. губ. и преданіе о колокольномъ звонѣ. Изъ „Холмско-Варш. Ен. Вѣстника“).—86. Старая подкова въ Вѣломъ домѣ (счастливая примѣта въ Соед. Штатахъ—найти подкову).—88. Библиографія Х. Этногр. Обозр. 1896, № 2—3.—Ловля жемчужныхъ раковинъ крестьянами Олон. губ.—89. Статуя Посейдона (находка въ Коринскомъ заливе; изъ Weser-Zeitung).—107. Индійскіе иероглифы.—109. Смѣсь. Повѣрья о дождѣ у разныхъ народовъ.—110. Воскресная вода (обычай германскихъ дѣвушекъ ходить за водой въ Пасхальную ночь).—115. Смѣсь. Пасхальный яйца въ римскихъ могилахъ.—116. Новое племя карликовъ въ Памирѣ (изъ „La Science pour tous“).—118. Происхожденіе шахматной игры.—119. Похоронные обряды американскихъ племенъ (изъ „Tgliche Rundschau“).—125. Похоронные обряды у Ароваковъ (въ С. Америкѣ).—Людоѣды въ Конго.—132. Варварскій обычай у чукчей (убиженіе стариковъ).—133. Смѣсь. Обычай въ Бретани (кѣто въ родѣ смотрѣть).—135. Смѣсь. Преданіе островитянъ (о. Фунафути).—145. Поклоненіе метеорамъ.

Московский Листокъ. 88. Ворожея-гадалка, чтобы вернуть исчезнувшаго жениха, посовѣтовала невѣстѣ прикрыть бубноваго короля къ маятнику часовъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ „маялся“; когда это не помогло, бубновый король былъ пригвожденъ къ потолку 12-ю булавками, а 13-я воткнута ему въ сердце.

Новое Обозрѣніе. 1896. 4442, 4457, 4555. Раф. Эристовъ. Этногр. очерки Сванетіи (воскрешеніе душъ, свинобѣй, менароба, оплакивание мертвыхъ).—4451. Переселеніе душъ (персидская сказка, перев. съ франц.).—4474. Бил.: Западноевропейскій эпосъ и средневѣковый романъ въ пересказахъ и сокращеніяхъ О. Петерсонъ и Е. Балобановой. Т. I. А. Хах-ова.—4493. Вліяніе религіоз. обрядовъ на благосостояніе осетинъ. Г. Цамоевъ.

Новое Слово. 1896. 2. Новые книги: 1) Былины историч., военные, разбойничьи и воровскія пѣсни, запис. въ Сарат. губ., М. Е. Соколова. Петровскъ. 1896, 2) Начало цивилизациіи и первобытное состояніе человѣка. Умственное и общественное состояніе дикарей. С. Д. Леббока, II изд. подъ ред. Коропчевскаго.—А. Поясская. Кустарі на Всероссійской выставкѣ (на 14-ой стр.—3 „частушки“).

Пермскія Епарх. Вѣд. 2. Свящ. Н. К. Къ исторіи скопчества въ Пермской епархіи.—3. Свящ. И. Биримовъ. Переписка преосвящ. Аркадія, архіеп. Пермскаго, съ главноуправляющимъ имѣніями графа, Строганова (нѣкоторые факты изъ исторіи раскола въ Пермской епархіи).

Прибалтійскій Листокъ. 31. Смѣсь. Поклонники дьявола (докладъ Романова въ Географ. Обществѣ о сектѣ леизидовъ). Заключеніе брака на деревьяхъ на Филиппинскихъ ост. —34. П. А. Кулишъ (некрологъ).—49. Ливонскія саги. О происхожденіи озера Кеммернъ (переводъ съ лит.).—52. Г-ръ. Чума въ Ригѣ (истор. очеркъ).—54. Игры и забавы татарской молодежи Уфимской губ. (изъ „Вол. Кам. Края“).

Рижский Вестник. 13. И. Васильевъ. Къ трудамъ Х археолог. съѣзда въ Ригѣ въ 1896 г. (о мѣстѣ, где находится река Миронова, при которой Домонть одержалъ побѣду 1268 г.).—21. Отзывъ о трудахъ Х археолог. съѣзда въ г. Ригѣ. Подъ редакціей гр. Уваровой. Вып. II. М. 1896.—33. Островъ Критъ или Кандія.—43—44. Малорусская свадьба (запись изъ „Кievskoy Stariны“).

Сѣверный Вестникъ. 1896. 8—9. Лозинский. Психологія знакохарства (приведено наѣсколько заговоровъ).—12. В. Бирюковичъ. На новыхъ мѣстахъ (переселенцы въ Сибири).—Библіографія: 1) М. Гернесь. Исторія первобытного человѣчества. Перев. съ нѣм. съ предисл. и прим. И. Березина. СПб. 1896. 2) Ш. Летурно. Соціологія по давнѣмъ этнографіи. Пер. Трачевскаго. СПб. 1896.

Тульскій Губ. Вѣд. 3. Изъ печати (о маскахъ въ старину; изъ Нов. Вр.).—16. Корр. изъ Тюмени (о кулачныхъ бояхъ).—16—17. Сибирское переселеніе.—23. Смѣсь. Носовой платокъ у древнихъ народовъ.—28. Маньчжурия (о докладѣ Комарова въ Вольно-Эковомъ обществѣ: о землемѣліи и переселенческомъ вопросѣ).—30. Смѣсь (о происхождѣніи эпіческаго числа 7 отъ семи непостоянныхъ свѣтилъ).—36. Изъ печати (восточная легенда о чумѣ; изъ „Народа“ перепеч. въ „Прибайт. Листѣ“, 34).—39. Островъ Критъ или Кандія.—40. Народный праздникъ масленица (изъ Пенз. Губ. Вѣд.). 49. Н. В. Кулачные бои.

Уфимскія Губ. Вѣд. 5—6. 3. Е. Никоновъ. Описаніе селеній Балтаевской волости, 6 стана, Мензелинского уѣзда. Село Никольское (экономическое положеніе крестьянъ, состояніе народнаго образованія).—23. Изъѣстія о древней постройкѣ на берегу р. Аму и о преданіи, связаннымъ съ ней (изъ Правит. Вѣст.).

Черниговскія Губ. Вѣд. 1015. Перенесеніе новолѣтія съ 1-го сентября на 1-е января (изъ Журн. для всѣхъ).—1016 Изъ прошлаго. Былое святочныхъ вечеровъ (изъ Нов. Вр.).—1020. Рождественскія колядки или славленіе Христа (изъ Киевск. Епарх. Вѣд.).—1032. Библіогр. изъѣстія: Основаніе русскаго флота, Д. Цвѣтаева.—1037. Памятники временъ св. Нины на Кавказѣ (изъ Правит. Вѣст.).—1061. Происхождѣніе масленицы.—1062. Археолог. открытие (раскопки Гильпрехта въ Халдѣ).—1064. Библіогр. изв.: Бранденбургъ. Старая Ладога. Рисунки и техническое описание академика В. В. Суслова съ рисунками (изд. Археол. общ., изъ Прав. Вѣст.).—1065. Развалины Зимбао въ Ю. Африкѣ (оттуда-же).

Черноморскій Вѣстникъ. 2. Искандеръ. Надежда (новогодняя легенда изъ армянскихъ преданій).—3, 6, 25, 27. Турецкія закопоположенія о недвижимой собственности.—23. З.-е. Нѣсколько словъ о кавказскомъ шелководствѣ.—27, 28. Н. Колонизація восточнаго Черноморья (книга Н. А. Шаврова „О мѣрахъ для развитія русскаго торгового мореходства“).—29. Описаніе „рамазана“.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Анты, Исторические, XVII ст. (1630—1699 г.). Материалы для истории Сибири, вып. II-й собралъ и издасть И. П. Кузнецовъ-Красноярский. Томскъ. 1897, 8°, 103 стр. 200 экз., ц. 2 р. 25 к.

Алмазовъ, А. И. Къ исторіи молитвъ на разные случаи. Замѣтки и памятники. Одесса. 1896. 8°, 35 стр., ц. 53 к. (Интересно для научающихся народные заговоры).

Альбертино, Зеркало тайныхъ наукъ и отраженіе судьбы человѣка. Черная и белая магія... Раскрытие этихъ наукъ путемъ извѣйшихъ изслѣдований истины и здраваго смысла. Въ 15-ти частяхъ. Изд. 5-е, испр., передѣл. и доп. М. 1897. 8° 360 стр., ц. 2 р. (Сообщаются заговоры, сакрія и проч.).

Армашевскій, П. Я. и Антоновичъ, Вл. Б., Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Киева. Съ 2 рис. Киевъ. 1897. 12° 87 стр. 600 экз., ц. 75 к.

Ахвердовъ, Ив., Армения въ пятомъ вѣкѣ. Изд. 3-е. Нахичевань на Дону, 1896, 8° 106 стр., ц. 1 р.

Ахозъ, М., Россія и арміи. Спб., 1897, 12°, 63 стр., 1000 экз., ц. 50 коп.

Балобанова, Е., Рейнскія легенды. Спб. 1897, 8°, 257 стр., ц. 1р. 40 к.

Бисни Виндійскія, собранныя Р. V. Ramasvani Raju. Перев. съ англ. Н. В. Масловича. Харьковъ, 1897, 16°, 48 стр., 500 экз., ц. 40 к.

Бекъ, С. (д-ръ) и Браннъ, М. (д-ръ), еврейская исторія отъ конца бакмайского периода до настоящаго времени. Перев. и дополненіе съ прибавл. оригинального отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ, С. М. Дубновъ. Въ двухъ томахъ. Т. II-ой. Западный периодъ (отъ возникновенія еврейско-испанской культуры до нашихъ дней). Одесса, 1897, 8°, 480 стр., 3600 экз., ц. 3 р. 50 к.

Беркенгеймъ, А. М., Современное экономическое положеніе Сиріи и Палестины. М. 1897, 8°, 35 стр., 200 экз.

Бржескій, Н., Круговая порука сельскихъ обществъ. Судебнія редакціонныхъ комиссій по составленію положеній 19 февраля 1861 г. и правительственные взіяды за время съ 1861 по 1895 г. Спб. 1896, 8°, VII + 114 стр.

Будилевичъ, А., о значеніи русскаго похода въ 1849 году для астро-угорскихъ народовъ (отт. изъ «Русс. Бесѣды»). Сиб., 1896, 8°, 20 стр.

Булгаковскій, Д., свящ., Иоанъ-Бульскій православный миссіонер-скій монастырь въ Средней Азіи. Сиб., 1896, 8°, 40 стр.

Бурцевъ, А. Е. Сказки, рассказы и легенды крестьянъ Сѣверного края. Сиб., 1897, 8°, 388 стр. (Составилъ по личнымъ записямъ и по собраниямъ Иващенко, Шустикова, Н. Харушина, Е. В. Барсова, Рыбникова, Еирши Денилова, О. Славянской и др. Печатано въ 40 экз. не для продажи).

Бюхеръ, К., проф., женскій вопросъ въ средніе вѣка. Перев. съ нѣм. Л. С. Зака. Одесса. 1896. (Библиотека общества. вианій подъ ред. Л. С. Зака. Серія II, вып. I), 8°, 48 стр., ц. 20 к.

Веневитиновъ, М. А. Русскіе въ Голландіи; великое посольство 1697—1698 г. М. 1897. 8°. 237+6 стр. Ц. 3 руб.

Витевскій В. Н., И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежненій его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. Вып. 5-ый. Съ приложениеми. Казань. 1897. 8°. 8+съ 845 ио 962 стр.+198 от. 360. Экз. Ц. 2 р. 50 к.

В. Р. Очерки Приволжья. М. 1897. 8°. 378 стр.

Гринченко, Б. Д. Этнографические материалы, собранные въ Черниговской и соседніхъ съ нею губерніяхъ. Рассказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Вып. I (стр. IV+308), II (стр. II+390), Черниговъ. 1895—1896.

Грамота. Псковская судная (1397—1467). Подлинная и въ переводѣ на современный языкъ съ приѣчаніемъ по установлению переводчаго текста. Составили И. И. Васильевъ и Н. В. Кирличниковъ. Изд. Псковск. Археол. Общества. Псковъ. 1896. 8°. VII+75 стр.

Гюро, П. Частная и общественная жизнь грековъ. Перев. съ франц., съ 70 рисунка, подъ ред. Я. И. Руднева (Историческія чтенія). Сиб. 1897. 8°. 549 стр. 1500 вкз. Ц. 3 р.

Данилевичъ В. Е. Очеркъ истории Полоцкой земли до конца XIV столѣтія (Оттискъ изъ Унів. Изв. за 1896). Кіевъ. 1896. 8°. XXIII+260+роспись полоцкіхъ князей+карта Полоцкой земли.

Дневникъ Дмитрия Богданова по поѣздкѣ на Сунгари на пароходѣ «Телеграфъ» въ 1895 г. Москва. 1896. 8°. 98 стр.

Долгоруковъ, В. А. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Съ портретами и рисунками (годъ 2-й). Томскъ. 1897. 8°. 559 стр., 1 карта и 147 стр. объявлений. 5.040 вкз. Ц. 1 р.

Древняя Россійская Библіоенка, или собрание древностей россійскихъ, до Россійской исторіи, географіи и генеалогіи касающихся. Издававш. вольного Россійского собрания членомъ Н. Новиковымъ Сиб. въ 1773—75 г. Т. 4-й. Мышкинъ. 1897. 8°. 410 стр. 300 экз. Ц. за 5 томовъ (10 частей) 9 руб.

Дружининъ, Н., Юридическое положение крестьянъ. Исследование I. Полноправный сельский общества и неправильный селения. II. Крестьянская женщина. III. «Вы» и «Ты». IV. Наказание безъ суда. V. Преобразованный волостной судъ. VI. Юридическая беспомощность крестьянъ Спб. 1897. 8°. 397 стр. 1,260 экз. Ц. 2 р.

Друммондъ, Г., Эволюция и прогрессъ человѣка. Перев. съ англ. Н. А. Иванова. Изд. 2-е. Москва. 1897. 8°. VI+393 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Ивановскій, А. О., Манчжурская христоматія. Вып. 2-й. Спб. 1895. 8°. 96+съ 123 по 255 стр.

Имшенецкій, Я., Къ вопросу о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Полтавской губерніи. (По поводу статьи: Л. С. Л.: Новѣйшія статистические изданія Полтавского Губернскаго Земства. «Киевск. Старина». 1894, мартъ.). Бронн. fol. 7 стр. (печат. съ разрѣш. г. Полтавскаго вице-губернатора).

Истринъ, В., Первая книга хроники Иоанна Миллана (Зап. Импер. Акад. Наукъ. По Истор.—Фил. Отдѣл. т. I. № 3.) Спб. 1897. 4°. 29 стр. Ц. 40 р. (650 экз.)

Красовъ, А., свящ., Зыряне и св. Стефанъ Чернскій. Спб. 1896. 8°. 213 стр.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры, съ очеркомъ формъ государственного правленій, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев. съ 3-го нѣм. издѣнія подъ ред. А. А. Рейнгольдта. Вып. III. (все изданіе выйдетъ въ 8-ми вып.). Кіекъ—Харльовъ, 1897, 8°, съ 289 по 416 стр. 5000 экз., подписанная цѣна 2 р. 50 к.

Лопатинъ, Николай. Народный пѣсенинъ, содержащий въ себѣ лучшія старинныя и новѣйшія пѣсни, съ прибавленіемъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. 2-е изд. комитета грамотности, просимѣтъное прое. В. Ф. Миллеромъ, исполненное Т-вомъ И. Д. Сытина. Москва, 1897, 8°, 277 стр.

Лучицкій, И. В. Новые изслѣдовавія по исторіи крестьянъ во Франціи XVIII в. Вып. I. Кіевъ, 1897, 8°, 90 стр. 200 экз.

Лѣтопись Алексіевской церкви села Сизнеръ, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губ. (изъ «Извѣстій по Каз. Епархіи за 1894 г.»). Каз. 1895, 8°, 21 стр.

Макшеевъ, А. Путешествіе по Киргизии степямъ въ Туркестанскому краю. Спб. 1896, 8°, IX+257 стр. 4-3 табл. картъ.

Маловъ, Евф. Мухаммеданское ученіе о кончинѣ мира (Ахыръ Замъ Китаби). Текстъ, переводъ и критико-библиографіческий разборъ. (Оттискъ изъ XIV т. «Извѣстій Общ. Арх. Ист. и Этн.»). Казань. 1897, 8°, 96 стр.

Мердеръ, И. Н. и Фирсовъ, В. Э. Русская лошадь въ древности и теперь. Историко-биологическое изслѣдованіе. Спб. 1896, 8°.

Милюковъ, П. Главныя течения русской исторической мысли. Томъ 1-й. М. 1897, 8°, 317 стр. 600 экз., ц. 2 р.

Милюковъ, П. Очерки по истории русской культуры. Часть 2-я. Церковь и школа (вѣра, творчество, образование). Спб. 1897, 8°, 373 стр. 2012 экз., ц. 1 р. 50 к.

Мироновъ, Н. Н. Къ вопросу о слѣдахъ непосредственнаго вліянія иѣменной словесности на древне-русскую. (изъ «Рим. Вѣсти.» 1896, № 180). Рига. 1896, 16°, 15 стр.

Мис ія въ Хиву и Бухару въ 1858 году флаг.-адъют. полковн. Н. Игнатьева. Спб. 1897, 8°, 278 стр. 300 экз.

Мрочекъ-Дроздовскій, П. Н. О древне-русской дружинѣ по былинамъ. Рѣчь, промзнесенная въ торж. собраниіи Ими. Моск. университета 12 янв. 1897 (изъ кн. «Рѣчь и отчетъ» И. Моск. ун. за 1896 г.). М. 1897, 8°, 89 стр.

Никольскій, М. В. Клинообразная надпись (Венчаніе царей) изъ Геніи-Тана около Эривани. (изъ II тома «Трудовъ Восточн. Комиссіи Имп. Моск. Арх. Общ-ва»). М. 1894. 4. Fasc. 4 стр. и 1 табл. снимковъ.

Описаніе (краткое) изслѣдованія рѣки Ангары, произведенаго Ангарской описью партию въ 1887—1889 гг., подъ начальствомъ инж. к. Чернцова. Изданіе стат. отдѣла М. П. С. Спб. 1894, 12°, 72 стр.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библиотеки Вып. 2-й. Вильна. 1897, 4°, 166 стр. 400 экз.

Очеркъ восстания горцевъ Терской области въ 1877 году А. С. (съ картой). Спб. 1896, 8°, 124 стр., ц. 60 к.

Пайсель, В. Э. (Лѣварь). Материалы для антропологии таранчей. Диссертация. Спб. 1897, 8°, 157 стр. и 1 карта, 550 экз.

Пѣвецъ, русскій народный, И. А. Скалкинъ. (Автобіографія. Хоръ Скалкина въ Россіи. Хоръ Скалкина за океаномъ. Отзывы печати). Москва. 1894 (?). fol 15 стр.

Пѣвецъ, сѣверный. Собрание русскихъ романсовъ и пѣсень. Изд. П. Юргенсона. М. (1895) fol. (сброшюровано 86 отдѣльныхъ номеровъ).

Пѣсни, великоруссіи народныи. Изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Т. III. Спб. 1897, 8°, 528 стр. 1200 экз., ц. 3 р.

Пѣсни, русскія народныи, собранныя Н. А. Левоцымъ. Напѣвы записаны и гармонизованы Иванъ Прачъ. Съ предисловіемъ А. Пальчикова. Спб. 1896. 4. vol. 1.

Русскіе путешественники-исследователи. Русскіе переплаватели: Въ Головинъ (Въ плавъ у японцевъ). О. Ф. Коцебу (Плававіе ва «Риорѣ»). Г. Невельскій (Присоединеніе Амурскаго края). Обработаны по подлинникамъ сочиненій путешественниковъ М. А. Лялиной. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1896, 8°, 383 стр. 3062 экз.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музѣи П. И. Щукина. Ч. 2-я. М. 1897, 4°, 317 стр. 200 экз.

Свяггинъ, Н. С. По русской и китайской Манчжурии отъ Хабаровска до Нийгуты. Впечатлій и замѣтки. Спб. 1897. 8°. 94 стр. 1.000 экз. Ц. 75 к.

Сибирь и великая сибирская железная дорога. Съ применениемъ карты Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Департ. торг. и кану. Сиб. 1896. 8°. VIII+283 стр. и 1 карта. Ц. 2 р.

Спенсеръ, Герб. Исторія визита. СПБ. 1898, брош.

Соколовъ, М. Е. Былины, исторические, военные, разбойнические и зоровские вѣсти, записанные въ Саратовской губ. Петровскъ 1896. 8°. IX+26+2 стр. Ц. 40 коп.

Сырку, П. А. Изъ исторіи сношеній русскихъ съ румынами. Сиб. 1896. 8°. 48 стр. (изъ 3-й кн. тома I-го (1896) Извѣстій отдѣленія труск. из. и слов. Инн. Акд. Наукъ).

Сѣрошевскій, П. , На краю лѣсовъ. Повѣсть. Съ 45 иллюстр. въ текстѣ. С. М. Дудина. Сиб. 1897. 8°. 237 стр. 1.000 экз. Ц. 1 р. 50 коп.

Тизинъ, И.. Исторія ревельского Преображенского собора. Историко-статистическое описание. Ревель. 1896. 8°. 232 стр. Ц. 1 руб.

Труманъ. Ю. Ю.. Этнографія вѣстныхъ названій Псковскаго уѣзда. Ревель. 1897. 8°. VIII+94 стр. Ц 1 р. 50 к.

Федоровъ, Н. Новый иллюстрированный путеводитель на Иматру. Спб. 1896. 35+5 стр. Ц. 35 к.

Якушинъ, Е.. Материалы для словаря народнаго языка въ Ярославской губерніи. Изд. Яросл. Губ. Стат. Комитета. Яр. 1896. 4° 46 стр. (въ два столбца). 300 экз.

Японія. Издание учрежденной по Высоч. повелѣнію Постоянной Комиссіи народныхъ чтений. Съ картою. СПБ. 1897. брош.

Яцимирскій, А. И. Одиссъ старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукинъ. Вып. 2-4. М. 1897. 4°. 277 стр. 200 экз.

Ящуринскій, Хр.. Свадьба малорусская, какъ религіозно-бытова драма. (Изъ «Кiev. Старины»). Киевъ. 1896. 8°. 40 стр.

Freshfield, W. The exploration of the Caucasus. London, Edw Arnold. 2 voll. Съ 76 табл. и 114 иллюстр. въ текстѣ.

Goremykin, I. L. Zarys historyi wloscian w Polsce. Przeklad Ad. Dobrowolskiego. Petersburg. 1898.

Herz, Otto. Reise von Jakutsk nach Kamtschatka im Jahre 1890. St.-Petersburg. 1897.

Keidel, George. Romance and other Studies. Number two: «A manual of Aesopic fable literature». A first Book of reference for the period ending A. D. 1500. First fascicule, with 3 facsimiles. Baltimore. 1896. 8°, pp. 24+76.

Lndenfeld, Rob , von. Aus den Alpen. 2 Bd., съ 403 гравюр. и 2 фототип. ц. 35 фр. 50 сант. (Подробное описание отдельныхъ вѣстностей въ естественнон. и этнографич. отношенииахъ).

Musgrave, S. C. To Kumasi with Scott. 1896. (Народъ, страна и обычаи ашантіевъ).

Nach Westsibirien. Reiseskizze von Fr. St. (Separat-Abdruck aus dem «Reval. Beobacht», 1897). Ревель. 1897.

Patkanov, S. (von). Die lrtisch-Ostjaken und ihre Volkspoësie 1. Teil. Ethnographisch-statistische Übersicht. St. Petersburg. 1897. 4°.

Potocki, Józ. hr. Notatki mysliwskie z Afryki. Somaliland. Warszawa. 1897.

Radloff, W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Noue Folge. St.-Petersburg. 1897.

Reibmayr, Alb., dr. Inzucht und Vermischung beim Menschen. Leipzig. 1897.

Sborník, Narodopisny, Ceskoslovansky. (Издание Чешско-славянского Этногр. Общества и Музея). Redactor prof. dr. Frant. Pastrnek. V Praze. Svázek 1. 1897.

ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

*Отчетъ о дѣятельности Этнографической Отдѣла II. О. Л. Е.,
А. и Э. за 1896—7 годъ.*

Этнографический Отдѣлъ въ истекшемъ отчетномъ году имѣлъ одиннадцать засѣданій, изъ нихъ восемь закрытыхъ и три публичныхъ, читая въ томъ числѣ и одно соединенное съ Географическимъ Отдѣлениемъ Общества. Публичные засѣданія были посвящены докладамъ членовъ Общества и Отдѣла на темы по тѣмъ или другимъ вопросамъ этнографии общедоступного характера; на засѣданіяхъ же закрытыхъ дѣлались доклады гг. членовъ болѣе специальные. Кроме того, закрытые засѣданія Отдѣла посвящены были текущимъ дѣламъ, а именно: обсужденію поступавшихъ въ Отдѣлъ писемъ, статей и материаловъ, разрѣшенію различныхъ вопросовъ по изданію журнала, указателя къ нему и т. п., для избрания специальныхъ комиссій и выслушанія отчетовъ объ ихъ дѣятельности, для избрания новыхъ лицъ въ члены Отдѣла и для рѣшенія другихъ текущихъ дѣлъ.

Въ засѣданіяхъ принимали участіе члены Общества и Отдѣла; кромѣ того, въ одновремь изъ засѣданій дѣлалъ объясненія о бытѣ гольдовъ Амурской области специально приглашенный для того гольдъ Леонтьевъ. Съ научными рефератами въ засѣданіяхъ выступили слѣдующія лица:

1) В. Ф. Мильеръ: Къ былинѣ о Саурѣ Левапидовичѣ.

2) М. В. Доспѣхъ-Запольскій: Свадебный ритуаль у древнихъ индусовъ въ сравненіи съ обрядами у древнихъ народовъ.

3) В. М. Истрикъ: Византійско-славянскія сказанія о скрывающемся и возвращающемся царѣ.

4) А. В. Киселевъ: Юридическое положеніе приданаго по началамъ русскаго обычнаго права.

5) Е. Э. Линеевъ: О поѣздкѣ лѣтомъ 1897 года по губерніямъ: Нижегородской, Костромской, Симбирской, Владимирской, Тамбовской и Воронежской—для записыванія граffофономъ мотивовъ русскихъ старинныхъ народныхъ пѣсень (Съ демонстраціей фонограммъ).

- 6) *Е. А. Ляцкій*: Бѣлорусскія пословицы и поговорки.
- 7) *Н. М. Мендельсонъ*: Къ повѣрьямъ о св. Касьяне.
- 8) *В. Г. Михайловскій*: О раздѣлении Россіи на естественные районы.
- 9) *В. М. Михайловскій*: Страна африканскихъ озеръ и ея обитатели.
- 10) *В. В. Пасхаловъ*: Изъ наблюдений надъ современнымъ народнымъ пѣсеннымъ творчествомъ въ Саратовской губерніи.
- 11) *М. Н. Спранскій*: Чешская этнографическая выставка 1895 года.
- 12) *Д. Н. Ушаковъ*: Этнографическая коллекція на Всероссійской выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ.
- 13) *Н. Н. Харузинъ*: а) Изъ поѣздки къ переселенцамъ въ Кулундинскую степь.
- б) Нѣкоторыя архивныя данныя о борьбѣ Московскаго правительства противъ скомороховъ и народныхъ суетѣй въ половинѣ XVII вѣка.
- 14) *П. П. Шимкеевичъ*: а) Нѣкоторыя данныя изъ быта гольдовъ, средняго Амура въ связи съ шаманскими повѣрьями и обрядами (дополнилъ Вс. Ф. Миллеръ).
- б.) Материалы по этографіи гольдовъ (дополнилъ Вс. Ф. Миллеръ).

Всего было сдѣлано въ означеныхъ засѣданіяхъ 16 сообщеній.

Кромѣ того, давались отзывы о вновь вышедшихъ трудахъ по этнографии; изъ нихъ Вс. Ф. Миллеромъ сдѣланы семь отзывовъ.

Въ истекшемъ отчетномъ году Отдѣль избиралъ комиссію для разсмотрѣнія трудовъ, представленныхъ на соисканіе преміи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергея Александровича, учрежденной въ память Международныхъ Конгрессовъ по Антропологіи и Понсторической Археологіи и зоологіи. Въ составѣ комиссіи, помимо бюро Отдѣла, вошли: Е. А. Ляцкій, М. В. Довнар-Запольскій и А. Е. Крымскій. Премія присуждена Н. Я. Никифоровскому за его трудъ: „Простонародныя примѣты и повѣрья, суетѣные обряды и обычаи, легендарная сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ Витебской Бѣлоруссіи.“ Витебскъ. 1897. 8° X+307+30 стр.

Равнымъ образомъ, по приглашенію состоящей при учебномъ Отдѣль О. Распѣ. Техн. Знаній „Комиссіи по организаціи домашнаго чтенія“, члены Отдѣла прияли, какъ въ прошломъ году, участіе въ выработкѣ программы чтеній по этнографіи.

Нѣз новыхъ предпріятій Отдѣла слѣдуетъ отмѣтить образованіе „музыкально-этнографической комиссіи“ при Отдѣль. Еще въ 1893 году Отдѣль, устроившій этнографический концертъ, имѣлъ въ виду вызвать въ обществѣ и въ специалистахъ музыкантахъ большее вниманіе къ народной музикѣ различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. И критика, и публика отнеслись тогда сочувственно къ этому предпріятію; но благодаря отсутствію необходимыхъ материальныхъ средствъ, и главнымъ образомъ, отъѣзду изъ Москвы руководителя этого дѣла Н. С. Кленовскаго, эти хорошия начинанія временно прервались.

Въ настоящее время членъ Этнографического Отдѣла Е. Э. Линева (Наприцѣ), извѣстная распространительница русской народной музыки въ Америкѣ, своей научно-музыкальной дѣятельностью дала новый подвѣтъ Отдѣлу приложить усилия къ осуществленію давно намѣченной цѣли. Е. Э. Линева минувшимъ лѣтомъ проѣхала по шести губерніямъ Европейской Россіи и съ помошью графофона записала свыше 80 номеровъ мотивовъ русской старинной народной пѣсни (гл. обр. въ хоровомъ исполненіи). Въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла 25 сентября Е. Э. Линева сдѣлала сообщеніе о своей поѣздкѣ и демонстрировала записи въ присутствіи членовъ Общества и Отдѣла, а также специально приглашенныхъ дѣятелей въ научно-музыкальномъ мірѣ Россіи, въ лицѣ выдающихся профессоровъ Московской Консерваторіи. Докладъ былъ пріятъ всѣми очень сочувственно.

Послѣ детальнаго обсужденія, въ которомъ приняли участіе: С. Н. Танѣвъ, С. В. Смоленскій, Арс. Ник. Корецченко, Н. Д. Кашкинъ, Ю. Э. Ко-
нюкъ, Г. Э. Конюсь, Вас. Павл. Прокунинъ и другіе специалисты музы-
канты, Отдѣль постановилъ—образовать музыкально-этнографическую
комиссію, которая преслѣдуєтъ слѣдующія цѣли: 1) собираеніе помошью
графофона, фонографа или тому подобныхъ инструментовъ музыкаль-
но-этнографической библіотеки, которая состояла бы изъ цѣлого ряда
фонограммъ. 2) разработку, по мѣрѣ силъ собираемаго материала какъ
со стороны музыкальной гармонизации, такъ и со стороны языка; 3) рас-
пространеніе знаній о собираемомъ и разрабатываемомъ материалѣ по
народной музыке путемъ изданій, публичныхъ засѣданій и, наконецъ, му-
зыкальныхъ демонстрацій въ видѣ концертовъ.

Для вполнѣ успѣшаго осуществленія этого дѣла нужны и научныя
силы, и солидныя материальныя средства. Научныя силы отозвались на
первый же зовъ и обѣщали свое участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ;
зато со стороны материальныхъ средствъ предвидится большія затруд-
ненія. Отдѣль живетъ надеждой, что въ средѣ русскихъ людей, покро-
вительствующихъ многимъ отраслямъ человѣческихъ знаній и стремле-
ній, найдутся и достойные покровители русской народной музыки.

Въ числѣ изданій Этнографическаго Отдѣла продолжалъ выходить
подъ ред. Н. А. Янчука журналъ: „Этнографическое Обозрѣніе“, кото-
рый въ 1897 году вступилъ въ девятнадцатый годъ своего существованія. При
одной изъ послѣдніхъ книжекъ „Этнографического Обозрѣнія“ за 1897
годъ будетъ приложенъ указатель къ книгамъ: XVI—XXXI, составленный
по порученію Отдѣла Г. И. Куликовскимъ.

Къ изданію готовятся: Сборникъ историческихъ народныхъ пѣсень и
программы для собираенія свѣдѣній по этнографіи.

Въ отчетномъ году Этнографическій Отдѣль обогатился цѣннымиъ со-
браніемъ различныхъ предметовъ, относящихся къ быту и вѣрованіямъ
гольдовъ средняго Амура, подобранныхъ трудами П. П. Шимкевича.
Особенно цѣнны предметы, относящіеся къ шаманству у гольдовъ и пред-
ставляющіе изъ себя по полнотѣ и содержательности единственную
изъ до сихъ-поръ извѣстныхъ коллекцій въ Россіи. Кроме того, въ
Отдѣль поступали коллекціи фотографій различныхъ видовъ мѣстности,
типовъ населенія, предметовъ быта и вѣрованій. Всѣ коллекціи Отдѣла
переданы въ Дашковскій Этнографическій Музей.

Въ Отдѣль поступали также многіе рукописные материалы по быту
и вѣрованіямъ различныхъ племенъ, населяющихъ Россію; материалы
эти, въ видѣ сборниковъ или статей, частью печатались въ „Этнографи-
ческомъ Обозрѣніи“, частью переданы въ архивъ Отдѣла и будуть въ
свое время напечатаны тамъ-же или въ „Трудахъ Этнографическаго От-
дѣла“. Въ числѣ присыпаемыхъ въ Отдѣль материаловъ слѣдуетъ обратить
вниманіе на присылку довольно обстоятельныхъ автобиографій, съ
приложеніемъ списка своихъ трудовъ, отъ различныхъ этнографовъ, ра-
ботающихъ въ Россіи; означенные автобиографіи присыпаются по инициа-
тивѣ Отдѣла, задавшагося цѣлью собираенія материаловъ для исторіи
новѣйшей русской этнографіи.

Наконецъ, въ Отдѣль поступали многія печатныя изданія, изъ ко-
торыхъ некоторые шли въ обмѣнъ на изданія Отдѣла, а большинство
въ даръ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла, согласно выборамъ 17 дек. 1895 года,
составляли: предсѣдатель поч. чл. Вс. Ф. Миллеръ, товарищъ предсѣ-
дателя — поч. чл. В. М. Михайловскій секр. — кепр. чл. Н. А. Янчука;
временно обязанности секретаря исполнялъ дѣйств. чл. В. В. Боз-
дановъ.

Весною и лѣтомъ 1897 года слѣдующія лица совершили научныя экскур-
сіи съ цѣлью собираенія этнографическихъ данныхъ:

1. *Ник. Федот. Бяляшевский* посетил губерніи: Киевскую, Волынскую, Подольскую, Седлецкую, Люблинскую, Черниговскую и Подольскую; имъ произведены этнографические изслѣдованія, по преимуществу, въ области материального быта и сдѣланы фотографические снимкиъ различныхъ типовъ населенія, предметовъ быта и мѣстностей.

2. *Серг. Ив. Киселевъ* посетил Балаганскій и Иркутскій округа Иркутской губерніи, где занимался собираниемъ решений волостныхъ судовъ въ волостяхъ: Тельминской, Голумецкой и Бѣльской. Имъ просмотрены всѣ имѣвшіяся въ означенныхъ волостяхъ книги решений, изъ которыхъ имъ изысканы 208 номеровъ; при этомъ онъ обратилъ преимущественное вниманіе на дѣла, касающіяся семейнаго, наследственаго и вещественного права, равно и условій личнаго найма.

3. *А. В. Киселевъ* совершилъ поѣздку въ Калужскую губернію, Лихвинскій уѣздъ, для собранія юридическихъ обычаевъ—какъ путемъ личнаго опроса крестьянъ, такъ и изслѣдованиемъ на мѣстѣ рѣшевій волостныхъ судовъ означеннаго уѣзда. Главное содержаніе сдѣланной выборки изъ решений волостныхъ судовъ и добытыхъ путемъ опроса указаній относится къ семейственному праву и частію къ наследственному праву крестьянъ обслѣдованной мѣстности.

4. *Ев. Эд. Линеевъ* посетила губерніи: Нижегородскую, Костромскую, Симбирскую, Владимирскую, Тамбовскую и Воронежскую. Въ означенной поѣздкѣ она съ помощью графофона собрала свыше 80-ти номеровъ мотивовъ русской старинной пѣсни, главнымъ образомъ, въ хоровомъ ея исполненіи. Собранные материалы, послужившие однѣмъ изъ основаній для образованія при Этнографическомъ Отдѣлѣ музыкально-этнографической комиссіи, въ настоящее время разрабатываются и готовятся къ печати.

5. *Анн. Вл. Маркоффъ* провелъ лѣто въ мѣстечкѣ Полангентѣ, Курляндской губерніи, где записывала пѣсни у солдатъ пограничной стражи, уроженцевъ Симбирской, Воронежской, Курской, Черниговской и Полтавской губерній. Записано имъ около 100 великорусскихъ пѣсень и 30-ти малорусскихъ; большая часть пѣсень не обрядовая.

6. *Влч. Вик. Пасгаловъ* въ Сердобскомъ у., Саратовской губ., дѣлалъ наблюденія въ области народнаго творчества и записалъ нѣкоторые разсказы и легенды.

Прибавленіе къ отчету.

О поѣздкѣ Е. Э. Линеевой съ цѣлью записыванія народныхъ пѣсень при помощи графофона.

„Я выѣзжала изъ Москвы съ смутнымъ чувствомъ неувѣренности въ себѣ и сознанія большой отвѣтственности. Тотъ, кто берется проводить въ жизнь какое, либо новое дѣло, невольно долженъ отвѣтчать и за результатъ этого дѣла. Я должна сознаться, чтоѣхала со страхомъ въ сердцѣ.

Большинство моихъ знакомыхъ въ Москвѣ относилось къ моей поѣздкѣ весьма скептически. Всѣ думали, что едва ли это дѣло удастся. Одни боялись, что народу покажется отвратительнымъ самый звукъ фонографа, другіе что нельзя будетъ добиться, чтобы стѣни въ рупорѣ; нѣкоторые думали, что удивительную работу фонографа припишутъ нечистой силѣ. Только одинъ музыкантъ, на себѣ испытавшій трудно ять

записуванія многочисленнихъ п'есень, сказаль: „єто єдинственный спосіб“. Зато другий скептикъ недовірчivo покачаль головой и произвесь „Если вы запишете 6 п'есень виродженіе всего вашого путеше-стїя, я васъ поздравлю съ успѣхомъ“.

Наконецъ, въ магазинѣ, гдѣ я купила фонографъ, меня запугали разными трудностями; говорили, что даже лучшіе артисты не могутъ приспособиться къ фонографу, женщина въ особенности. Чего же можно добиться съ толпой мужиковъ и бабъ, привыкшихъ кричать во всю мочь?

Но такъ или іначе, я р'шила Ѳхать. Передъ отъездомъ, само собою разум'ється, я усердно занялась опытаами съ фонографомъ, чтобы Ѳхать подготовленной.

И вотъ послѣ 2-їйсачныхъ разъездовъ я снова въ Москвѣ и подвожу результаты своей поїздки. Сдѣлано немнго: собрано 80 п'есень. Но я многому научилась. Я убѣдилась, что и въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, нуженъ опытъ, знаніе и приспособленіе къ средѣ, съ которой им'єшь дѣло. Насколько важно умѣніе въ обращеніи съ фонографомъ и размѣщеніи голосовъ, я докажу прімѣромъ. Въ первую остановку, въ дер. Бритовкѣ, Ниж. губ., послѣ большой затраты силъ и въ час. времени, среди старшої суполки, потому что слушать диковинную машину собралась вся деревня, я записала только одну п'есню, забыла записать слова и не могу ее восстановить; зато, въ послѣдніемъ м'їстѣ, гдѣ я была, селъ Макарьѣ, Ворон. губ., мнѣ удалось записать въ тогъ же промежутокъ времени, т. є. около 6 часовъ, 10 п'есень. Какъ видите, разница огромная. И записи послѣдніхъ такъ хороши, что можно разобрать даже всѣ слова, чого нѣть въ первыхъ п'есняхъ.

Очень много времени береть выбираніе п'есень, объясненіе цѣли этого дѣла, ознакомленіе слушателей съ машинкой и множество мелочей, которыхъ въ нѣсколькихъ словахъ не опишешь, но которыхъ берутъ много энергіи. Одна температура въ избѣ, биткомъ набитой народомъ, ребятами, жеяницами съ грудными дѣтьми, способна обесилить самаго крѣпкаго человѣка. Одній сторожъ картино обрисовалъ жару въ школѣ: „Ужъ какое у насъ воспаленіе тутъ было! Настоящее воспаленіе!“

Итакъ, въ общемъ, я записала въ теченіе 2-їй-м'їсачной поїздки 80 п'есень, а могла бы записать больше. П'есень вездѣ, гдѣ я была, сохранилось много. Но, єо 1-її сумма, которую я могла истратить на этотъ первый опытъ, была ограничена, єо 2-її, неудобства и лишнія при путешествіи по дальнімъ деревнямъ сильно утомляютъ, и єо 3-її, я не располагала болѣе свободнымъ временемъ.

Въ первую минуту, когда я спрашивала о старинныхъ п'есняхъ, мнѣ всюду отвѣчали: „у насъ ихъ больше не играютъ, это п'есни с'ѣрыя, у насъ нынче пошли все модныя.“ Но когда я объясняла, что модныхъ п'есенъ мнѣ не нужно, что ихъ у насъ по городамъ много, а что мнѣ нужны именно эти с'ѣрыя, деревенскія п'есни, всѣ старались припомнить, что знали, призывались старики и старухи, и п'есня за п'есней начинали вспыльватъ въ ихъ памяти.

Вообще старухи понимали очевь легко, какія п'есни годятся мнѣ, и характеризовали ихъ такъ: „ей нужны п'есни уставныя, строгія, а не скоморошныя. Въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось уговорить спѣсть самихъ старухъ. „Это дѣло молодыхъ“, говорили онѣ. Но, несмотря на это, онѣ были очень полезны. Онѣ играли роль строгихъ критиковъ, останавливали молодыхъ и давали цѣнныя советы.

Вообще машина, которая поетъ человѣческимъ голосомъ, производила сильное впечатлѣніе. Но относились къ ней очень просто. Разсматривали всѣ части и распрашивали, какъ она сдѣлана. Про нее говорили такъ: „Она п'есню сначала набирать, а потомъ выпускать.“ Одна молодая баба, слушая въ фонографъ въ первый разъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, раскачивалась, подп'ивала съ сияющимъ лицомъ и въ восторгѣ восклик-

иула: „Ну, машинка, съ ней умрешь и востанешь!“ Другая, 80-лѣтняя старуха, была совсѣмъ поражена. Она слушала съ напряженнымъ ви-
маніемъ, не отрывая глазъ отъ фонографа и ломала себѣ отъ волненія руки.
„Что-жъ это такое, Матвѣ Пресв. Богородица, премудрость-то какая пре-
мудрость! При старости лѣть что пришлось услыхать!“

Каждый сеансъ обыкновенно начинался темъ, что собравшіеся слуша-
ли пѣсни, записанные въ другихъ деревняхъ. Это сразу же возбуждало
соревнованіе. Всѣмъ хотѣлось, чтобы ихъ пѣсни тоже были записаны, и
тотчасъ же выбирались пѣвцы. Одна старуха, понявъ по-своему мое
объясненіе, довольно комично объявила каждому вновь пришедшему:
„Наші пѣсни сейчасъ по телеграфу напечатаются и вездѣ разошлютъ.“
Другая, молодая баба, непремѣнно хотѣла, чтобы пѣли пѣсни, которыхъ
она знала, „а то маво голоса въ Москвѣ не будетъ“, говорила она.

Вообще всюду къ машинѣ относились очень дѣловито. Стارались под-
мѣтить ея особенности, недостатки, и всячески примѣнялись, чтобы вы-
шло хорошо.

— „Съ гудиной она,“ говорить одинъ.
— „Да, съ хриповатинкой,“ отвѣчаетъ другой.
— „Машинѣ дразнится,“ говорить всѣ, когда она начинаетъ плохо ра-
ботать при жарѣ.
— „Иши, дудка то дрыгаетъ.“

Однѣ, считающіеся знатокомъ, мужикъ, служившій въ солдатахъ, при-
норавливается, чтобы запись вышла чистой безъ дребезжанія. „Вы брат-
цы, грудью - то не берите, а больше свистулой.“ Въ другомъ мѣстѣ
одинъ изъ солдатъ хлопоталъ, чтобы у бабы пѣсни вышла хорошо и
покрикивалъ то на ту, то на другую: „Ты не бороди, Лизавета, а ты,
Домна, не верещи“, а потомъ разгорячился, да какъ крикнѣтъ: „Бабы,
да вы рыломъ-то прямо въ трубу“ (рупоръ).

Въ общемъ отношеніе я вездѣ встрѣчала самое сочувственное. На-
чиная съ образованныхъ людей, какъ податной инспекторъ, земской
врачъ, школьный учитель, и кончая городовымъ, который былъ присланъ
очевидно для порядка, когда я записывала пѣсни крючниковъ въ Ниж-
немъ, всѣ мнѣ помогали очень охотно. Только въ одномъ мѣстѣ свя-
щенникъ бранилъ прихожанъ за то, что они поютъ пѣсни въ неурожай-
ный годъ. Въ другихъ мѣстахъ и священники относились хорошо, а
дѣланъ съ чудеснымъ басомъ непремѣнно хотѣлъ записать одну юно-
бимую пѣсню. Вездѣ меня просилидать знать впередь, если я опять при-
ѣду, чтобы они могли подготовить пѣсни и спѣться.“

Е. Линеева.